

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია

ენათმეცნიერების ინსტიტუტი

აღ. მაკომაძე

კუბაჩური ენა

(გამოკვლევა და ტექსტები)

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა

თბილისი — 1963

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Институт языкознания

А. А. МАГОМЕТОВ

КУБАЧИНСКИЙ ЯЗЫК

(Исследование и тексты)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ТБИЛИСИ — 1963

4

M-12

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ АН СССР

59068

В работе анализируется структура кубачинского диалекта даргинского языка, обычно называемого кубачинским языком. В силу глубоких фонетических и морфологических изменений кубачинский значительно отдален от других даргинских диалектов, вплоть до того, что для представителей других диалектов кубачинская речь непонятна. Грамматический анализ дается в сравнительном аспекте с привлечением материала других диалектов даргинского языка, а подчас и родственных языков.

Приведены парадигмы склонения имён и спряжения глагола с таблицами субъектных показателей непереходного глагола и объектно-субъектных показателей переходного глагола для основных глагольных времен.

К работе приложены тексты фольклорного характера: пословицы и поговорки, детские и народные песни, рассказы.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

О кубачинцах и речи кубачинцев писалось немало. Повышенный интерес исследователей к дагестанскому аулу Кубачи, происхождению его жителей и их речи обязан прежде всего высокому мастерству, которого достигло у кубачинцев изготовление холодного оружия, а также художественных изделий из серебра. Это казалось необъяснимым; отсюда и легенды о европейском происхождении кубачинцев.

Многое стало бы понятным, если бы ранними исследователями в должной мере учитывались древние традиции, которые в этой сфере характерны для кавказских народов и которые сохранились — в той или иной степени — в горах Дагестана помимо кубачинцев и у других дагестанских народов.

Не только этнографически, но и лингвистически кубачинцы, как правило, изучались в отрыве от окружающей действительности: обычно не учитывалось взаимоотношение речи кубачинцев с другими даргинскими диалектами, в окружении которых она находится.

Отсюда — распространенное мнение, будто в речи кубачинцев представлен особый, самостоятельный язык¹.

¹ Аналогичный случай в аналогичных обстоятельствах имел место в изучении аварского языка.

В работе „Непечатый источник истории Кавказского мира“ (1917 г.), излагающей результаты лингвистических экспедиций в Дагестан, акад. Н. Марр выдвинул мимоходом положение, будто в речи аварцев из аула Чох имеется пережиток особого языка: речь чухца (М. Дебирова) Н. Марр изучал в г. Темир-Хан-Шура (ныне—Буйнакск); сравнивать чухскую речь с речью других андалальских аулов у Н. Марра не было возможности. Особенности чухской речи рассматривались вне связи с речью других аулов той же зоны, — поэтому и получили своеобразное толкование („пережиток особого языка“). Мнение Н. Марра позже было повторено проф. Н. Яковлевым в работе справочного характера „Языки и народы Кавказа“ (1930) в аподиктической форме...

Разграничить язык и диалект подчас бывает нелегко. Однако, на наш взгляд, в данном случае правы те авторы, которые видят в речи кубачинцев один из диалектов даргинского языка, который сильно дифференцирован в виде многочисленных говоров, объединяемых в диалекты: акушинский, урахинский, цудахарский, хайдакский (или кайтагский). К кругу этих диалектов, как показывает убедительно предлагаемое исследование А. А. Магометова, относится и кубачинский, отделившийся от других даргинских диалектов прежде всего благодаря определенным фонетическим изменениям.

Но как бы велики ни были особенности, отличающие речь кубачинцев, *общее* с другими даргинскими диалектами превалирует в ней над *отличным*: расхождения не выходят за рамки диалекта (заглавие книги говорит о „кубачинском языке“, следуя традиции).

Систематический анализ фонетических процессов и морфологических категорий кубачинского диалекта (в сопоставлении с данными других даргинских диалектов) впервые в работе А. А. Магометова дает возможность представить облик кубачинской речи ясно и с достаточной полнотой.

Кубачинская речь для А. А. Магометова, ст. научн. сотр. Института языкознания АН Груз. ССР, является родной.

Кубачинские тексты, прилагаемые к исследованию, точно отображая фонемную действительность речи кубачинцев, представляют самостоятельный научный интерес.

Приходится сожалеть, что ограниченность места лишила автора возможности дать этих текстов больше.

Арн. Чикобава

6. VI. 1963

კუბაჩურის ნინასიყველა

კუბაჩელებისა და კუბაჩური მეტყველების შესახებ ცოტა როდია დაწერილი. მკვლევართა დიდი ინტერესი დაღესტნის აულ კუბაჩის, მის მცხოვრებთა და მეტყველების მიმართ, პირველ ყოვლისა, გამოწვეულია იმით, რომ კუბაჩელები ოქრომჭედლობის შესანიშნავი ოსტატები არიან; ცნობილია აგრეთვე კუბაჩური ხმალ-ხანჯალი. კუბაჩელთა ასეთი დაწინაურება აუხსნელი ეჩვენებოდათ; აქედან — ლეგენდა, თითქოს კუბაჩელები ევროპული წარმოშობისა იყვნენ.

ბევრი რამ იქნებოდა გასაგები, რომ აღრიღებულ მკვლევრებს სათანადოდ გაეთვალისწინებინათ ძველი ტრადიციები, რომლებიც ამ დარგში დამახასიათებელია კავკასიის ხალხებისათვის და რომლებიც მეტ-ნაკლებად შემოუნახავთ დაღესტნის მთებში კუბაჩელთა გარდა სხვა დაღესტნელ ხალხებსაც.

კუბაჩელებს, როგორც წესი, გარემო სინამდვილისაგან მოწყვეტით შეისწავლიდნენ არა მხოლოდ ეთნოგრაფიულად, არამედ ლინგვისტურადაც; ჩვეულებრივ, არ ითვალისწინებდნენ სხვა დარგულ დიალექტებს, რომელთა გარემოცვაშიც იმყოფება კუბაჩური მეტყველება.

ამის გამო გავრცელდა შეხედულება, თითქოს კუბაჩური მეტყველება განსაკუთრებული, დამოუკიდებელი ენა იყოს¹.

¹ მსგავს შემთხვევას ჰქონდა ადგილი, მსგავსავე პირობებში, ხუნძური ენის შესწავლის დროსაც.

შრომაში „Непечатый источник истории Кавказского мира“ (1917 წ.), რომელშიც გადმოცემულია დაღესტნის ლინგვისტური ექსპედიციის შედეგები, აკად. ნ. მარშა გავრით წამოაყენა დებულება, თითქოს აულ ქობის ხუნძთა მეტყველებაში შემონახული იყოს გადმონაშთის სახით განსაკუთრებული ენა: ჭუხელის (მ. დებიროვის) მეტყველებას ნ. მარი სწავლობდა ქ. თემირ-ხან-შურაში (ანუამად—ქალაქი ბუინაკსკი); ნ. მარს არ ჰქონდა შესაძლებლობა ჭუხის მეტყველება შეედარებინა ანდალალის სხვა აულების მეტყველებისათვის. ჭუხის მეტყველების თავისებურებებს ნ. მარი განიხილავდა იმავე ხონის სხვა აულთა მეტყველებასთან კავშირის გარეშე, — ამიტომაც დაახასიათა ჭუხური ნ. მარშა ასე თავისებურად („განსაკუთრებული ენის გადმონაშთი“). ნ. მარის შეხედულება შემდეგ აბოლიტური ფორმით გაიმეორა პროფ. ნ. იაკოვლევმა საცნობარო ხასიათის ნაშრომში „Языки и народы Кавказа“ (1930 წ.).

ენისა და დიალექტის გამიჯვნა ზოგჯერ არც თუ ადვილია-მაგრამ, ჩვენის აზრით, ამ შემთხვევაში მართალნი არიან ის ავტორები, რომელნიც კუბაჩურ მეტყველებას მიიჩნევენ დარგული ენის ერთ-ერთ დიალექტად. დარგული ენა ძლიერ არის დიფერენცირებული — აქვს მრავალი კილოკავი და თქმა, რომლებიც ერთიანდებიან აჭუშურ, ურახულ, წუდახარულ, ხაიდაყურ დიალექტებში. ამ დიალექტების წრეს, როგორც დამაჯერებლად გვიჩვენებს ა. მაჰომეტოვის წინამდებარე გამოკვლევა, მიეკუთვნება კუბაჩურიც, რომელიც სხვა დარგულ დიალექტებს დაშორებულია, პირველ ყოვლისა, გარკვეულ ფონეტიკურ ცვლილებათა გამო.

მაგრამ, როგორ დიდიც არ უნდა იყოს კუბაჩურის განმასხვავებელი თავისებურებანი, მაინც სხვა დარგულ დიალექტებთან საერთო მასში სჭარბობს განსხვავებულს: სხვაობა არ სცილდება დიალექტის ფარგლებს (წიგნის სათაური „კუბაჩური ენა“ ტრადიციას მისდევს).

კუბაჩური დიალექტის ფონეტიკურ პროცესთა და მორფოლოგიურ კატეგორიათა სისტემატური ანალიზი (სხვა დარგულ დიალექტთა მონაცემებთან შეპირისპირებით), მოცემული ა. მაჰომეტოვის შრომაში, პირველად გვაძლევს საშუალებას ნათლად და საკმაო სისრულით წარმოვიდგინოთ კუბაჩური მეტყველების სახე.

კუბაჩური მეტყველება საქართველოს სსრ მეცნ. აკად. ენათმეცნიერების ინსტიტუტის უფრ. მეცნ. თანამშრ. ა. მაჰომეტოვისათვის დედა-ენაა.

კუბაჩური ტექსტები, რომლებიც გამოკვლევას ერთვის, ზუსტად ასახავს კუბაჩელთა მეტყველების ფონემურ სინამდვილეს და დამოუკიდებელ სამეცნიერო ინტერესს იწვევს. სამწუხაროდ, ადგილის სიმცირის გამო ავტორს საშუალება არა ჰქონდა მოეცა მეტი ტექსტები.

არნ. ჩიქობავა

6. VI. 1963

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Аул Кубачи расположен в ста километрах к западу от Дербента (по прямой линии примерно в 60 км.) на высоте 1,5 км. над уровнем моря. По современному административному делению Кубачи входит в Кайтагский район Дагестанской АССР, ранее он входил в Дахадаевский район, а до деления на районы — в Кайтаго-Табасаранский округ Дагестанской области. Шоссейная дорога, проходящая через районный центр Маджалис, связывает Кубачи с ближайшей железнодорожной станцией Мамедкала (отстоящей в 20 км. от Дербента)¹.

По преданию, аул Кубачи образовался из семи населенных пунктов: *wañçibaçila*, *muglila*, *qubasaanila*, *daçamažila*, *dešla naq*, *šaābanna mašae*, *aw̄ybugla šae*. Из них *aw̄ybugla šae* — аул Кубачи, жители которого занимались производством оружия, был наиболее могущественным среди окружавших его населенных пунктов и, подчинив их, переселил к себе жителей, в результате чего образовался ныне существующий аул Кубачи.

„Кубачи“ — название аула — происходит от турецкого слова *кубе* — „броня, кольчуга“, более древним является персидское название „*zureheran*“, которое употребляют также арабы. Оба слова означают „кольчужник, кольчугоделатель“.

Собственное название кубачинцев: *aw̄ybugan* „кубачинец“, *aw̄ybug* „кубачинцы“; *aw̄ybugla šae* „аул кубачинцев“. Даргинцы называют кубачинцев *warbuq*; *warbuqan* — „кубачинец“.

Этимология термина *aw̄ybugan* не ясна. По народной этимологии *aw̄ybugan* означает „уничтожитель людей“ (мол, кубачинцы, будучи оружейниками, были сильнее жителей окружающих аулов, превосходя их оружием, и побеждали их).

¹ Этнографическое описание Кубачи см. Е. М. Шиллинг, *Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды*, М.-Л., 1949.

Если расчленить слово *ṣūṣ-ḡug-an*, то можно выделить в нем словообразовательный суффикс *-an*, характерный для даргинского языка; кроме того, даже если предположить, что *ḡug* является основой глагола *ḡugij* „уничтожить“, непонятно, что означает первая часть слова *ṣūṣ*, где долгота гласного *ū* является заместительной (результат утраты звука *g*).

Р. Ф. Эркерт, исходя из армянских источников, усматривает в самоназвании кубачинцев древнее название страны Албании. Эркерт пишет, что в древности армяне называли албанцев у Каспийского моря, т. е. юго-восточный Дагестан и южную соседнюю страну, *Aghowan*, словом, полученным от собственного названия *Aḡawan* или *Alawan*, т. к. в армянском языке вместо *g* или *l* представлен *gh* (предполагается при этом, что само слово *Aghowan* в армянском является заимствованным)¹.

Акад. И. А. Орбели полагает, что в числе ушедших в горы албанцев, теснимых из более доступных и более влекущих к себе захватчиков частей страны, „были и предки нынешних кубачинцев, одной из разновидностей албанских племен, сохранившей в своем племенном наименовании, несомненно, древнее название своей страны Албании“².

Л. И. Жирков также считает возможным сблизить самоназвание кубачинцев с племенным названием албан³.

Проф. К. В. Тревер предполагает, что не только в самоназвании кубачинцев в местном его произношении сохранился термин „албан“, но и своеобразный язык жителей аула Кубачи восходит к албанскому языку⁴.

Однако, исследователи, находя в самоназвании кубачинцев термин „албан“, неточно приводят само слово *ṣūṣḡugan* „кубачинец“. В этих терминах, быть может, и можно усмотреть некоторое звуковое сходство, но фонетически эти термины не сводятся один к другому.

¹ См. Р. Егскерт, *Der Kaukasus und seine Völker*, Leipzig, 1887, стр. 194.

² И. А. Орбели, *Албанские рельефы и бронзовые котлы. Сборник „Памятники эпохи Руставели“*, Ленинград, 1939, стр. 304.

³ См. Л. И. Жирков, *Язык аула Кубачи. Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока*, I, Москва, 1930, стр. 256.

⁴ См. К. В. Тревер, *К вопросу о культуре Кавказской Албании. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов*, Москва, 1960.

Специалисты материальной культуры считают Кубачи одним из древних центров обработки металла, истоки которого уходят далеко в глубь древней Албании. Кубачи — это сохранившийся на небольшой территории пережиток широко распространенных на значительной части древней Албании производств, занесенных в горы албанцами¹.

Характерно указание проф. К. В. Тревер, что по сюжету и стилю в памятниках материальной культуры аула Кубачи можно усмотреть близость к памятникам, обнаруживаемым в Мингечауре, т. е. на территории древней Албании².

Аул Кубачи и поныне остается одним из центров местной художественной культуры Дагестана. Основное занятие кубачинцев — художественная металлообработка (изготовление серебряных изделий с чернью, гравировкой, насечкой и резьбой по кости).

Число говорящих на кубачинском диалекте — около 5.000 чел.

§ 2. О кубачинцах в исторической литературе упоминается уже в глубокой древности. Так, арабский писатель IX века Белазури, использовавший классические исторические сочинения и, по П. Услару, обладавший весьма положительными сведениями о Кавказе, сообщает о зирехгеранах, как о племени, которое в VI веке платило дань персидскому царю из династии Сасанидов Хосрову Ануширвану, построившему Дербентскую стену для защиты юга от вторжений кочевых племен степного севера. Арабский путешественник X века Масуди сообщает о зирехгеранах как о мастерах кольчуг, мечей и других железных вещей; Абу Хамид аль-Андалузи в XII веке пишет, что жители Зирехгерана занимаются изготовлением всякого оружия, кольчуг, шлемов, мечей, копий, луков, ножей, кинжалов и разной посуды. Арабский географ XIII века Якуби, описывая Дербент, пишет, что к нему стекаются разные народности, в числе которых он называет и зирехгеран, приходящих с севера³.

¹ См. И. А. Орбели и К. В. Тревер, *Сасанидский металл*. М.-Л., 1935, стр. XIV, XV.

² См. К. В. Тревер, *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании*, М.-Л., 1959, стр. 336. По историческим данным, Кавказская Албания занимала территорию нынешнего Азербайджана и части Дагестана.

³ См. Н. А. Караулов, *Сведения арабских писателей о Кавказе*. СМОМПК, XXIX, Тифлис, 1901, стр. 15.

Академик Х. Д. Френ в статье „О народе кавказском Кубечи“¹, являющейся научной сводкой сведений о Кубачи, приводит высказывания различных авторов о происхождении, нравах и языке кубачинцев. По Френу, „В истории упоминается о сиргеранах (кубачинцах, — А. М.) еще в царствование сассанидского царя Ануширвана (VI в. н. э.), когда он отделил Кавказ стеною Дербентскою и заставил тамошних мелких владетелей платить себе дань“².

Кроме уже упомянутых выше имен арабских писателей, акад. Френ приводит еще целый ряд имен восточных авторов, которые писали о Кубачи. Это: Секерия-Казвини (XIII в.), Ибн-эль-Варди (первая половина XIV в.), Бакуви (начало XV в.), Шерер-эль-Езди (XV в.), Хаджи Хальфа (XVII в.), затем Садик Исфаганский и др.

В европейской литературе ранние сведения о кубачинцах сообщает полковник И. Гербер, участвовавший в Персидском походе Петра I. И. Гербер в статье „Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году“³ сообщает версию о европейском происхождении кубачинцев, которые, мол, именуют себя франками и имеют собственный язык, не сходный ни с каким другим. Они говорят, пишет Гербер, что предки их попали в эту страну случайно, автор приводит различные версии европейского происхождения кубачинцев.

Молва о европейском происхождении кубачинцев распространилась, и в 1782 году аул Кубачи посетили посланцы Моравских братьев, поселенных императрицей Екатериной II в Сарептской колонии в низовьях Волги⁴. Сарептские посланцы предполагали отыскать и установить связь с остальными Мо-

¹ Русский перевод из Bulletin Scientifique, № 75 и № 76, 1838, опубликован в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП), № 8, С.-Петербург, 1840.

² См. там же, стр. 88.

³ Фрагмент на немецком яз. см. в „Sammlung russischer Geschichte“, St.-Pb., 1736; русский перевод см. в „Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих“, изд. Ак. Наук, СПб., 1760, июль-октябрь.

⁴ Моравские братья — члены чешской религиозной секты, образовавшейся в середине XV века. Общины Моравских братьев подверглись разгрому в 1620 году. См. БСЭ³, т. 28.

равскими братьями, которые по древним известиям еще находились на Кавказе. Судя же по сообщению полковника Гербера, кубачинцы могли быть христианами, и не исключена была возможность, что они окажутся Моравскими братьями.

Сарептские делегаты Грабш и Груль побывали в ауле Кубачи в марте 1782 года и на месте убедились, что кубачинцы не христиане, а — магометане¹.

Академик И. А. Гюльденштедт, участник экспедиции С.-Петербургской Академии наук по обследованию Кавказа, разделял мнение, что кубачинцы происходят от генуэзцев, которые в XIII и в следующих столетиях поселились на берегу Черного моря². По свидетельству акад. Френа, Дегинь (Deguignes), автор „Geschichte der Hunnen“, предполагал в кубачинцах остатки именно тех генуэзцев, которые при покорении турками Кафы и Манкуба (1475 г.) были принуждены бежать³.

Э. Эйхвальд, русский ученый, объездивший побережье Каспийского моря и Кавказ, полагал, что кубачинцы происходят от греков⁴. Я. Рейнеггс — по специальности медик, живший на Кавказе в 1779 — 1783 гг. и служивший у грузинского царя Ираклия II, затем у Г. А. Потемкина, в составленном описании Кавказа касается и кубачинцев. Рейнеггс говорит о европейском происхождении кубачинцев, но указывает, что кубачинский язык отличен от европейских языков и среди кавказских стоит особо⁵.

И. Потоцкий, почетный член С.-Петербургской Академии Наук, в 1797 году совершивший путешествие по Кавказу, высказывает мнение, что кубачинцы — народ не чуждый Кавказу, что же касается ремесла кубачинцев, то он считает возможным, что оно было занесено пришлыми генуэзцами⁶.

¹ См. С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, Москва, 1823, стр. 318.

² J. A. G ü l d e n s t ä d t, Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, I, St.-Pb., 1787, стр. 458.

³ См. Х. Д. Френ, О народе кавказском Кубечи, ЖМНП, № 8, С.-Петербург, 1840, стр. 102, 103.

⁴ См. E. Eichwald, Reise auf dem Caspischen Meere und den Caucasus Stuttgart und Tübingen, 1834, стр. 140.

⁵ J. Reineggs, Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und St.-Pb., 1796, стр. 103.

⁶ Jean Potocki, Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, Paris, 1829, стр. 107.

И. Аделунг пишет, что кубачинцы претендуют на происхождение от европейцев и потому называют себя „франки“. „Говорят, что они потомки тех греческих и генуэзских фабрикантов, которые обрабатывали добычу от здешних горных разработок. Между тем их язык не сохранил ничего европейского, а скорее имеет общее с языком Акуша и отчасти с казикумхским“. Аделунг допускает возможным, что „кубешанцы были одно время под игом Акуша и привыкли к их языку“¹.

Аделунг приводит ряд слов из различных дагестанских языков, в том числе акушинские и два слова в качестве кубачинских: *dudesch* „отец“ и *kaz* „хлеб“. Оба слова не являются собственно кубачинскими (хотя они и даргинские). Кубачинские слова должны были быть: *ata* „отец“, *ṭuluṭ* „хлеб“.

Акад. Х. Френ считает справедливым предположение путешественников о европейском происхождении кубачинцев, полагая при этом, что переселение кубачинцев на Кавказ совершилось в весьма давние времена, поскольку история упоминает о них уже в VI в. н. э. Акад. Френ писал, что остается одно средство несколько приподнять покров, скрывавший от нас происхождение кубачинского народа. Решению любопытной задачи могут способствовать древние надписи на камнях, сохранившиеся в Кубачи. Рано или поздно время истребит и эти памятники, — продолжает Френ, — если они и были пощажены огнем и оружием, и когда-нибудь придется держать ответ за нашу беспечность и равнодушие².

И через двадцать с лишним лет после этого, в 1861 году, Кубачи посетил, в сопровождении трех спутников, акад. Б. А. Дорн для изучения надписей и барельефов на камнях³.

¹ J. Adelung, *Mithridates oder allgemeine Sprachkunde*, I, Berlin, 1806, стр. 449. Автор смешивает капучинцев с кубачинцами. Перечисляя дагестанские народы, Аделунг пишет: *Die Kabutsch oder Kubeschaner*.

² См. Х. Д. Френ, О народе кавказском *Кубачи*, ЖМНП, № 8, С.-Петербург, 1840, стр. 103, 104, 105, 106.

³ См. Б. Дорн, Отчет об ученом путешествии по Кавказу. Труды Восточного отделения Археологического общества, VIII, СПб., 1864. Отписки надписей, снятых с камней в ауле Кубачи, были переданы Б. Дорном в Азиатский музей.

Исходя из датировки арабских надписей, акад. Дорн заключает, что Кубачи упорно противостоял исламу вплоть до XIV века¹.

Сопровождавший в экспедиции академика Б. Дорна помощник Кайтаго-Табасаранского окружного начальника П. Петухов опубликовал в газете „Кавказ“ (№№ 86, 87) в 1866 году статьи о Кубачи под названием „Кубачинское племя“². Акад. Дорн перевел статьи Петухова на немецкий язык и опубликовал в Бюллетене Академии Наук³. Петухов пишет, что кубачинцы не коренное дагестанское племя, они имели свой оригинальный язык, который почти целиком стерся проникновением кайтакских слов, а сами кубачинцы „составляют частицу какого-нибудь просвещенного в древности народа“⁴.

А. В. Комаров — член Русского географического общества, долгое время проведенный на административной работе на Кавказе и собравший большой этнографический материал, полагал, что по своему происхождению кубачинцы никакого родственного отношения к другим даргинским племенам не имеют, хотя, исходя из одних только лингвистических исследований, кубачинцев, по мнению Комарова, следует причислить к даргинским племенам. Численность кубачинцев Комаров определял в 1839 душ⁵.

Л. П. Загурский в полемике с Комаровым отметил, что язык кубачинцев не только наречие, а просто говор даргинского языка. Что же касается преданий, то хотя это и ценный ис-

¹ См. В. Dorn, *Die jetzigen Kubätschi. Eine Erläuterung zu Abu Hamid el-Andalusy's Nachrichten über diesen Volksstamm. Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*, XVIII, № 3, 1873.

² Повторно напечатаны в брошюрах газеты „Кавказ“, I, Тифлис, 1866, Издание редакции газеты „Кавказ“.

³ См. В. Dorn, *Die jetzigen Kubätschi. Eine Erläuterung zu Abu Hamid el-Andalusy's Nachrichten über diesen Volksstamm. Bulletin de l'Académie..* XVIII, № 3, 1873.

⁴ П. Петухов, *Кубачинское племя*.

⁵ См. А. В. Комаров, *Народонаселение Дагестанской области. Записки Кавк. отд. Русск. геогр. общ.*, VIII, Тифлис, 1873, стр. 19; см. также, Труды V Археологического съезда в Тифлисе 1881 г., Москва, 1887, стр. XLVI.

точный, но этот источник во многих случаях бывает весьма недостоверным¹.

В 1882 году Кубачи посетил русский путешественник Д. Н. Анучин. Исторические сведения даны им с ссылкой на арабских авторов и на академика Б. Дорна, приведены также некоторые образцы языка².

Р. Ф. Эркерт—автор известной, — но в научном отношении не всегда надежной, — книги „Die Sprachen des kaukasischen Stammes“ (Wien, 1895), также посетил Кубачи в 80-х годах XIX в. Он приводит материал о Кубачи, в том числе версии о европейском происхождении кубачинцев. Приводится легенда, что жители аула Ашти — потомки изгнанников из Кубачи. Язык кубачинцев Эркерт считает диалектом даргинского языка³.

Дагестанский историк Гасан Алкадари утверждает, что кубачинцы не французского происхождения, ибо, если бы они действительно были народом, пришедшим из Европы, то там не могло бы не найтись их следов⁴.

Кубачинский язык Алкадари считает особым языком, которыми владеют также жители селения Кумух⁵.

Для ознакомления с языком в начале XX века в Кубачи ездил А. Дирр, который пришел к выводу, что мнимое сходство кубачинского языка с французским есть не что иное, как научная сказка. Эта научная сказка основана, как пишет А. Дирр, на сравнении нескольких слов. Например, говорят, что „я“ по-кубачински будет „жу“, что „мы“ будет „нуса“, и сравнивают „жу“ и „нуса“ с французскими словами je и nous, что научно вовсе не оправдано⁶. А. Дирр заключает, что „ку-

¹ См. Труды V Археологического съезда в Тифлисе 1881 г., отделение лингвистики, Москва, 1887, стр. XLVIII.

² Д. Н. Анучин, Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Известия Русского географического общества, XX, вып. 4, СПб., 1884.

³ См. R. Erkert, Der Kaukasus und seine Völker, Leipzig, 1887, стр. 193.

⁴ См. Г. Алкадари, Асари Дагестан, СМОМПК, XXXXVI, Махачкала, 1929, стр. 25. Работа была написана в 1891 году.

⁵ См. там же, стр. 18. Заметим, что жители Кумуха говорят на ласком языке, не входящим в состав даргинских наречий.

⁶ См. А. Дирр, Кавказское языковедение, его история и будущие задачи, Известия Кавказского отдела Русского географического общества, XVII, Тифлис, 1904, стр. 376.

бачинское наречие, покрытое столь долго таинственной завесой, принадлежит к даргинским наречиям“¹. „Лингвистический материал, собранный мною в течение трех дней, я тщательно просмотрел и сравнивал — и я еще более утвердился в мнении своем, — пишет А. Дирр, — что язык кубачинцев есть даргинское наречие“².

Таким образом, А. Дирр на основе изучения на месте языкового материала твердо убеждается в том, что кубачинский язык есть даргинское наречие.

Что касается мнений предшествующих ученых и путешественников о кубачинском языке, то характерно, что еще акад. Гюльденштедт, который сам в Кубачи не был, указывал, что кубачинский язык является чисто местным языком, родственным даргинскому. Он писал, что кубачинцы говорят на особом „диалекте“, входящем в число прочих „лезгинских“ и отличающихся от близкого к нему диалекта Акуша (т. е. даргинского)³.

Академик П. С. Паллас, участник двух научных экспедиций на Кавказ во второй половине XVIII века (в 1768 — 1774 гг. и в 1793 — 1794 гг.) и составитель большого словаря („Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы“, 1787 г.), собрал небольшой лексический материал и по кубачинскому языку. Паллас пишет, что он имел случай встретить прирожденного кубачинца, от которого записал ряд слов, из которых становится ясным, что кубачинский язык совпадает с языком Акуша, „отчасти и с казикумухским“, — ошибочно добавляет автор⁴.

А. Дирр, вероятно, имеет в виду статью П. Петухова „Кубачинское племя“, в которой автор сопоставляет несколько кубачинских слов с французскими. Однако кубачинские слова записаны неверно (например: капи „шапка“ вместо çара).

¹ А. Дирр, Современные названия Кавказских племен. СМОМПК, XI, Тифлис, 1909, стр. 16.

² А. Дирр, Очерки по этнографии Дагестана. Тифлис, 1903, стр. 11.

³ См. J. A. G ü l d e n s t ä d t, Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, I, St.-Pb., 1787, стр. 493.

⁴ См. P. S. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Leipzig, 1799.

П. Паллас ошибочно привел в Сравнительном словаре под названием „кубачинский язык“ материал капучинского языка из дидойской подгруппы. На эту ошибку Палласа справедливо указал еще Ю. Клапрот.

Слова записаны латинским алфавитом с немецким переводом. Запись неточна. Обращают все же на себя внимание два слова: *gurſi* „девушка“ и *doſi* „сестра“. Префиксы—окаменелые классные показатели—у первого слова *g*, у второго *d*. В слове, означающем „сестра“, зафиксирован префикс, классный показатель *d*, ныне изменившийся в *g*.

Адъюнкт С.-Петербургской Академии наук Ю. Клапрот в 1807—1808 г. по поручению Академии совершил путешествие на Кавказ, где проверял наличный в Академии лингвистический материал¹. В изданных Клапротом текстовых записях приведен материал акушинского диалекта и незначительное количество кубачинских слов. „На языке Акуша говорят и в Цудахаре и в Кубечи,— пишет Клапрот.— Он содержит много слов, общих с казикумукским, но по грамматике своей образует совершенно особое колено“².

Записи Клапрота неточны, т. к. звуки соответствующим образом не транскрибированы. С. Броневский относительно записей акад. Гюльденштедта, касающихся кавказских языков, писал: „Гюльденштедтов словарь горских наречий подает некоторое понятие об оных, но будучи сличаем на месте, он во многом невразумителен“, поскольку автор писал на немецком языке и не мог выразить многих гортанных звуков. „Для сего нужно бы составить особенную азбуку...“³, заключает автор.

Это замечание С. Броневского с такой же справедливостью можно отнести и к записям Палласа и Клапрота.

В акушинских записях Клапрота характерно наличие префикса *d* (вместо современного *g*) в словах *dukna* „старуха“, *duzi* „сестра“, *durſi* (параллельно с *gurſi*) „девушка“. Личное местоимение I лица приводится в форме *du* (ныне в акушинском имеем: *ni*) „я“, притяжательное местоимение *dichselja* „наш“ также приводится с начальным *d* (ныне — *n*).

Акад. Френ относительно языка кубачинцев писал, имея в виду мнения ученых, касавшихся кубачинского языка: „До сей

¹ См. Арн. Чикобава, К вопросу о первых текстовых записях по горским иберийско-кавказским языкам, ВЯ, Москва, 1962, № 4.

² J. Klapproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien, II, Kaukasische Sprachen, Halle und Berlin, 1814, стр. 58.

³ С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, стр. 31—32.

пору в языке этого народа не найдено было ни малейшего сходства с языками греческим, итальянским или немецким. По настоящему свойству языка Кубечи, его считают наречием лезгинского“¹.

Акад. Б. Дорн, кроме эпиграфики, в Кубачи интересовался попутно также языком кубачинцев и сделал записи кубачинских фраз арабским и латинским алфавитом. Кубачинский языковый материал он сравнивает с урахинским материалом П. Услара и приходит к заключению, что в кубачинском языке никакого следа родства с „франкским“ языком не имеется, что он является чисто кавказским и относится к даргинскому языку. Б. Дорн совершенно справедливо указывает, что не могут быть сопоставимы такие слова, как, например:

кубачинское *pussa*, француз. *pous*, латин. *pos* „мы“

„ *il* „он“.

Вообще записи Б. Дорна так же неточны, как и записи предыдущих авторов, производивших записи кубачинского языкового материала, не учтены специфические звуки дагестанских языков. Б. Дорн отмечает трудность при установлении произношения кубачинских слов².

Б. Дорн писал, что он надеется на то, что его записи послужат к тому, чтобы настроить известного исследователя кавказских языков П. Услара скорее заняться исследованием кубачинского языка³.

Однако П. К. Услару не пришлось заняться исследованием кубачинского языка. Его исследования дагестанских языков остались незаконченными. Из даргинских диалектов П. Услар исследовал урахинский (по П. Услару, „хюркилинский“) диалект. О кубачинском языке П. Услар высказал мнение, что „этот мнимо-франкский язык есть не более, как одно из наречий акушино-хайдакских“⁴.

¹ См. Х. Д. Френ, О народе кавказском Кубечи, ЖМНП, № 8, С.-Петербург, 1840, стр. 103.

² B. Dorn, Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder. Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, XIX, 1874.

³ См. В. Дорн, Die jetzigen Kubätschi. Bulletin de l'Académie..., XVIII, 1873.

⁴ П. К. Услар, Этнография Кавказа. Языковедение. V. Хюркилинский язык, Тифлис, 1892, стр. 4.

Укажем еще на „Кавказский переводчик“ А. В. Старчевского, в котором среди материалов других языков приводятся и кубачинские слова. Однако они настолько неточны в записи, что трудно понять, что это кубачинские слова. Например, в значении „я“ вместо *di* дается: *жу, жю, дзу* (примеры Старчевского приводятся в русской транскрипции); в значении „волк“ вместо *biç* приводятся: *бэтз, бэз*; в значении „голубь“ вместо *paħwa* приводится: *нулала*; в значении „камень“ вместо *qəqəa* приводится *какка*; в значении „дом“ вместо *qal* приводятся: *киль, кал, калл*¹ и т. д. Как можно судить из примеров, в научном отношении записи Старчевского ценности не представляют.

При Советской власти в 1924 году Кубачи посетил в составе научной экспедиции Л. И. Жирков с целью изучения кубачинского языка.

После ознакомления на месте с кубачинской речью, Л. И. Жирков в отчете об экспедиции пишет: „Окончательно падают все легенды о какой бы то ни было связи или сходстве кубачинского языка с французским, латинским и т. п. Наоборот — твердо установлена полнейшая аналогия строя и словаря этого языка с окружающими даргинскими наречиями“².

В 1930 году Л. И. Жирков опубликовал результаты исследований кубачинской речи в виде лингвистического очерка, в котором кубачинский язык признан особым самостоятельным языком: „В самом ауле Кубачи говорят на особом кубачинском языке“, — пишет Л. И. Жирков³.

Н. Ф. Яковлев, побывавший в Кубачи вместе с Л. И. Жирковым в 1924 году, также придерживается мнения, что кубачинский язык является одноаульным особым языком, хотя и близким к соседним даргинским наречиям⁴.

Однако лингвистический анализ кубачинского материала в сравнении с другими диалектами даргинского языка показывает, что кубачинский язык является не „особым одноаульным языком“.

¹ См. А. В. Старчевский, Кавказский переводчик. СПб., 1893.

² Отчеты о работе этнолого-лингвистической экспедиции 1924 года. Изучение даргинского и кубачинского языков. Дагестанский сборник, III, Махачкала, 1927, стр. 232.

³ Л. И. Жирков, Язык аула Кубачи. Учен. записки..., I, 1930, стр. 225.

⁴ См. Н. Ф. Яковлев, Ювелирная кустарно-художественная промышленность в селении Кубачи ДАССР. Махачкала, 1926, стр. 3.

ком“, а одним из диалектов даргинского языка, — на что в свое время твердо указывал А. Дирр, — хотя и значительно отличающимся от других даргинских диалектов. К кубачинскому диалекту относятся также речи аулов Ашти и Сулевкент, несущие черты говоров (оба аула считаются кубачинскими выселками). Расхождений в речи аула Ашти больше, чем в речи аула Сулевкент.

Даргинский среди языков Дагестана обнаруживает большую диалектальную раздробленность. Среди самих диалектов даргинского языка представлены диалекты, сравнительно близкие между собою, носители которых без особого труда понимают друг друга, имеются и значительно отличающиеся диалекты, носители которых лишь с трудом могут понять друг друга.

Кубачинский диалект даргинского языка относится к диалектам, сильно отличающимся от других даргинских диалектов. Степень отличия столь значительна, что кубачинскую речь представители других даргинских диалектов не понимают.

Н. Ф. Яковлев после ознакомления с кубачинской речью пишет: „Кубачинский язык, по отзывам местных жителей — не кубачинцев, является труднейшим для произношения, и исследование вполне подтвердило это мнение. По богатству согласных фонем кубачинский язык можно поставить рядом лишь с богатейшим в этом отношении черкесским или абхазским на западном Кавказе“¹. Н. Ф. Яковлев насчитывает в кубачинском 68 фонем, отмечая при этом, что „такому богатству звукового состава вполне соответствует и грамматический строй языка“².

Таким образом, проф. Н. Ф. Яковлев обособляет кубачинский язык как труднейший среди дагестанских языков, как язык с очень богатой звуковой системой, подобной звуковой системе западно-кавказских языков.

Между тем, как звуковой состав, так и грамматический строй кубачинского диалекта являются обычными среди дагестанских языков. Одно лишь фонетическое изменение звука *г* (утрата либо ослабление его в *й*) в кубачинском диалекте (об этом см. ниже) вызывает существенные различия между кубачинским и другими даргинскими диалектами.

¹ Отчеты о работах этнолого-лингвистической экспедиции 1924 года. Изучение даргинского и кубачинского языков. Дагестанский сборник, III, Махачкала, 1927, стр. 230.

² Там же.

чинским и остальными диалектами даргинского языка. Языковые факты — убедительные и беспристрастные свидетели истории носителей языков — указывают на то, что расхождения, представленные ныне в кубачинском диалекте, вторичны. Лингвистические данные не позволяют рассматривать язык кубачинцев как нечто особое по сравнению с другими даргинскими диалектами. Исторически политическая и экономическая разобщенность горских народов, малодоступность горных мест, служившая защитой от нашествия врагов, затрудняли общение между горскими народами, способствовали возникновению и развитию расхождений в языках, некогда близких, способствовали языковой дифференциации. „Локальное разобщение в пространстве — вело с течением времени к появлению различий в языке“, — писал К. Маркс¹.

Особенности в быту и культуре свойственны кубачинцам так же, как они свойственны и представителям других даргинских диалектов. Кубачинцы и в этом отношении отличаются от других даргинцев больше, чем носители других даргинских диалектов между собой (например, хайдакцы и цудахарцы, акупинцы и урахинцы). Этнографические особенности кубачинцев, должно быть, связаны с родом занятий кубачинцев: ремесло, уходящее своими корнями далеко вглубь истории, по-видимому, и породило эти специфические особенности в быту и культуре кубачинцев, отличающие их от других даргинцев.

Лингвистические данные не позволяют отрывать кубачинцев от других даргинцев. Кубачинцы по языку — это даргинцы (но никак не „франки“ или „генуэзцы“) и вместе с ними составляют одну народность в общей семье генетически родственных дагестанских народностей.

* * *

§ 3. В описании путешествия акад. Гюльденштедта, словарях акад. Палласа и Клапрота по кубачинскому диалекту приводится небольшой лексический материал. П. К. Услар в исследовании даргинского языка ограничился урахинским диалектом („Хюркилинский язык“) и кубачинского диалекта не касался. Работа Р. Ф. Эркерта „Die Sprachen des kaukasischen Stammes“ (Wien, 1895), посвященная обзору кавказских язы-

¹ См. Архив Маркса и Энгельса, т. IX, 1941, стр. 79.

ков, содержит лексический и грамматический материал и по кубачинскому диалекту. Однако, материал, будучи собран не самим автором, а через местную администрацию по стандартному вопроснику, содержит значительные неточности и искажения. Независимо от собственно кубачинского материала приводится также аштинский материал, причем материал аштинского говора более точен сравнительно с собственно кубачинским.

В кубачинских материалах Эркерта правильно выделены суффиксы множ. числа: -be, -ne, -te, хотя ими не исчерпываются все суффиксы, образующие множ. число; правильно выделена флексия родительного падежа -la, но неверно выделение гласного i в качестве флексии дательного падежа. Собственно флексия дательного падежа в кубачинском для Эркерта остается незамеченной. Однако, в аштинских материалах флексия дательного падежа уже отмечена, притом отмечена правильно. В аштинском указана также долгота гласных, между тем как в собственно кубачинских материалах долгота гласных не отмечена.

Послеложные падежи как система у Эркерта не представлены, приведены как суффиксы локатива — с, ici со значением „в“, но неточно: должно быть -сəe.

В качестве окончания comparativ'a приводится -dži; comparativ в кубачинском выражается формой исходного падежа на -žij (idi-žij „чем он“). В качестве примера на comparativ у Эркерта находим: hama-dži „als der Esel“ („чем осел“); должно быть: həamhəa-žij. В качестве показателя инструментального падежа представлен суффикс -dil, либо только l; в то же время указывается, что comitativ, а так же instrumental образуются посредством -cila, -cil. Здесь смешаны суффиксы эргативного падежа и суффикс, выражающий орудие действия, а также совместность: -li и -di-l являются суффиксами эргативного падежа, посредством суффикса -cəi-la образуются формы, выражающие орудие действия и совместность.

Например: gal-di-l — эрг. п. от gal „мальчик“

gal-cəi-la — форма совместности „с мальчиком“.

Правильно выделены показатели грамматических классов: w, j, b — для ед. числа, d, b — для множ. числа, т. е. уже у Эркерта в основном правильно классифицирована кубачинская система грамматических классов (хотя и не указывается различие грамматических классов во мн. ч. по лицам). Справедливо

также указание автора на то, что в кубачинских прилагательных обозначены грамматические классы.

При разборе склонения личных местоимений правильно приведены формы именительного и родительного падежей единственного числа, для эргативного падежа (по Эркерту, „инструментальный падеж“) верны формы 1-го и 2-го лиц, во множ. числе правильны формы 1-го лица именительного и родительного падежей, а в остальных формах имеются неточности. Так, в формах дательного падежа, как указывалось выше, не отмечена падежная флексия.

Кубачинских числительных Эркерт не приводит, но правильно указывает, что счет от 30 до 100 десятичный.

При рассмотрении глагола дано спряжение вспомогательного глагола. В форме 3-го лица единств. числа изменение классного показателя отмечено относительно I и II грам. классов, не приводится форма для III грам. класса. Во множ. числе в 3-м лице не отмечено изменение классного экспонента.

В качестве окончания инфинитива приводится *i*. Это так же неточно, как было неточно выделение *i* в качестве флексии дательного падежа. Остался незамеченным в инфинитиве исходный *j* (как и в дательном падеже). Приведены суффиксы: для прошедшего времени *-ad*, для будущего времени *-i-la*, для условного наклонения *-i-le*. Эти суффиксы относятся к 1-му лицу, для 2-го и 3-го лиц суффиксы не обозначены, т. е. не приводится спряжение по лицам. Для условного наклонения в 1-м лице должно быть: *il-le* ($\leftarrow$ *id-le*). Для настоящего времени показатель 1-го лица *-da* приводится и как показатель 2-го лица. Показателем 2-го лица настоящего времени в ед. числе является *-de*.

Р. Эркерт правильно указывает падежи субъекта: при переходном глаголе — в эргативе (у Эркерта термин „инструментальный падеж“ неточен, но в данном случае его следует понимать как эргативный падеж), при непереходном глаголе — в номинативе, а при глаголах „видеть“, „слышать“ и т. п., т. е. при *verba sentiendi* — в дативе.

В небольшом очерке кубачинского диалекта Р. Эркерта представлены и сравнительно правильные данные (например, о системе грамматических классов), но имеется и много неточностей в фактическом материале. Если бы аштинский материал

рассматривался вместе с кубачинским, как говор кубачинского диалекта, то неточностей было бы меньше, поскольку аштинский материал дается точнее кубачинского.

§ 4. А. Дирр, хотя и высказал справедливое мнение о том, что кубачинский является диалектом даргинского языка и изучал кубачинский диалект на месте, в самом Кубачи, однако его краткий обзор кубачинского диалекта¹ не вносит чего-либо существенно нового сравнительно с данными Р. Эркерта. В обзоре А. Дирра читатель сталкивается с такими же неточностями в фиксации фактического материала, как это наблюдается и у Эркерта. Характерно, что Ж. Дюмезиль относительно кубачинских материалов А. Дирра заметил, что там имеются явные несообразности, не выявлена система спряжения и сами записи А. Дирра ненадежны из-за дефектов в артикуляции информатора². Сам А. Дирр также отмечал, что у его информатора имелся дефект речи.

Прежде всего заметим, что дательный падеж в кубачинском для А. Дирра остался невыясненным. Дательный падеж Дирру кажется *Terminativ*-ом. В качестве флексии дательного падежа он приводит суффикс одного из послеложных падежей (сам суффикс дан неточно: *sä*, должно быть: *-sæ*). Собственно дативная форма для Дирра остается незамеченной. В таблице склонения личных местоимений в качестве форм дательного падежа в 1-ом и 2-ом лице единственного числа приведены послеложные формы, в остальных случаях стоят вопросительные знаки.

Приведены указательные местоимения: *qe* „этот“, *te* „тот“, при этом автор замечает, что наряду с ними имеются еще другие, но что о них он подробно ничего не знает. В кубачинском представлены указательные местоимения, уточняющие местонахождение предмета в пространстве, но и те два местоимения, которые приведены у А. Дирра, записаны неточно.

А. Дирр приводит спряжение глагола в различных временах, однако везде неточно. Например, в качестве будущего времени от глагола, означающего „прийти“, во 2-м лице единств. числа приводится форма повелительного наклонения, формы

¹ См. А. Dirr, *Das Kubatschinische. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen*, Leipzig, 1928.

² См. G. Dumézil, *Recherches comparatives sur le verbe caucasien*, Paris, 1933, стр. 15.

59068

1-го л. ед. числа и 2-го л. множ. числа вовсе не верны, таких форм нет в кубачинском; форма 1-го л. множ. числа является формой настоящего времени, а не будущего. Формы прошедшего времени глаголов со значением „спросить“ и „сказать“ также даются неверно: формы 2-го и 3-го лиц единств. числа для глагола „сказать“ являются формами императива, а не перфекта, неверна форма 2-го лица множ. числа.

Личные окончания даны неточно. Так, в примере, означаемом „ты большой“, вместо показателя 2-го лица представлен показатель 1-го лица. В суффиксе прилагательного множ. числа вместо классного показателя *d* приводится *z* (-*žu-z*, вместо -*žu-d*), во вспомогательном глаголе вместо *d* приводится *g* (*sa-g* вместо *sa-d*).

По материалам А. Дирра невозможно составить представление о спряжении кубачинского глагола. Неясным остается для читателя и кубачинское склонение (не уяснен дательный падеж, нет данных о местных падежах).

О кубачинских материалах А. Дирра Л. И. Жирков справедливо заметил, что они „способны ясно показать неполноту и недостаточность тех сведений, какими мы до сих пор располагали“¹.

§ 5. Материалы проф. Л. И. Жиркова полнее и систематичнее сравнительно с кубачинским очерком А. Дирра, однако и лингвистический очерк самого Л. И. Жиркова не лишен серьезных пробелов и не дает полного представления о грамматической структуре кубачинского диалекта даргинского языка.

Фонетическая часть работы представлена лучше морфологической. Таблица согласных звуков, хотя и содержит некоторые неточности, однако дает возможность судить о звуковом составе кубачинского диалекта. Неточно включать в таблицу звук *f*, который не характерен как фонема ни для кубачинского диалекта, ни для даргинского языка вообще. Напротив, следует включить в таблицу ларингальный абруптив ('), имеющий фонематическое значение. Автор приводит для звонких *b d g* „факкультативно чередующиеся“ соответствующие спиранты, которые также не характерны для кубачинского. Справедливо указание автора о наличии в кубачинском лабиализованных звуков. Приведены все лабиализованные звуки, представленные в кубачинском

¹ Л. И. Жирков, Язык аула Кубачи, Учен. зап., I, стр. 258.

чинском, за исключением одного—*gw*. Гласный *e* автор считает вариантом к *i* в определенной позиции, именно в конечном открытом слоге, но и в этой позиции допуская возможность чередования с *i*.

В конечном открытом слоге в собственно кубачинском всегда будем иметь *e*, соответственно *i* других диалектов.

Автор отмечает, что все гласные могут являться краткими или долгими, при этом добавляет, что ему не удалось добиться уверенности в том, что долгие гласные являются особыми фонемами.

Морфологический очерк начинается с таблицы классных экспонентов; справедливо замечание автора, что она представляет собою упрощение (в частности, отсутствует IV грамм. класс) даргинской системы классных экспонентов.

Систему склонения автор выясняет на склонении личных местоимений. Однако здесь уже допущены неточности существительного характера. В форме дательного падежа не приводится падежная флексия (эту же неточность мы видели и у Эркерта). Из-за того, что в дательном падеже не отмечена падежная флексия, дательный падеж имеет более простую форму, что дает возможность автору принять дательный падеж за простейшую форму, наряду с именительным падежом. Л. Жирков считает дательный падеж „источником образования всех других форм“, что фактически неверно. Так, например, в основе родительного падежа предполагается дательный падеж: *qalli + la → qalla* — родит. п. от *qal* „дом“ (дат. падеж имеет форму *qal-li-j*, а не *qalli*).

Этим кубачинская система склонения противопоставляется даргинской системе, где в качестве основной формы выделяется форма активного падежа.

Между тем кубачинская система склонения аналогична системе склонения других даргинских диалектов. Основной формой, наряду с именительным падежом, и в кубачинском диалекте служит эргативный падеж, лежащий в основе дательного падежа, а не наоборот.

По Л. Жиркову, при именах с основой на гласный выявляется еще яснее эволюция форм разных падежей:

Род. *gutali-la → gutalla* от *guta* „табуретка“

Эрг. *gutali-dil → gutaldil*

Местн. *gutali-že → gutalže*.

В этих примерах форма *gutali*, от которой образуются другие падежи, по автору, является *формой дательного падежа*. Однако это не дательный падеж, а *основа дательного падежа*, представляющая собою нераспространенную (краткую) форму эргативного падежа (без вторичного суффикса *-di-l*), от которой образуется сама форма дательного падежа при помощи флексии *-j*, оставшейся незамеченной: *guta-li-j*. Эта фактическая неточность приводит к принципиальным теоретическим неточностям: *дательный падеж признается лежащим в основе эргативного падежа*, и тем самым вся падежная система кубачинского диалекта становится искусственно специфической, отличной от системы склонения как других даргинских диалектов, так и других дагестанских языков, хотя фактически в принципе она аналогична системе склонения других дагестанских языков и, в частности, других даргинских диалектов.

Характерно, что Л. И. Жирков в отчете о лингвистической экспедиции по изучению даргинского и кубачинского языков справедливо отметил, что „система склонения в кубачинском аналогична общедаргинской“¹, однако, впоследствии, в лингвистическом обзоре кубачинского диалекта автор отступил от этого верного положения, признав дательный падеж в кубачинском лежащим в основе других падежей.

Из числа местных падежей автор правильно выделяет пять серий, но при этом предполагает наличие также серий с окончанием на *-хе* „к задней стороне“ и на *-qa* „наверх чего-нибудь“ и некоторых других. Указанных серий на *-хе* и на *-qa* нет в кубачинском.

Кроме того, им не отмечено, что слова, выражающие предметы, вмещающие в себя что-нибудь, образуют еще одну серию.

Значение местных падежей личных местоимений дается не точно: *dišəu* означает не „в меня“, а „ко мне“; соответственно *dišəul* означает не „из меня“, а „от меня“, *dišəub* означает не „во мне“, а „у меня“.

Автор разъясняет „некоторые другие комбинаторные явления“: *ūj* „люди“, дат. п. *ūli*, откуда предполагается, что форма именит. падежа *ūj* получена из *ūl*.

¹ См. Отчеты о работах этнолого-лингвистической экспедиции 1924 года. Изучение даргинского и кубачинского языков. Дагестанский сборник, III, Махачкала, 1927, стр. 232.

Рассуждения неточны. Прежде всего неточно приводится сама форма именительного падежа *ūj* „люди“. Гласный *u* не является долгим, должно быть: *uj*, которое получено не из *ūl*, а из *uŋhə* „люди“ — формы, сохранившейся в других даргинских диалектах, а *l* является согласным элементом флексии эргативного падежа. В форме именительного падежа *uj* „люди“ гласный *u* является недолгим, но в других падежах, где уже утрачен исходный *j* формы именительного падежа, гласный *u* является долгим (долгота возмездительная). Форма дательного падежа должна быть: *ū-li-j*, где *-li* суффикс эргативного падежа, *-j* — суффикс дательного падежа, который остался не замеченным Л. И. Жирковым.

О кубачинском спряжении Л. Жирков пишет, что разобрать его оказалось гораздо сложнее, чем склонение. Однако, мы видели, что и система склонения осталась для автора неразъясненной вследствие допущенной неточности при рассмотрении дательного падежа. Для выяснения кубачинской системы спряжения в работе Л. И. Жиркова разбирается глагол со значением „писать“. В прошедшем времени форма 1-го лица ед. числа *kaɓaɗ* „написал“ приведена правильно. Остальные формы неточны.

Отрицательная форма прошедшего времени *kaɗaɓɓaɗj* — тоже неточна, должно быть: *kaɗāɓiɓaɗj* „не написал“ (с долгим гласным *ā*). Относительно преверба *ka-* говорится, что это „префикс видового или направительного значения“. Преверб *ka-* имеет направительное значение, но не видовое (кубачинским превербам видовое значение не свойственно).

В формах настоящего времени представлены аналогичные неточности: в 1-м лице обоих чисел дано: *kaɓiɓulda*, должно быть: *kaɓiɓulda* (т. е. не указана долгота гласного); форма 2-го лица множ. числа является вопросительной формой, так же, как это имело место и в форме прошедшего времени. Окончание 2-го лица *-təi* разъясняется как результат *-d + di*. Гемината *tə* во 2-м лице получена из одного *d*, а не из двух: *təe ← de*.

Причастие настоящего времени *kaɓiɓuzib* также дано неточно: должно быть *kaɓiɓuzib*; и в отрицательной форме настоящего времени *kaɓiɓulada* не отмечена долгота гласных, должно быть: *kaɓiɓulāda*.

Форма будущего времени 1-го лица приведена правильно, но для 2-го лица уже неточна: во множ. числе приведена воп-

росительная форма 1-го лица, а для ед. числа приведена форма, которой вообще нет в кубачинском. Неточна также отрицательная форма будущего времени; дано: kabžilakəwa, должно быть: kabžiläkəwa „не напишу“. Не отмечена долгота гласного, являющаяся результатом стечения двух гласных а. Не отмечена долгота гласного и в формах множ. числа условного наклонения.

В разбираемом глаголе для первых двух лиц автор выделяет корень ž, а относительно формы 3-го лица указывается, что она „по-видимому, производится от корня g“. Справедливо, что в одном случае в качестве корневого согласного представлен ž, в другом случае — g, но эти корневые согласные не следует рассматривать как различные корневые согласные, поскольку ž является результатом палатализации ž перед гласным переднего ряда (фонетический процесс — ярко выраженный в кубачинском).

Повелительная форма kabga „напиши!“ приведена правильно, но неточна запретительная форма: kamkabžit. Должно быть: kamkabžit „не пиши!“. Неточна и форма инфинитива: kabži или kabžiə. Подобно флексии дательного падежа, не отмечено окончание инфинитива j. Должно быть: kabžij „написать“ или kabžij „писать“. При объекте множ. числа автор приводит форму инфинитива: kadžiə, должно быть: katžij, где t ← d. В качестве многократных форм приведены еще: kattžiə „много писать“, kattžiə „еще больше писать“. Характерно, что в последней форме отмечена долгота гласного, но уже как морфологический признак. Все это неточно. Существует лишь одна форма длительного вида: katžij „писать“ (объект множ. числа), противопоставляемая соответствующей форме недлительного вида: katžij „написать“, но никак не три формы глагола, как предполагает автор.

Этим ограничивается разбор спряжения кубачинского глагола, в котором представлены не все временные формы и не все формы наклонения (не приведены формы настоящего общего времени, прошедшего несовершенного, прошедшего несовершенного определенного времени). Но и приведенные формы, как можно судить, неточны, и по ним трудно представить себе картину спряжения кубачинского глагола.

Обзор кубачинского языка Л. И. Жирков заканчивает приведением топонимики и племенных названий разных народ-

ностей. Автор пишет, что им записаны фольклорные тексты и фразы разговорной речи, из которых публикуется лишь часть. Заметим, что в опубликованных текстах Л. И. Жиркова при записи допущены неточности, снижающие научную ценность текстов.

Работа Л. И. Жиркова „Язык аула Кубачи“ содержит значительно больший материал, чем краткий очерк А. Дирра. Из работы Л. И. Жиркова, например, можно получить представление о кубачинской звуковой системе, что же касается морфологической части работы, в частности, системы склонения, то здесь фактическая неточность при записи формы дательного падежа привела к принципиально ошибочной гипотезе о дательном падеже, якобы исходном для других падежей (в частности, исходном для эргативного падежа); система спряжения изложена отрывочно, изобилует неточностями. Поэтому и работа Л. И. Жиркова в целом не может дать ясного представления о морфологической структуре кубачинского диалекта. Если же учесть, что и тексты содержат фактические неточности, то можно отметить, что работа Л. И. Жиркова не может претендовать на заполнение пробела в изучении кубачинского диалекта (в частности, в морфологии).

§ 6. Н. Ф. Яковлев, будучи руководителем лингвистической экспедиции, в 1924 году совместно с Л. И. Жирковым посетил аул Кубачи. В опубликованном в 1927 году отчете об этой поездке он касается кубачинской фонетической системы¹.

Мы выше отметили, что Н. Яковлев насчитывает в кубачинском 68 фонем и по богатству согласных фонем считает возможным поставить кубачинский рядом с богатейшими в этом отношении черкесским или абхазским языками. Богатству звукового состава, по мнению Н. Ф. Яковлева, соответствует и кубачинский грамматический строй языка. Такое выделение кубачинского из среды дагестанских языков нельзя признать обоснованным, поскольку кубачинский имеет обычную для дагестанских языков звуковую систему и грамматический строй.

Вместе с тем Н. Ф. Яковлев справедливо констатирует в кубачинском четверичную систему смычных и троечную систему

¹ См. О работах этнолого-лингвистической экспедиции 1924 года. Изучение даргинского и кубачинского языков. Дагестанский сборник. III, Махачкала, 1927, стр. 230.

спирантов (благодаря наличию, по Н. Ф. Яковлеву, „усиленно-выдыхательных“ глухих).

Отмечено наличие лабиализации, которая в кубачинском, по Н. Ф. Яковлеву, используется для образования согласных фонем.

„В области гласных кубачинский различает долготу-краткость и гортанный оттенок“, — пишет Н. Ф. Яковлев. Заметим, что краткие гласные фонемы не характерны для кубачинского диалекта, гортанный оттенок или фарингализация свойственны и согласным звукам.

Изучению кубачинского диалекта специальных работ Н. Ф. Яковлев не посвящал.

§ 7. Н. Трубецкой в обзоре системы согласных восточно-кавказских языков, основываясь на материале Л. И. Жиркова, приводит и таблицу кубачинских согласных¹. В отличие от Л. И. Жиркова, Трубецкой включает в таблицу согласных ларингальный абруптив (') на правах фонемы, что вполне справедливо. Трубецкой неверно приводит в своей таблице спирант f (исходя из материала Л. И. Жиркова) и добавляет новую неточность, приводя в качестве коррелята f — сильный спирант f̣.

Н. Трубецкой приводит в таблице также долгие сонорные, которые в кубачинском не являются фонемами. Встречающиеся в словах сочетания сонорных (гг, пп...) являются результатом фонетических изменений. Например, Трубецкой приводит слово ар̣акагга в качестве примера на долгий сонорный гг. Однако, здесь гг — результат ассимиляции: г + л → гг и не является самостоятельной фонемой:

ар̣акагга ← ар̣акаг + ла — род. п. (-ла — суффикс род. падежа) от ар̣акаг — имя собственное.

Что касается замечания Трубецкого, что кубачинские взрывные d b g факультативно могут замещаться звонкими спирантами (d' b' g'), оно основано на неточных данных Л. И. Жиркова.

§ 8. В приложении к обзору литературного даргинского языка К. Боуда касается кубачинского диалекта², который он считает стоящим ближе к цудахарскому диалекту, чем к другим диалектам даргинского языка. Одним из признаков бли-

¹ См. N. Trubetzkoy, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen. Caucasicca, VIII, Paris, 1931, стр. 31.

² См. K. Bouda, Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. I. Die darginische Schriftsprache, Leipzig, 1937.

зости кубачинского диалекта к цудахарскому автор справедливо полагает наличие в обоих диалектах долгих согласных („геминат“). Справедливо также замечание автора о палатализации перед палатальными гласными в цудахарском и кубачинском диалектах, однако отсутствие достаточного материала не дает возможности автору более полно рассмотреть случаи палатализации в диалектах даргинского языка.

К. Боуда считает, что отрицательная форма ka-da-b-gađ „не написал“ (должно быть: kađābigađ) Л. И. Жирковым анализируется неточно, поскольку получается впечатление, будто отрицанием является da. Боуда считает, что kađ принадлежит к превербу, но при этом предполагает, что kađ получено из слияния двух превербов: ka + ad → kađ.

Такая интерпретация преверба неточна, поскольку в разбираемом примере имеем не два, а один направительный преверб (два направительных преверба одновременно в глаголе не используются).

Автор отмечает исчезновение в кубачинском начальных ḥ, ω, представленных в других диалектах (кубачинск. ịla, в материалах Услара ḥula, в цудахарском ωla „твой“; отрицательная частица в кубачинском a, в литературном языке ḥe, в цудахарском ωa); наличие в кубачинском ω соответственно ḥ в других диалектах: кубачинск. ωab, литерат. даргинск. яз. ḥeēb „три“.

Прав автор, отмечая сохранение g после или перед гласными вместо рефлекса ('), представленного в материалах П. Б. Услара и литературном даргинском языке.

Кубачинский показатель II грамматического класса j, сравнительно с r и d других даргинских диалектов К. Боуда справедливо считает вторичным.

Автор замечает, что в кубачинском нет IV грамматического класса и предположение о наличии IV класса в даргинском языке основано на непризнании факта, что коллективные понятия в ед. числе требуют классного элемента множ. числа и что атрибутивные прилагательные при таких словах имеют суффикс множ. числа.

Прав также автор в указании на то, что личные окончания 1-го лица -da, 2-го лица -di одинаковы с цудахарским и соответствуют окончаниям -ga, -gi литературного даргинского языка (т. е. акушинского диалекта) и урахинского диалекта.

К. Боуда заканчивает обзор кубачинских материалов пожеланием скорейшего опубликования исследователями (в частности, Л. И. Жирковым) материалов и из других даргинских диалектов, например материалов кубачинского диалекта, чем „все повторяемые и все же недостаточно новые грамматические эскизы“¹.

Обзор кубачинских материалов К. Боуда очень краток (автор не располагал для исследования достаточным количеством материалов кубачинского диалекта), однако ряд замечаний автора вполне справедлив и приемлем.

§ 9. В ряде работ Ш. Г. Гаприндашвили, посвященных исследованию диалектов даргинского языка, автор рассматривает данные и кубачинского диалекта. Мы коснемся лишь тех мест, где автор рассматривает материалы кубачинского диалекта.

1. В работе „К генезису формантов дательного падежа в даргинском языке“² автор пишет, что сравнение с кубачинскими данными делает возможным восстановление более древнего вида формантов дательного падежа в даргинском языке: *-*d-i*, *-*b-i* || *-*və-i*, *-m-i*, где „общий, гласный элемент этих формантов служил признаком дательного падежа, согласными же *d*, *b* || *və*, *m* обозначались категории грамматического класса соотносящихся имен“³.

Наличие классных показателей в дательном падеже вполне вероятно. Известны, например, окаменелые или даже изменяющиеся классные показатели в дательном падеже в диалектах аварского языка (Арн. Чикобава, И. Церцвадзе). Однако, не-

¹ Ж. Дюмезиль, рецензируя „Грамматику даргинского языка“ Л. Жиркова, пишет, что Жирков, резюмировавший аварскую грамматику Услара, счел нужным резюмировать и усларовскую грамматику даргинского языка. Однако, даргинский имеет близнеца — язык кубачинский, и то малое, что мы знаем, доказывает, что систематическое описание кубачинского глагола осветило бы даргинский глагол, — пишет рецензент.

— Почему Жирков не дает грамматики Кубачи? — спрашивает Ж. Дюмезиль. См. *Bulletin de la Société de linguistique, de Paris*, t. 34. fasc. 3. 1933.

² См. შ. გაფრინდაშვილი, მიცემითი ბრუნვის ფორმანტების გენეზისისათვის დარგულში. იბერიულ-კავკასიური ენათმეცნიერება, II, თბილისი, 1948 (83. 215 — 228).

³ შ. გაფრინდაშვილი, там же, стр. 227.

точно восстанавливать — исходя из кубачинских материалов — „признак дательного падежа гласный *i*“ в даргинском языке.

В работе приводятся кубачинские примеры дательного падежа личных местоимений, которые, по автору, сохранили формант дательного падежа — исходный гласный *i* (стр. 222, 223):

d-a-m'-i „мне“, *i-t'i* ← *it-d-i* „тебе“, *idi* ← **i-d-d-i* „ему“, *nis'-i* ← **nis'a-d-i* „нам“, *iš'i* ← **iš'a-d-i* „вам“, *it'-a-d-i* „им“.

Эти кубачинские примеры сопоставляются с соответствующими данными других даргинских диалектов (урахинского, акушинского и пудахарского).

В приведенных автором кубачинских формах дательного падежа не отмечен в исходе формант дательного падежа *-j* (соответствующий формантам *-z*, *-s* других даргинских диалектов).

Должно быть: *dam* || *dammi-j* „мне“, *itəi-j* „тебе“, *idi-j* „ему“, *nisəi-j* „нам“, *išəi-j* „вам“, *itəaddi-j* „им“.

У автора далее идут суждения о первоначальных формах дательного падежа, претерпевших изменения. Так, датив личного местоимения 3-го л. ед. ч., представленный автором в форме *idi*, сопоставляется с формой эргатива *id-di-l*, которая, по автору, отличается от датива лишь показателем *l*. Это дает автору „возможность восстановить прежний вид датива **id-di**, где „формант датива“ *-di* противопоставляется пудахарскому *-z* и урахинскому *-s* (стр. 224).

Формой дательного падежа личного местоимения 3-го лица ед. числа в кубачинском является не *idi*, а *idi-j* „ему“ и пудахарскому *-z* и урахинскому *-s* — формантам дательного падежа — противостоит в кубачинском не *di*, а *-j*.

Срв.: кубач. *idi-j* „ему“
пудах. *iti-z*
урах. *iti-s*.

Аналогичны суждения автора и относительно форм дательного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лиц множ. числа.

Автор пишет, что формант *-di* „стал почти универсальным“ и встречается не только в личных местоимениях, но и в именах существительных как составная часть форманта эргатива *di-l* (стр. 224).

Между тем, *-di* в суффиксе эргатива *-di-l* не является формантом датива, *di* принадлежность суффикса эргатива.

Далее автор пишет, что в кубачинском встречается формант *-li*, который подобно *-di* нашел универсальное использование: *-di* стал общим формантом датива местоимений, а существительные и другие имена для образования датива используют *-li*¹.

В действительности, суффикс *-li* является формантом эргатива; в именах существительных эргатив, образованный суффиксом *-li*, лежит в основе дательного падежа, и формант датива присоединяется к форме эргатива.

Например: кубач. диал.,	срв. уркар. диал.
Им. <i>bik</i> „голова“	<i>bek</i>
Эрг. <i>bik-le</i> (<i>bik-li-di-l</i>)	<i>bek-li</i>
Дат. <i>bik-li-j</i>	<i>bek-li-s</i>

При разборе образования дательного падежа собственно падежный формант в кубачинских материалах у автора остается нефиксированным. Гласный *i*, выделяемый автором в качестве признака дательного падежа, является элементом суффикса эргатива и предшествует кубачинскому форманту дательного падежа *-j*.

Автор в сущности следует схеме Р. Эркерта и Л. И. Жиркова (для которых формант датива также оставался незамеченным), по которому дательный падеж в кубачинском диалекте лежит в основе эргатива.

Положение это в принципе неоправдано и является результатом неточной фиксации фактического материала.

Неточная фиксация формы дательного падежа имеет место и в последующих работах Ш. Гаприндашвили².

¹ „...კუბაჩურში გვეხვება -ლ-ი ფორმანტი, რომელსაც -დ-ი-ს მსგავსად უნივერსალური გამოყენება მოუპოვებია: -დ-ი ნაცვალსახელთა მიცემითის საერთო ფორმანტი გამხდარა იმ დროს, როცა არსებით და სხვა სახელთა მიცემითის წარმოება -ლ-ი-ს დაკისრებია“. შ. გაფრინდაშვილი, მიცემითი ბრუნვის ფორმანტების გენეზისისათვის დარგულში, გვ. 225.

² См. Ш. Гаприндашвили, ნიშნა „თქვენ“ ნაცვალსახელის ფორმის გენეზისისათვის ხაიდაყურში: იკვ, IV, 1953.

В этой работе кубачинские и хайдакские формы датива даны без падежных формантов; см. стр. 164, 169, 171.

В работе „Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка“ (Труды Цхинвальского пединститута, III, 1956) автор

2. Подобно тому, как в кубачинских формах дательного падежа личных местоимений для автора остается незамеченным падежный формант—исходный *-j*, так и в кубачинских формах инфинитива автор не отмечает окончание *-j*.

В работе „Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка“¹, касаясь форманта инфинитива в диалектах даргинского языка, автор пишет, что кубачинский „утерял не

пишет, что подлинным признаком дательного падежа является гласный *i*, по сей день сохранившийся в кубачинском диалекте в качестве форманта дательного падежа личного местоимения „я“ (стр. 352, 358).

Опять-таки, за гласным *i*, принимаемым автором за „подлинный“, „настоящий формант дательного падежа“, в кубачинском следует собственно падежный формант датива *-j*.

В работе автора „Система склонения имен существительных в диалектах даргинского языка“ (ИКЯ, VIII, 1956) кубачинский дательный падеж представлен схемой: основа имени *+li+n* (стр. 503). В этой схеме в качестве падежного форманта датива приводится *-n*. Между тем, суффикс *-n* в системе основных падежей кубачинского диалекта (как и даргинского языка в целом) вообще не представлен. Вместо *-n* здесь должно быть *-j*.

В работе „Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка“ (Труды Цхинвальского пединститута, III, 1956) в качестве примеров, где по автору в формах дательного падежа встречается направительный формант *-sai*, приводятся предложения из хайдакского диалекта (говор аула Санчи): *ajdahoali darhoal-sai bursib* „дракон сказал парню“, *sal-sai sa bikuli sabi* „говорят друг другу“ (стр. 362). Здесь мы имеем не дательный падеж, а местный падеж на *-sai*, в основе которого лежит не датив (как это может быть в личном местоимении *dam-sai* „в меня“), а — эргатив, т. е. в данном случае представлены самые обычные формы местных падежей, образованных от эргатива.

Дело в том, что косвенный объект при глаголах, означающих „сказать“, „говорить“ в даргинском языке стоит не в дативе, а в местном падеже на *-sai* (*darhoal-sai* „парню“, *sal-sai* „одному“, — на вопрос: „сказал кому?“).

¹ Ряд особенностей цудахарского диалекта, отмеченных автором в указанной работе, свойственен и кубачинскому диалекту; в частности, палатализация заднеязычных перед гласными переднего ряда, оглушение звонких в исходе слова (*d→t*), соответствия цудахарским смычно-взрывным геминатам звонких согласных, цудахарским геминатам-спирантам соответствующих глухих в урахинском и акушинском диалектах.

только конечный гласный формант инфинитива, но и согласный элемент — *изе → из → и¹.

Фактически инфинитив в кубачинском диалекте имеет в исходе -j, соответственно цудахарскому -z, урахинскому и акушинскому -s. Срв. форму инфинитива в трех диалектах:

цудах. диал. aʒi-z,

урах. диал. aʒi-s,

кубач. диал. aʒi-j „попасть“.

3. В работе „Система склонения имен существительных в диалектах даргинского языка“ автор приводит схему склонения кубачинского диалекта.

Схема образования эргатива у автора дается следующая: „основа имени + -l + -di-l“. Это справедливо для имен с исходом на гласные. Имена с исходом на согласные по такой схеме не могут образовать эргатива. Общая схема эргатива должна быть: основа имени + -li + -di-l.

Схемы для *совместного* и *орудийного* падежа у автора различаются:

совместный: основа имени + -li + -sɔi + -l

орудийный: основа имени + -li + -sɔi + -la².

В кубачинском диалекте *формы, выражающие орудие действия и совместность, одинаковы*. Одинаковы как в аштинском говоре, так и в собственно кубачинском говоре. Но в аштинском говоре такой формой является форма на -sɔi-l, в собственно кубачинском же форма на -sɔi-la.

¹ Ш. Г. Гаприндашвили, Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка. Языки Дагестана, I, Махачкала, 1948, стр. 133.

² В другой своей работе автор пишет о совпадении форм совместного и инструментального падежей: „В кубачинском диалекте даргинского языка одна и та же форма на цила → цил является показателем как инструментального, так и совместного падежей“ (Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, стр. 370).

Судя по этой схеме, форма на -sɔi-l получена из формы на sɔi-la, т. е. утратой исходного гласного а, а в предыдущей работе автор об этой же форме пишет, что она утратила исходный гласный и: „в формантах совместного падежа нет конечного -и...“, но „наличие исторически данного гласного и в форманте совместного падежа является бесспорным“ (Ш. Г. Гаприндашвили, Система склонения имен существительных в диалектах даргинского языка, ИКЯ, VIII, стр. 503).

Аштинск. гов. aɖmil-sɔi-l ʒaʒair wəqid „с человеком пошел гулять“

aʒaɖil bātɔal-sɔi-l ūsul ɖalɣin „отец *топором* порубил дрова“;

срв. кубачинск. говор: adamil-sɔi-la „с человеком“

bātɔal-sɔi-la „топором“ || „с топором“.

У автора для совместного падежа приводится материал аштинского говора, для орудийного падежа приводится материал кубачинского говора, чем и вызвано „различие“ между обеими формами.

4. Характеризуя особенности говора аула Ашти, автор, как специфическую особенность для аштинского говора, отмечает „наличие форм совместного падежа, чего нет в кубачинском“¹.

„Наличие форм совместного падежа“ не может служить отличительным признаком аштинского говора от кубачинского, поскольку, если в аштинском имеется „форма совместного падежа“, то аналогичная форма представлена и в кубачинском говоре.

5. Далее, в системе склонения кубачинского диалекта автор приводит схему образования предметного падежа: основа имени + -li + -ʒi + -j².

Но в другой своей работе, представляющей, как об этом сообщает автор, вторую главу предыдущей работы, где приводится указанная схема образования предметного падежа, автор пишет, что в речи аула Ашти, в виду *отсутствия специальной падежной формы* для передачи предметного падежа, обычны описательные формы³.

А в третьей работе автор утверждает, что „наличие форм предметного падежа на „жи-й“ специфично для аштинского говора и что „этого падежа нет ни в кубачинском, ни в сулевкентском говорах“⁴.

¹ Ш. Г. Гаприндашвили, Фонетика даргинского языка (по данным диалектов). Автореферат докторской диссертации, Тбилиси, 1956, стр. 8.

² См. Ш. Г. Гаприндашвили, Система склонения имен существительных в диалектах даргинского языка, стр. 503.

³ См. Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, стр. 376.

⁴ Указанный выше автореферат, стр. 8.

Схема образования предметного падежа, приведенная автором, справедлива для аштинского говора, но не для кубачинского диалекта в целом. В собственно кубачинском говоре значение предметного падежа выражается посредством исходного падежа на *-ži-l*, означающего «с чего-нибудь». Соответственно аштинская форма на *-ži-j*, передающая значение «предметного падежа», также является формой исходного падежа «с чего-нибудь»:

кубач. гов. *adamil-ži-l γaj uqtaqut* «о человеке не говори»,
ашт. гов. *adamil-ži-j γaj šiukmaqut* «о человеке не говори».

Срв. пример на исходный падеж: кубач. гов. *adamil-ži-l* гара *šij-kabalčip*; ашт. гов. *adamil-ži-j qarī šij-kabalčip* «с человека сними шапку».

adamil-ži-l (кубач. гов.) } «с человека» || «о человеке».
adamil-ži-j (ашт. гов.) }

Таким образом, положение с предметным падежом в говорах кубачинского диалекта в принципе одинаково. И наличие его в аштинском говоре не является специфической особенностью аштинского говора. Если он представлен в аштинском говоре, то аналогично он представлен и в собственно кубачинском говоре.

Что же касается описательной формы для передачи предметного падежа, то она характерна как для аштинского говора, так и для кубачинского диалекта в целом.

Эти наши замечания касаются системы склонения кубачинского диалекта, которой автор касается в ряде работ, посвященных разбору склонения в диалектах даргинского языка. Ряд работ автора посвящен фонетическим вопросам в диалектах даргинского языка.

6. В работе «Фонетические изменения звуковых комплексов в даргинском языке»¹ Ш. Г. Гаприндашвили рассматривает выпадение комплексов *пп*, *п* между гласными и фонетические изменения комплексов *гг*, *лг*, *пг* и *в* в диалектах даргинского языка.

¹ См. Ш. Г. Гаприндашвили, Фонетические изменения звуковых комплексов в даргинском языке. Труды Тбил. пединститута им. Пушкина, XIII, Тбилиси, 1959.

Выпадение комплексов *п* и *пп* в диалектах даргинского языка, а также фонетические изменения комплексов, в той или иной степени рассматривались в специальной литературе¹.

О комплексе *в* в кубачинском диалекте Ш. Гаприндашвили пишет: «В кубачинском диалекте даргинского языка комплекс *в*л, главным образом, остается без изменения между гласными. Однако, говор аула Ашты, в отличие от сулевкентского и кубачинского говоров данного диалекта, показывает процесс *в*л → *п*»².

Здесь фактически представлен не процесс ассимиляции *в*л → *рз*, а утрата *л* с последующим изменением *в* в *рз*.

В собственно кубачинском говоре в аналогичных случаях ясна утрата *л*, однако *в* при этом не изменяется в *рз*:

bāqib-li-saw → *bāqib-i-saw* «сделал»
kabčib-li-sab → *kabčib-i-sab* «упало».

В соответствующих аштинских примерах вместо кубачинского *в* будем иметь *рз*:

kabčipz-i-sab (← *kabčibli-sab*) «упало».

7. Выделяя говоры кубачинского диалекта, аштинский говор автор характеризует четырьмя специфическими особенностями: а) ассимиляцией *л* с предыдущими губо-губными *в* и *т* с последующим переходом *bb* в *pp*; б) наличием в аштинском форм совместного падежа; в) наличием форм предметного падежа на *-ži-j*; г) тем, что процесс *гл* → *гг* в аштинском говоре выражен более рельефно, чем в кубачинском и сулевкентском говорах³.

Относительно этих особенностей аштинского говора заметим следующее: 1) вместо ассимиляции имеем утрату звука *л*; 2) формы совместного и предметного падежа в аштинском аналогичны формам других говоров кубачинского диалекта (см. об этом выше); 3) процесс *гл* → *гг* в аштинском говоре, сравнитель-

¹ См. Л. И. Жирков, Язык аула Кубачи, Учен. записки..., I, 1930; С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке, Язык и мышление, X, М.-Л. 1940.

² Ш. Г. Гаприндашвили, Фонетические изменения звуковых комплексов в даргинском языке, Труды Тбил. пединст. им. Пушкина, XIII, стр. 386.

³ Ш. Г. Гаприндашвили, Фонетика даргинского языка (по данным диалектов). Автореферат, стр. 8.

но с кубачинским и сулевкентским говорами, трудно считать более рельефным.

Ассимиляция $г + l \rightarrow гг$ в аштинском подобна ассимиляции в кубачинском. Так что и эта последняя „особенность“ аштинского говора в действительности не является особенностью собственно аштинского говора.

8. В другой своей работе, посвященной изменениям гласных и дифтонгов в даргинском языке¹, Ш. Гаприндашвили, разбирая вопрос слияния различных гласных в диалектах даргинского языка, приводит примеры из сулевкентского говора кубачинского диалекта. Указывается, что в форме глагола $h\acute{e}k\ddot{u}lda$ (II кл.) „говорю“ произошло слияние гласного a с последующим спирантом j , в результате чего получили гласный e , который, в свою очередь, слился с последующим гласным u и получили долгий гласный $\acute{e}$: $ha-j-u\acute{k}ulda \rightarrow he-u\acute{k}ulda \rightarrow h\acute{e}k\ddot{u}lda$ ².

Отсюда автор делает заключение об особенностях слияния гласных кубачинского диалекта, противопоставляемых особенностям урахинского диалекта³.

Однако, долгий гласный $\acute{e}$ в глаголе $h\acute{e}k\ddot{u}lda$ (II кл.) „говорю“ является результатом не: $a + j + u$, а: $a + j$. Гласный u не участвует в процессе слияния, т. к. он утрачивается.

Срв. $h\grave{a}-b-k\ddot{u}lda$ ($\leftarrow ha-b-u-k\ddot{u}lda$) (III кл.) „говорю“.

Здесь утрачен гласный u , следующий за классным показателем b (под влиянием ударения на предшествующем слове). Аналогичное явление наблюдается и при субъекте II класса, но здесь имеет место дальнейшее изменение образовавшегося дифтонга aj в $\acute{e}$:

$h\acute{e}-k\ddot{u}lda$ ($\leftarrow ha-j-k\ddot{u}lda \leftarrow ha-j-u-k\ddot{u}lda$) (II кл.) „говорю“.

Срв. также: в сулевкентском и кубачинском говорах преверб $ta-j$ „спереди“ изменяется в $t\acute{e}$ ⁴: $t\acute{e}-bid\ddot{i}z\acute{i}j$ ($\leftarrow ta-j-bid\ddot{i}z\acute{i}j$) „увидеть“. Здесь ясно, что: $\acute{e} \leftarrow aj$, поскольку за превербом следует

¹ См. Ш. Г. Гаприндашвили, Фонетические изменения гласных и дифтонгов в даргинском языке, Труды Цхинвальского пединститута, V, 1958.

² См. там же, стр. 196.

³ Там же.

⁴ В аштинском говоре преверб $ta-j$ сохраняется без изменения.

неусложненная превербом, простая форма глагола $bid\ddot{i}z\acute{i}j$, начинающаяся с классного показателя¹.

Аналогичное изменение имеем и в глаголе $h\acute{e}-k\ddot{u}lda$ ($\leftarrow ha-j-k\ddot{u}lda$) „говорю“ (II кл.).

9. Рассматривая вопрос слияния гласных с согласными, автор пишет: „В кубачинском диалекте... долгие гласные получаем при встрече гласного со следующим спирантом или сонантом“²; указываются при этом случаи слияния, в том числе: $a + n \rightarrow \acute{a}$, $u + m \rightarrow \acute{u}$. Здесь же приводятся примеры, в которых, по автору, представлена долгота гласного как результат слияния гласного с согласным:

$a + n \rightarrow \acute{a}$: $k'\acute{a}n$ | $\leftarrow k'\acute{a}n$ | „серый“

$u + m \rightarrow \acute{u}$: $k\acute{u}m$ | $\leftarrow k\acute{u}m$ | „легкость“³.

Однако в этих кубачинских примерах фактически нет долготы гласного. Должно быть: $k'\acute{a}s$ „серый“, $k\acute{u}k\ddot{i}\ddot{s}$ „легкость“.

10. Кубачинский иллюстративный материал, приводимый автором, неточен. Часто не отмечается долгота гласных. Между тем, точное указание долготы гласных является необходимым условием правильных записей кубачинских материалов, поскольку долгота гласного является следствием фонетических изменений, приведших к изменению слова.

Автор, например, приводит из сулевкентского говора слово: $d\acute{i}$ „звезда“, мн. ч. $d\acute{i}me$ ⁴. Слово это общее для кубачинского диалекта в целом и должно быть: $d\acute{i}$ — $d\acute{i}me$; срв. $ur'i$ „звезда“ — в урахинском диалекте.

Автор дает: $\gamma w\acute{a}$ „заяц“⁵, должно быть: $\gamma w\acute{a}$; срв. $\omega w\acute{a}r\acute{i}$ „заяц“ — в урахинском диалекте.

¹ Срв. также кубачинское $p\acute{e}da$, в других диалектах $rajda$ „польза“. Слово заимствованное: арабск. $f\acute{a}ida$ „польза“, „выгода“.

² Ш. Г. Гаприндашвили, Фонетика даргинского языка (по данным диалектов), Автореферат, стр. 20.

³ Примеры см. там же (сохраняем транскрипцию автора).

⁴ См. Ш. $g\acute{a}m\acute{r}\acute{o}n\acute{d}\acute{a}z\acute{i}l\acute{o}$, $h\acute{e}k\ddot{u}lda$ $m\acute{r}\acute{a}k\ddot{u}l\acute{o}t\acute{o}t\acute{o}$ $h\acute{o}z\acute{e}b\acute{o}t$ $q\acute{r}\acute{o}r$ $\acute{e}b\acute{o}t$ $\acute{e}r\acute{a}m\acute{r}\acute{e}b\acute{a}$ $d\acute{a}r\acute{g}\acute{z}\acute{e}l\acute{a}$ $d\acute{a}$ $l\acute{a}k\acute{z}\acute{e}r\acute{z}\acute{i}$. $\acute{o}z\acute{e}$, V, $\acute{o}b\acute{o}l\acute{o}t\acute{o}$, 1953, стр. 240.

⁵ См. Ш. Г. Гаприндашвили, Фонетика даргинского языка (по данным диалектов), Автореферат, стр. 21.

Приводится, например, предложение из сулевкентского говора: Дудил уче бахид ма-л-ци-ла „я кормлю лошадь сеном“¹.

Здесь не отмечена долгота гласных в словах *ūce* „лошадь“ и *mālcəila* „сеном“. Должно быть: *ūce* (срв. *uċi* „лошадь“ в других диалектах); *mālcəila* „сеном“ (в кубачинском диалекте *mā* „сено“, срв. в других диалектах *miga* „сено“).

В этом же предложении стоит глагол *baħid*, что означает „выучил“. Должно быть: *balxəunnida* „кормлю“.

§ 10. С. Н. Абдуллаев в своей „Грамматике даргинского языка“ (Махачкала, 1954), представляющей, безусловно, научный интерес, кое-где приводит и кубачинский материал; объектом исследования автора служит в основном даргинский литературный язык (в основе которого лежит акушинский диалект), поэтому в обзоре литературы мы специально не останавливаемся на работах С. Н. Абдуллаева.

¹ Ш. Г. Гапридашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, Труды Цхинвальского пед-института, III, 1956, стр. 368.

ФОНЕТИКА

§ 11. Гласные звуки. В кубачинском диалекте представлены гласные *a, u, i, e*. Гласный *o* не характерен для кубачинского диалекта, как и вообще для даргинского языка¹.

В заимствованных словах гласный *o* в кубачинском обычно заменяется через *u*: *zakun* „закон“, *pasns* „насос“, *keilu* „кило“, *gasħud* „расход“, *keipu* „кино“ и т. д.

Ныне гласный *o* можно услышать в заимствованных словах из уст кубачинцев, владеющих русским языком.

Л. И. Жирков отмечает наличие комбинаторных вариантов гласных особого оттенка с акустическим впечатлением, близким к *ä, ü*². Это фарингализованные гласные. В кубачинском диалекте фарингализованными могут быть все гласные.

§ 12. Встречающиеся в кубачинском диалекте долгие гласные—результат фонетических изменений: слияния гласных или возмездительного удлинения, вызванного утратой последующего согласного:

$\bar{a} \leftarrow i + a$: *ċaxij* ($\leftarrow \check{c}i$ -*axij*) „надеть“, где *ċi*—преверб со значением „на“, *axij*—простая форма глагола, означающая „одеть“;

$\bar{u} \leftarrow e + u$: *hēyūqij* ($\leftarrow hēye$ -*uqij*) „побежать вслед“;

$\bar{a} \leftarrow a + a$: *abākəwāl* ($\leftarrow aba$ -*akəwāl*) „без матери“;

¹ П. К. Услар относительно гласного *o* в урахинском диалекте писал: „Много есть поводов усомниться в необходимости ввести гласную *o* в хюркилинскую азбуку. Гласная эта ни разу не встретилась мне явственно не только в начале слова, но даже после согласной...“ П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 7; Л. И. Жирков отмечает, что в кубачинском „гласный *o*, как фонема, отсутствует, но иногда произносится в заимствованных словах, всегда, впрочем, являясь лишь вариантом к *u*, которым и может факультативно заменяться“. Язык аула Кубачи, Ученые записки..., стр. 259.

² См. Л. И. Жирков, там же, стр. 269.

aba „мать“, akəwāl „без“, „не будучи“;
 ū ← u + u: baqūkaǰ (← baqu ukaǰ) „говорит, что знает“
 (досл. „знаю, говорит“).

При присоединении пространственного преверба к глаголу, имеющему направительный преверб ha-, наблюдается утрата звука h и последующее стечение гласных, в результате чего получаем долгий гласный:

čābqij (← če-abqij ← če-habqij) „влезть на...“.

В урахинском диалекте П. К. Услар отмечает наличие долгих гласных, но как результат слияния двух гласных¹.

Утрата согласных в кубачинском обычно вызывает возмездную долготу предшествующего гласного (утрачивается часто звук г, наблюдается утрата звука hə и сочетания rhə):

кубач.	ūče, урах.	urči	„лошадь“
	bāqij	barqis	„сделать“
	mā	mura	„сено“
	pā	nahəa	„теперь“
	mūle	muhəli	„рот“
	sabā	sabahə	„одни, некие“
	kəā	gahə-al	„восемь“
	būne	burhəni	„дни“.

Долгие гласные в кубачинском диалекте ныне являются фонемами:

	bāqij	— урах. диал.	barqis	„сделать“
срв.	baqij	„	baqis	„услышать“
	čāγ	„	čiraγ	„светильник“
срв.	čaγ	„	čaγ	„здоровый“, „упитанный“
	sāl	„	sahəgi	„другой“
срв.	sal	„	cali	—эрг. п. от са (sa) „один“
	bisij	„	bircis	„помыть“
срв.	bisij	„	bicis	„продать“

¹ „Весьма замечательно свойство гласных взаимно сливаться, когда они сходятся в составном слове или даже когда в предложении встречаются два особых слова, из которых первое кончается, а второе начинается с гласной; оба эти слова сливаются тогда в одно“. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 7.

būqəij — хайдак. диал. buqəaga „выкопать“
 срв. buqəij „ buqəaga „отнести“.

§ 13. Окончанию i в именах большинства других даргинских диалектов в кубачинском соответствует e. Последний при встрече с формантами или перед начальным согласным последующего слога переходит в i:

исəe „брат“, эрг. п. исə-i-l-di-l; diəe — направит. пад. „мне“, локат. пад. diəə-i-b „у меня“; qwane „коробка“, срв. qwani bičaǰ „наполнил коробку“.

В инлауте гласному e ряда других даргинских диалектов (акушинский, уркарахский, хайдакский...) в кубачинском соответствует i:

кубач.	хайдак.
bik	beǰ „голова“
bič	beč „волк“
dič	deč „напиток“
nig	neg „молоко“
ka-bilčij	belčana „прочесть“
bilxwij	belhwana „зарезать“.

В основе глагола в кубачинском диалекте не выступает гласный e, но может выступать долгий ē. Долгий ē в основе кубачинского глагола при наличии недолгого e в соответствующих глаголах других даргинских диалектов является следствием возмездительного удлинения, вызванного утратой звука г:

кубач.	хайдак.
bēcij	berčaga „пожарить“
bəkwiǰ	berkwana „съесть“
bəčij	berčaga „погнать“
bēγwiǰ	berγwaga „высохнуть“.

§ 14. В заимствованных словах из русского языка безударный e в кубачинском, как правило, заменяется через i: bidra „ведро“, bilzin „бензин“, titrad „тетрадь“, səikritar „секретарь“, tirγirim „телеграмма“, kəirasinka „керосинка“, wiršt „верста“, rəulimut „пулемет“, pičač „печать“, urdir „ордер“ и т. д.

Что касается подударного e, то в кубачинском он передается обычно через долгий e, где долгота заменяет динамическое ударение заимствованных из русского или через русский язык слов: kupəc „купец“, čēst „честь“, sawət „совет“, akadəmik

„академик“, p̄aigēmija „премия“ и т. д.; реже русский подударный е передается через i: p̄iĕ „печь“, kimpit „конфета“, h̄eartik „аптека“, s̄aimišk̄a „семечка“ и т. д.

§ 15. Дифтонги. Сочетания классных показателей w (I кл.) и j (←r) (II кл.) с последующими или предыдущими гласными образуют дифтонги—восходящие или нисходящие (в зависимости от того, выступает классный показатель в начале или в конце слова):

wa-x̄ulda „иду“ (субъект I кл.)
 ja-x̄ulda „ („ II кл.)
 wi-tad „побил“ (объект I кл.)
 ji-tad „ („ II кл.)
 ju-ĉunnida „учусь“ (субъект II кл.)
 diĉ-iw „у меня“; dit-aw „передо мной“
 diĉ-ij „ dit-aj „

Дифтонг ij представлен в исходе инфинитива в кубачинском диалекте: bat-ij „оставить“, bas-ij „вспахать“ и т. д.

В форме прошедшего совершенного времени в 3-м лице в исходе представлен дифтонг aj: b̄āq-aj „сделал“, biĉ-aj „продал“, ka-x̄w-aj „убил“ и т. д.

Изменение r → j в кубачинском также может образовать дифтонг: saj „есть“, „суть“ (II кл.), срв. saġi — в других диалектах; ĉakaj „сахар“, срв. ĉakar — в других диалектах.

§ 16. Согласные звуки. В кубачинском диалекте богаче представлена система консонантизма сравнительно с вокализмом. Наличие геминат в кубачинском делает систему согласных более сложной сравнительно с урахинским или акушинским диалектами, где нет геминат. В кубачинском диалекте представлены геминаты как смычные, так и спиранты, подобно аналогичным фонемам лакского языка:

смычные: p̄ə t̄ə k̄ə s̄ə ĉə q̄ə

спиранты: s̄ə š̄ə x̄ə x̄̄ə.

Наличие геминат усложняет звуковую систему языка, образует четверичную систему ряда смычных и троечную систему спирантов. Геминаты, по Н. Трубецкому, „сильные“ („starken“) согласные, характеризуются большим напряжением артикуляционного органа, крепким затвором при произношении смычных, образованием более узкой щели при произношении спи-

рантов. Длительность их большая, чем соответствующих согласных¹. Кроме того, по Трубецкому, как вторичный фонетический признак, для слабой артикуляции характерна отчетливая аспирация, между тем как сильная артикуляция происходит без аспирации. Для спирантов характер аспирации менее отчетлив, но ясно проявляется противопоставление в степени раскрытия и длительности².

Момент смыкания при произношении кубачинских смычных геминат продолжается дольше, чем при произношении соответствующих простых звуков и характеризуется напряженностью артикуляционных органов. При произношении кубачинских геминированных спирантов хотя и нет энергичного смыка, но щель между нёбом и языком уже и при преодолении этой преграды артикуляционные органы находятся в большем напряжении, чем при произношении простых спирантов.

Геминаты в кубачинском перед согласными и в исходе слова подвергаются дегеминации:

lik̄əa „кость“,	мн. ч. lik-ne
kārəe „лист (растения)“	kār-ne
kabc „шкура“	kabcəe
waq „чашка“	wuqəe
qix̄w „орех“	qix̄̄əwe
max „наша“	mux̄əe
q̄wals̄əa „лопатка“	q̄wals-ne
bik̄əwij „сжечь“,	масдар: bikw-ne
būt̄əij „износить“	būt-ne.

В лакском языке геминаты также могут стоять только перед гласными³.

В исходе слова и перед согласным звуком гемината выступает в ряде говоров даргинского языка (например, в речи аулов x̄ar̄ḡni, qun̄qi...): meĉə „язык“, мн. ч. meĉəre; q̄əar̄q̄əa „ка-

¹ См. N. Trubetzkoy, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen. Caucasia, f. 8, Leipzig, 1931.

² См. N. Trubetzkoy, там же.

Характеристику даргинских геминат на основе экспериментального их изучения см. Ш. Гаприндашвили, Фонетика даргинского языка (по данным диалектов), Автореферат докторской диссертации, Тбилиси, 1956.

³ См. Л. И. Жирков, Лакский язык, Москва, 1955.

мень" — qəarqəne; datəe „отец" — datəbe; dɪrəsə „соха", — dɪrəsəme; qix'əw „орех" — qix'əwbe; disə „нож" — disəbe и т. д.

В такой позиции (не характерной для кубачинского диалекта) геминаты выступают также в табасаранском, агульском языках.

Кубачинским геминатам в урахинском диалекте соответствуют простые негеминированные согласные.

Смычно-взрывные геминаты:

	кубач.	урах.	
tə: d:	təaɣwa mūtəa atəa natəa	daɣwa murda ada anda	„петух" „всадник" „отец" „лоб"
kə: g или g':	kəūtəa dikəa kəa kəule ükəe	gurda diga ga g'ule urg'a	„лиса" „любовь" „уголь" „шкура" „между"
pə: b:	pəala təapəe mūlupəe	bala ɖabri muhəlubi	„шерсть" „обувь" „рты"
čə: ʒ или č:	kəwačəe qəačəa bēčəij qəarčəiɣa	gwaʒa ʒača berʒis ʒarčiɣa	„сука" „теленос" „вышить" „ястреб"

Встречаются примеры, когда на месте кубачинской геминаты čə в соответствующих урахинских примерах представлен g или g':

	кубач.	урах.	
	čəitu ɖučəe bičəij bāčəij	gata ɖug'i g'is barg'is	„кошка" „ночь" „дать" „найти"

Там, где вместо кубачинской геминаты čə выступает в урахинском g или g', гемината čə является палатализованным вариантом геминаты kə, которой в урахинском соответствует g или g'.

	кубач.	урах.	
cə: ʒ или z:	juceə pəəa cəab masəa cəacəe ucəij	zuzi unza zubri maza zanzi uzis	„сестра" „дверь" „небо" „овца" „шиповник" „трудиться"
qə: b:	qəāqəa qəama aqəe qəanda bilqəij	ʒarʒa ʒama anʒi ʒauda bilʒis	„камень" „конопля" „камин" „клоп" „насы- титься"

На месте кубачинской геминаты qə в урахинском представлен звонкий смычно-взрывной фарингальный звук б (в транскрипции П. К. Услара к с тапидом).

Геминаты-спиранты:

	кубач.	урах.	
xə: x:	būxəa xəamxəa baxəij	burxa xamxa baxis	„потолок" „тело" „накормить"
x'ə: x' или h:	x'əunul ɖəx'əa x'əaj x'əune ūx'əuj	x'unul ɖirx'a x'ar huni hurhur	„женщина" „палка" „низ" „дорога" „уздечка"
sə: s:	səala səupil səika	sala supil sinka	„клин" „усы" „медведь"
ʒə: ʒ:	ʒəe uʒəa iʒəij	ʒi həuʒa iʒis	„аул" „вы" „жаты (хлеб)"

§ 17. В ряде случаев можно проследить происхождение геминаты в кубачинском диалекте. Так, глагол bičij „водить" имеет префикс — изменяющийся классный показатель b, указывающий на объект (bičij — объект III кл., jičij — объект II кл., wičij — объект I кл.), при объекте множ. числа будем иметь: bičij или dičij (в зависимости от лица и грам. класса объекта). При при-

соединении направительного преверба *ka-*, указывающего направление сверху вниз, получим: *kičij* (←*ka-wičij*) — I кл.; *ka-jičij* — II кл.; *ka-bičij* — III кл. и мн. ч.; *ka-təičij* (←*ka-dičij*) — мн. ч.

В глаголе *katičij* (объект множ. числа) гемината *tə* получена из *d*.

Аналогично этому: *sa-biqəij* „приносить“ (объект III кл.), *sa-təiqəij* (←*sa-diqəij*) — объект мн. ч.

В глаголе *ka-b-ulqunnisa-b* „спускается“ классный показатель *b* в префиксе и суффиксе указывает на субъект III класса. При субъекте множ. числа (класса вещей) будем иметь: *ka-tə-ulqunnisa-d* (←*ka-d-ulqunnisa-d*), где префиксальный *d* дал геминату *tə*.

Встреча двух звонких в кубачинском также может дать геминату: *b + b → pə*, *d + d → tə*¹.

čirəusij (←*čib-busij*) „держат верх предмета“, „накрыть на месте преступления“, где *čib-* — преверб („на чем-то“), *busij* „держат“, „поймать“.

При объекте множ. числа получим: *čitəusij* (←*čid-dusij*); срв. при объекте II кл. ед. числа: *čij-jusij*.

Встреча исходного классного показателя преверба с префиксом-классным показателем простой формы глагола дала геминату: *pə* (←*b + b*), *tə* (←*d + d*).

Встреча двух *d* или двух *b* может и не дать геминату. Например: *šad-dix* „радость“ (срв. наречие: *šad-le*), *lamard-dix* „вероломство“; *sub-bāqij* „побелить“, *talab-bāqij* „достать“.

Встреча *p* с *b* также дает геминату *pə*: *garəuqij* (←*gar-buqij*) „беседовать“; *həarəuqij* (←*həar-buqij*) „лгать“, *təarəuqij* (←*təar-buqij*) „топать“.

Геминаты (или „сильные“ согласные) являются звуками вторичными; по Н. Трубецкому, они отсутствовали в правосточно-кавказском языке.

§ 18. В кубачинском диалекте ныне нет звонких аффрикат *ʒ* и *ʒ*, имеющих в урахинском диалекте. Урахинской шишащей аффрикате *ʒ* в кубачинском соответствует звонкий спирант *ʒ* или гемината *čə*.

¹ Л. И. Жирков отметил в кубачинском: *арсакар* из *Abubakar* (т. е. *b + b → pə*), а в окончании глаголов: *tə-d + d*; см. Л. И. Жирков, *Язык аула Кубачи, Ученые записки...*, I, 1930, стр. 263, 277.

кубач. <i>žanawar</i> ,	срв. урах. <i>žanawar</i>	„зверь“
<i>žumaω</i>	<i>žumaω</i>	„неделя“
<i>žins</i>	<i>žinc</i>	„порода, род“
<i>kəwačəe</i>	<i>gwaža</i>	„сука“
<i>wimčəij</i>	<i>imžis</i>	„разогреться“.

Аффрикате *ʒ* урахинского диалекта в кубачинском соответствует *сə* (перед гласным) или *с* — в ауслауте:

кубач. <i>цсə</i>	урах. <i>цзи</i>	„брат“
<i>сə</i>	<i>зи</i>	„соль“
<i>сəixəin</i>	<i>зиxini</i>	„перекладина“
<i>д̄ас</i>	<i>д̄ураʒ</i>	„соха“
<i>ωис</i>	<i>цз</i>	„плотный“.

§ 19. Гортанный абруптив (') является в кубачинском, как и в других даргинских диалектах, фонемой¹.

В кубачинском диалекте звук (') встречается сравнительно редко, но может выступать в разных позициях: *qə'* „глыба“, „суковатый пень“, *bi'ij* „сгнуть“, *ha'ij* „сказать“, *si'iblidin* — „что думаешь?“ и т. д.

Звук (') в диалектах даргинского языка может выступать как рефлекс звуков *q*, *k*, *t*, (*g || → ʒ*), *γ*, *x*²:

кубач. <i>dig</i> ,	срв. урах. <i>di'</i>	„мясо“
<i>nig</i>	<i>ni'</i>	„молоко“
<i>mig</i>	<i>mi'</i>	„лед“
<i>bugij</i>	<i>bu'is</i>	„погибнуть“
<i>bužij</i>	<i>bu'is</i>	„остаться“
<i>bidayij</i>	<i>bita'is</i>	„достичь“
<i>buxij</i> ,	срв. акуш. <i>bi'es</i>	„становиться“.

§ 20. Абруптив *p* в кубачинском встречается сравнительно редко. В урахинском диалекте, по П. Услару, *p* встречается „...только в весьма немногих словах“³.

¹ П. К. Услар не включает в алфавит урахинского диалекта абруптив ('), характеризуя его как явление резкого срыва голоса в середине или в конце слова; см. П. К. Услар, *Хюрелинский язык*, стр. 10.

² О противопоставлении (') в диалектах урахинского и акушинского типов заднеязычным смычнозврывным и спирантам *g*, *ž* (←*g*), *x*, *γ* цудахарского диалекта, см. Ш. Гаприндашвили, *Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка, Языки Дагестана*, I, Махачкала, 1948, стр. 132.

³ П. К. Услар, *Хюрелинский язык*, Тифлис, 1892, стр. 9.

Подобно этому, мы можем указать лишь на весьма небольшое количество кубачинских слов, в которых встречается р: гара „шайка“, рагд „шуба из овечьих шкур“, к̄аріқwan „веко“, р̄агр̄а „мыльная пена“, р̄ац̄іқwan „листон“, р̄асіқwan „рогатка“, рагбуқіј „болтать“, ларагбуқіј „болтаться“, қаралај — имя мужчины и т. д.

В заимствованных словах абруптив р встречается также редко: рап̄и „пальто“, раггис „папироса“, рајтун „фаэтон“ и т. д.

§ 21. Классификация кубачинских согласных по месту и способу образования:

По способу образования	Полугласные	Шумные												
		Смычные				Спиранты			Аффрикаты					
		Звонкие	Аспираты	Геминаты	Абруптивы	Звонкие	Аспираты	Геминаты	Аспираты	Геминаты	Абруптивы			
Губно-губные	w	m	b	p	p̄									
Переднеязычные		n	d	t	t̄									
		l				z	s	s̄	c	c̄	ç			
		r				ʒ	ʒ̄	ʒ̄	ç	ç̄	ç̄			
Среднеязычные	j													
Заднеязычные	неглубокие		g	k	k̄	k̄	x	x̄						
	глубокие					γ	x	x̄						
Фарингальные				q	q̄	q̄								
						ω	h̄							
Ларингальные							h							

§ 22. Благодаря наличию геминат, ряд согласных кубачинского диалекта образует четверичную систему, соответственно троечной системе других диалектов, в которых нет геминат:

b p p̄ p̄
d t t̄ t̄
g k k̄ k̄

Отсутствие в кубачинском диалекте звонких аффрикат ʒ и ʒ̄ делает неполными ряды:

ç ç̄ ç̄
c c̄ c̄

Тройками представлены спиранты:

z s s̄
ʒ ʒ̄ ʒ̄
γ x x̄

Отсутствие звонкого фарингального смычного ʒ̄ делает неполной ряд фарингальных: q q̄ q̄. Срв., в урахинском диалекте, где фарингальные смычные представлены также тройкой: ʒ q q̄. Здесь отсутствует гемината q̄, но имеется звонкий фарингальный ʒ.

§ 23. В кубачинском диалекте, как и в даргинском языке в целом, представлены фарингализованные звуки („emphatische Monillierung“ — эмфатически смягченные, по Н. Трубецкому, „глоттизованные“ по Л. И. Жиркову).

Для фарингализованных звуков характерно укорочение резонатора, которое происходит не обычной палатализацией (продвижением языка вперед), а посредством поднятия гортани¹.

В даргинском языке фарингализацию П. Услар сводит к гласному æ (ä), звуку, по характеристике Услара, промежуточному между а и е, соответствующему английскому а в словах and и fat².

Сводить фарингализацию в даргинском языке полностью к звуку æ — было бы неточно. Так, при усечении исходного гласного при образовании множ. числа сохраняется характерный тон фарингализованного звука и в форме множ. числа, где уже нет звука æ:

¹ См. N. Trubetzkoy, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, стр. 10. Н. Трубецкой отмечает, что истинная сущность эмфатического смягчения согласных большинством исследователей не замечалась, т. е. их вводили в заблуждение вторичные, фонологически не существенные, акустически сопутствующие явления; см. там же, стр. 11.

² См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 6.

Аналогичный звук æ в лезгинском языке П. Услар характеризует как звук, после которого слышится беглый звук арабского c; см. П. К. Услар, Кюринский язык, Тифлис, 1896, стр. 9.

diŷä „каменная ограда“, мн. ч. diŷ'ne.

Если бы причина фарингализации заключалась в звуке æ (ä), то в форме мн. числа diŷ'ne не должен был бы сохраниться характерный тон фарингализованного звука. Характерный тон сохраняется в форме мн. числа потому, что фарингализованным здесь является согласный γ', влиянию которого подвергается смежный гласный¹.

Слово iŷ'än „жемчуг“ при образовании множ. числа подвергается сжатию (iŷ'ne) и теряет гласный ä, однако характерный тон эмфатически смягченного или фарингализованного звука сохраняется и во мн. числе, т. е. он присущ в данном случае звуку γ'.

Аналогично слову diŷ'ä „каменная ограда“, усечение исходного гласного во множ. числе не вызывает утраты характерного тона в словах: seiŷq'wä „воддырь“, мн. ч. seiŷq'wne; seiŷy'ä „пестик“, мн. ч. seiŷy'ne; q'äq'ä „косточка“, мн. ч. q'üq'ne; diŷ'ä „рана“, diŷ'ne и т. д.

Гласные, смежные с фарингализованными согласными, модифицируются. Под влиянием фарингализованных согласных задние гласные, по Н. Трубецкому, палатализуются (a → ä), узкие гласные расширяются (i → e, u → θ)².

За фарингализованным согласным в урахинском диалекте может следовать лишь гласный а, в кубачинском диалекте наряду с а встречаются и другие гласные:

урах. ääna,	кубач. q'äina	„ворона“
q'wäl	q'ül	„корова“.

В кубачинском диалекте фарингализованные согласные чаще встречаются среди фарингальных и заднеязычных звуков (q, q^o, q, x, x^o, γ...).

При присоединении преверба ha к глаголу, корневой согласный которого является фарингализованным, звук h переходит в h^o³.

¹ Характерно, что П. Услар в последней своей монографии „Табасаранский язык“ отмечает как замечательное свойство звука, обозначаемого им через k с ташдидом, — часто превращать смежный с ним гласный a в æ, т. е. П. Услар признает в этом случае, что источник изменения гласного заключен в согласном. Этот согласный, влияющий на гласные, является фарингализованным звуком.

² См. N. Trubetzkoy, op. cit., стр. 12.

³ По Н. Трубецкому, эмфатически смягченный ларингальный звук реализуется как фарингальный звук („Knorpelglottislaut“).

h^oä-q'ij (←ha-q'ij) „прийти“ (срв. k^oä-q'ij „прийти сверху“, sä-q'ij „прийти по горизонтали“); h^oä-bäx'ij (←ha-bäx'ij) „посоветиться“, „подраться“.

При отсутствии в глаголе фарингализованного звука изменения ларингального h не происходит: ha-bayij „достичь“, ha-q^oij „принести“, ha-batij „протянуть“, ha-balçij „взять“ и т. д.

В говорах агульского языка фарингализованный q' дает рефлекс ω (q'üd: ωud „два“), фарингализованный x' дает h^o (x'äd: h^oäd „звезда“)¹.

В диалектах даргинского языка также наблюдаются случаи, когда фарингализованный звук дает рефлекс — фарингальный ω: γ'wä (кубач. диал.), γ'wäri (хайд. диал.), ωwäri (урах. диал.), wäri (уркар. диал.), wäga (говор аула Бутри) „заяц“.

Вместо фарингализованного (и лабиализованного) заднеязычного спиранта γ'w, представленного в кубачинском и хайдакском диалектах, в ряде других диалектов даргинского языка имеем фарингальный ωw (либо ω — при утрате лабиализации)². Срв. q'üg (лезг. яз.), γ'üg (аг. яз.), bāx' (лак. яз.) „заяц“, где корневой согласный также фарингализован.

Слово çäb „темнота“ в ряде диалектов даргинского языка (урахинский, уркарахский...) сравнительно с кубачинским çäbү' „темнота“ утратил фарингализованный спирант γ', след его сохранился в гласном.

В диалектах даргинского языка фарингализованный заднеязычный спирант x' дает рефлекс — фарингальный h^o³:

äx' (кубач., хайд. диал.): äh ^o	(урах., диал.) „хороший“
x'äb (кубач. диал.): h ^o äb	(урк. диал.): h ^o wäb „могила“
räx'öü (кубач. диал.): bäh ^o ü	(урах. диал.) „прохлада“
räx' (кубач. диал.): räh ^o	(урах., уркар. диал.) „отряхнуть“
h ^o äbäx'ij (кубач. диал.) „подраться“:	bäh ^o äs (урах. диал.) „схватиться“

¹ См. аналогичные рефлекс в дидайсских языках: ფ. იბნაიშვოლი, ფონეტიკური ცვლილებანი დიდურში ჰინუხურ და ხვარშიულ ენებთან მიმართებაში, იკვ, VIII, 1956; ე. ლომთაძე, თანხმობენა შესატყვისობანი დიდურ ენებსა და ხუნძურ შორის, იკვ, XIII, 1962.

² Срв. III. Гаприндашвили, Фонетика даргинского языка (по данным диалектов). Автореферат, стр. 33; его же, Фонетические изменения гласных и дифтонгов в даргинском языке, стр. 209, 210.

³ Срв. там же.

x'əil (кубач. диал.) }
 əx'əil (гов. аула Бутри) } : əhəil (уркар. диал.) } „гость“.
 axəal (хайд. диал.) } : uhəwəl (урах. диал.) }

Хайдакский диалект в данном слове утратил фарингализацию. Срв. аналогичное соответствие в лезгинских языках: x'əli-žo (таб. яз.): həlešuj (агульск. яз.) „гость“.

При утрате фарингального согласного hə след его может сохраниться как в заменившем его согласном, так и в фарингализации гласного¹:

tūj (кубач. диал.), срв. t̪wähə (урах. диал.), t̪ähə (урк. диал.) „нога“

däj (кубач. диал.), срв. dähə (урах. диал.) „лицо“

läj (кубач. диал.), срв. lihəi² (урах., урк. диал.) „ухо“.

В настоящее время создается впечатление, замечает Н. Трубеткой, что „смягченная корреляция“ (фарингализация) и „лабиальная корреляция“ взаимно исключают друг друга, но пражовосточно-кавказский язык должен был иметь оба вида корреляции³.

Однако оба вида корреляции сохранились поныне в некоторых дагестанских языках и, в частности, в кубачинском диалекте.

§ 24. Если эмфатическое смягчение (фарингализация) согласных дает укорочение резонатора (вследствие поднятия гортани), то удлинение резонатора происходит при лабиализации. В этом случае представлено противопоставление между лабиализованными и нелабиализованными звуками⁴.

В даргинском языке представлены диалекты с лабиализацией (кубачинский, урахинский, цудахарский, хайдакский...) и без лабиализации (акушинский).

В кубачинском представлены следующие лабиализованные согласные (в разных диалектах они могут не совпадать):

заднеязычные смычные: gw, kw, kəw, k̪w

заднеязычные спиранты: x̪w, xəw, xw, xəw, ɣw

фарингальные: qw, qəw, q̪w

¹ Срв. Ш. Гаприндашвили, Фонетические изменения гласных и дифтангов в даргинском языке, Труды Цхинвальского пединститута, V, 1958, стр. 203, 209.

² Срв. ღ. გ ა ფ ლ ი ბ დ ა შ ვ ი ლ ი, ლაბიალიზაციის ბუნებისათვის ზოგ ინტონაციულ-კავკასიურ ენაში, იკვ, VII, 1955, стр. 246.

³ См. N. Trubetzkoy, op. cit., стр. 52.

⁴ См. там же, стр. 10.

Если в непосредственной близости с лабиализованным согласным оказывается губно-губной w или b или же гласный u¹, то лабиализованный согласный подвергается делабиализации (w и b в качестве классных показателей могут оказаться перед корневым согласным вследствие редукции гласного основы). В этом случае, если корневой согласный глагола является лабиализованным, то он подвергается делабиализации:

čar-sa-w-x-ij „вернуться“ (I кл.)

čar-sa-b-x-ij „ „ (III кл.)

čar-sē-xw-ij (←čar-sa-j-xw-ij) (II кл.)

Срв. формы длительного вида:

čar-sī-xw-ij (←čar-sa-wī-xw-ij) (I кл.)

čar-sa-bī-xw-ij (III кл.)

čar-sa-jī-xw-ij (II кл.)

В формах длительного вида глагола губно-губные классные показатели в данном случае непосредственно не предшествуют лабиализованному корневному согласному, вследствие чего он не подвергается делабиализации.

Корневой согласный глагола длительного вида buɟij „сушить“ не лабиализован, между тем как в недлительном виде bēɟwij „высушить“ он лабиализован. Наличие гласного u в основе глагола длительного вида в данном случае исключает возможность одновременного наличия лабиализованного корневого согласного².

Гласный u в основе глагола может быть представлен независимо от лабиализации корневого согласного:

bətij „затвердеть“, длит. вид butij

dəqij „смолоть“ „ duqij

bēčəij „выпить“ „ bičəij

buqəij „понести“ „ biqəij...

В подобных глаголах корневой согласный не является лабиализованным, но в длительном или недлительном виде в основе представлен гласный u.

На почве делабиализации корневого согласного в глаголах возможно возникновение омонимов:

¹ См. N. Trubetzkoy, op. cit., стр. 10, 33.

² См. там же.

bukne — масдар от глаголов: bučij (← bukij) „повести“ и bukij (← bukij) „кушать“ (срв. bēkwij „покушать“).

lugne — масдар от глаголов lužij (← lujij) „топить“ (печь и lujij (← lujij) „считать“ (срв. bilgwij „посчитать“).

§ 25. В диалектах даргинского языка наблюдаются следы разложения лабиализованных звуков. Рефлексом в одном случае является делабиализованная разновидность основного звука, другим рефлексом является момент лабиализации при утере основного звука лабиализованного согласного¹:

di-γw „засуха“ — в кубачинском, срв. di-w — в акушинском диалекте, de-γ — в урахинском, уркарахском диалектах.

В кубачинском диалекте может наблюдаться параллельное употребление одного и того же слова с лабиализованным согласным, либо с рефлексом его — моментом лабиализации:

a-gw-a || a-w-a „платье“.

В акушинском диалекте ныне нет лабиализации, однако отсутствие лабиализации в акушинском представляется вторичным.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

§ 26. Ассимиляция в кубачинском диалекте представлена следующими случаями:

n + l → nn²: šinna (← šin-la) — родит. п. от šin „вода“
r + l → rr: čarra (← čar-la) — родит. п. от čar „колесо“

¹ О разложении лабиализованного звука в даргинском языке см. в частности нашу статью „Лабиализованные звуки в даргинском языке“ (ОЗЯ, V, 1953); Ш. გაფრინდაშვილი, ლაბიალიზაციის ბუნებისათვის ზოგი მხარის შესახებ (ОЗЯ, VII, 1955).

Положение о возможности разложения лабиализованных звуков уже значительно раньше разработано и теоретически обосновано в иберийско-кавказском языкознании.

Показательный случай разложения лабиализованного звука на материале абхазских диалектов с соответствующей интерпретацией представлен в работе К. В. Ломтатидзе, Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах. Сообщения АН Груз. ССР, т. III, № 8, Тбилиси, 1942.

² Указание на ассимиляцию n + l → nn в кубачинском мы находим еще у Б. Дорна. См. В. Dorn, Auszüge..., Bulletin..., XIX, 1874.

d + l → ll¹: bah·mulla (← bah·mud-la) — род. п. от bah·mud — имя собственное

d + n → nn: si linnu (← lid-nu) „что имеется?“, lid „есть, имеется“, nu — вопросительная частица

b + m → mm: wammuda (← wab-muda) „косынка“, досл. „три угла“, где wab „три“, muda „угол“, „вершина“

n + b → mb: humbe (← hana-be) — множ. ч. от hana „плита“
h·umbe (← h·ina-be) — „ „ „ h·ina „шрам“.

Результаты ассимиляции в различных диалектах даргинского языка могут не совпадать; так, например, при встрече r с l в кубачинском имеем прогрессивную ассимиляцию, в урахинском — регрессивную.

Урахинск. диал. galla (← qar-la) — родит. п. от qar „трава“.

Обратная встреча — l с r — вызывает в урахинском прогрессивную ассимиляцию: l + r → ll:

liwilla (← liwil-ra) „и весь“ (ra — союз „и“)².

В уркарахском диалекте результатом встречи l с r является регрессивная ассимиляция: образовавшийся комплекс rr дает альвеолярный t', акустически подобный английскому t.

Встреча двух r в диалектах даргинского языка также дает различные результаты. В уркарахском диалекте стечение двух r образует альвеолярный звук t': nu sat'a (← sarra ← sar-r-a) „я есмь“ (II кл.).

В губденском говоре встреча двух r дает аффрикату ʒ: nu saʒa (← sar-ra) „я есмь“ (II кл.).

В мегебском говоре встреча двух r дает ll, в результате предварительной диссимиляции с последующей ассимиляцией: r + r → lr → ll:

nu salla (← sal-ra ← sar-ra) „я есмь“ (II кл.).

В цудахарском диалекте результатом встречи двух r является диссимиляция: r + r → nr³.

¹ Д. И. Жирков указывает на ассимиляцию в кубачинском: n + l → nn и d + l → ll.

Ассимиляция d + l → ll наблюдается не всегда. Имена существительные с исходом на d при присоединении падежных формантов, начинающихся с l, ожидаемой ассимиляции не дают. Например: dād-la — род. п. от dād „гумно“, bīd-la — род. п. от bīd — название породы дерева.

² См. П. К. Услар, Хурькилинский язык, Тифлис, 1892, стр. 9.

³ О диссимиляции в цудахарском диалекте см. Ш. Гаприндашвили, Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка, Языки Дагестана, I, Махачкала, 1948, стр. 128.

В кубачинском диалекте стечение двух г наблюдается как результат ассимиляции: г + л → гл.

В урахинском диалекте два г могут встретиться и без ассимиляции:

ni saġa (← saġi-ġa) „я есмь“ (II кл.).

В урахинском диалекте п + г → пп: aħəin-па ← aħəin-ġa „не есмь“¹. В акушинском диалекте встреча п с г не дает ассимиляции: илġа „сосед“ (срв. урахинск. диал.: илла „сосед“). В уркарахском диалекте п + г также не дает ассимиляции.

В кубачинском диалекте сочетания п с г, как и л с г не встречаются, поскольку ни союз, ни падежные окончания, присоединяющиеся к слову, не начинаются с г.

Дистанционная ассимиляция в диалектах даргинского языка наблюдается реже. В мегебском, губденском говорах представлено: м — б → м — м².

Мегебск. гов. ma-mašađi (← ma-bašađi) „не ходи“ (III кл.), срв. ma-ġašađi (II кл.).

§ 27. Диссимиляция в кубачинском диалекте не распространена. Могут встретиться случаи регрессивной диссимиляции при наличии в слове двух п, где первый п диссимилируется в і: šilqan (← šin-q-an) „мельница“, где šin „вода“.

Срв. в урахинском диалекте: šinqan (без диссимиляции); šilkan „болотистое место“, срв. урахинское šinġa „влажность“.

Случаи диссимиляции в заимствованных словах:

lišan „признак“, „мишень“, срв. персидское pišan;

bilzin „бензин“, laġan „наган“ (из русского языка);

lelingarađ — Ленинград.

§ 28. Кубачинскому диалекту свойственна сильная тенденция смягчения заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда і, е:

к → ç: biġa-k „тяжесть“, biġa-ç-ij „потянуть“

ṭaba-k „поднос“, мн. ч. ṭabu-ç-e

к → ç: kab-k-ne — масдар, срв. инф. ka-b-ç-ij „упасть“

bu-k-ne — „ „ „ bu-ç-ij „повести“

¹ См. П. К. Услар, Хуркилинский язык, Тифлис, 1892, стр. 75.

² С. Абдуллаев отмечает в даргинском ассимиляции: мн → мм, пб → пп; дистанционные ассимиляции: м — б → м — м в губденском и г — л → л — л в урахинском; см. С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, Махачкала, 1954, стр. 59, 60.

кə → çə: di-kə-a „любовь“, срв. wi-çə-ij „любить“

bā-kə-aj „нашел“, „ bā-çə-ij „найти“

g → ž: kab-g-ne — масдар, „ инф. kab-ž-ij „написать“

ba-g-ala „нужная вещь“, срв. ba-ž-ij „быть нужным“

х' → š: ba-x'-ne — масдар, срв. инф. ba-š-ij „идти“

sa-x'-ne — „ „ „ sa-š-ij „прийти“

х'ə → šə: kabi-x'ə-ađ „положил“, срв. kabi-šə-ij „положить“

wibdi-x'ə-ađ „подложил“, срв. wibdi-šə-ij „подложить“.

Вместе с тем, лабиализованные заднеязычные в кубачинском перед гласными переднего ряда не подвергаются палатализации:

bəkwiġ „съесть“, bikəwiġ „сжечь“, bikwiġ „зажечь“, bilġwiġ „посчитать“, baħwiġ „засеять“, kwe „два“, kwiñt „губа“.

Момент лабиализации w в лабиализованном согласном играет роль согласного, препятствующего смягчению заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда¹.

§ 29. Характерной особенностью фонетики кубачинского диалекта, выделяющей его среди других даргинских диалектов, является склонность звука г к выпадению. След утраты звука г сохраняется в возмездительной долготе предшествующего гласного²:

кубач.	ūke,	срв. уркар.	urki	„сердце“
	kəūtəa		kəurtəa	„лиса“
	čəx		čarx	„тело“
	māka		marka	„роса“
	bəçij		berçara	„испечь“
	bāqij		baqara	„сделать“

В качестве показателя II грамматического класса г в кубачинском заменяется через j:

j-çəe,	срв. уркар. диал.	g-çəi	„сестра“
j-uqna		g-uqna	„старуха“
j-ūsəe		g-ursəi	„дочь“, „девочка“
j-ikəana		g-ikəana	„любовница“

¹ См. Н. С. Трубецкой, Об одной особенности западнославянских языков, Вопросы языкознания, Москва, 1959, № 2, стр. 62.

² Более подробно см. наше: Звук г в кубачинском диалекте даргинского языка, Сообщения АН Груз. ССР, т. XI, вып. 7, Тбилиси, 1950.

В ауслауте г в кубачинском также заменяется через j:

qaj,	срв. урах. диал. qar	„трава“
tuj	tur	„меч“
muɕij	muɕur	„борода“.

Выпадение звука г в кубачинском диалекте вызывает значительные различия в звуковом облике одних и тех же слов кубачинского и других даргинских диалектов.

Напр., кубач. dās,	срв. урах. duras	„соха“
ūka	urkura	„арба“
čay	čiray	„светильник“
ma	mura	„сено“
čē	karī	„глиняная доска для выпечки хлеба“ и т. д.

Различие их — результат утраты звука г в кубачинском диалекте и последующих фонетических изменений.

Кубачинское čē, например, получено из karī следующим образом: karī → *kā-i → *kē → čē.

В кубачинском может утратиться и комплекс ghə:

кубач. bē,	срв. урах. barhəi	„день“
wē	werhəal	„семь“.

Может выпасть и hə:

кубач. mūle,	срв. урах. muhəli	„рот“
qā	qahəa	„репа“.

Фонема hə в кубачинском может теряться не только в инлауте и ауслауте, но и в анлауте:

кубач. ākw,	срв. урах. həark	„река“
aqw	həanq	„стадо“
awa „платье“	həawa	„рубашка“
ilṭa	həilṭa	„худоба“
ule	həuli	„глаз“
iṭin	həiṭin	„краснота“.

Сравнительно с данными урахинского диалекта в кубачинском наряду с утратой hə наблюдается также утрата ω¹:

¹ Об утрате hə и ω в анлауте в кубачинском см. K. Bouda, Die darginische Schriftsprache, Leipzig, 1937, стр. 40.

кубач. ibx¹ne, срв. урах. ωibšni „осень“
inžit ωinžiti „беспокойство“.

§ 30. В кубачинском диалекте наблюдается выпадение звука l, или слога li, или ni (← li):

bāqib-sab или: bāqib-i-sab вместо bāqib-li-sab — прошедшее результативное от глагола bāqij „сделать“.

Форма bāqibsab (т. е. с выпадением слога li) распространена в устах детей, в устах же старшего поколения употребляется форма: bāqib-i-sab или bāqib-li-sab.

При ассимиляции звука l имеет место выпадение только целого слога ni: wilsəun-saw вместо wilsəunnisaw (← wilsənn-li-saw) „заснул“; balx¹un-da или balx¹un-ni-da „сею“.

Первые формы (т. е. без слога ni ← li) чаще можно встретить также в устах младшего поколения.

Слог li (или ni ← li), выпадающий в подобных формах, является суффиксом деепричастия, который может теряться без ущерба для значения самой формы.

В диалектах урахинского типа комплексы ll, nn выпадают¹; например: šij (← šii ← šinni ← šin-li) — эрг. п. от šin „вода“

ωwanij (← ωwani-i ← ωwanil-li ← ωwanila-li) — эрг. п. от ωwanila „подушка“.

В аналогичных случаях комплексы ll и nn в кубачинском не выпадают: šin-ne (← šin-le) — эрг. п. от šin „вода“; ωanix¹əala-la-l-di-l — эрг. п. от ωanix¹əala „подушка“.

§ 31. При присоединении направительных превербов к глаголам с префиксами, классными показателями в кубачинском наблюдается ряд фонетических изменений:

kižij (← k-aw-ižij ← ka-wižij)	„сесть“ (I кл.)
kəžij (← kejžij ← kajžij ← ka-jižij)	„сесть“ (II кл.)
ka-bžij (← ka-bižij)	„сесть“ (III кл. и мн. ч.)
ka-təižij (← ka-dižij)	„сесть“ (мн. ч.)

Гласный a направительного преверба вместе с показателем I грамматического класса w, образуя дифтонг aw, выпадает; при встрече с показателем II класса j гласный преверба a ассимилируется с j.

¹ См. С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке, Язык и мышление, X, М.-Л., 1940, стр. 92, 93.

симилируется, в результате чего из дифтонга aj получаем долгий гласный ē¹.

Префикс, классный показатель d, если ему предшествует на-равительный преверб (sa-, ka-, ha-), изменяется в геминату tɔ:

saɣij (← s-aw-ayij ← sa-wayij) „прибыть“ (I кл.)
sēyij (← sejjij ← sajjij ← sa-jaɣij) „ (II кл.)
sabaɣij — субъект III кл. и мн. ч.
sa-təayij (← sa-daɣij) — субъект мн. ч.

Если гласный основы глагола является долгим, то дифтонг aj не претерпевает изменений, между тем как дифтонг aw выпадает:

ha-būšij „бесноваться“ (субъект III кл. или мн. ч.)
ha-jūšij (субъект II кл.)
hūšij (← ha-wūšij) (субъект I кл.)
ha-təūšij (← ha-dūšij) (субъект — мн. ч.)

či-ka-bēxəwij „приступить“ (субъект III кл. или мн. ч.)
či-ka-jēxəwij (субъект II кл.)
či-kēxəwij (← či-ka-wēxəwij) (субъект I кл.)
či-ka-təxəwij (← či-ka-dēxəwij) (субъект мн. ч.)

Если при присоединении преверба редуцирован гласный основы, то дифтонг aw не выпадает:

kawqij (← ka-wuqij) „пройти вниз“, „спуститься“ (I кл.)
kēqwij (← kejqwij ← kajqwij ← kajuqij) (II кл.)
kabqij (← ka-buqij) (III кл. и мн. ч.)
katəuqij (← ka-duqij) (мн. ч.)

§ 32. Перестановка согласных встречается в диалектах даргинского языка², но для кубачинского диалекта не характерна и встречается лишь спорадически, например: pitač „печать“.

§ 33. Кубачинский диалект, подобно другим даргинским диалектам, избегает стечения согласных и в заимствованных словах разъединяет их присоединением гласного в начале слова или вставкой гласного: istikan „стакан“, ispiškəa „спичка“, uškəula „школа“, ustul „стол“, „стул“, palan „план“, gagan „грамм“, təaraktur „трактор“, pəirsəidaɣil „председатель“ и т. д.

¹ Аналогично этому пространственный преверб taj- „спереди“ изменяется в tē- (← tej ← taj).

² См. С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, Махачкала, 1954, стр. 61.

Упрощение комплекса согласных внутри слова может произойти за счет выпадения согласного: pəawiskəa „повестка“, maštuk „мундштук“, pastakançik „подстаканник“ и т. д.

§ 34. Звонкие спиранты z и ž суффиксов прилагательных -zib и -žub при встрече с глухими придыхательными звуками именных основ подвергаются ассимиляции, а также геминируются:

z → sɔ: pak-səib (← pak-zib) „красивый“
ž → šɔ: pak-šəub (← pak-žub) „красивые“
t + z (→ tsɔ) → cɔ: samacəib (← samat-səib ← samat-zib) „легкий“
t + ž (→ tšɔ) → čɔ: samačəud (← samat-šəud ← samat-žud) „легкие“
č + z → čsɔ: puč-səib (← puč-zib) „слабый“, „плохой“
č + ž → čšɔ (|| čɔ): puč-šəub (|| pučəub) ← puč-žub „слабые“, „плохие“
c + z → csɔ → cɔ: bücəib (← büc-səib ← büc-zib) „толстое“
c + ž → cšɔ: düc-šəud (← düc-žud) „толстые“.

При встрече с абруптивом q спиранты z и ž суффиксов прилагательных не претерпевают подобных изменений:

būq-zib „ветхий“, „старый“, dūq-žud „ветхие“, „старые“.

Встреча с абруптивом ç спирантов z и ž суффиксов прилагательных дает геминаты cɔ и čɔ:

qacəib (← qac-zib) „кислое“, qačəud (← qac-žud) „кислые“.

§ 35. В кубачинском диалекте наблюдается оглушение исходного d в t:

nit	срв. ураx.	nid	„бровь“
pasat		pasad	„дурной“
ωurut		ωulud	„кол“
put			„пуд“ (слово, заимствованное из русского языка).

§ 36. Звуковые соответствия, как известно, могут носить систематический характер, например, грузинско-занские соответствия, объясняющиеся передвижением артикуляции в одном направлении: грузинский — свистящий, занский — шипящий (Н. Марр, Арн. Чикобава), либо могут быть менее систематичны, охватывая лишь группу слов и сводясь к заимствованиям и иным процессам.

Соответствия между диалектами даргинского языка относятся ко второму типу соответствий.

Урахинскому звонкому фарингальному смычно-взрывному $\mathfrak{z}$ в кубачинском соответствует фарингальная гемината q° . В кадарском, мегебском говорах фарингальному смычному соответствует звонкий заднеязычный спирант γ^1 :

урах. $\mathfrak{z}$	: кубач. q°	: кадар. γ	
$\mathfrak{z}a\mathfrak{z}a$	: $q^{\circ}a\mathfrak{z}^{\circ}a$	: $\gamma a\mathfrak{z}a$	„теленоч“
$\mathfrak{z}a\mathfrak{z}$	: $q^{\circ}a\mathfrak{z}$	: $\gamma a\mathfrak{z}$	„спина“
$\mathfrak{z}anda$	: $q^{\circ}anda$	: $\gamma anda$	„клоп“.

Кубачинскому фарингальному взрывному q в урахинском sporadически соответствует заднеязычный спирант x^2 :

кубач. $qix^{\circ}w$	: урах. xiw	„орех“
$biquzib$	: $bixu\mathfrak{z}a$	„желтый“
qal	: аул Урцаки xal	„дом“
miq	: $mixir$	„свадьба“.

Между урахинским, цудахарским и кубачинским диалектами в специальной литературе отмечено в качестве соответствия $h : s : t^3$.

урах. $himi$	: цудах. $simi$	: кубач. $time$	„гнев“
$murhi$	: $musi$	: $mute$	„золото“
$warhi$	: $warsi$	: $wate$	„бурка“.

Взаимоотношение фарингальных звуков ω , h° и ларингального h между кубачинским и другими диалектами даргинского языка следующее:

$h : h^{\circ} : \omega$

кубач. $hila$	: гов. аула Бутри $h^{\circ}ala$	: урах. ωala	„назад“
$hinze$	: $h^{\circ}inc$	: ωinc	„яблоко“.

$h^{\circ} : \omega$

кубач. $h^{\circ}ita$	: урах., урк., хайд. $\omega a\mathfrak{z}a$	„лягушка“	
$h^{\circ}unc$	: урах. $\omega wan\mathfrak{z}$	: уркар. $\omega an\mathfrak{z}$	„глухота“

¹ Соответствие, в основе которого лежит распад системы фарингальных звуков; см. Ш. Гаприндашвили, *ბგერათშესატყვისობებისათვის დარგულსა და ლაქურში*, იკვ, VI, 1954, стр. 300, 323.

² См. там же (замена q в формантах спирантом x в нижнехайдавском говоре), стр. 326.

³ См. там же, стр. 299, 325; срв. также, Ш. Гаприндашвили, *Фонетика даргинского языка (по данным диалектов)*. Автореферат, Тбилиси, 1956, стр. 34.

$h : \omega$

кубач. $d\ddot{u}ha$, хайд. $durha$	: урах. $dur\omega a$	„дешевый“
кубач. wah/jah	: { урах. $wa\omega/da\omega$	} „хозяин“, „хозяйка“.
хайд. wah/rah	: { урк. $wa\omega/ra\omega$	
	: { гов. аула Бутри $j\omega/r\omega\omega$	

$h : h^{\circ}$

кубач. $balhij$	: урах. $balh^{\circ}wis$	} „проснуться“
хайд. $balhana$	: уркар. $balh^{\circ}ana$	

„ tah	: уркар. tah°	„нога“
„ $muhur$	: урах., уркар. $ma\mathfrak{h}^{\circ}ur$	„безумный“.

$\omega : h^{\circ}$

кубач. ωab	: урах., уркар. $h^{\circ}ab$	„три“ ¹
кубач. $um\omega ij$	: урах. $umh^{\circ}as$	„играть“
гов. аула Бутри $d\ddot{a}\omega$	: урах. уркар. $d\ddot{a}h^{\circ}$	„лицо“.

Если рассматривать соответствие звуков $h : h^{\circ} : \omega$ только между кубачинским и урахинским диалектами, то получим следующую картину:

кубач. диал.		урах. диал.
h°	—	ω
h	— ¹ h° —	ω
ω	—	h°
h	—	h°

Соответствие $x : h$ ($xw : hw$)

Кубачинский диалект сохранил x , в урахинском, уркарском, хайдавском имеем h^2 .

mix (кубач. диал.): $mirh$ (урах., урк. диал.), $me\mathfrak{h}$ (хайд. диал.)	„железо“
$bixij$: $bihis$ (урах. диал.), $bihana$ (уркар., хайд. диал.)	„завязать“

¹ По Ш. Гаприндашвили, в даргинском языке $h^{\circ} \leftarrow \omega$; срв. Ш. Гаприндашвили, *ბგერათშესატყვისობებისათვის დარგულსა და ლაქურში*, იკვ, VI, 1954, стр. 297.

² Говор аула Бутри частично сохранил x на месте h других диалектов: $me\mathfrak{h}$ „железо“, $bagxij$ „сшить“, но $bixij$ „завязать“, $belhij$ „резать“.

кубач. *baχij* : урах. *bahis*, уркар. *bahaga* „узнать, выучить“

bēχij : хайд. *berhaga* „ударить“

bāχij : „ *barhaga* „сшить“

bilχwij : урах. *bilhwis*, уркар., хайд. *bellwana* „зарезать“

buxij : „ *bis*(←*bihis*) „стать“, „сделаться“.

Ларингальный *h* в диалектах даргинского языка может быть результатом и соответствия *χ : š : h*:

урк. *puχ^əa* : урах. *puša* : гов. аула Мүлебкы *puša* „мать“

кубач. *χ^əwe* : хайд. *šwe* : урах. *hwi* „семья“

кубач. *χ^əne* : урах. *huni* „дорога“

урах. *muχ^ə* : уркар. *murh* „глубина“

кубач. *ix^əwij* } : { уркар. *ihwaga* „бросить“

гов. аула Бутри *ix^əij* } : { урах. *iwhis* (←*ihwis*)

кубач. *bax^əwij* } : { урах. *berhwana* } „сеять“

хайд. *bex^əwana* } : { гов. аула Бутри *berhij* }

Срв. соответствие *χ : š* в диалектах даргинского языка на основе палатализации:

кубач. *mīχ^ə*, хайд. *mīχ^ə* диал.): урах. *mirš* „сердце“

кубач. *ibχ^əne*, гов. аула Бутри, урах. *bex^əne*, уркар. *wibšni* „осень“

Аффрикате *s* урахинского и других даргинских диалектов в кубачинском соответствует спирант *š* (соответствие на почве спирантизации *s → š*).

урах. *uχsul* : кубач. *ūsul* „дрова“

uχs : *us* „бык“

sa : *sa* „один“

cula : *sula* „зуб“

wasa : *wasa* „мышь“

sabaħ : *sabā* „некие“

cup : *sup* „одинокость“

bucis : *busij* „поймать“

bicis : *bisij* „продать“¹

¹ См. Ш. Габураев, *Даргинский язык*, Бюро Дагестанского государственного университета, Махачкала, 1954, стр. 325; срв. Ш. Г. Габураев, *Фонетика даргинского языка*. Автореферат, стр. 36.

§ 37. Ударение в кубачинском диалекте динамическое, слабое. П. К. Услар, обычно отмечавший ударение в исследуемых им дагестанских языках, при изучении даргинского языка в урахинском диалекте не отмечает ударения.

Ударение в кубачинском диалекте разноместное¹: оно может падать на начальный (*kābqij* „спуститься“), внутренний (*kābūlqunnida* „спускаюсь“) и конечный слог слова (*kabqīd* „спустился“); ударение подвижное: *kābčij* „упасть“, *kabčē* „упало“. По месту ударения могут различаться глагольные формы, например, по ударению могут отличаться формы повелительного наклонения ряда глаголов от форм прошедшего совершенного времени:

<i>jūkin</i> „ешь!“	срв. <i>jukin</i> „поела“
<i>jūsēin</i> „спи!“	„ <i>jusēin</i> „спала“
<i>wisəe</i> „плачь!“	„ <i>wisəe</i> „плакал“
<i>wīqe</i> „работай!“	„ <i>wīqe</i> „работал“
<i>ūčəe</i> „пей!“	„ <i>učəe</i> „пил“.

В повелительном наклонении 2-го лица ед. числа ударение в подобных глаголах падает на первый слог, в прошедшем совершенном — на последний.

По нашим наблюдениям, ударение в именах существительных обычно падает на последний слог: *ḍulā* „сито“, *qačē* „кося“, *aḍamē* „человек“, *gutā* „табуретка“, *təpəe* „обувь“, *masəa* „овца“, *ṭabāḳ* „поднос“, *daħrā* „топорик“, *qałčē* „птичка“, *ḳul-gān* „ремень для сена“, *bikixəān* „недоуздок“, *šilqān* „мельница“, *qarā* „шалка“, *mūčāl* „кувшин“ и т. д.; отглагольные имена действия: *wax^ənē* или *wax^əalā* „хождение“, *kabilčnē* „чтение“ и т. д.; числительные: *wabčāl* — „30“, *χ^əučāl* — „50“, *wəčāl* — „70“ и т. д.

При присоединении суффикса множ. числа ударение падает также на последний слог: *sulā* „зуб“, мн. ч. *sulbē*; *ulē* „глаз“, *ulbē*; *ulgām* „шуба“, *ulgamtē*; *qarā* „шалка“, *qarḥnē*; *mūčūj*

¹ С. Абдуллаев полагает, что в диалектах акушинско-урахинской группы ударение всегда падает на первый слог, в диалектах мекгской группы — на второй слог от начала слова, в диалектах же пудахарской группы — на различные слоги, являясь подвижным; см. С. Абдуллаев, *Ударение в даргинском языке*, *Языки Дагестана*, II, Махачкала, 1954, стр. 237.

„борода“, muçujtè; ustùl „стол“, ustultè; ducəà „лес“, ducəubnè и т. д.

В заимствованных из русского или через русский язык словах подударный гласный в кубачинском диалекте выделяется либо долгой гласной (mašina „машина“, mārka „марка“, pābrika „фабрика“, titrād „тетрадь“, niķil „никель“, gūčkəa „ручка“ и т. п.), либо ударение переносится на последний слог, уподобляясь ударению в кубачинских словах (lampā „лампа“, ispiškəà „спичка“, kapustā „капуста“, kəinišəà „книга“ и т. п.).

В процессе развития языка, как известно, может претерпевать изменения и ударение. Известно, например, что если ныне для новогрузинского литературного языка характерно слабое динамическое ударение, фиксированное в пределах слова, то для древнегрузинского литературного языка было характерно интенсивное, нефиксированное динамическое ударение, которое „...могло падать на последний слог, вызывая выпадение гласного в предшествующем слоге; или же — падать на начальный слог, вызывая выпадение гласного в последующем слоге...“¹.

Выпадение гласного, обусловленное динамическим ударением на предшествующем слоге, наблюдается и в кубачинском. Оно обнаруживается в глаголах с превербами, где под влиянием ударения, падающего на преверб, предшествующий простой форме глагола, редуцируется гласный последующего слога²:

hà-bt̪ij (← ha-bit̪ij) „выкопать“, срв. длительный вид, где гласный последующего слога не редуцирован: ha-bilt̪ij „выкапывать“;

kà-bčij (← ka-bičij) „упасть“, kà-bqij (← ka-buqij) „спуститься“, hà-bqij (← ha-buqij) „подняться“, sà-bqij (← sa-buqij) „прийти“, tà-bdaqij (← ta-bidaqij) „повесить перед“, čì-bdaqij (← čì-bidaqij) „повесить на“, wì-bdaqij (← wi-bidaqij) „подвесить“ и т. д.

В глаголах с превербами редукция гласного последующего слога не наблюдается, если корневым согласным является гемин

¹ А р н. Чикобава, К вопросу об ударении в древнегрузинском литературном языке. Сообщения АН Груз. ССР, III, №№ 2, 3, Тбилиси, 1942, стр. 302.

² Наблюдаются случаи, когда при наличии преверба гласный последующего слога не редуцирован: ka-batij „посадить“, sa-batij „подать“, ha-biqij „воспитать“ и т. д.

ната или, если гласный в слоге за превербом является долгим: ka-bičəij „поставить“, ka-bičəij „разрезать“, ha-bičəij „гравировать“, ka-bišəij „положить“, ka-bāqij „уложить (спать)“, ka-bētəij „отломать“, ka-bāsij „уместиться“, ha-būqəij „выкопать“, sa-bēsij „спастись“.

Редукция гласного может повлечь за собой последующее изменение глагола; например: čitəuqij (← čidduqij ← čì-diduqij) „взойти, вступить на...“. Субъект данного глагола (показатель -d) стоит во множ. числе. Срв. этот же глагол при субъекте в ед. числе I класса: čì-wduqij (← čì-widuqij).

Если глагол с направительным превербом (ka-, ha-, sa-) усложняется еще пространственным превербом, то ударение в кубачинском сохраняется на направительном превербе: čì-kà-bžij „сесть на“; „надеть“, срв. kà-bžij (← ka-bižij) „сесть“; wì-kà-bqij „войти под“... срв. kà-bqij (← ka-buqij) „спуститься“.

В диалектах даргинского языка ударение может падать на пространственный преверб, предшествующий направительному превербу, редуцируется при этом гласный направительного преверба (т. е. последующего слога).

Говор аула х'агүни: čè-k-bižij (← čè-ka-bižij) „надеть“, срв. ka-bižij „сесть“, где при наличии только направительного преверба гласный основы не редуцирован.

МОРФОЛОГИЯ

§ 38. Категория грамматических классов. В большинстве дагестанских языков различаются морфологическими средствами грамматические классы, но число их в разных языках неодинаково. Так, например, в лакском языке выделяются четыре класса, в аварском — три, в табасаранском — два, а лезгинский, агульский, удинский языки грамматических классов ныне, как морфологической категории, не различают. В табасаранском языке класс человека противопоставляется классу вещей и животных. В тех языках, где число классов больше двух, класс человека дифференцирован. Так, в аварском языке I класс включает человека мужского пола, II класс — человека женского пола, все остальное относится к III классу¹. В лакском языке, где различаются четыре грамматических класса, I класс включает человека мужского пола, II класс — женщину после замужества, к III классу относится ряд животных, птиц, насекомых и неодушевленных предметов, а также *diš* „девушка“, *səi* „сестра“, к IV классу относятся некоторые существа класса вещей, как *xəjlsɨ* „лаук“, *metiqɨqɨ* „муравей“ и многие неодушевленные предметы².

В кубачинском диалекте даргинского языка в единственном числе ныне различаются три грамматических класса: I класс — человек мужского пола, как-то: *adame* „человек“, „мужчина“, „муж“, *gal* „мальчик“, „сын“, *isəe* „брат“, *juldaš* „товарищ“...; II класс — человек женского пола, как-то: *xʷunul* „женщина“,

¹ См. Арн. Чикобава, К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках. Сообщения АН Груз. ССР, III, № 4, Тбилиси, 1942.

² См. П. К. Услар, Этнография Кавказа. Языковедение. IV. Лакский язык, Тифлис, 1890; Г. Муркелинский, Классы и классные показатели в лакском языке, Труды 2-й научной сессии Даг. базы АН СССР, Махачкала, 1949, стр. 148.

„жена“, *jūsəe* „девочка“, „дочь“, *jusəe* „сестра“, *jiqna* „старуха“, *jikəana* „любовница“...; к III классу относится все остальное, будь это одушевленные или неодушевленные предметы, как-то: *ūče* „лошадь“, *us* „бык“, *biç* „волк“, *žatəa* „ласточка“, *dindala* „муравей“, *qal* „дом“, *las* „стена“, *biç* „голова“, *çub-dix* „белизна“ и т. д.

Показатели грамматических классов в ед. числе:

I кл. —w,	II кл. —j,	III кл. —b
<i>id adame sa-w</i>		„он — человек“
<i>id xʷunul sa-j</i>		„она — женщина“
<i>id ūče sa-b</i>		„то — лошадь“
<i>id qal sa-b</i>		„то — дом“.

Во мн. числе грам. классов обычно меньше, чем в ед. числе, хотя может встретиться язык, насчитывающий во мн. числе столько же классов, сколько и в ед. числе¹. Таков, например, андийский язык:

	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.
ед. ч.	w	j	b	b	ɾ
мн. ч.	w	j	j	b	ɾ ²

В лакском языке при четырех классах в ед. числе во мн. числе различаются два класса:

	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.
ед. ч.	w	d	b	d
мн. ч.	b			d ³

Ряд андийских языков при трех классах в ед. числе имеет два класса во мн. числе (каратинский, ахвахский...):

	I кл.	II кл.	III кл.
ед. ч.	w	j	b
мн. ч.	b		ɾ ⁴

¹ См. Арн. Чикобава, К истории грамматических классов в аварском языке, Известия ИЯИМК, I, Тбилиси, 1937, стр. 102.

² См. И. Церцвадзе, Грамматические классы в говорах андийского языка, ИКЯ, VI, Тбилиси, 1954, стр. 429.

³ См. П. К. Услар, Лакский язык, стр. 9; В. Т. Топуриа, Грамматические классы и их экспоненты в лакском языке, Изв. ИЯИМК, XII, 1942.

⁴ См. Арн. Чикобава, К истории грамматических классов в аварском языке, Изв. ИЯИМК, I, Тбилиси, 1937, стр. 102.

В аварском языке при трех классах в ед. числе во мн. числе классы не различаются (во мн. числе представлен лишь один экспонент грамматического класса):

	I кл.	II кл.	III кл.
ед. ч.	w	j	b
мн. ч.	r ¹		

Во мн. числе в даргинском языке различаются два класса, при этом классы различаются также по лицам, что является характерной особенностью даргинского языка:

- 1 л. I, II, III кл. nusəa d-ax'ulda „мы идем“
 2 л. I, II, III кл. ušəa d-ax'ulda „вы идете“
 3 л. { I, II кл. itəe b-ax'ulsa-b „они (I, II кл.) идут“
       III кл. itəe d-ax'ulsa-d „они (III кл.) идут“.

Классный показатель d представлен во всех трех лицах III класса и в 1-ом и 2-ом лицах I и II классов; показатель b представлен в 3-ем лице I и II классов.

Таблицы классных показателей в диалектах даргинского языка:

	I кл.	II кл.	III кл.	*IV кл.
Урах. диал. ² : ед. ч.	w	d- r	b	d- r
мн. ч. 1, 2 л.	d- r		d- r	d- r
3 л.	b		d- r	

	I кл.	II кл.	III кл.	*IV кл.
Уркар. диал.: ед. ч.	w	r	b	d
мн. ч. 1, 2 л.	d		d	
3 л.	b		d	

	I кл.	II кл.	III кл.	*IV кл.
Кубач. диал. ³ : ед. ч.	w	j	b	d
мн. ч. 1, 2 л.	d		d	
3 л.	b		d	

Грамматические классы во мн. числе различаются в 3-ем лице, где представлены показатели: один для первых двух клас-

¹ См. Арн. Чикобава, К истории грамматических классов в аварском языке, стр. 98.

² См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, Тифлис, 1892, стр. 12.

³ Срв. Л. И. Жирков, Язык аула Кубачи, Учен. записки, I, 1930, стр. 270.

сов (т. е. для категории человека), другой для класса вещей; 1-ое и 2-ое лица во всех классах имеют одинаковые показатели.

Таким образом, классные экспоненты во мн. числе различаются в 3-ем лице, выделяя категории человека и вещей. В первых двух классах классными показателями первое и второе лица противопоставлены третьему; в классе вещей классный показатель для всех трех лиц один.

Во мн. числе, как известно, используются экспоненты грамматических классов ед. числа. В даргинском языке во мн. числе использованы экспоненты классов вещей (наблюдается деперсонализация)¹: экспоненты d- r во мн. числе являются показателями IV класса, экспонент b во мн. числе — показатель III класса.

Исходной формой во мн. числе является картина, представленная в 3-ем лице, где различаются два класса².

Даргинский язык в отношении унификации грамматических классов во мн. числе занимает промежуточную ступень между лакским и аварским языками: в лакском языке при четырех классах в ед. числе во мн. числе различаются два класса, в аварском языке во мн. числе классы не различаются (унификация грамматических классов во мн. числе завершена), в даргинском языке в 1-ом и 2-ом лицах мн. числа грамматические классы не различаются, различие сохранилось в 3-ем лице.

Классные показатели во мн. числе b и d (d- r) являются этимологически показателями классов вещей: один третьего класса — b, другой четвертого — d (d- r).

Поскольку основным принципом эволюции грамматических классов является использование в обобщающем значении класса категории вещей³, то при дальнейшей унификации грамматических классов во мн. числе в даргинском языке d — показатель

¹ См. Арн. Чикобава, К генезису суффиксов множественности в грузинском языке. ИКЯ, VI, Тбилиси, 1954, стр. 72; Arn. Tschikobawa, Die ibero-kaukasische Gebirgssprachen und der heutige Stand ihrer Erforschung in Georgien. Acta Orientalia Hung. IX, fasc. 2. Budapest, 1959, стр. 135.

² См. Н. Д. Андгуладзе, Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Автореферат кандидатской диссертации, Тбилиси, 1954.

³ См. Арн. Чикобава, Категория грамматических классов и генезис падежных окончаний в грузинском языке. Сообщения АН Груз. ССР, VII, № 1-2, 1946.

класса вещей мн. числа — должен вытеснить **b** — показатель I и II классов (т. е. класса человека) мн. числа.

Обобщающее значение во мн. числе в аварском языке имеет показатель именно IV класса **r**¹. При развитии личного спряжения в даргинском языке 1-ое и 2-ое лица мн. числа используют также показатель IV класса — **d**².

§ 39. Несколько отличная от других даргинских диалектов картина грамматических классов представлена в речи аула Мегеб³, где, судя по классным показателям ед. числа, сохранились следы IV класса: девушка по экспонентам грамматических классов ед. числа выделяется из класса женщины. Показателем класса женщины служит **r**, экспонентом грамматического класса девушки: **d- -r** (**d** в качестве префикса, **r** — в качестве суффикса). Во мн. числе классный показатель девушки и женщины один и тот же: **b**.

Кроме того, в мегебском классные показатели во мн. числе не изменяются по лицам: во всех лицах классными показателями служат **b** или **d- -r** (последние для класса вещей).

Таблица экспонентов грамматических классов в мегебском:

	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.
ед. ч.	w	r	b	d- -r
мн. ч.	b		d- -r	b

Слово *ḡursi* „девушка“, „дочь“ сохранило экспоненты грамматических классов, использующиеся во мн. числе для класса вещей, само слово *ḡursi* во мн. числе имеет классный показатель **b** так же, как и I и II классы; по классному показателю мн. числа девушка отнесена к категории человека. Это вторичный факт — результат перехода слова *ḡursi* „девушка“ во мн. числе из IV класса во II класс, т. е. из класса вещей в класс женщин.

Исторически в даргинском языке IV класс, по-видимому, включал в себя еще значительное количество предметов, ныне относящихся к III классу.

¹ См. Арн. Чибобава, К истории грамматических классов в аварском языке. Изв. ИЯИМК, I, Тбилиси, 1937, стр. 100.

² Либо унификация грамматических классов в первых двух лицах при сохранении различия в 3-ем лице вызвала различие грамматических классов по лицам в первых двух классах (И. Церцвадзе).

³ См. наше: О грамматических классах в даргинском языке. Сообщения АН Груз. ССР, т. XXIV, № 5, 1960.

Само слово *ḡursi* „девушка“ в мегебском сохранило в префиксе показатель **d**, изменившийся в других диалектах: **r-ḡrsai** (уркарахский диалект), **j-ḡrsae** (кубачинский диалект)¹.

В мегебском во вспомогательном глаголе *sabi* „есть“ — окаменел классный показатель **b** и форма *sabi* относится ко всем классам и обоим числам, что не характерно для других даргинских диалектов. Следовательно в мегебском, наряду с фактами наличия более древнего состояния грамматических классов (отнесение „девушки“ к IV классу), отмечается также тенденция окаменения классных показателей там, где в других диалектах еще представлены изменяющиеся классные экспоненты.

Классные показатели **d- -r** в качестве экспонентов II грамматического класса сохранились в урахинском диалекте; в других диалектах обычно показателем II класса служит **r**, вместо которого в кубачинском диалекте представлен **j** (← **r**). В урахинском диалекте во II классе сохранилась более древняя картина (сохранение **d** в качестве экспонента II класса в префиксе) сравнительно с другими диалектами (уркарахский, кубачинский...).

§ 40. Ряд слов вещественного значения, выражающие обычно текущие или сыпучие тела (*ḡum* „песок“, *pi'* „молоко“, *ḡiga* „сено“, *ulibx'a* „седло“, *zab* „дождь“ и т. д.) в диалектах даргинского языка оформляется одинаковыми классными показателями, именно — показателями IV грамматического класса (**d- -r**, либо — **d**)².

Такого рода слова выражают обобщающие понятия и, быть может, этим объясняется, что атрибутивные прилагательные при таких именах ставятся во множ. числе³: *ḡax-ti šin* „хорошая вода“ (**-ti** — суффикс мн. числа прилагательных).

¹ Мы выше отметили, что в записях Гюльденштедта слово *ḡursi* „девушка“ для акушинского диалекта приводятся с префиксом **d**.

² См. П. К. Услар, Хюркилинский язык. В силу этого Л. И. Жирков выделяет в урахинском диалекте четыре грамматических класса; Л. И. Жирков, Грамматика даргинского языка, стр. 14.

³ К. Боуда, возражая против выделения в даргинском языке IV класса, замечает, что выделение Л. И. Жирковым такого класса и даже помещение его в таблицу основано на непризнании факта, что коллективные понятия в ед. числе требуют плюрального классного элемента. См. К. Bouda, Die darginische Schriftsprache, стр. 41.

В кубачинском диалекте, например, подобные слова не имеют форм мн. числа, но сказуемое, согласуясь с ними, требует классного показателя *d* — исторически показателя IV грам. класса, ныне выражающего мн. число: *šin lid* „вода есть“, *qəm lid* „песок есть“ и т. д.; *šin* „вода“ и *qəm* „песок“ осознаются здесь как слова, заключающие понятие множественности.

Следы IV класса в кубачинском диалекте (так же, как и в других диалектах) обнаруживаются в отглагольных именах существительных¹. Так, например:

<i>d-ikəa</i> „любовь“, срв. <i>w-ičəij</i> (I кл.), <i>j-ičəij</i> (II кл.), <i>b-ičəij</i> (III кл.) „любить“
<i>d-ibxəa</i> „опухоль“, срв. <i>w-ibxəij</i> (I кл.), <i>j-ibxəij</i> (II кл.), <i>b-ibxəij</i> (III кл.) „опухнуть“
<i>d-ibx'əa</i> „закалка“, срв. <i>b-ibšəij</i> „закалить“
<i>d-ič</i> „напиток“, срв. <i>b-ēčəij</i> , <i>d-ēčəij</i> „выпить“
<i>d-ixan</i> „веревка“, срв. <i>w-ixij</i> (I кл.), <i>j-ixij</i> (II кл.), <i>b-ixij</i> (III кл.) „связать, завязать“
<i>d-itan</i> „топорик“, срв. <i>b-ītij</i> (III кл.) „бить“
<i>d-ūxala</i> „шов“, срв. <i>b-ūxij</i> „шить“
<i>d-aəzala</i> „омовение перед молитвой“, срв. <i>w-aəij</i> (I кл.) „омыть покойника“.

Префикс *d* в данных словах является таким же экспонентом утерянного IV класса, каким является *g* в словах: *g-otəi* „любовь“, *g-ec* „хвала“, „лесть“, *g-aγ* „борьба“ и т. п. — в аварском языке².

В аварском языке слово, согласующееся с *rotəi* „любовь“, принимает показатель III класса *b*: *waj 'asija-b rotəi* „ах, жестокая любовь“³; в кубачинском диалекте *dikəa* „любовь“ требует согласования по классному показателю *d*: *dikəa dišəe* „полюбил“ („любовь охватила“); *çaq-žud dikəa* „сильная любовь“ (*-žud* — суффикс прилагательного мн. числа).

Такого же согласования требует и слово *dibxəa* „опухоль“: *dibxəa dūx'e* „опухоль ослабла“.

Слова: *dixan* „веревка“, *ditan* „топорик“, *dūxala* „шов“, изменяющиеся по числам, в ед. числе согласуются посредством

¹ См. (на материале литературного даргинского языка) С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, Махачкала, 1954, стр. 75.

² См. Арн. Чибобава, К истории грамматических классов в аварском языке, Изв. ИЯИМК, I, Тбилиси, 1937, стр. 98, 99.

³ См. там же, стр. 98.

классного показателя *b*, во мн. числе — при помощи классного показателя *d*, т. е. слова относятся к III грам. классу.

dixan b-iqəa „принеси веревку“, *dixne d-iqəa* „принеси веревки“, *ditan biš-bikəa* „одолжи топорик“, *ditante diš-dikəa* „одолжи топорики“.

Классные показатели в окаменелом виде можно обнаружить в ряде субстантивов. При отсутствии в имени существительном классного показателя о классной принадлежности его можно судить по классным показателям согласуемых с ним прилагательных, причастий, глаголов.

Окаменелым кл. показателем является префикс *d* в словах¹:

<i>d-āc</i> „соха“, срв. <i>g-ebcu</i> — в анд. яз.
<i>d-iγ</i> „бой“ <i>g-aγ</i> — в ав. яз.
<i>d-uq</i> „яро“ <i>g-uq</i> — в лак. яз.
<i>d-ix'w</i> „перекладина“ <i>g-axi</i> — в ав. яз.
<i>d-iqwa</i> „заплата“ <i>g-qi</i> — в ав. яз.
<i>d-ig</i> „мясо“ <i>d-iq</i> — в лак. яз.
<i>d-us</i> „год“ <i>j-as</i> — в табас. яз.

Окаменелый показатель *d* имеем также в словах *dusəa* „лес“, *dūcəe* „ночь“, *dikw* „молотба“, *dūhəu* „детеныш“. Префикс, геминированный *tə* (← *d*) в слове *təəkəu* „осленок“, является также окаменелым кл. показателем (срв. акушинское *daga*).

Ряд существительных имеет окаменелый классный показатель III класса *b*; например:

<i>b-ukəin</i> „еда“, срв. <i>bukij</i> „есть“
<i>b-uṭa</i> „кусочек“ „ <i>buṭij</i> „разделить“
<i>b-ibqə</i> „труп“ „ <i>bibčij</i> , <i>jibčij</i> , <i>wibčij</i> „умереть“
<i>b-isəa</i> „плач“ „ <i>bisəij</i> , <i>jisəij</i> , <i>wisəij</i> „плакать“
<i>b-ilsəa</i> „сон“ „ <i>bilsəij</i> , <i>jilsəij</i> , <i>wilsəij</i> „заснуть“
<i>b-ičla</i> „газыри“ ² (ед. ч.) „ <i>bīčij</i> „наполнять“.

От глагола *bīčij* „наполнять“ образовано также имя *bīčan* „матрац“, с тем же префиксом, классным показателем *b*.

¹ В специальной литературе имеются указания о выделении окаменелых классных экспонентов в субстантивах различных иберийско-кавказских языков. См., напр., N. Troubetzkoy, Les consonnes latérales de langues caucasique septentrionales; С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка...

² Газыри раньше наполнялись порохом.

Префикс *b* в качестве окаменелого классного показателя можно встретить и в неотглагольных именах. Например, *bik* „голова“, срв. *baḵ* — в лакском, *beḡer* — в аварском, *kuḷ*¹ — в табасаранском языке:

<i>bika</i>	„куча“,	срв. <i>baḵu</i>	— в лак. яз.
<i>baḥ</i>	„луна“, „месяц“	„ <i>baḡz</i>	— в лак. яз.
<i>bic</i>	„волк“	„ <i>baḡḥ</i>	— в лак. яз.
<i>baḡpa</i>	„тайна“	„ <i>diḡana</i>	— в урах. диал.

Отглагольные имена: *wiḵaana* „любовник“, *jiḵaana* „любовница“ (срв. *wiḥaij*, *jiḥaij* „любить“), *wiḇḵuḡan* „покойник“, *jiḇḵuḡan* „покойница“ (*wiḇḥij*, *jiḇḥij* „умереть“) имеют изменяющиеся классные показатели. Срв. *мн. число: *wiḵaante* „любимые“, *wiḇḵuḡante* „покойники“, где, кроме присоединения суффикса мн. числа, изменился и префикс, классный показатель.

§ 41. В кубачинском, как и в даргинском языке вообще, прослеживаются случаи сохранения в субстантивах изменяющихся классных показателей²,

w-ag, *j-ag* „поясница“ (мужчины, женщины), *b-ag* „середина“; во мн. числе *d-ag*³:

<i>adamilla waḡ</i>	„поясница человека (мужчины)“
<i>x^hunulla jaḡ</i>	„поясница женщины“;
<i>baḡ-hatəaḡij</i>	„разделить, разрубить пополам“ (объект III кл.)
<i>jaḡ-hatəaḡij</i>	„разрубить пополам“ (объект II кл.)
<i>waḡ-hatəaḡij</i>	„разделить пополам“ (объект I кл.)
<i>ka baḡ-hatəaḡa</i>	„раздели пополам бумагу“
<i>kaḡe ḡaḡ-hatəaḡa</i>	„раздели пополам бумаги“.

Изменяющийся классный показатель имеет существительное: *wākw* (I кл.), *jākw* (II кл.), *bākw* (III кл.) „нутро“, мн. ч. *dākw*; *adamilla wākw* „нутро человека“, *x^hunulla jākw* „нутро женщины“, *kisalla bākw* „нутро кармана“, *maḥala dākw* „внутренности овцы“;

¹ В табасаранском слове *kuḷ* „голова“ не сохранился префикс-классный показатель, но имеется суффикс-детерминант *-ut*.

² См. С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, Махачкала, 1951, стр. 74.

³ Срв. лакское *dā* „середина“, где *d* классный показатель. См. П. К. Услар, Лакский язык; В. Топуриа, Грамматические классы и их экспоненты в лакском языке. Известия ИЯИМК, XII, Тбилиси, 1942.

wāj (I кл.), *jāj* (II кл.), *bāj* (III кл.) „лицо“.

В обобщающем значении ныне данное слово обычно употребляется с экспонентом класса вещей: *bāj* или *dāj* (большее употребление получило *dāj* „лицо“):

x^hunulla rakḥəib bāj (|| *rakḥəud dāj*) „красивое лицо женщины“; во мн. числе имеем: *dūjje* „лица“.

Срв. в урахинском диалекте: *wāḥə* „лицо (мужчины)“, *dāḥə* „лицо (женщины)“, *bāḥə* „лицо (животного)“, множ. ч. *dāḥəni*, *bāḥəni*¹.

Классные показатели сохранились также в имени существительном: *w-ah* „хозяин“, „владелец“, *j-ah* „хозяйка“, множ. ч. *baḡhante* „хозяева“, „родители“, „родня“².

В субстантивах классные показатели выступают в качестве префиксов.

§ 42. Прилагательные и причастия в кубачинском диалекте имеют суффиксы, заключающие в себе классные показатели:

<i>abdu-zi-b</i>	„чистое“ (III кл.),	<i>baḡ^hu-zi-b</i>	„идущее“
<i>abdu-zi-j</i>	„чистая“ (II кл.),	<i>jaḡ^hu-zi-j</i>	„идущая“
<i>abdu-zi-w</i>	„чистый“ (I кл.),	<i>waḡ^hu-zi-w</i>	„идущий“
<i>abdu-ḡu-b</i>	„чистые“,	<i>baḡ^hu-ḡu-b</i>	„идущие“
<i>abdu-ḡu-d</i>	„чистые“,	<i>ḡaḡ^hu-ḡu-d</i>	„идущие“.

Прилагательное или причастие, употребляемое в атрибутивной функции перед определяемым именем, в кубачинском диалекте сохраняет классный показатель:

<i>abdu-zi-b ka</i>	„чистая бумага“
<i>abdu-zi-j jūḥə</i>	„опрятная (досл. „чистая“) девочка“
<i>abdu-zi-w gal</i>	„опрятный (досл. „чистый“) мальчик“
<i>abdu-ḡu-b gule</i>	„опрятные (досл. „чистые“) мальчики“
<i>abdu-ḡu-d kaḡe</i>	„чистые бумаги“
<i>waḡ^hu-zi-w gal</i>	„идущий мальчик“
<i>jaḡ^hu-zi-j jūḥə</i>	„идущая девочка“ и т. д.

Наличие классного показателя в суффиксе прилагательного и причастия является особенностью кубачинского диалекта. Обычно в диалектах даргинского языка суффиксы прилагательного или причастия не имеют классных показателей: *aḡ-si* „высокий, высокая, высокое“: *aḡ-ti* „высокие“.

¹ См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 13.

² См. С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, стр. 74.

В кубачинском диалекте оформление классным показателем прилагательного и причастия аналогично аварскому языку, в котором классные показатели выступают в суффиксе причастия и прилагательного: l'əikaw „хороший“ (I кл.), l'əikaj „хорошая“ (II кл.), l'əikab „хорошее“ (III кл.);

unew „идущий“ (I кл.), unej „идущая“ (II кл.), uneb „идущее“ (III кл.)¹.

§ 43. В кубачинском глаголе грам. классы различаются морфологическими средствами, как и вообще в диалектах даргинского языка.

Во вспомогательных глаголах sa-w|j|b|d „есть“ „суть“, и li-w|j|b|d „есть“, „имеется“ классный показатель выступает в качестве суффикса; обычно в простых формах кубачинских глаголов классный показатель представлен в качестве префикса:

wašij (I кл.), jašij (II кл.), bašij (III кл.) „уйти“, „уехать“
witij (I кл.), jitij (II кл.), bitij (III кл.) „побить“.

Префикс, классный показатель непереходного глагола указывает на субъект, переходного глагола — на объект:

du wax'ulda „я (I кл.) уезжаю“
du dil bəkwid tult „я съел хлеб“ (III кл.)

Для выражения мн. числа в глаголах, как выше указывалось, использованы классные показатели b и d:

dašij „уйти“, „уехать“ (1-ое и 2-ое л. I и II кл. и все лица III кл.)
bašij „ „ (3-ое л. I и II кл.)

Если глагол, имеющий классный показатель, усложнен превербом, в свою очередь имеющим классный показатель, то глагол будет оформлен двумя одинаковыми классными показателями.

Например: bēp-ka-bišəij „вложить“; оба классных показателя — в превербе bēp- „в“ и в простой форме глагола bišəij — указывают на объект III класса.

Срв. wēp-ka-wqij „войти“; оба классных показателя w указывают на субъект I класса.

Классными показателями оформлены ныне не все глаголы кубачинского диалекта; например: ašəij „купить“, aqij „пове-

¹ См. афб. Һ о ҟ о ɔ ɔ ɔ, ош. ɔ ɔ ɔ ɔ ɔ ɔ ɔ, Һ ɔ ɔ ɔ ɔ ɔ ɔ ɔ ɔ, ɔ ɔ ɔ ɔ ɔ ɔ ɔ, 1962.

сить“, ičəij „болеть“, kaχ'wij „убить“, saqəij „принести“ (срв. глагол длительного вида, где простая форма глагола сохранила классный показатель: sa-biqəij „приносить“).

В лакском языке имеются глаголы, имеющие два классных показателя, где оба экспонента указывают на один и тот же класс: biwzunni „встал“ (III кл.), dirzunni (II или IV кл.)¹.

В даргинском языке в глаголах типа barqis „сделать“ префикс b является изменяющимся классным показателем, а г, выступающий перед корневым согласным — окаменелым классным показателем² (в кубачинском диалекте в подобных глаголах вследствие утери г представлена возмездительная долгота предшествующего гласного).

Сложные формы глаголов (включающие глагол-связку) в 3-ем лице могут иметь два классных показателя: в префиксе и суффиксе. Если глагол непереходный, оба классных показателя указывают на субъект, если глагол переходный, то классный показатель в префиксе согласуется с объектом, классный показатель в суффиксе — с субъектом.

§ 44. В именах числительных кубачинского диалекта ныне не сохранились изменяющиеся классные показатели:

sa adame „один человек“, sa χ'əunul „одна женщина“
sa ūče „одна лошадь“, kwe gal „два мальчика“,
kwe təūtəa „два дерева“, χ'u qaračiban „пять мужчин“ и т. д.

Исторически даргинские числительные, должно быть, оформлялись классными показателями, подобно тому как это еще имеет место в ряде дагестанских языков (лакском, табасаранском...).

В кубачинских числительных можно выявить окаменелый классный показатель. Исходный m в кубачинском oŋčum „девять“, по-видимому, является окаменелым классным показателем (m←b): срв. табас. pğčnb/г (где исходный b или г — изменяющийся классный показатель), лакск. uğčwa, uğčga, pğčba „девять“ (где также представлены изменяющиеся классные экспоненты). Префикс d в числительном dāš „сто“ — окаменелый классный пока-

¹ См. В. Т. Топуриа, Грамматические классы и их экспоненты в лакском языке, Известия ИЯИМК, XII, Тбилиси, 1942, стр. 174.

² См. наше: О строе глагола в табасаранском языке, сбор. „Вопросы изучения иберийско-кавказских языков“, Москва, 1961, стр. 233.

затель; срв. табас. *warž* „сто“, лак. *təuršba*, где префиксы *w* и *tə* (← *d*) — также окаменелые классные показатели.

Из кубачинских местоимений изменяющиеся классные показатели имеют возвратные местоимения:

<i>sa-w/j/b</i>	„сам, сама, само“, мн. ч. <i>sa-b/d</i>	„сами“
<i>saw jāne sače</i>	„сам пришел сюда“	
<i>sajku jašilla juke</i>	„сама же говорила, что уедет“.	

Классные показатели встречаются также в наречиях и отвлеченных именах существительных; это в том случае, если основа, от которой образуется наречие или отвлеченное имя существительное, имеет классный экспонент:

<i>biqw-le</i>	„тяжело“ (III кл.);	<i>biqw-dix</i>	„тяжесть“ (III кл.)
<i>jiqw-le</i>	„ (II кл.);	<i>jiqw-dix</i>	„ (II кл.)
<i>wiqw-le</i>	„ (I кл.);	<i>wiqw-dix</i>	„ (I кл.)

Классные показатели могут оформлять послелогои и провербы. Изменяющиеся классные показатели представлены в послелогоах и провербах, выражающих нахождение предмета где-либо:

ustulli-žib kəiniškəa šib-xib „на столе находится книга“
tamsəal-žiw gal ši-w-tiw „на ковре находится мальчик“.

§ 45. Показателями грамматических классов в кубачинском диалекте служат аффиксы, выступающие в виде префиксов и суффиксов; обнаруживаются они и в основе слова. Классные экспоненты: I кл. *-w*¹, II кл. *-j* (← *r*), III кл. *-b*, во множ. ч. *b*, *d*; классный показатель *d* — след IV класса, различавшегося в ед. числе.

В кубачинском диалекте следы грамматических классов наблюдаются также в экспонентах *m*, *l*, *n*, *tə*.

В глаголах при наличии направительных провербов *ka-*, *ha-*, *sa-*, вместо классного показателя *d*, указывающего на мн. число, выступает гемината *tə* (← *d*).

ka-təuqij „спуститься“ (субъект мн. ч.), срв. в урахинском диалекте: *x'a-duqis* (где *d* не подвергается геминации).

Урахинское слово *dahəmçala* „зеркало“ составное: *dah* „лицо“ (где *d* — классный показатель), *mçis* „искать“; досл.

¹ Показатель I грамматического класса *w* перед гласным *u* в кубачинском выпадает, в урахинском диалекте *w* не сохраняется перед *i* и *ɛ* (П. К. Услар).

„лицеискатель“. Срв. кубачинское *lahəmçala* „зеркало“, где префикс *l* вторичен сравнительно с префиксом-классным показателем *d*, представленным в урахинском диалекте¹.

Можно предположить, что в словах *niqw* „солома (мякина)“, (срв. *dikw* „ток“); *nəy* (← *nery) „похлебка“, *nəq* „рука“ префикс *n* является классным показателем².

Разнообразие классных экспонентов в кубачинском, как и вообще в дагестанских языках, наблюдается в классе вещей; при этом следует иметь в виду, что в качестве экспонентов II грамматического класса используются показатели класса вещей³. Экспонентами II класса в диалектах даргинского языка ныне употребляются: *d*, *r*, *j*, встречающиеся и в других дагестанских языках.

Разновидность экспонентов II грамматического класса в иберийско-кавказских языках фонетическая: „... естественно рождается предположение, что форманты *d*, *r*, *j* представляют из себя фонетические разновидности одной и той же единицы...“⁴

В табасаранском языке, где число классов сократилось до двух, для класса человека ныне используются бывшие экспоненты класса вещей *d*, *r*⁵. Аффиксы *d*, *r* в табасаранском языке, являющиеся по происхождению экспонентами категории вещей, выражали категорию женщин, подобно тому, как это имеет место в даргинском языке; после упрощения системы грамматических классов и образования одного класса человека вместо двух (вместо категории мужчин и категории женщин) показатель категории женщин стал общим признаком категории человека⁶. Обобщающее значение сохраняют исторические экспоненты класса вещей *d*, *r*, вытеснив экспонент категории человека (мужчины).

¹ См. Л. И. Жирков, Система классного согласования в даргинском языке, сб. „Вопросы изучения иберийско-кавказских языков“, Москва, 1961.

² *n*, как показатель грамматического класса, отмечается в даргинских словах: *niqin* „мука“, *niqx* „топленое масло“, *niqa* „маленький“. См. Ш. Гаприндашвили, К генезису формантов дательного падежа в даргинском языке, ИКЯ, II, 1948, стр. 220.

³ См. Арн. Чикобава, К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках, Сообщ. АН Груз. ССР, III, № 4, 1942.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же.

⁶ См. Г. В. Рогава, К вопросу о переходе классного спряжения в личное спряжение в иберийско-кавказских языках. Сообщения АН Груз. ССР, т. XIV, № 7, Тбилиси, 1953, стр. 446.

Изменения, наблюдаемые в категории грамматических классов в диалектах даргинского языка, свидетельствуют о тенденции сокращения грамматических классов как в кубачинском¹, так и в других диалектах даргинского языка, как это имеет место, например, в аварском языке, где четыре класса ныне сведены к трем², или в табасаранском языке, где сохранились лишь два грам. класса (и то на пути полного угасания их)³, или в лезгинском и агульском языках, где грамматические классы уже полностью утрачены⁴ (выявляются окаменелые классные показатели, свидетельствующие о наличии в них в прошлом такой же системы грамматических классов, какая была характерна исторически вообще для дагестанских языков).

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 46. Число. Имена существительные в кубачинском в отношении категории числа можно разделить на ряд групп:

1. Имена, имеющие одну и ту же форму как для единственного, так и для множественного числа (т. е. не имеющие особой формы мн. числа; число выясняется из контекста). В эту группу входят: названия некоторых веществ, названия ягод, названия некоторых парных предметов, ряд названий отвлеченных предметов, изредка — названия одиночных предметов. Имя существительное при этом сохраняет форму единственного числа, между тем как глагол может согласовываться с именем как в единственном, так и во множественном числе:

il miχ sa-b „это — железо“ (об одном куске)

iltæ miχ sa-d — досл. „эти — железо“ (о многих кусках).

mute li-b „золото есть“ — в значении куска золота или одной монеты; mute li-d „золото есть“ — в значении кусков, слитков или множества золотых монет; b в глаголе lib указы-

¹ См. Л. И. Жирков, Язык аула Кубачи, Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока, I, Москва, 1930, стр. 270.

² См. Арн. Чикобава, К истории грамматических классов в аварском языке, Изв. ИЯИМК, I, Тбилиси, 1937.

³ См. наше: О категории грамматических классов в табасаранском языке. Сообщения АН Груз. ССР, т. XXII, № 6, 1959, стр. 757.

⁴ См. наше: Реликты грамматических классов в агульском языке, Вестник отделения общественных наук АН Груз. ССР, № 3(9), 1962.

вает на ед. число, d в глаголе lid — на мн. число, но при обоих глаголах имя существительное mute „золото“ не изменило своей формы, не оформляется формантом мн. числа.

Названия плодов и ягод: tiče „виноград“ — в значении одной ягодки или множества гроздьев; laða „клубника“, qaða „смородина“ и т. д.:

tiče bekwin „съешь виноград!“ (одну ягодку)

tiče dëkwin „съешь виноград!“ (в значении многих ягод).

Парные предметы: čakma „сапог“ или „сапоги“, səarbaze „башмак“ или „башмаки“, tulaqəe „обмотки“, dінде „носок“ или „носки“, p̄cā „серьга“ или „серьги“, cəsa „дверь“ или „двери“:

čakma biqəa „принеси сапог!“

čakma diqəa „принеси сапоги!“.

Отвлеченные предметы: wače „работа“, γaj „слово“, qaħ „кашель“, siχabxā „что-либо“...:

wače bāqə „сделай работу!“

wače dāqə „сделай работы!“.

Одиночные предметы: masəa „овца“ и „овцы“, „отара“, ūsul „палка“, „дрова“, lum „край“, „края“:

lum təkabičəa „отрежь край!“

lum təkateičəa „отрежь края!“.

2. Имена существительные, употребляющиеся только в единств. числе (глагол может согласовываться с такими именами существительными только в ед. числе).

Отрезки времени: ga „зима“, ibx̄ne „осень“, ire „полдень“, čəawalla „утро“, darx̄əə „вечер“, səəhaγra „сумерки“, waχt „время“...:

ga sabəγe „наступила зима“ (глагол согласуется с именем III грам. класса ед. числа); нельзя сказать: ga satəγe (т. е. нельзя согласовать с глаголом мн. числа).

Сюда же относятся: kulpat „семья“, gwanza „земля“, diqə „равнина“, time „зло“, dulmu „гнёт“, dīx̄w „туман“...

3. В кубачинском целый ряд имен существительных, обозначающих отвлеченные понятия, а также сыпучее и жидкое, по формам словоизменения относится к ед. числу, но согласуемое с ним сказуемое имеет кл. показатель d — исторически показатель IV класса, используемый наряду с b для выражения мн. числа.

Названия хлебных злаков¹: *dīqa* „хлеб в зерне“, *açe* „пшеница“, *muçe* „ячмень“, *miçe* „просо“, *xule* „чечевица“...:

ijus dīqa waχle daçiblisad „в этом году хлеб хорошо вырос (хороший урожай)“; нельзя сказать: *dīqa baçiblisab*, т. е. нельзя согласовывать глагол посредством показателя III грам. класса ед. числа *b*.

Жидкие: *šin* „вода“, *piç* „молоко“, *bē* „кровь“, *nēy* „навар“, *ganç* „уксус“, *lamt* „керосин“, *dule* „гниль“...:

šin deçea „выпей воду!“ (но не: *šin beçea*).

Сыпучие: *sae* „соль“, *kaa* „уголь“, *γam* „перец“, *puçin* „мука“, *luçin* „опилки“, *egle* „отруби“, *qam* „песок“...

Сюда же относится и ряд других имен существительных, как-то: *dīka* „любовь“, *dibxa* „опухоль“, *āše* „жатва“, *āce* „прополка“, *çamq* „эпизоотия“, *lāmda* „грязь“, *arinž* „корь“, *çax²ea* „оспа“, *as* „совесть“, „стыд“, *γalqama* „грива“, *zilūx²ea* „седло“, *γ²āg* „сани“...:

həawantacae çamq diçe „эпизоотия охватила скот“
γāg dalçidaqad „сани починил“.

4. Слова, употребляемые только во мн. числе (pl. tantum): *dix²ne* „опоки“, *ulbe* „очки“, *çūme* „кисти шали“, *witəaxle* „оборки“, *γarkne* „чесотка“, *hūçe* „горы“...:

dix²ne dažilsad „нужны опоки“; само слово *dix²ne* (также как и *ulbe* „очки“, *çūme* „кисти“...) выступает в форме мн. числа, глагол с ним согласуется также во мн. числе.

Имен существительных, употребляющихся только во мн. числе, сравнительно небольшое количество.

Абсолютное большинство имен существительных имеет формы единственного и множественного чисел: *qal* „дом“, *qulbe*; *ka* „лист“, *kame*; *gal* „мальчик“, „сын“, *gule*; *aba* „мать“, *abne*; *biç* „волк“, *biçe*; *ta²ma* „голос“, *ta²mne* и т. д.

В кубачинском, так же как и в других диалектах даргинского языка, представлен целый ряд суффиксов множ. числа².

¹ Если имеется в виду хлебный злак, засеянный на поле (на каком-то участке поля), то в этом случае глагол ставится в ед. числе: *dila waχ²un açe xi-b* „у меня есть засеянная пшеница“ (участок пшеницы); но, срв. *dila açe li-d* „у меня есть пшеница“ (подразумевается зерно).

² Образование мн. числа в даргинском языке рассмотрено в ряде работ: П. К. Услар, Хурьялинский язык; Л. И. Жирков, Грам-

Продуктивными суффиксами мн. числа в кубачинском диалекте являются: *-e*, *-be*, *-te*, *-me*, *-ne*.

Гласный *e*, являясь ныне самостоятельным показателем мн. числа, служит также исходным звуком других суффиксов мн. числа, т. е. является общим окончанием множ. числа кубачинского диалекта, подобно гласному *i* в других даргинских диалектах¹.

Посредством суффикса *-e* в кубачинском диалекте образует мн. число значительное количество слов. Обычно это слова с исходом на согласные звуки: *us* „бык“, *use*; *muğç* „жердь“, *muğçe*; *çip* „корзина“, *çipe*; *muçiq* „жёлоб“, *muçiçe*...

Суффикс *-e* является продуктивным суффиксом мн. числа и для заимствованных слов: *maštuk* „мундштук“, *maštuke*; *paraχut* „пароход“, *paraχute*; *rušbat* „взятка“, *rušbate*...

При образовании мн. числа может наблюдаться ряд фонетических изменений:

a) изменение гласного основы: *gal* „мальчик“, „сын“, *gule*; *tağ* „муха“, *tuçe*; *qar* „мешок“, *qare*;

b) утрата предупредительного гласного: *tułut* „хлеб“, *tułtè*; *buhum* „сноп“, *buhmè*; *dixan* „веревка“, *dixnè*; *iqan* „мыло“, *iqnè*;

c) усечение исходного гласного и флексия основы: *çika* „блоха“, *çike*; *çala* „вилка“, *çule*; *hana* „плита“, *hune*; *qəa²qba* „куропатка“, *qəuqbe*;

d) негеминированный исходный гласный перед суффиксом мн. числа — гласным *e* — может измениться в геминату: *maχ*

matika даргинского языка; К. В о u d a, Die darginische Schriftsprache; С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке; З. გ ა ჳ ო ბ დ ა შვილი, სახელთა მრავლობითი რიცხვის ფორმების წარმოება დარგულსა და ლაქურში. იკვ, V, 1953; С. А б д у л л а е в, Грамматика даргинского языка, Махачкала, 1954.

В урахинском диалекте в качестве показателей мн. числа П. Услар выделяет суффиксы: *-i*, *-ni*, *-bi*, *-mi*, *-ri*, *-ti*, *-urbi*, *-rubi*.

Л. Жирков к этим суффиксам добавляет еще: *-ani*, *-uni*, *-ubi*, которые С. Быховская не считает самостоятельными суффиксами мн. числа, полагая, что гласный, предшествующий суффиксам мн. числа, в данном случае является фонетической заменой конечного гласного имени. С. Быховская приводит в качестве самостоятельных суффиксов мн. числа еще: *-lumi*, *duri*, *-qali*. III. Гаприндашвили выделяет в даргинском языке суффиксы мн. числа: *-i*, *-bi*, *-ri*, *-ti*, *-mi*, *-di*, *-ni*, *-ge* (→ *-že* → *-ši*), *-qali*, *-ala*.

¹ „Общее окончание именительного падежа мн. числа есть буква *i*...“ пишет Услар относительно урахинского диалекта; см. П. К. Услар, Хурьялинский язык, Тифлис, 1892, стр. 24.

„ноша“, miχæ; jut „кишка“, jutæ; mīs „веник“, mīsæ; qəaɢ „спина“, qəiɢæ;

е) палатализация заднеязычного согласного перед суффиксом множ. числа — гласным переднего ряда е: tabaɢ „поднос“, tabuɕe; tupang „винтовка“, tupanʒe; səandug „сундук“, səanduʒe.

Суффикс мн. числа -be¹ присоединяется к именам с исходом как на согласные, так и на гласные: dig „мясо“, dig-be; dis „нож“, dis-be; sula „зуб“, sul-be; usta „мастер“, usta-be; dix „вьюк“, dix-be; šilqan „мельница“, šilqum-be...

Могут наблюдаться при этом фонетические изменения: усечение исходного гласного (kəule „шкура“, kəulbe); изменение гласного основы (nit „бровь“, nitbe); перед губно-губным **b** суффикса мн. числа **n** переходит в **m** (tine „ясли“, tumbe); гемината, оказавшись после усечения исходного гласного перед согласным **b** суффикса мн. числа, подвергается дегеминации (jūsæ „девочка“, jūs-be).

Некоторые слова с исходом на **b** во мн. числе имеют геминату рэ: səab „небо“, səupræ; q'əb „шея“, q'üræ; x'əb „могила“, x'əüræ.

Гемината рэ во мн. числе могла быть получена при встрече двух **b** — исходного **b** и **b** суффикса мн. числа (сəupræ ← сəub-be „небеса“)², но возможно и из одного **b** (исходного согласного ед. числа) после утраты согласного суффикса мн. числа.

Суффикс -pæ (полученный, по-видимому, из -be) имеется в ряде слов с исходом на гласный **a** или **e**. Во мн. числе исходный

¹ С семантической точки зрения слова, имеющие во мн. ч. суффикс -bi, по классификации С. Л. Быховской, в литературном языке составляют особый класс „предметов неотъемлемой собственности или, иначе, пассивного обладания“. С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке, Яз. и мышл., X, 1940, стр. 67.

С. Быховская выделяет класс пассивной собственности, исходя из того, что большинство рассматриваемых ею названий частей тела и родства в литературном даргинском языке имеют во мн. числе суффикс -bi. Однако, в кубачинском диалекте число слов, выражающих наименования частей тела и родства, принимающих во мн. числе суффикс -be, значительно меньше числа аналогичных слов, имеющих иные суффиксы мн. числа. Поэтому выделять класс пассивной собственности в кубачинском по суффиксам мн. числа не оправдано.

² Выше указывалось, что встреча двух **b** может дать геминату рэ, например: tapəalgwij (← tab-balgwij) „застегнуть“.

гласный заменяется на **u**: kutala „крыло“, kuɫlupræ; bahna „причина“, bahnuræ; kaənʒe „клык“, kaənʒupræ; səāne „лестница“, səānuræ; dēne „сосед“, dēnuræ.

Имена: hasəaj „столб“ и čantaɢ „мешочек“ во мн. числе теряют исходный **j** и изменяют гласный **a** на **u**: hasəupræ, čantupræ.

Суффикс -be является продуктивным для новых заимствований: birgāda „бригада“, birgādabe; šaxta „шахта“, šaxtabe; ramila „фамилия“, ramilabe, kəalxuznik „колхозник“, kəalxuznikabe.

Ряд кубачинских слов имеет во мн. числе сложный суффикс -ū-be:

las „стена“, lasūbe; kaɫ „точка“, kaɫūbe; aɣ „погода“, aɣūbe; miq „свадьба“, miqūbe; kwaš „горсть“, kwašūbe...

На месте кубачинского окончания -ūbe во мн. числе в других даргинских диалектах встречается: -ur-bi¹: dīqa „равнина“, dīqūbe; срв. урах. dīrqa — dīrquɾbi; кубач. qaqa „улица“, qaqūbe; срв. хайдак. qaqa — qaquɾbi; кубач. aɣw „река“, aɣūbe; срв. уркар. həaɾk — həaɾkuɾbi.

В сложном суффиксе -ū-be кубачинского диалекта долгота гласного является возмездительной (утрачен **r**).

В качестве самостоятельного суффикса мн. числа -ri встречается в большинстве диалектов даргинского языка, хотя и не является продуктивным суффиксом. В кубачинском нет суффикса -ri и его отсутствие неудивительно, учитывая тенденцию **r** к утрате или ослаблению его в **j**: qaj „травя“, quj-je; срв. в урахинском: qar — quɾri, срв. также в кубачинском: dāj „лицо“, dāj-je; maj „пригоршня“, muj-je, где суффикс -je, должно быть, вторичен (мог быть получен из -ri).

Имя useiqaj „двоюродный брат“ во мн. числе имеет форму usbuqre (срв. также: jusəiqaj „двоюродная сестра“, jusbuqre). Во множ. числе **r** не относится к суффиксу числа. Исходный **r** в форме ед. числа useiqaj изменился в **j**, но сохранился в

¹ В специальной литературе суффикс -urbi (или rubi) разъясняется различно: а) как составной суффикс, где более новый суффикс мн. числа нарастает на более древний: ri+bi (С. Л. Быховская); б) собственно суффиксом мн. числа считается: -bi, а -ur—суффикс детерминант, сохранившийся во мн. числе (см. Ш. გუბინდაშვილი, სახელთა მრავლობითი ბიცივის ფორმების წარმოება დარგულსა და ლაგურში). Выявление суффикса-детерминанта во мн. числе, утраченного в ед. числе, — вполне вероятно.

форме мн. числа; срв. урахинское: *uzıqar—uzıqurtı* (составное слово, во мн. числе каждое слово оформлено самостоятельно суффиксами числа: *-bi, -ti*).

Суффикс *-te* обычно присоединяется к словам с исходом на сонорные звуки¹: *kuçul* „половник“, *kuçulte*; *ulgam* „шуба“, *ulgante*; *umsan* „весы“, *umsante*; *žanawar* „зверь“, *žanawarte*; *çar* „колесо“, *çarte*; *laquj* „люлька“, *laqujte*.

Суффикс *-te* в кубачинском является одним из наиболее продуктивных суффиксов мн. числа в заимствованных словах.

Заемствования из арабско-персидско-турецких языков: *lišan* „знак“, *lišante*; *juḡan* „одеяло“, *juḡante*; *xijal* „намерение“, *xijalte*; *čakaj* „сахар“, *čakajte*; *jatim* „сирота“, *jatimte*; *azbar* „двор“, *azbarte*; *tukan* „лавка“, *tukante*...

Новые заимствования из русского или через русский язык: *ustul* „стол“, „стул“, *ustulte*; *žurnal* „журнал“, *žurnalte*; *istikān* „стакан“, *istikante*; *pamidur* „помидор“, *pamidurte*; *agranum* „агроном“, *agranumte*...

Такое же образование форм мн. числа встречается и в именах, имеющих в исходе гласный с предшествующим сонорным, когда исходный гласный при образовании мн. числа усекается: *mašina* „машина“, *mašinte*; *adame* „человек“, *adamte*...

Выше указывалось, что форма мн. числа в кубачинском диалекте имеет общий исходный гласный *e*, соответственно *i* большинства других даргинских диалектов. Однако, среди даргинских диалектов и говоров встречаются формы мн. числа, образованные суффиксом *-t* без обычного исходного гласного².

Суффикс мн. числа *-me* присоединяется к словам с исходом как на согласные, так и на гласные: *çiç* „пуговица“, *çiç-me*;

¹ С. Л. Быховская отмечает, что в даргинском литературном языке показатель множественности *-ti* присоединяют имена существительные, если они оканчиваются на один из сонорных—*l, m, n, r, j*, даже если за ними следует гласный, который при этом выпадает без всякой замены.—С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке, стр. 79.

² Например, в губденском говоре:

<i>muçur</i>	„борода“,	<i>muçur-t</i> ;	срв. кубач.	<i>muçuj—muçuj-te</i>
<i>qalam</i>	„карандаш“,	<i>qalam-t</i>	„	<i>qalam—qalam-te</i>
<i>istakan</i>	„стакан“,	<i>istakan-t</i>	„	<i>istikan—istikan-te</i>
<i>čakar</i>	„сахар“,	<i>čakar-t</i>	„	<i>čakaj—čakaj-te</i>

dus „год“, *dus-me*; *büç* „колос“, *büç-me*; *ça* „огонь“, *ça-me*; *dula* „сито“, *dul-me*; *dahra* „топорик“, *dahru-me*...

Наблюдаются фонетические изменения: усечение исходного гласного (*lute* „дно“, „подкова“, *luç-me*); флексия основы (*qaçe* „коса женская“, *quç-me*).

Слова *biçe* „свидетель“, *təarəe* „обувь“ (валенки) мн. число образуют посредством суффикса *-me*: *biçūme*, *təarəūme*. Долгий гласный в формах мн. числа свидетельствует об утрате *r*, сохранившегося в соответствующих словах других диалектов в формах ед. числа: урахинск. диал. *biçri—biçrumi*; *dabri—dabrumi*.

Большого распространения суффикс *-me* в кубачинском не имеет; заимствованные слова с данным суффиксом встречаются сравнительно редко: *pikre* „дума“, *pikrume*; *šahar* „город“, *šahrume*; *bidra* „ведро“, *bidrume*...

Отвлеченные имена существительные в литературном даргинском языке образуют мн. число посредством суффикса *-lumi*: *abdaldəš* „глупость“, *abdaldəš-lumi*¹.

В кубачинском диалекте отвлеченные имена существительные во мн. числе имеют суффикс *-e*, перед которым исходный *x* суффикса отвлеченности (*-dix*) палатализуется и геминируется:

<i>abdaldix</i>	„глупость“,	<i>abdaldišəe</i>
<i>pakdix</i>	„красота“,	<i>pakdišəe</i>
<i>gubādix</i>	„низость“,	<i>gubādišəe</i> ...

В существительных, оканчивающихся на *-la*³, мн. число образовано посредством суффикса *-me* с заменой исходного гласного *a* на *u*:

<i>dubāla</i>	„имя“,	<i>dibālume</i> ;	<i>bəgwala</i>	„солнце“,	<i>bəgwłume</i> ;
<i>dukala</i>	„подол“,	<i>duklume</i> ;	<i>çibla</i>	„долг“,	<i>çiblume</i> ;
<i>pihala</i>	„пшала“,	<i>pihlume</i> ;	<i>dacəala</i>	„омовение“,	<i>daclume</i> ³

¹ См. С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке, Язык и мышление, X, 1940, стр. 75.

² Обычно в таких словах *-la* является словообразовательным суффиксом.

³ Следует заметить, что существительные на *-la* в кубачинском не всегда образуют мн. число суффиксом *-me*. Например: *lahəamçala* „зеркало“, *lahəamçle*; *ruçžala* „искра“, *ruçžle*; *tuḡigala* „кольцо“, *tuḡigle*; *buškala* „веник для крыши“, *buškle*. Здесь при присоединении суф-

Суффикс мн. числа -не является одним из распространенных суффиксов мн. числа в кубачинском диалекте. Суффикс -не присоединяется к существительным с исходом на гласный, который при этом усекается: *ṭama* „голос“, *ṭam-ne*; *miḷqa* „ложка“, *miḷq-ne*; *guta* „скамейка“, *gut-ne*; *ṣiprae* „титель“, *ṣip-ne*; *ṣaḡwa* „тряпка“, *ṣaḡw-ne*...

Значительное количество слов, обозначающих названия животных, птиц, зверей, насекомых и т. д., мн. число в кубачинском образуют посредством суффикса -не: *ḏūhəu* „детеныш“, *ḏūhə-ne*; *kəwasə* „кобыла“, *kəwas-ne*; *qəaṣə* „теленоч“, *qəuṣ-ne*; *kaṣe* „щенок“, *kuṣ-ne*; *səika* „медведь“, *səuk-ne*; *ṣəitu* „кошка“, *ṣəit-ne*; *wasə* „мышь“, *was-ne*; *təaḡwa* „петух“, *təaḡw-ne*; *paḥʷa* „голубь“, *paḥʷ-ne*; *māqaṣe* „кузнечик“, *māqaṣ-ne*; *ṣəita* „ящерица“, *ṣəit-ne*...

Сравнительно малопродуктивным является суффикс -не в заимствованных словах. Заимствованные из русского или через русский язык: *maḡka* „марка“, *maḡk-ne*; *lamra* „лампа“, *lamp-ne*...

Больше примеров на заимствованные слова, принимающих во мн. числе суффикс -не из арабско-персидско-турецких языков: *baḡsa* „сад“, *baḡṣ-ne*; *ṣuṣa* „бутылка“, *ṣuṣ-ne*; *kilasa* „церковь“, *kilas-ne*; *qurəa* „купол“, *qur-ne*...

В некоторых словах во мн. числе представлены сложные окончания с компонентом -не: *ḏuṣə* „лес“, *ḏuṣəubne* (срв. урахинское: *waṣa* — *waṣurbi*, лакское: *waṣa* — *waṣri*); *ḏuhəe* „снег“, *ḏuhəubne*; *ūke* „сердце“, *ūkubne* (срв. урахинское: *urki* — *urk-bi*; лакское: *daḡ* — *daḡ-ri*).

Если в урахинском диалекте для слова *urki* „сердце“ суффиксом мн. числа является -bi (*urk-bi*), то b в кубачинской форме мн. числа *ūkub-ne* может быть первым компонентом сложного суффикса, утратившим исходный гласный, при присоединении второго компонента -не¹.

фика мн. числа -e, являющегося подударным, наблюдается усекаение гласного вместе с утратой гласного предшествующего предударного слога.

В урахинском диалекте отвлеченные имена существительные образуют мн. число посредством суффикса -ni, которому предшествует гласный u: *aq-diṣ* „высота“, *aq-diṣ-u-ni*, — см. П. К. Услар, Хюрвильинский язык, Тифлис, 1892, стр. 39.

¹ Либо b является принадлежностью основы, утраченной в ед. числе, но сохранившейся во мн. числе.

Фонетические изменения, наблюдающиеся при присоединении суффикса мн. числа -не аналогичны фонетическим изменениям при других суффиксах. В данном случае наблюдается:

а) усекаение исходного гласного: *ṭama* „голос“, *ṭam-ne*; *mūqe* „пчела“, *mūq-ne*;

б) флексия основы: a—u, i—u: *kəza* „кирка“, *kəuz-ne*; *qalṣe* „воробей“, *qulṣ-ne*;

в) геминированный звук после усекаения исходного гласного, оказавшись перед согласным суффикса мн. числа -не, подвергается дегеминации: *ḡatəa* „ласточка“, *ḡut-ne*; *likəa* „кость“, *lik-ne*; *qəaḡa* „камень“, *qəuḡ-ne*.

Имя существительное *xəwe* „собака“ мн. число в кубачинском образует посредством суффикса -de: *xəp-de*, срв. в урахинском диалекте: *xwī*—*xurī*; в хайдакском диалекте: *xəwā*—*xəudī*¹.

В других именах существительных в кубачинском диалекте суффикс -de в качестве показателя мн. числа не представлен. Возможно, что -de является суффиксом мн. числа, некогда распространенным², ныне сохранившимся в существительном *xəude*³.

В уркарахском диалекте, а также в мегебском говоре *xwī* „собака“ во мн. числе имеет форму: *xurhi*, где перед суффиксом -hi во мн. числе представлен г, который мог относиться к детерминативному суффиксу.

-hi в качестве суффикса мн. числа в диалектах даргинского языка встречается крайне редко, а для кубачинского вовсе не характерен. В мегебском говоре *xəʷunul* — „женщина“ во мн. числе имеет форму: *xəʷuhe*⁴.

¹ В лакском языке *tula* „сука“ образует мн. число также суффиксом -di: *tul-di*, — см. П. К. Услар, Лакский язык, стр. 353.

² В урахинском, агушинском... диалектах посредством суффикса -di образуется мн. число указательных местоимений (ix „тот“, ix-di).

³ В специальной литературе отмечается, что в форме мн. числа *xude* „собаки“ утерян детерминативный г, а сам суффикс de получен из *re*; см. З. Гагвабидзе, *სახელთა მრავლობითი რიცხვის ფორმების წარმოება და რგულებსა და ლაქურში*, იკვ. V, 1953, стр. 223.

В суффиксах -de и -re исходным для -re, надо полагать, является -de, а не — наоборот.

⁴ Срв. в кубачинском, где *xəʷunul* „женщина“, „жена“ во мн. числе имеет форму: *xəʷunne* (←*xəʷunle* ←*xəʷunul-e*); в уркарахском: *xəʷunul*—*xəʷunri*.

В кубачинском *qu* „поле“ образует мн. число посредством суффикса *-me*: *qu-me*.

В диалектах даргинского языка засвидетельствовано специфическое образование формы мн. числа от существительного *qu* „поле“ суффиксом, не встречающимся в других словах. Речь аула Карбучи-Махи: *qu* „поле“, *quge*¹; речь аула Мегеб: *qu* — *quše*.

В мегебском в качестве суффикса мн. числа выявляется *-le*, не встречающийся в кубачинском диалекте: *šax* „тело“, *šuxh-le*; *ar* „ручка“, *ar'-le*.

В этнических названиях мн. число в кубачинском выражается различно: а) отсутствие словообразовательного суффикса *-an*, представленного в формах ед. числа этнических названий, служит признаком мн. числа:

<i>oŋybug-an</i>	„кубачинец“,	<i>oŋybug</i>	„кубачинцы“
<i>ūkiq-an</i>	„уркараец“,	<i>ūkiq</i>	„уркарахцы“
<i>xajdaq-an</i>	„хайдаец“,	<i>xajdaq</i>	„хайдакцы“;

б) суффикс род. падежа используется в функции выразителя мн. числа этнических названий:

<i>qaraqan</i>	„аварец“,	<i>qaraqala</i>	„аварцы“
<i>bulikwan</i>	„лакец“,	<i>bulikwala</i>	„лакцы“
<i>cutqan</i>	„цудахарец“,	<i>cutqila</i>	„цудахарцы“
<i>sulēkan</i>	„сулевкентец“,	<i>sulēkala</i>	„сулевкентцы“ ² .

Такая форма мн. числа этнических названий является как формой мн. числа, так и формой род. падежа:

qaraqala šəe „аул аварцев“, или „аварский аул“; срв. в ед. ч.: *qaraqanna* (← *qaraqan-la*) *qal* „дом аварца“...

aqušəala mušne „места акушинцев“, или „акушинские места“;

с) мн. число этнических названий может быть образовано суффиксом *-t* (без исходного гласного):

šulan „дербентец“, *šulan-t* „дербентцы“

šurahan — выходец или житель Темир-Хан-Шуры³, мн. ч. *šurahan-t*

¹ Мн. число *quge* от *qu* „поле“ в цудахарском диалекте зафиксировано Ш. Гаприндашвили; см. Ш. Гаприндашвили, სახელთა მრავლობის რიცხვის ფორმების წარმოება და გავრცელება, იკვ, V, 1953, стр. 261.

² Срв. там же.

³ Темир-Хан-Шура — бывший административный центр Дагестанской области, ныне город Буйнакск.

kəubtəalan — житель аула Губден, мн. ч. *kəubtəalan-t*.

От *šəan* „сельчанин“ (срв. *šəe* „аул“, „село“), мн. число образуется суффиксом *-te*: *šəan-te* „сельчане“.

nisəila šəan saw id „он наш сельчанин“ (из нашего аула)

nisəila šəante sab itəe „они наши сельчане“.

šəante в собирательном значении означает все население аула:

mālze šəante təabiče „на сенокос вышли сельчане“ (подразумевается все население села).

Суффикс *-qal* (в других диалектах *-qali*) присоединяется обычно к собственным и родовым — фамильным именам существительным¹.

Родовые фамильные имена в кубачинском:

tubciqal — Тубчиевы, *tušiqal* — Тушиевы, *mungiqal* — Мунгиевы, *izabakarqal* — Изабакаровы, *arslanqal* — Арслановы...

Суффикс *-qal* при именах собственных: *bahəmuqal*, *ibrahimqal*, *rasulqal*, *zənabqal*, *xadižatqal*...

bahəmu — имя собственное; *bahəmuqal* — группа лиц среди которых находится Бахмуд, или близкие Бахмуда, среди которых сам Бахмуд может и не быть. Предложение: *bahəmuqallašəu wiđəžid* — означает, что пошел к группе лиц, в числе которых находится Бахмуд, либо пошел к семье Бахмуда (в которой сам Бахмуд в тот момент может и не быть).

aba „мать“ и *atəa* „отец“, кроме обычных форм мн. числа: *ab-ne* и *at-ne* имеют еще формы: *abaqal* и *atəaqal*, при которых уже подразумеваются не два или несколько матерей или отцов, а родня со стороны матери или отца.

abaqallašəu juq'ünniđa — означает: „иду к родне матери“, т. е. к бабушке и дедушке (с материнской стороны) или к ближайшим родственникам с материнской стороны, но это предложение не означает: „я иду к матерям“.

Суффикс *-qal* принимает также вопросительное местоимение *ša* „кто?“, если определяется множество лиц: *ša-qal xibnu ixtəub* „кто находятся там?“; срв. *ša xiwnu ixtəuw* — для единственного числа.

Вопросительное местоимение *se* „что?“ не принимает суффикса *-qal*.

¹ См. С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка стр. 94.

Слова с суффиксом **-qal** в кубачинском диалекте являются собирательными именами существительными, обозначают не собрание однородных предметов, а совокупность членов семьи, рода или группу лиц, связанных по роду занятий, товарищескими отношениями и т. д., т. е. лиц, принадлежащих к этой фамилии, к этому роду, к этой группе.

Таким образом, как можно судить, образование мн. числа имен существительных в кубачинском диалекте (так же, как и в даргинском языке вообще) характеризуется использованием целого ряда суффиксов; в кубачинском диалекте используются суффиксы: **-e**, **-be** (**-pæe**), **-te** (**-t**), **-de**, **-me**, **-je**, (**←*-re**), **-ne**, **-qal**. В этнических названиях выступает формант родит. падежа (он же словообразовательный суффикс).

При образовании мн. числа имен существительных наблюдается ряд фонетических изменений:

а) усечение исходного гласного: **šəiṭa** „ящерица“, **šəiṭ-ne**, **šəiṭu** „кошка“, **šəiṭ-ne**; **luṭe** „дно“, **luṭ-me**;

б) утрата предударного гласного: **ṭulūt** „хлеб“, **ṭnlṭe**, **iṭān** „мыло“, **iṭnè**, **qāçala** „плечо“, **qūçlè**;

в) флексия основы: **a—u**, **i—u**: **kəza** „кирка“, **kəuzne**; **niṭ** „бровь“, **niṭ-be**;

г) ассимиляция согласного: **n** перед **b** суффикса мн. числа переходит в **m**: **šilqan** „мельница“, **šilqumbe**;

е) гемината перед согласным суффикса мн. числа (такая встреча возможна в результате усечения исходного гласного при образовании мн. числа) подвергается дегеминации: **atəa** „отец“, **atne**; **likəa** „кость“, **likne**; **juçəe** „сестра“, **juçbe**; с другой стороны, перед суффиксом мн. числа—гласным **e**—исходный согласный может геминироваться: **baç** „месяц“, **baçəe**; **maḥ** „ноша“, **maḥəe**; **mikw** „желудь“, **mikəwe**;

ф) в словах типа **dikw** „ток“, **dik-be**; **mēw** „слеза“, **mēw-be** во мн. числе наблюдается изменение гласного основы, а также делабиализация лабиализованного согласного (который не может выступать ни перед губно-губным звуком, ни при непосредственном контакте с лабиальным гласным **u**).

Суффиксы мн. числа в диалектах даргинского языка могут различаться, одно и то же слово в разных диалектах может

иметь различный суффикс мн. числа. Неясна закономерность присоединения того или иного суффикса мн. числа¹.

Обилие суффиксов мн. числа, в отличие от языков лезгинской группы, характерно также для лакского языка². Можно считать справедливым мнение, имеющееся в специальной литературе, о наличии классных экспонентов в суффиксах мн. числа.

§ 47. Склонение имен существительных. Кубачинскому диалекту, как и другим дагестанским языкам, свойственна многопадежная система склонения, что обусловлено наличием большого числа местных (последложных) падежей³.

Основные падежи выражают отвлеченные отношения, местные падежи выражают пространственные отношения. Основные падежи: именительный, эргативный, дательный и родительный; местные падежи представлены рядом серий, по три падежа в каждой серии.

В кубачинском склонении выступают две основы: именительного и эргативного падежей. Именит. падеж совпадает с основой имени. Именит. падеж может быть падежом субъекта и объекта: при переходных глаголах именит. падеж является падежом прямого объекта, при непереходных глаголах — падежом субъекта:

galdil qa kabigulsaw „мальчик пишет *письмо*“

gal uçunnisaw „мальчик учится“.

В первом предложении прямой объект **qa** „письмо“ при переходном глаголе **kabigulsaw** „пишет“ стоит в именит. падеже; во втором предложении **gal** „мальчик“ — реальный субъект при

¹ П. К. Услар, например, замечает, что образование мн. числа в урахинском едва ли можно подвести под определенные правила; см. П. К. Услар, Хюринский язык, стр. 24.

² См. П. К. Услар, Лакский язык, Тифлис, 1890; Г. Б. Муркелинский, Показатели множественности в лакском языке, Труды I научной сессии Даг. базы АН СССР, Махачкала, 1948.

³ О склонении в диалектах даргинского языка см.: П. К. Услар, Хюринский язык; Л. И. Жирков, Грамматика даргинского языка; его же, Язык аула Кубачи; С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке; К. Вонда, Die darginische Schriftsprache; С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка; Ш. Г. Гаприндашвили, Система склонения имен существительных в диалектах даргинского языка; его же, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка; его же, Образование и функции нарпательных и местных падежей в диалектах даргинского языка; З. Г. Абдуллаев, Категория падежа в даргинском языке, Махачкала, 1961.

непереходном глаголе *uɕunnisaw* „учится“ также стоит в именительном падеже.

Общим формантом эргатива единственного числа в даргинском языке является *-li*¹, который в кубачинском диалекте может усложняться еще сложным суффиксом *-di-l*.

Дательный падеж ед. числа в кубачинском образуется от краткой формы эргатива (эргативный падеж, образованный суффиксом *-li*) посредством суффикса *-j*.

Суффиксом родительного падежа в кубачинском служит *-la*, представленный во всех диалектах даргинского языка.

Имена с исходом на согласные и на гласные в ед. числе ныне склоняются различно. Имена с исходом на согласные склоняются „по принципу двух основ“: именит. падеж и эргатив в краткой форме (оформленный суффиксом *-li*) лежат в основе других падежей:

Им. <i>biɕ</i> „волк“	<i>ɕulut</i> „хлеб“
Эрг. <i>biɕ-le</i> <i>biɕ-(l)i-di-l</i>	<i>ɕulut-le</i> <i>ɕulut-(l)i-di-l</i>
Дат. <i>biɕ-li-j</i>	<i>ɕulut-li-j</i>
Род. <i>biɕ-la</i>	<i>ɕulut-la</i> .

От именительного падежа образуется эргатив и родит. падеж, эргатив лежит в основе дательного падежа (а также местных падежей).

Имена с исходом на гласные, обозначающие одушевленные предметы², склоняются „по принципу одной основы“, что, по-видимому, является вторичным, — именит. падеж служит основой для всех остальных падежей:

Им. <i>aba</i> „мать“, <i>ɕaitu</i> „кошка“, <i>qalɕe</i> „птичка“
Эрг. <i>aba-di-l</i> <i>ɕaitu-di-l</i> <i>qalɕi-di-l</i>
Дат. <i>aba-j</i> <i>ɕaitu-j</i> <i>qalɕi-j</i>
Род. <i>aba-la</i> <i>ɕaitu-la</i> <i>qalɕi-la</i> .

Эргатив образуется в данном случае вторичным суффиксом *-di-l*, первичный суффикс эргатива *-li* здесь на представлен.

¹ См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, Тифлис, 1892; K. Bouda, Die darginische Schriftsprache, Leipzig, 1937.

² Об отражении в склонении даргинского языка одушевленности и неодушевленности см. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 22; срв. также, Ш. Г. Гаприндашвили, Система склонения имен существительных в диалектах даргинского языка, ИКЯ, VIII, 1956, стр. 490.

Имена с исходом на гласные, обозначающие неодушевленные предметы, склоняются „по принципу двух основ“: в основе дательного падежа (а также местных падежей) лежит эргатив, образованный суффиксом *-li*; родительный падеж образуется здесь посредством суффикса *-lla*, где, быть может, сохранился след эргатива: *-lla ← li + la*¹ (*-li* — суффикс эргатива, *-la* — суффикс родительного падежа), если только *ll* в суффиксе *-lla* не получен на фонетической основе (т. е. суффикс *-lla* является вариантом суффикса *-la*)²:

Им. <i>dahra</i> „топор“, <i>ɕuɕe</i> „яйцо“
Эрг. <i>dahra-l</i> (<i>-di-l</i>) <i>ɕuɕi-l</i> (<i>-di-l</i>)
Дат. <i>dahra-li-j</i> <i>ɕuɕi-li-j</i>
Род. <i>dahra-lla</i> <i>ɕuɕi-lla</i> .

Вместе с тем могут быть случаи, когда имена с исходом на гласные, обозначающие одушевленные предметы, склоняются подобно именам, обозначающим неодушевленные предметы, т. е. „по принципу двух основ“ (обычно это имена с исходом на гласный *e*):

Им. <i>ucɕe</i> „брат“, <i>xəwe</i> „собака“, <i>aɕame</i> „человек“
Эрг. <i>ucɕi-l</i> (<i>-di-l</i>) <i>xəwi-l</i> (<i>-di-l</i>) <i>aɕami-l</i> (<i>-di-l</i>)
Дат. <i>ucɕi-li-j</i> <i>xəwi-li-j</i> <i>aɕami-li-j</i>
Род. <i>ucɕi-lla</i> <i>xəwi-lla</i> <i>aɕami-lla</i> .

В дагестанских языках обычно эргатив лежит в основе косвенных падежей имен существительных. В даргинском языке эргатив в ед. числе ясно выступает в основе дательного и местных падежей³. В тех случаях, где представлено склонение „по принципу одной основы“ (в именах с исходом на гласные, выражающие одушевленные предметы), возможно, первичный суффикс эргатива *-li* утрачен⁴.

¹ Срв. Л. И. Жирков, Язык аула Кубачи, стр. 274. По автору, в кубачинском *-li + la → -lla*, но форма с суффиксом *-li* для Л. И. Жиркова является дательным падежом (фактически же — эргатив).

² Срв. иное толкование суффикса род. падежа *-lla* в цудах. диалекте (*-lla ← r + la*); Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, стр. 342.

³ См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 23, 31; срв. Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, стр. 334, 335.

⁴ См. ԶԵՆ. ԿՈՂԾԵՅՑ, յԵՅՅՈՅՆ ՄԱՅՈՒՅՆԵՆ ՆՆՆՈՒՆՆԵՅՆ. ԵՅԵ-ՓՅԵՅՈ, օՅՅ, II, 1948. стр. 108, 109.

Не исключена возможность, что родит. падеж, образующийся от именительного падежа, — падеж более древней формации, сравнительно с эргативом.

Во мн. числе все имена существительные в кубачинском исходный гласный мн. числа е изменяют в эргативе на а, и эта форма, которая в урахинском диалекте уже сама является одной из форм эргатива¹, служит основой эргативного падежа, образуемого посредством суффикса d, к которому может присоединиться — и обычно, подобно ед. числу, присоединяется — сложный суффикс -di-l:

Им. buçe „волки“,	adamte „мужчины“
Эрг. buça-d buça-d-di-l	adamta-d (-di-l)
Дат. buça-ddi-j	adamta-ddi-j
Род. buça-lla	adamta-lla.

Исходный гласный е мн. числа изменяется в а как в эргативе, так и в остальных падежах.

В дательном падеже мн. числа, в основе которого лежит эргатив, перед падежной флексией -j представлен суффикс эргатива -ddi-.

В родительном падеже мн. числа имеем суффикс -lla, присоединяющийся к основе, образованной изменением исходного гласного мн. числа е в а: buça-lla — род. п. от buçe „волки“.

Во мн. числе имена существительные в кубачинском обычно оканчиваются на гласный е и склоняются одинаково. Если же слово оканчивается во мн. числе на согласный, то оно склоняется по типу ед. числа:

Им. çulan-t „дербентцы“
Эрг. çulant-li (-di-l)
Дат. çulant-li-j
Род. çulant-la.

Примеры склонения имен существительных в кубачинском диалекте:

Имена с исходом на согласные

Им. dis „нож“, мн. ч. dis-be „ножи“	
Эрг. dis-li (-di-l)	disba-d (-di-l)
Дат. dis-li-j	disba-ddi-j
Род. dis-la	disba-lla

¹ См. П. К. Услар, Хюрелинский язык, стр. 27.

Имена с исходом на гласные,

а) обозначающие неодушевленные предметы:

Им. ça „огонь“, мн. ч. çame „огни“	
Эрг. ça-l (-di-l)	çama-d (-di-l)
Дат. ça-li-j	çama-ddi-j
Род. ça-lla	çama-lla

б) обозначающие одушевленные предметы:

Им. sәika „медведь“, мн. ч. sәukne „медведи“	
Эрг. sәika-dil	sәukna-d (-di-l)
Дат. sәika-j	sәukna-ddi-j
Род. sәika-la	sәukna-lla

При склонении слов, образованных суффиксом мн. числа -qal, в основе всех падежей, кроме именительного, выступает родительный падеж:

Им. rasul-qal (rasul — имя собственное)
Род. rasul-qal-la
Эрг. rasul-qal-la-di-l
Дат. rasul-qal-la-di-j
Местн. rasul-qal-la-şәu

Склонение имен существительных в аштинском говоре значительно отличается от собственно кубачинского и, в основном, во мн. числе:

Им. biç „волк“, мн. ч. buçi	
Эрг. biç-li (biç-li-di-l)	buça-tәi-l
Дат. biç-li-j	buça-di-j
Род. biç-la	buça-la

В аштинском говоре в ед. числе чаще употребляется эргативная форма с суффиксом -li; форма, усложненная суффиксом -di-l, хотя и может употребляться, но употребляется в речи аштинцев реже, чем в собственно кубачинском говоре.

Во мн. числе в эргативе представлен суффикс -tәi, что характерно как для аштинского, так и для сулевкентского говора¹. В дативе, если в собственно кубачинском перед падежным формантом j представлен суффикс эргатива -ddi-, то в аштинском, как правило, будем иметь суффикс -di.

¹ См. Ш. Г. Гаприндашвили, Система склонения имен существительных в диалектах даргинского языка, ИКЯ, VIII, 1956, стр. 504.

§ 48. Склонение имен существительных в других даргинских диалектах имеет некоторые отличия сравнительно с кубачинским диалектом.

Урахинский диалект (по материалам П. К. Услара).

Имена с исходом на согласные:

Им. biç „волк“,	мн. ч. buçi
Эрг. biç-li (-'i-n 'i')	buça (-'a-n 'i')
Дат. biç-li-s	buçe-s
Род. biç-la	buçē-la

Эргатив ед. числа образуется посредством суффикса -li, который может факультативно усложниться еще суффиксом -'i-n(i), подобно тому как в кубачинском диалекте эргатив усложняется суффиксом -di-l. Основую дательного падежа служит эргатив, оформленный суффиксом -li; родит. падеж образуется от именительного падежа суффиксом -la. Во мн. числе в эргативе урахинского диалекта суффикс -li не представлен; форма, служащая основой эргатива мн. числа в кубачинском, а также в ряде других диалектов, выступает в урахинском диалекте в качестве самостоятельной формы эргатива, которая факультативно может усложняться, как и в ед. числе суффиксом -'a-n(i).

В дательном падеже мн. числа вместо исходного гласного i именительного падежа представлен e, в родит. падеже -ē. К таким основам присоединяются суффикс дат. падежа -s, суффикс родит. падежа — la.

В мегебском говоре эргативный падеж ед. числа оформлен подобно урахинскому диалекту (посредством суффикса —li, который может усложниться суффиксом -'in 'i'), эргатив мн. числа в мегебском не оформляется суффиксом -li так же, как и в урахинском, но в отличие от урахинского диалекта в мегебском во мн. числе нет краткой формы эргатива, эргатив во мн. числе оформляется суффиксом -'i-n(i), кроме того, во мн. числе исходный гласный имени, как в эргативе, так и в других падежах, не изменяется, — во всех падежах представлена одна основа (buçe „волки“, эрг. п. buçe-'i-n(i), дат. п. buçe-s, род. п. buçe-la).

Имена с исходом на гласные (урах. диал.):

1) обозначающие неодушевленные предметы:

а) с исходом на а:

Им. са „огонь“,	мн. ч. samī
Эрг. са-li (-'i-n 'i')	сама (-'a-n 'i')

Дат. са-li-s	мн. ч. same-s
Род. са	самē-la

б) с исходом на i:

Им. anki „пшеница“,	мн. ч. ankurbi
Эрг. anki-li (-'i-n 'i')	ankurba (-'a-n 'i')
Дат. anki-li-s	ankurbe-s
Род. ankē	ankurbē-la

в) с исходом на u:

Им. qu „поле“,	мн. ч. qumi
Эрг. qu-li (-'i-n 'i')	quma (-'a-n 'i')
Дат. qu-li-s	qume-s
Род. qwā	qumē-la

2) обозначающие одушевленные предметы:

Им. ada „отец“,	мн. ч. adni
Эрг. ada-'a-n(i)	adna (-'a-n 'i')
Дат. ada-s	adne-s
Род. ada-la	adnē-la

Прежде всего, заметим, что все имена существительные во мн. числе и в урахинском диалекте склоняются одинаково. Различие представлено в ед. числе: в именах, обозначающих неодушевленные предметы, эргатив и дат. падеж образуются подобно именам с исходом на согласные, т. е. эргатив оформляется суффиксом -li¹, основой же дат. падежа служит эргатив. В именах с исходом на гласные, обозначающих одушевленные предметы, эргатив и дат. падеж образуются либо подобно именам с исходом на согласные, т. е. сохраняя суффикс эргатива -li, либо без суффикса -li, (т. е. эргатив образуется посредством суффикса -'a-n(i), а основой дат. падежа служит именит. падеж). В родит. падеже имена с исходом на гласные, обозначающие одушевленные предметы, имеют суффикс -la, имена, обозначающие неодушевленные предметы, в исходе имеют долгий гласный — результат фонетических изменений². В родит. падеже в кубачинском

¹ Эргатив может еще усложниться суффиксом -'i-n(i); см. П. К. Услар, Хуркилинский язык, Тифлис, 1892, стр. 19.

² См. П. К. Услар, Хурк. яз., стр. 22; П. Г. Гаприндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, Труды Цхинвальского пединститута, III, 1956, стр. 314.

диалекте соответственно урахинским долгим гласным имеем суффикс -lla:

урах. диал. *с̄ā* — род. п. от *са* „огонь“, срв. кубач. диал. *са-lla*.

Долгие гласные в род. падеже в урахинском диалекте являются результатом фонетических изменений, вызванных утратой согласного элемента падежной флексии. Поскольку урахинскому диалекту свойственна утрата комплекса *ll* (*nn*), то возможно, что в именах с исходом на гласные, обозначающих неодушевленные предметы, в родит. падеже имели, аналогично кубачинскому диалекту, суффикс -lla, в котором утрачивается *ll*, образуя специфические формы родит. падежа с долгой исходного гласного:

са „огонь“, род. п. *с̄ā* (← *са-а* ← *са-lla*)
анк̄и „пшеница“, род. п. *анк̄ē* (← *анк̄и-а* ← *анк̄и-lla*)
қи „поле“, род. п. *қwā* (← *қи-а* ← *қи-lla*)¹.

Своеобразные формы эргативного падежа с исходом на *j* в урахинском, акушинском диалектах также являются результатом утраты комплекса *ll* (*nn*) и последующих фонетических изменений:

Им. *xu[˘]nul* „женщина“
 Эрг. *x[˘]unuj* (← *x[˘]unu-i* ← *x[˘]unu-ll-i* ← *x[˘]unnl-li*)
 Дат. *x[˘]unuj-s*
 Род. *x[˘]unwā* (← *x[˘]unu-a* ← *x[˘]unu-ll-a* ← *x[˘]nnul-la*)

Им. *šin* „вода“
 Эрг. *šij* (← *ši-i* ← *ši-nn-i* ← *šin-ni* ← *šin-li*)
 Дат. *šij-s*
 Род. *šē* (← *ši-a* ← *ši-nn-a* ← *šin-na* ← *šin-la*)².

В *уракархском* диалекте как ед. число, так и мн. число эргатива оформляется суффиксом -li:

Им. *biç* „волк“, мн. ч. *buç-i*
 Эрг. *biç-li*   *buça-li*
 Род. *biç-la*   *buça-la*

¹ Об утрате *ll* (*nn*) и последующих фонетических изменениях в падежной системе в диалектах даргинского языка см. С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке. Язык и мышление, X, 1940, стр. 93; см. также, Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, стр. 346.

² См. С. Л. Быховская, там же, стр. 98, 99.

В *говоре аула Кадар* в ед. числе эргатив оформляется суффиксом -li, во мн. числе суффиксом -ni; суффикс родит. падежа может утратить согласный элемент, что обычно имеет место во мн. числе:

Им. *dis* „нож“, мн. ч. *disme*
 Эрг. *dis-li*   *disma-ni*
 Дат. *dis-li-s*   *disma-s*
 Род. *dis-la*   *dismā*

В случае образования мн. числа одним суффиксом -t без исходного гласного эргатив мн. числа образуется посредством суффикса -li, т. е. по типу ед. числа, как и в кубачинском диалекте. Эргативная форма с исходом на *j* (являющаяся результатом фонетических изменений — утраты комплекса *ll* или *nn*) в ед. числе, выступающая в урахинском, акушинском диалектах как самостоятельная форма эргатива, в кадарском оформляется вновь суффиксом эргатива (вторичным суффиксом -ni):

Им. *suqban* „суkho“ (домотканное), мн. ч. *suqbant¹*
 Эрг. *suqbaj-ni*   *suqbant-li*
 Дат. *suqbaj-s*   *suqbanta-s*
 Род. *suqbā*   *suqbant-la*

Им. *x[˘]unul* „женщина“, мн. ч. *x[˘]unre*
 Эрг. *x[˘]unuj-ni*   *x[˘]unra-ni*
 Дат. *x[˘]unuj-s*   *x[˘]unra-s*
 Род. *x[˘]unwā*   *x[˘]unrā*

Комплекс *ll*, полученный в результате ассимиляции *r + l* в падежной системе не утрачивается²:

Им. *miqir* „грудь“, мн. ч. *miqirt*
 Эрг. *miqilli*   *miqirt-li*
 Дат. *miqilli-s*   *miqirt-i-s*
 Род. *miqilla*   *miqirt-la*

В *губденском* *говоре* суффикс -ni оформляет эргатив и в ед. и во мн. числе. Однако, первичный суффикс эргатива -li (сравнительно с суффиксом -ni) представлен в основе дательного падежа ед. числа, который может и утрачиваться³.

¹ Срв. в урахинск. диалекте: *suqban*, мн. ч. *suqbanti* или *suqbunti*; см. П. К. Услар, Хурвил. яз., стр. 427.

² По С. Л. Быховской, „здесь не происходит ассимиляции“; см. С. Л. Быховская, Имена существит. в дарг. лит. яз., стр. 93.

³ См. Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, стр. 331, 332.

Во мн. числе имена существительные в губденском нин склоняются „по принципу одной основы“:

Им. beç „волк“,	мн. ч. buçe
Эрг. beç-ni	buçe-ni
Дат. beç-i-s	buçe-s
Род. beç-la	buçe-la

Им. šunqa „мельница“,	мн. ч. šunqbe
Эрг. šunqa-ni	šunqbe-ni
Дат. šunqa-li-s šunqa-s	šunqbe-s
Род. šunqa-la	šunqbe-la

В именах, где в результате утраты комплекса || или яп в эргативе представлен в исходе j, такая форма эргатива, как и в жадарском говоре, оформляется вторичным суффиксом -ni:

Им. urquli „доска“,	мн. ч. urqle
Эрг. urquj-ni	urqle-ni
Дат. urquj-s	urqle-s
Род. urqu-'a	urqle-la

В основе дательного падежа ед. числа выступает эргативная форма с исходом на j (результат фонетических изменений).

В именах с исходом на гласные, выражающих одушевленные предметы, склонение и в ед. числе происходит „по принципу одной основы“ (в основе дательного падежа суффикс эргатива утрачен):

Им. waca „мышь“,	мн. ч. wacne
Эрг. waca-ni	wacne-ni
Дат. waca-s (waca-li-s)	wacne-s
Род. waca-la	wacne-la

В речи аула Амух эргатив ед. числа образуется суффиксом -l (в именах с исходом на гласные), либо -il (← li) (в именах с исходом на согласные); эргатив мн. числа имеет суффикс -təi (← di). Основой дательного падежа ед. числа служит эргатив или именит. падеж (последнее — в именах с исходом на гласные, выражающих одушевленные предметы).

Во мн. числе суффикс дат. падежа -j присоединяется к форме именит. падежа. В родит. падеже представлен суффикс -la или -lla, последний в именах ед. числа с исходом на гласные,

обозначающих неодушевленные предметы, а также во всех именах во мн. числе:

Им. beç „волк“,	мн. ч. biçe
Эрг. beç-il	biçe-təi
Дат. beç-li-j	biçe-j
Род. beç-la	biçe-lla

Им. ça „огонь“,	мн. ч. çame
Эрг. ça-l	çame-təi
Дат. ça-li-j	çame-j
Род. ça-lla	çame-lla

Им. kəurtəa „лиса“,	мн. ч. kəurtme
Эрг. kəurtəa-l	kəurtme-təi
Дат. kəurtəa-j	kəurtme-j
Род. kəurtəa-la	kəurtme-lla.

В чирахском говоре эргатив ед. числа образуется суффиксом -li, мн. числа — суффиксом -d. В именах с исходом на гласные, обозначающих одушевленные предметы, эргатив ед. числа образуется тем же суффиксом, что и эргатив мн. числа, т. е. суффиксом -d. В дат. падеже ед. числа выступает основа эргатива или именительного падежа. Родит. падеж образуется суффиксом -la как в единственном, так и во мн. числе. Во мн. числе исходный гласный именит. падежа е в других падежах заменяется через a и такая основа выступает в эргативе и в остальных падежах мн. числа:

Им. beç „волк“,	мн. ч. barçəe
Эрг. beç-li	barçəa-d
Дат. beç-li-j	barçəa-j
Род. beç-la	barçəa-la

Им. ça „огонь“,	мн. ч. çame
Эрг. ça-li	çama-d
Дат. ça-li-j	çama-j
Род. ça-la	çama-la

Им. çakwa „воробей“,	мн. ч. çakwne
Эрг. çakwa-d	çakwna-d
Дат. çakwa-j	çakwna-j
Род. çakwa-la	çakwna-la.

Срв. склонение одушевленных предметов с исходом на гласный и с исходом на согласный:

Им. ceка „блоха“,	pez „вошь“
Эрг. ceка-d	pez-le
Дат. ceка-j	pez-li-j
Род. ceка-la	pez-la.

Встречаются отступления от правил, когда имена с исходом на гласные, обозначающие одушевленные предметы, склоняются по типу неодушевленных предметов или же имена с исходом на согласные склоняются по типу имен с исходом на гласные, выражающих одушевленные предметы. В последнем случае имя перед падежным формантом в эргативе и других падежах имеет гласный, отсутствующий в именительном падеже (возможно, что гласный был утрачен в форме именит. падежа, но сохранился в других падежах):

Им. x [˘] ade „женщина“,	мн. ч. ceade
Эрг. x [˘] adi-le	ceada-d
Дат. x [˘] adi-li-j	ceada-j
Род. x [˘] adi-la	ceada-la

Им. q [˘] wäl „корова“,	мн. ч. q [˘] üle
Эрг. q [˘] ülu-d	q [˘] üla-d
Дат. q [˘] ülu-j	q [˘] üla-j
Род. q [˘] ül-u-la	q [˘] üla-la

игче „лошадь“ в эргативе и других падежах в ед. числе меняет исходный гласный е на и:

Им. игче „лошадь“,	мн. ч. arče
Эрг. игчу-d	arča-d
Дат. игчу-j	arča-j
Род. игчу-la	arča-la.

В *говоре аула Кунки* эргатив мн. числа оформлен суффиксом -d, но в эргативе ед. числа, в отличие от чирахского говора, суффикс d не представлен, — в ед. числе эргатив оформляется суффиксом -li:

Им. dis „нож“,	мн. ч. dis-be
Эрг. dis-li	disba-d
Дат. dis-li-j	disba-j
Род. dis-la	disba-lla

Им. ca „огонь“,	tətəi „отец“,	ucəi „брат“
Эрг. ca-li	tətəi-li	ucəi-li
Дат. ca-li-j	tətəi-j	ucəi-li-j
Род. ca-lla	tətəi-lla	ucəi-lla

В *говоре аула Кунки* имена с исходом на гласные, обозначающие неодушевленные предметы, в ед. числе склоняются „по принципу двух основ“ (основой дат. падежа служит форма эргатива), обозначающие же одушевленные предметы склбняются „по принципу одной основы“, но встречаются исключения, когда имена сохраняют склонение „по принципу двух основ“.

В *говорах хайдакского диалекта* в эргативе мн. числа характерно наличие суффикса -lli (в родит. падеже представлен суффикс -lla), в основе дат. падежа может выступить эргатив или падежный формант эргатива может утратиться.

Речь аула *γuldi*:

Им. beç „волк“,	мн. ч. biçi
Эрг. beç-li	biça-lli
Дат. beç-li-ž (beçiž)	biça-li-ž
Род. beç-la	biça-lla.

В хайдакском диалекте встречается склонение, где дат. падеж мн. числа имеет сложное образование (речь аула *Тилми*):

Им. beç „волк“,	мн. ч. biçe
Эрг. beç-li	biça-lli
Дат. beç-i-ž	biça-l-ži-j
Род. beç-la	biça-lla.

В данном случае дат. падеж мн. числа оформлен двойным падежным суффиксом: -ži-j¹. Так оформлен и дат. падеж 3-го л. мн. числа личных местоимений: itəi „они“, дат. п. itəa-l-ži-j, срв. 1 л. мн. ч. niç[˘]əa „мы“, дат. п. niç[˘]əa-j

1 л. ед. ч. du „я“, дат. п. dami-ž || dami-j.

Судя по рассмотренным примерам, имена существительные в даргинском языке в зависимости от диалекта или говора могут оформляться в эргативе суффиксами: -li (-l, -il, -lli), -ni, -d, -təi, -di-l, -təi-l, -li-di-l, -'i-n(i), -li-'i-n(i).

¹ Срв. Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, стр. 351 — 364.

В ед. и мн. числе имена могут оформляться различными суффиксами или одним и тем же суффиксом в обоих числах (например: суффикс -li в ед. числе, суффикс -d во мн. числе; суффикс -li в ед. числе, суффикс -li во мн. числе; суффикс -li в ед. и мн. числе и т. д.).

Наиболее распространенным суффиксом эргатива в диалектах даргинского языка является суффикс -li. Суффикс -di-l является общим формантом эргатива кубачинского диалекта, представленным в ед. и мн. числе. Ему предшествуют суффикс -le в ед. числе и -d во мн. числе, обычно сохраняющиеся и при наличии вторичного форманта -di-l:

Им. biç „волк“, мн. ч. buçe
Эрг. biç-le || biç-i-di-l || biç-li-di-l buça-d || buça-d-di-l,
срв. в уркарэхском диалекте:

Им. biç „волк“, мн. ч. buçi
Эрг. biç-li buça-li.

Эргатив с исходом на j типа šij (эргатив от šin „вода“), т. е. без обычного суффикса эргатива, является частным вариантом обычного эргатива, образованного суффиксом -li, но претерпевшим фонетические изменения вследствие утраты в эргативе комплекса ll или nn в ряде диалектов даргинского языка.

В специальной литературе указывается на древность суффикса эргатива -d, выступающего в качестве форманта эргатива в целом ряде дагестанских языков, а также в сванском языке¹. Отмечается также, что „формант даргинского эргатива -li, по-видимому, восходит... к di“ и что в роли фонетических вариантов -di фиксируются -ni, -li².

Следовательно, из даргинских формантов эргатива -d, -to(←di), -li, -li наиболее древним является -d (-di)³.

§ 49. Основная функция эргатива⁴—выражение реального субъекта переходного глагола (во всех временах). Кроме того, он выполняет функции творительного падежа.

¹ См. с.сб. հոգեմտան, զնշանոցն Գարեթյանն և ժողովրդական բնական լեզու, օրը, II, 1948, стр. 111.

² Там же, стр. 116.

³ Срв. Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, стр. 331—340.

⁴ О функциях падежей даргинского языка см. С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке;

galdil kəiniškəa kaluçunnisaw „мальчик читает книгу“
ustadil iže bāqaj „мастер сделал пояс“
biçlidil macəa bəkwin „волк съел овцу“
dudil istikan šinne biçađ „я наполнил стакан водой“.

В кубачинском диалекте, так же как и в даргинском языке, при непереходном глаголе длительного вида может стоять объект в форме эргатива (в функции творит. падежа)¹:

đu waçil wiçulda „я занят работой“
đu tułtađ ukunnida „я наедаюсь хлебами“
đu qumad walçunnida „я занят сеянием полей“.

Основная функция дательного падежа—выражение косвенного объекта:

galdil juldašlij (дат. п.) qa kabgaj „мальчик написал товарищу письмо“
galij (дат. п.) bikəa hinze „мальчику дай яблоко“.

В дательном падеже стоит субъект при глаголах восприятия (verba septiendi):

abaj (дат. п.) sinna gal wikəulsaj „мать любит своего сына“
galij (дат. п.) wašij bikəulsaw „мальчик хочет ехать“
galij (дат. п.) seçu tebidilgunnāsaw „мальчик ничего не видит“
galij (дат. п.) baçulsaw dars „мальчик знает урок“
galij (дат. п.) axəlsaw dars „мальчик не знает урока“
galij (дат. п.) id jüsəe raktakajicəulsaw „юноше понравилась та девушка“.

Дательный падеж выражает уточнение времени действия:
kwe səahəatlij (дат. п.) saçilla „приду к двум часам“
irilij (дат. п.) waçe taman bāqa „к полудню кончай работу“.

Посредством дательного падежа выражается стоимость предмета:

С. Н. Абдуллаев, Функции эргативного падежа в даргинском языке, Труды I научной сессии Дагестанской научно-исследовательской Базы АН СССР, Махачкала, 1947; С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка; Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка; Э. Г. Абдуллаев, Категория падежа в даргинском языке. Махачкала, 1961.

¹ См. С. Л. Быховская, Особенности употребления переходного глагола в даргинском языке, Сб. „Памяти акад. Н. Я. Марра“, М.-Д., 1938.

x'u qəurušlij (дат. п.) ašəad „купил за пять рублей“
 kwe səawlij (дат. п.) bikəad „отдал за две мерки“
 ɸarəāsiliij (дат. п.) sab kəiniškəa „книга стоит двадцать копеек“.

Родительный падеж выступает в функции притяжательной, определительной:

nisəila kəalxəuzla mašina	„машина нашего колхоза“
galla kəiniškəa	„книга мальчика“
dila juldaš	„мой товарищ“
qəāqəalla las	„каменная стена“.

Родительный принадлежности может выступать как прилагательное, оформляясь суффиксом прилагательного:

nisəila-ziw	„нашенский“ (наш родственник)
išəila-ziw	„вашенский“ (ваш родственник)
atəala-zib	„отцовский“ (оставшийся от отца)
ibrahimla-zib	„Ибрагимовский“.

Родительный носителя признака (genit. subjectivus): atəala ɸaxdix „доброта отца“, idila aqđix „его высота“, ɸaqlulla adame „умный человек“.

Родительный назначения: pargusla qwane „портсигар“ (коробка для папирос), tutunna qwane „табачница“ (коробка для табака).

Родительный отношения: kəalxuzla čilin „член колхоза“, pstala pəe „брат мастера“.

Родительный целого (genit. partitivus): təūtəalla q'āle „ветка дерева“, qalla las „стена дома“.

От родительного падежа имен существительных образуются относительные прилагательные. При этом форма родительного падежа сохраняется без изменения (служит именительным падежом прилагательных):

āsla milqa	„серебряная ложка“
ūsulla qal	„деревянный дом“
qalla kisa	„бумажный мешок“
digla šurpa	„мясной суп“
mixla qwane	„железная коробка“
mutilla sula	„золотой зуб“.

При употреблении относительных прилагательных отдельно от определяемого существительного они склоняются:

Им. āsla „серебряный“;	qəāqəalla „каменный“
Эрг. āsla-l-di-l	qəāqəalla-l-di-l
Дат. āsla-li-j	qəāqəalla-li-j
Род. āsla-lla	qəāqəalla-lla.

Относительные прилагательные в контексте:

—kwe kulaxəa dāqa jūšəilij, za āsla, sa mutilla „сделай моей дочери два браслета, один *серебряный*, один *золотой* (относительное прилагательное в им. падеже); āslalže x'əač čikabix'əa „на *серебряный* положи чернь“ (относительное прилагательное в послеложном падеже),

—āslalij kə wič misqal āsla, mutillalij kə x'u misqal mutilla „*серебряному* (для серебряного) вот десять золотников серебра, *золотому* (для золотого) вот пять золотников золота“ (относительное прилагательное в дательном падеже),

—āslalla qəulluq diqəl ažij, x'əač čikabix'əummūtil his bučə habxub, bikəwe—досл. „*серебряного* дело получилось иначе, когда накладывал чернь, излишне нагревшись, сгорел“.

Послелог управляет родительным падежом:

dila (род. п.) šəul waš „иди ко мне“ (чтобы находиться рядом со мной),
срв. местный падеж с тем же значением: di-šəu waš.

dila (род. п.) tala waš „иди ко мне“ (чтобы находиться передо мной),

срв. местный падеж: di-ta waš (то же значение).

čəimilla (род. п.) gūle waš „иди под низ моста“,

срв. местный падеж: čəimil-gu waš.

čəimilla (род. п.) gūlib xib siqabxə „под низом моста находится что-то“,

срв. местный падеж: čəimil-gub xib.

čəimilla (род. п.) gūlil uj bidažij „из под моста ушли люди“,

срв. местный падеж: čəimil-gul bidažij.

§ 50. В числе основных падежей, выражающих отвлеченные отношения, исследователи даргинского языка рассматривают падежи *совместный*, *орудийный* и *предметный*¹.

¹ См. С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке; С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка; Ш. Г. Гаприндашвили, Склонение имен существительных в диалек-

Такого рода формы в диалектах даргинского языка образуются различно. В литературном даргинском языке выделяют суффиксы: для совместного падежа -či-l, для орудийного -či-b-l, для предметного -či-la¹.

В кубачинском диалекте значение предметного падежа передается посредством одного из местных падежей — исходного падежа на -ži-l (в аштинском говоре соответственно на -ži-j): di-ži-l „обо мне“ (досл. „с меня“); išai-ži-l „о вас“; gal-ži-l „о сыне“; bicli-ži-l „о волке“; adamil-ži-l „о человеке“.

itəe ila gal-žil γaj buknlde „они говорили о твоём сыне“, срв. galžil qara čijkabalčin „сними с сына шапку“.

В аштинском говоре: di-ži-j „обо мне“, bic-li-ži-j „о волке“, admil-ži-j „о человеке“, gal-ži-j „о сыне“ и т. д.

dila bikližij γaj čuqmakut „о моей голове не говори“
asinžij siwkutnu „о нем что ты скажешь?“.

Исходный падеж на -ži-l (в аштинском на —-ži-j) совмещает в кубачинском функции предметного падежа.

§ 51. Значение орудия действия и совместности в кубачинском диалекте передаются одной формой на -cəi-la (в аштинском говоре — на -cəi-l):

adami-l-cəi-la „с человеком“, bātəa-l-cəi-la „топором“.

Формы орудия действия отвечают на вопрос sil-cəi-la „чем?“ (от se „что?“), соответственно формы совместности отвечают на вопрос či-cəi-la „с кем?“ (от ča „кто?“).

id atəacəila šilqana widažij „с отцом он пошел на мельницу“

atəadil dahralcəila ūsul dalyin „отец топором порубил дрова“.

Реальный субъект atəadil „отец“ стоит в эргативе, орудием действия служит dahra „топор“. Форма, выражающая орудие действия, образована следующим образом: dahra „топор“,

dahra-l — эргатив (в краткой форме, без суффикса -di-l)

dahra-l-cəe — направит. падеж „в топор“,

dahra-l-cəi-la — орудие действия „топором“.

тах даргинского языка; его же: Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка; З. Г. Абдуллаев, Категории падежа в даргинском языке.

¹ См. С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, стр. 108.

galdil sulbacəila qixəwe daqwaγ „мальчик зубами сломал орехи“

ustadil alxanalcəila mix lukunnisaw „мастер напильником пилит железо“

ūcə dixannicəila bišbixin „лошадь привяжи веревкой“.

Вопрос silcəila означает не только „чем?“, но и „с чем“, — одна и та же форма на -cəi-la может выражать и орудие действия и совместность:

silcəila bəxətəin „чем ударил?“

silcəila bəkwitəin „с чем поел?“ (|| „чем поел?“)

niscəalcəila tuluγ bišbəkwin „с сыром поешь хлеб“

ūsullicəila ducəanal duxbija diš saka „с дровами из лесу привези и бревна (перекладины)“,

срв. ūsullicəila witaj abadil gal „палкой побила мать сына“.

Одна и та же форма ūsullicəila в зависимости от контекста выражает совместность и орудие действия.

ūčicəila может означать как „с лошадью“, так и „на лошади“ (верхом):

ūčicəila qəʔtəja xib bidəγul „с лошадью и жеребенок идет“

ūčicəila atəa šilqana kətəažij „на лошади (|| „с лошадью“) поехал отец на мельницу“.

Аштинской говор:

admil-cəi-l šəatəir wəqid „с человеком пошел гулять“

admil ūsullicəi-l xəwi bitaj „человек палкой побил собаку“

atəadil bātəal-cəi-l ūsul dalyin „отец топором порубил дрова“.

Орудие действия в диалектах даргинского языка передается и формой эргатива¹. Например, в речи аула Чирах:

datəile barətəali kaqme dulyule „отец топором рубит дрова“

dicəe beç kaχubda turangli „я убил волка ружьем“ (из ружья)“.

Здесь barətəali и turangli — формы эргатива, выражающие орудие действия.

¹ См. Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, стр. 365.

В губденском говоре для выражения орудия действия употребляются формы на -ča-l (выражающие также совместность)¹; вместе с тем, значение орудия действия может быть передано и формой эргатива:

nuni γ'āmçaličal (|| γ'āmçani) asira ça „я щипцами взял огонь“
həuni culbečal (|| culbeni) bāçe xiw „ты зубами сломал орех“.

Здесь γ'āmçani, culbeni являются формами эргатива, выступающего в функции орудия действия.

В самом кубачинском диалекте, в аштинском говоре, орудие действия может быть выражено как формой на -cəi-l, так и формой эргатива. В собственно кубачинском говоре выражение орудия действия стабилизировалось за формой на -cəi-la, выражающей и совместность.

В речи аула Чирах совместность выражается формой, образованной от направительного падежа на -cəi суффиксом -lle:

dī-cəi-lle „со мной“; ucəi-li-cəi-lle „с братом“
dicəille sukəle waše „пойдем вместе со мной“.

В мегебском говоре орудие действия выражается посредством эргативного падежа, совместность — посредством формы на -ču-b-ijal (где b — изменяющийся классный показатель), предметный падеж передается формой на -če-la:

abajni burebali həawa ibuwe leg „мать шьет *мной* платье“
nuni qalamli'ini luqwe kaγar „я карандашом пишу письмо“.

Здесь burebali и qalamli'ini являются формами эргатива, выступающими в функции орудия действия.

dī-ču-wijal uškujhəe waše „идем со мной в школу“ (обращение к I грам. классу)
dī-ču-rijal raše „идем со мной“ (обращение к женщине)
dī-ču-dijal daše „идем со мной“ (обращение к девушке)
war'aličubijal tułt berkwa „поешь хлеб с медом“
həuni dičela burha itize „ты Расскажи ему обо мне“
dursiličela nuni burhira halmaxize „о девушке я рассказал товарищу“

¹ См. Ш. Г. Гагриндашвили, Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка, стр. 365, 366.

§ 52. Формы на -či-b-li в литературном даргинском языке рассматриваются как формы *орудийного падежа*¹. Разъясняя данный падеж С. Абдуллаев пишет: „Орудийный падеж выражает причину или средство: *планна кумекмчибми...* „с помощью плана“, *х/ечибми...* „из-за тебя...“²

В кубачинском диалекте формы, образованные соответствующим суффиксом -ži-b-le, выражают *причину*, но не орудие действия:

idižible „из-за него“; silžible „из-за чего?“

dix'wližible „из-за тумана“

idila hunarrižible nusəa xəwasəaj duxadā „из-за его *героизма* мы спаслись“

si bahnalžible u həix'öldin „по какой *причине* (из-за чего) ты ссорился?“

Характеризуя *совместный* падеж, С. Абдуллаев пишет, что „совместный падеж, с одной стороны, выражает предмет, совместно с которым производится действие, а с другой — орудие действия“³: ali-čil „с Али“, bardali-čil „топором“; т. е. орудие действия и совместность, так же как и в кубачинском диалекте, могут выражаться одной формой.

Квалификация формы на -či-b-li в литературном даргинском языке в качестве орудийного падежа не точна. Эту форму скорее следует называть падежом *причины*, а не орудийным.

Если формы, образованные от послеложных падежей суффиксами -la, -li..., квалифицировать как падежные формы, то в кубачинском диалекте будем иметь: орудийно-совместный падеж на -cəi la (в аштинском — cəi-l), падеж причины на -ži-b-le, а что касается предметного падежа, то он в кубачинском выражается посредством исходного падежа на -ži-l (в аштинском — на -ži-j) „с чего-то“.

§ 53. Суффикс -mat с формой направительного падежа послеложной серии „на что-нибудь“, передает значение, которое можно перевести на русский язык предлогом „ради“:

si-l-ži-mat „ради чего?“, či-ži-mat „ради кого?“, iži-mat „ради тебя“, gal-ži-mat „ради сына“.

¹ См. С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, Махачкала, 1954, стр. 108.

² Там же.

³ Там же.

dižimat saq'ünne uxtæe, barkalla itæij „если ты пришел ради меня, то спасибо тебе“ (di- — основа местных падежей от di „я“, di-že „на меня“, di-ži-mat „ради меня“).

§ 54. В числе основных падежей урахинского диалекта П. К. Услар приводит падежи: *равняющий, уподобляющий, тождественный и уступающий*¹. Л. И. Жирков справедливо заметил, что они образованы при помощи „определенных слов (в положении послелогов), значение которых совершенно ясно и создается говорящим как значение отдельного слова“². Они не могут быть признаны собственно падежными формами, подобно тому как не являются падежами формы, образованные послелогоми *gup* и *waп* в аварском языке (по П. Услару, *союзный* и *сравнительный* падежи: *was-gup* „с братом“, *was-waп* „с брата“)³.

55. Местные (или послеложные) падежи, обозначающие относительное положение предмета в пространстве, в кубачинском диалекте образуют пять серий с тремя падежами в серии. *Направительный* падеж выражает сближение с предметом (отвечает на вопрос „куда?“), *местный* (или *локатив*) указывает на местонахождение, пребывание предмета (отвечает на вопрос „где?“) и *исходный* (или *отложительный*) указывает на удаление (отвечает на вопрос „откуда?“).

Основую местных падежей служат те же формы, которые представлены в основе дательного падежа (т. е. форма эргатива или имен. падежа в зависимости от исхода имени).

Послеложного происхождения в кубачинском диалекте направительные падежи с формантами:

- že „на“
- gu „под“
- ta „к передней стороне“
- сæе „во что-нибудь“
- šæu „к чему-нибудь“⁴.

¹ См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 16, 17.

² Л. И. Жирков, Грамматика даргинского языка, стр. 51.

³ См. П. К. Услар, Аварский язык, Тифлис, 1889, стр. 37.

⁴ Мы выше указывали, что Л. И. Жирков в работе „Язык аула Кубачи“ справедливо отметил наличие перечисленных пяти серий местных падежей в кубачинском, но вместе с тем автор допускал возможность существования в кубачинском еще серий с окончанием—е „и“.

От направительных падежей образуются локативные и исходные падежи: локативные — посредством изменяющихся классовых показателей, исходные — посредством суффикса -l (в аштинском говоре -j):

	bik „голова“,	atæa „отец“
Напр.	bik-li-že „на голову“	atæa-že „на отца“
Лок.	bik-li-ži-b „на голове“	atæa-ži-b „на отце“
Исх.	bik-li-ži-l „с головы“	atæa-ži-l „с отца“.

Во мн. числе в местных падежах на -že „на“ и на -gu „под“ согласные элементы падежных формантов подвергаются геминации (позиционная геминация), что не наблюдается в аштинском говоре:

Напр.	būčæa-žže „на головы“,	būčæa-ggu „под головы“
Лок.	būčæa-žži-b „на головах“,	būčæa-ggn-b „под головами“
Исх.	būčæa-žži-l „с голов“,	būčæa-ggu-l „из-под голов“.

Срв. в аштинском говоре:

adamta-ži „на мужчин“, adamta-gu „под мужчин“.

Суффиксы других местных падежей: -сæе, -šæu, -ta во мн. числе в кубачинском не изменяются:

būčæa-сæе „в головы“,	срв. ед. ч. bik-li-сæе „в голову“
būčæa-ta „к головам“ (к передней стороне),	bik-li-ta „к голове“
būčæa-šæu „к головам“	bik-li-šæu „к голове“.

Имена, обозначающие предметы, способные вместить в себя что-либо (qwane „коробка“, halam „мешок“, šuša „бутылка“, kabс „шкура“ и т. п.) образуют еще одну — шестую серию местных падежей¹. Имена с исходом на гласный направительный падеж шестой серии в ед. числе образуют посредством суффикса -п(a)² (основой при этом служит именительный падеж)

задней стороне чего-нибудь“ и с окончанием—qa „на верх чего-нибудь“, не характерных для кубачинского диалекта.

¹ Срв. в аварском языке, где имена, выражающие предметы, „...со всех сторон ограниченные в пространстве и заключающие в себе пустоту или промежутки“, образуют особую серию местных падежей; см. П. К. Услар, Аварский язык, Тифлис, 1889, стр. 75.

² Срв. суффикс направительного падежа табасаранского языка -па (в табасаранском языке, в отличие от даргинского, локативный падеж служит основой направительного падежа).

либо, — что более обычно, — форма направительного падежа ед. числа образуется суффиксом -l(ə), т. е. совпадает с краткой формой эргатива:

halam „мешок“, halam-le „в мешок“,
срв. эрг. п. halam-le (|| halam-li-di-l).

Во мн. числе направительный падеж шестой серии совпадает с формой эргатива, образованного суффиксом -d; в исходе такой формы может выступать гласный е, при этом d удваивается (полагаем, на фонетической основе, аналогично изменениям согласных в суффиксах местных падежей -že и gu во мн. числе).

Локатив и исходный падежи шестой серии образуются от направительного падежа обычным путем:

	kisa	„карман“,	мн. ч. kisine
Напр.	kisa-n(a)	„в карман“	kisna-d (kisna-dde)
Лок.	kisa-na-b	„в кармане“	kisna-ddi-b
Исх.	kisa-na-l	„из кармана“	kisna-ddi-l
	laquj	„люлька“,	мн. ч. laqujte
Напр.	laquj-le	„в люльку“	laqujta-d (laqujta-dde)
Лок.	laquj-li-b	„в люльке“	laqujta-ddi-b
Исх.	laquj-li-l	„из люльки“	laqujta-ddi-l
	ducəa	„лес“,	мн. ч. ducəubne
Напр.	ducəa-n(a)	„в лес“	ducəubna-d
Лок.	ducəa-na-b	„в лесу“	ducəubna-ddi-b
Исх.	ducəa-na-l	„из лесу“	ducəubna-ddi-l

срв. также ducəal-сəe „в лес“.

Формы ducəal-сəe и ducəan(a) мы перевели одинаково: „в лес“, однако в значении обеих форм имеется определенное различие, которое может быть понято из контекста, например:

ducəal-сəe са hatsiče „в лесу возник пожар“
ducəan(a) bidažij „ушли в лес“.

Формы на -сəe не выражают понятия вмещения, скорее указывают на соприкосновение, на проникновение предмета в тело, в среду, но не в полное пространство:

q w a n i l c ə e ʔ ü m ü l b e n k a b a q ' ä „забей гвоздь в коробку“
q w a n i l ʔ ü m ü l b e n k a b i x ' ə a „в коробку положи гвоздь“.

Примеры направительного падежа VI серии ед. числа, образованного суффиксом -n(a): bũšəa-n(a) „в постель“, ax'an(a) „в дыру“, xaŋan(a) „в тарелку“, kulŋa-n(a) „в живот“, qaħəa-n(a) „в горло“, čanta-n(a) „в мешок“, qara-n(a) „в шапку“, muda-n(a) „в угол“, diŋan(a) „на равнину“...

Примеры направительного падежа VI серии ед. числа, совпадающего по форме с краткой формой эргатива: wašak-le „в котёл“, səandug-le „в сундук“, kwaš-le „в горсть“, pəaw-le „в калкан“, mirgw-le „в нору“, halam-le „в мешок“, azbar-re „во двор“, istikan-pe „в стакан“, iškar-le „в шкаф“, mišit-le „в мечеть“, kabc-le „в шкуру“, ŋini-l „в ясли“, mukəəbi-l „в рог“...

Имена с исходом на n (выражающие предметы, вмещающие в себя что-нибудь) в качестве суффикса VI серии имеют лишь a: xəulžin-a „в хурджин“, šilqan-a „на мельницу“¹.

От названий городов и населенных пунктов направительный падеж образуется также посредством суффикса -le².

Напр.	maskaw-le	„в Москву“	tuplis-le	„в Тбилиси“
Лок.	maskaw-li-b	„в Москве“	tuplis-li-b	„в Тбилиси“
Исх.	maskaw-li-l	„из Москвы“	tuplis-li-l	„из Тбилиси“
Напр.	mažalis-le	„в Маджалис“	čū-le ³	„в Дербент“
Лок.	mažalis-li-b	„в Маджалисе“	čū-li-b	„в Дербенте“
Исх.	mažalis-li-l	„из Маджалиса“	čū-li-l	„из Дербента“.

Совпадение форм направительного падежа с эргативом наблюдается в таких формах, которые в переводе на русский язык имеют значение целевой направленности („за чем-нибудь“):

¹ Если в именах с исходом на n в качестве суффикса направительного падежа VI серии сохранился бы -na, то такая форма совпала бы с формой родительного падежа: šilqan-na—род. п. от šilqan „мельница“.

² Названия аула Кубачи и других аулов употребляются в наречных формах:

oŋŋaba-že „в Кубачи“ (направление), oŋŋaba-ži-b „в Кубачи“ (нахождение), oŋŋaba-ži-l „из Кубачи“;

срв. oŋŋabugla šəe—аул Кубачи („аул кубачинцев“), oŋŋabugan „кубачинец“.

³ Срв. čog—древнее название города Дербента. В кубачинском: čog→čug→čū. В такой форме самостоятельно не употребляется, но служит основой для направительного падежа: čū-le „в Дербент“.

hunuzbad „за яблоками“; эта же форма является краткой формой эргатива множ. числа от hunzbe „яблоки“; gule hunzbad bidažij „мальчики пошли за яблоками“. Аналогично этому: qix'əwad „за орехами“, q'ūbad „за грушами“, səilmikəwad „за орешками“, dūkbad „за шишками“...

Если имена существительные употребляются в ед. числе, то в направительном падеже, выражающем значение целевой направленности, они будут оформлены суффиксом -(e): qaj-le „за травой“, qaza-l „за смородиной“, ziza-l „за ежевикой“, laða-l „за клубникой“, pikw-le „за соломой“.

bikate laḍal bidažij „дети пошли за клубникой“
 bikate laḍalib sab „дети за клубникой“ (пошли за клубникой и находятся где-то в поисках ее)
 bikate laḍalil sabaye „дети вернулись с клубники“ (собрать клубнику).

Исходный падеж имени во мн. числе по звуковому составу совпадает с более полной формой эргатива.

ulbaddil mūybe kəq'in „из глаз полились слезы“,
 срв. ulbaddil — форма эргатива от ulbe „глаза“.

Число серий и значения послеложных падежей, а также число падежей в сериях в диалектах даргинского языка не совпадает¹. Так, в урахинском диалекте также представлено пять серий послеложных падежей, но в кубачинском диалекте нет серии на -wi „к окрестности“, представленной в урахинском диалекте, а в самом урахинском диалекте нет серии на -ta „к передней стороне“, имеющейся в кубачинском диалекте.

В литературном даргинском языке насчитывается четыре серии послеложных падежей на: -zi, -či, -wi, -u². Серии со значением „на“ и „к“ здесь на дифференцированы, падеж на -či передает и то и другое значение. Каждая серия насчитывает по три падежа.

В уркарахском диалекте представлены также четыре серии послеложных падежей, по три падежа в серии. Имеются говоры,

¹ См. Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции направительных и местных падежей в диалектах даргинского языка.

² См. С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке, стр. 86; С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, стр. 103.

где представлены три серии, причем направительный и локативный падежи могут не различаться (направительный падеж в этом случае выступает и в функции локативного падежа):

žuz bix'a istulli-ke „положи книгу на стол“
 istulli-ke leb žuz „на столе есть книга“.

В мегебском представлены четыре серии на -če, -šəu, -ze, -həe: stuj-šəu „к столу“, stuj-če „на стол“, stuj-həe „в стол“ (вовнутрь), stuj-ze „в стол“ (напр., забить гвоздь).

В речи аула Урдаки формой дательного падежа выражается значение направительного падежа со значением „на что-нибудь“: uštullij kabix'əa „на стол положи“.

Суффикс направительного падежа, означающий „на...“, в диалектах даргинского языка может иметь разновидности: -ke, -či, -že.

В кубачинском диалекте суффикс -ta указывает направление к передней стороне предмета, в ряде диалектов и говоров даргинского языка в этом значении выступает суффикс -sa: кубачинск. di-ta kicij „встань передо мной“, срв. в речи аула Карбучи-Махи: di-sa kajcəi.

Образование направительного и локативного падежей в кубачинском и других даргинских диалектах происходит в основном одинаково, различие наблюдается в образовании исходного падежа.

В кубачинском диалекте исходный падеж, независимо от направления движения, имеет одну форму (образуясь суффиксом -l от направительного падежа). В урахинском диалекте, в зависимости от направления движения, различаются четыре формы исходного падежа:

Напр.	waça-li-zi	„в лес“
Локат.	waça-li-zi-b	„в лесу“
Исходн.	waça-li-zi-b-sad	„из лесу“ (сюда)
	waça-li-zi-b-bit	„ (туда)
	waça-li-zi-b-ad	„ (вверх)
	waça-li-zi-b-x'ad	„ (вниз) ¹ .

Классный показатель, изменяющийся в локативе, изменяется и в исходном падеже урахинского диалекта, за исключением формы, указывающей направление „туда“, в которой он окаменел.

¹ См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 33.

Исходный падеж отличается от локативного наличием направительных послелогов, уточняющих направление движения в ту или иную сторону.

Обычно в диалектах даргинского языка в исходном падеже представлен окаменелый классный показатель.

Речь аула Бутри: при локативном падеже *waçali-səi-b/r/w* „в лесу“ — исходный падеж имеет следующие формы:

<i>waçali-səi-r-sa</i>	„из лесу“ (сюда)
<i>waçali-səi-r-da</i>	„ (туда)
<i>waçali-səi-r-ha</i>	„ (вверх)
<i>waçali-səi-r-ka</i>	„ (вниз).

Исходный падеж в речи аула Карбучи-Махи:

<i>waçali-səi-r-sa</i>	„из лесу“ (сюда)
<i>waçali-səi-r-di-li</i>	„ (туда)
<i>waçali-səi-r-ha</i>	„ (вверх)
<i>waçali-səi-r-ka</i>	„ (вниз).

В этих примерах в исходном падеже различаются четыре формы, дифференцирующие направление, но классный показатель *г* во всех четырех формах является окаменелым.

Чаще в даргинских диалектах исходный падеж имеет одну форму, не дифференцируя направления движения, например, в уркахском диалекте при локативе *waçali-səi-b/r/w* „в лесу“, исходный падеж имеет одну форму: *waçali-səi-r* „из лесу“ (в любом направлении). Исходный падеж в данном случае отличается от локатива только тем, что в локативном падеже классный показатель является изменяющимся, в то время как в исходном падеже *г* является окаменелым классным показателем.

Уркар. диал. *sa paða pəurbiqij kəalkəalicsəi-r* досл. „летучая мышь полетела из дерева“; это же предложение в урахинском диалекте: *sa paða arsur galgali-z-i-b-að* „...полетела из дерева (вверх)“;

уркар. диал. *həala həulba-səi-r nurəbi ðaşuli sadi* „из твоих глаз текут слезы“, срв. урах. диал. „...*həulba-z-i-r-kað* „...из глаз (вниз)“;

уркар. диал. *nuşila qa j-w-i-w-s-a-ð çalla waqahəakib həuçu* „из нашего дома никто не пришел к тебе“,

срв. урах. диал. *nuşila qa j-w-i-w-s-a-ð çalla waqahəakib həuçu* „...из дома (сюда)“¹.

В аштинском говоре кубачинского диалекта окаменелым классным показателем, вместо *г* других диалектов, в исходном падеже представлен *ј* (← *г*)²:

Напр.	<i>admil-şəu</i>	„к человеку“
Лок.	<i>admil-şəu-b</i>	„у человека“
Исходн.	<i>admil-şəu-j</i>	„от человека“.

В кадарском говоре, где направительный и локативный падежи не дифференцированы, исходный падеж образуется от направительно-локативного падежа посредством суффикса *-ka(n)*: *nu ðuzi-ze-kan waqira quli* „я пришел домой из лесу“. В губденском говоре в аналогичном случае также представлен суффикс *-ka(n)*:

di-çu „ко мне“, „у меня“

di-çu-ka(n) „от меня“

dila uzis həuşa-çu-kan arawis diguləhəin „мой брат не хочет уйти от вас“.

В литературном даргинском языке исходный падеж образуется от локативного падежа суффиксом *-ad*:

Напр.	<i>çali-çi</i>	„к огню“
Лок.	<i>çali-çi-b</i>	„у огня“
Исх.	<i>çali-çi-b-ad</i>	„от огня“ ³ .

В урахинском диалекте, как мы видели, *-ad* является одним из четырех суффиксов исходного падежа, уточняющим движение в одном направлении; в литературном даргинском же данный суффикс выступает в обобщенном значении, образуя исходный падеж, но уже не дифференцируя направление.

В мегебском говоре исходный падеж может иметь три формы: 1. образующуюся от направительного падежа суффиксом *-la*⁴, 2. образующуюся от локатива посредством суффикса *-ad* (т. е. аналогично литературному даргинскому языку), 3. образующуюся

¹ Урахинские примеры см. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 34, 36.

² См. Ш. Г. Гаприндашвили, Образование и функции направительных и местных падежей в диалектах даргинского языка, стр. 320.

³ См. С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке, стр. 88; С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, стр. 103.

⁴ Аналогичную форму в цудахарском диалекте см. Ш. Гаприндашвили, там же, стр. 316.

от локатива + ad + al, т. е. предыдущая форма исходного падежа еще усложнена суффиксом -al:

Напр. qalli-če „на траву“ (от qar „траву“)
Лок. qalli-če-b „на траве“
Исх. qalli-če-la || qalli-če-b-ad || qalli-če-b-ad-al „с травы“.

Более употребительной формой исходного падежа является форма, образуемая посредством суффикса -la:

qalličela ajzur urši „с травы встал мальчик“
dišəula arbuka həala urši „уведи от меня твою лошадь“.

В мегебском говоре представлена также форма транслатива, образуемая от направительного падежа посредством суффикса -di: beči-ze-di „через голову“ (срв. beči-ze „в голову“); dužani-di „через лес“; dišəu-di || dize-di „через меня“; quli-di „через дом“.
a wlaqi-ze-di ajrupalan arcug „через поле пролетел аэроплан“.

Примеры употребления кубачинских форм местных падежей в контексте от слова: laquj „люлька“, мн. ч. laqujte (эрг. laquj-le || laquj-li-di-l, мн. ч. laqujta-d || laquj-ta-d-di-l).

Напр. laquj-li-cəe bišbimmadičəit „не прикасайся к люльке“
Лок. laquj-li-cəi-b ɣ'ümül xib „в люльке есть гвоздь (забитый)“.

Исх. laquj-li-cəi-l sēču bəqij ɣamakəwa „из люльки ничего нельзя сделать“.

Напр. laqujli-gu ūqul wikabixʷa „под люльку подложи доску“
Лок. laqujli-gu-b ūqul xib „под люлькой есть доска“
Исх. laqujli-gu-l ūqul wijhabalčin „из-под люльки вынь доску“.

Напр. laqujli-že kəaṭe čikaxʷa „на люльку постели шаль“
Лок. laqujli-ži-b kəaṭe čibtib „на люльке есть шаль“
Исх. laqujli-ži-l kəaṭe čijhabalčin „с люльки сними шаль“
Напр. laqujli-ta ɬamsəa takaxʷa „перед люлькой постели ковер“.

Лок. laqujli-ta-b ɬamsəa xib „перед люлькой есть ковер“
Исх. laqujli-ta-l ɬamsəa tēhabalčin „от люльки возьми ковер (от передней стороны)“.

Напр. laqujli-šəu wiðažij gal „мальчик пошел к люльке“
Лок. laqujli-šəu-w gal xiw „у люльки находится мальчик“
Исх. laqujli-šəu-l wiðažij gal „мальчик ушел от люльки“.

В VI серии направительный падеж совпадает с краткой формой эргатива:

laquj-le jūsəe jənkažəda „уложи девочку в люльку“
laquj-li-j jūsəe tij „в люльке есть девочка“
laquj-li-l jūsəe jəniħajalčin „из люльки вынь девочку“.

§ 56. От направительного падежа посредством суффикса -bā (где b — изменяющийся классный показатель) в кубачинском образуются формы, выражающие направление¹:

nišəi-šəu-wā „по направлению к нам“ (субъект I кл.)
nišəi-šəu-jā „ „ „ „ („ II кл.)
nišəi-šəu-bā „ „ „ „ („ III кл. и мн. ч.)
nišəi-šəu-dā „ „ „ „ („ множ. ч.)

срв. nišəi-šəu „к нам“.

tə adame nišəšəu-wā saq'ünnisaw „тот человек идет по направлению к нам“

biç ducəalša u-bā bimdiŋ „волк побежал по направлению к лесу“

čina-wā-din „куда (в каком направлении) направился?“ обращение к мужчине,

čina-jā-din — тот же вопрос по отношению к женщине,

čina-bā-din — тот же вопрос по отношению к III классу,

čina-dā-dan — тот же вопрос по отношению ко мн. числу;

срв. čina „куда?“ — вопрос конкретный, требующий соответственно конкретного ответа.

При встрече обычно обращаются с вопросом: čina-wā-din „куда (в какую сторону) направился?“.

Данный вопрос не требует конкретного ответа, как вопрос čina „куда?“. Отвечающий ограничивается указанием общего направления своего движения.

Например: gullalšəu-wā hatəāgəd „направляюсь в сторону родника“. При этом отвечающий может и не дойти до родника.

¹ В аварском языке аналогичные формы образуются от направительного и исходного падежей посредством хəup:

wacasde-xəup „по направлению к брату“

wacasdasa-xəup „по направлению от брата“;

см. П. К. Услар, Аварский язык, стр. 11.

или пойти дальше родника, или остаться у родника. Это будет общее направление его движения, где не конкретизировано, куда именно держит путь идущий.

§ 57. Словообразование имен существительных¹. Основной способ словообразования имен существительных, как вещественных, так и отвлеченных, — суффиксальный (этим же путем образуются имена прилагательные и наречия).

Суффикс -а-на образует отлагольные имена существительные, обозначающие лицо по роду его деятельности, профессии:

habičə-ana	„гравер“,	срв. habičəij	„гравировать“
kajüt-ana	„литейщик“,	„ kajütij	„отливать“
çubla biq-ana	„монтировщик“,	„ çubla biqij	„монтировать“.

Суффикс является продуктивным; глагольная основа представлена в форме длительного вида.

Этим же суффиксом образуются: wíkə-ana „любownik“, срв. wičəij „любить“ (объект I кл.), jíkə-ana „любownica“, срв. jičəij (объект II кл.), мн. ч. bikə-an-te „любимые“.

Суффикс -q'ä имеет то же значение. Посредством суффикса -q'ä образуются имена существительные от имен (реже от глагольных основ):

āšəi-q'ä	„жнец“,	срв. āšəe	„жатва“
āci-q'ä	„полольщик“,	„ āce	„сорняк“, „полотьба“
utəi-q'ä	„косарь“,	„ utəij	„косить“
waĵri-q'ä	„охотник“,	„ waĵar	„охота“
šəatəi-q'ä	„гуляка“,	„ šəatəila	„гуляние“;

срв. в урахинском диалекте суффикс -q'āna², в губденском говоре суффикс -q'ān.

Суффикс -q'ä в кубачинском, по-видимому, происходит от -q'āna, где фарингализованный q' является корневым согласным глагола buq'ij „пойти“ (utəiq'ä, например, дословно должно означать: „тот, кто ходит косить“).

Ныне в кубачинском диалекте -q'ä воспринимается как простой словообразовательный суффикс. Он может присоединиться и к слову, уже имеющему словообразовательный суффикс, на-

¹ Словообразование на материале литературного даргинского языка см. С. Абдулаев, Грамматика даргинского языка, стр. 84.

² См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, Тифлис, 1892, стр. 38.

пример, palči-q'ä „гадалка“. Заимствованное слово palči „гадалка“ имеет словообразовательный суффикс -či, но здесь оно оформлено еще суффиксом -q'ä.

Заимствованные суффиксы -če и -kar определяют человека по роду его деятельности:

tukan-če	„лавочник“,	срв. tukan	„лавка“
qasəab-če	„мясник“	„ qasəab	„мясо для продажи“
qəulluq-če	„служащий“	„ qəulluq	„служба“
qəalaj-če	„лудильщик“	„ qəalaj	„олово“.

Суффикс -či (известный и в других дагестанских языках) обычно встречается вместе с заимствованным словом, однако, он может оформить и собственно кубачинское слово:

šilqan-če	„мельник“,	срв. šilqan	„мельница“
talhəan-če	„горшечник“,	срв. talhəan	„обожженная глина“.

Суффикс -ar¹ образует слова, обозначающие лицо или предмет по его внешнему признаку. Имена с суффиксом -ar образуются от существительных, стоящих во мн. числе (при присоединении суффикса -ar исходный гласный е мн. числа усекается):

səupilt-ar	„усач“,	срв. səupilte	„усы“
sulb-ar	„зубастый“	„ sulbe	„зубы“
kuṅtb-ar	„губастый“	„ kuṅtbe	„губы“
šəitaḱuṅtb-ar	„плоскогубцы“	„ šəita	„ящерица“
dāš tūm-ar	„сороконожка“, досл. „стоногая“, (dāš „сто“, tūme „ноги“)		

çutəē putb-ar „чернобровая“, срв. çutəē-именная основа прилагательного „черный“, putbe „брови“

puḁb-ar	„вшивец“,	срв. puḁbe	„вши“
q'ālm-ar təūtəa	„ветвистое дерево“,	срв. q'ālmə	„ветки“
lürə-ar qara	„ушанка“,	срв. lürəe	„уши“, qara „шапка“.

Суффикс -uq в кубачинском встречается спорадически:

büčə-üq „грязнуля“ (говорится об измазавшемся ребенке), срв. büčəä „грязь“.

¹ В акушинском диалекте представлен суффикс -ar: miq-ar „ячменный хлеб“ (miqi „ячмень“), qas-ar „кусочек“; срв. также в аварском языке mičari „просяной или кукурузный хлеб“ (mič „просо“); см. П. К. Услар, Аварский язык, Тифлис, 1889, стр. 136.

Суффикс -ан может употребляться в разных значениях:

а) определять человека по месту происхождения, б) определять название мужчины и женщины по характерному для них головному убору, с) определять предметы по их назначению:

а) wūybug-ан „кубачинец“, хайдаq-ан „хайдакец“, қагаq-ан „аварец“, čūl-ан „дербентец“ (житель города Дербента), срв. čūl-an-t „дербентцы“;

nisəila šə-ан „земляк“, досл. „наш аульчанин“

ақушə-ан „акушинец“, ūkiq-ан „уркарахец“ и т. д.

Суффикс -ан присоединяется и к форме родительного падежа названия местности: мажалисан „выходец из села Маджалис“, tuplisан „тбилисец“ (где tuplis—Тбилиси).

б) Название лиц по их признаку: qara-čib-ан „мужчина“, где qara „шапка“, čib-ан „имеющий на чем-то“; срв. грузинское ჟღერობა; қаз čib-ан „женщина“, где қаз—белая женская головная повязка (спускающаяся до пяток), срв. грузинское ზებრღერობა.

В кубачинском диалекте для обозначения мужчины не другого, незаимствованного, слова, кроме qara-čiban. В урахинском диалекте: mur'ul adam'ili „мужчина“, х'unul adam'ili „женщина“, срв. в кубачинском: marga „самец“. Урахинское mur'ul adam'ili дословно должно означать „самец человек“¹.

с) Посредством суффикса -ан образуются названия предметов от глагольных основ:

са bīkw-ан „спички“, где са „огонь“, bīkwij „зажигать“

са dūq'ān „огниво“, досл. „огонь высекающий“

iq-ан „мыло“, срв. sataiqij „выстириваться“²

ums-ан „весы“, срв. umsiy „взвешивать“, „мерить“

dulg-ан „горн“, срв. bilzij „затопить“

umd-ан „педилка“, срв. umdij „педить“

q'ul čibig-ан „подойник“, где q'ul „корова“,

čibažij „доить“

¹ Срв. в табасаранском языке: хрəib „самка“, хрəig „самка“ класса человека, т. е. „женщина“, в и г — классные показатели: в — грам. класса вещей, г — грам. класса человека.

² В других даргинских диалектах название мыла заимствовано: зарип (в акушинском), заəфип (в уркарахском), заəшəпип (в речи аула Чирах) и т. д.

šin kataiŋ-ан „сосуд для воды“, где šin „вода“,
kataiŋij „наливать“
bulqa biqə-ан „дымоход“, где bulqa „дым“, biqəij „носить“
səi kataix'ān „солонка“¹, где səe „соль“, kataix'ij „сып-
пать“ и т. д.

Посредством суффикса -ан образовано и слово əkdusəan, буквально означающее „шестилетняя“ (так фамильярно называют девушку на выданьи!); срв. ək „шесть“, dus „год“.

Реже встречается суффикс -in: luč-in „пилки“, срв. lučij „пилить“; bukə-in „еда“, срв. bukiy „есть“; yisə-in „конские пути“ (из конских волос), срв. yis „волос“.

От глаголов: wibčij (I кл.), jibčij (II кл.) „умереть“ сложным суффиксом -ur-ан образуются: wibk-ur-ан (I кл.), jibk-ur-ан (II кл.) „мертвец“.

Продуктивным словообразовательным суффиксом имен является суффикс -la:

ums-la „мерка“, срв. umsiy „измерить“,
„взвесить“

is-la „выкройка“ „ isəij „кроить“

čikabič-la „лейка“ „ čikabičij „надставлять“

šam kabič-la „подсвечник“ „ šam „свеча“,

kabičij „ставить“.

От наречных форм, отвечающих на вопрос „куда?“ посредством суффикса -la, образуются имена:

qalta-la „крыша“, срв. qalta „на крышу“ (qal „дом“)

qəatə-la „улица“ „ qəatə „на улицу“

šəatəi-la „гулянье“ „ šəatə „на гулянье“

q'ūntə-la „шея“ „ q'ūntə „на шею“

tala-la „перед“ „ tala „к передней стороне“.

Суффикс -la представлен в словах či-la „верх“, čib-la „долг“, где či- и čib- при глаголах служат превербами (či- „на что-нибудь“, čib- „на чем-нибудь“).

¹ Срв. žilq (урах. диал.); səiy (уркар. диал.), žə kalqan (акуш. диал.) „солонка“, где ži или səi „соль“. Срв. также в аварском языке, где „нет особых форм для выражения предметов вмещающих; говорится сəan baleb žə „вещь, в которую высыпается соль“ (сəan „соль“, baleb „сыпать“, žə „вещь“) — „солонка“. П. К. Усгар, Аварский язык, Тифлис, 1889, стр. 83.

Суффиксу -la предшествует гласный а в именах, образуемых от глагольных основ:

icə-a-la „болезнь“	срв. icəij	„болеть“
ēγ-a-la „сознание“	„ ēγij	„понять“
bāq'-a-la „сливочное масло“	„ bāq'ij	„сбить масло“
dibx-a-la „крошка“	„ dibxij	„крошить“
čibaq-a-la „кусочек нитки на одну иглу“	„ čibačij	„вдеть нитку в иглу“
ha'-a-la „сказание“	„ ha'ij	„сказать“
čibkatəag-a-la „арка“	„ čibkatəažij	„покрыть сверху“.

Этим же суффиксом образованы сложносоставные слова:

tuṛəigala „перстень“	срв. tuṛ	„палец“
ucəadigala „окно“	„ ucəa	„дверь“
iṭəgala „сено на одну копну“	„ iṭe	„копна“, ažij „стать“
bēgwala „солнце“ ¹	„ bē	„день“

-gw корневой согласный второго компонента сложного слова.

От основы глагола wijjēžij „просеять“ образовано имя ēg-le „отруби“; от глагола witəāxij „подшить“ образовано слово witəāx-le „вышитая полоса, которая подшивается для наряда под женской головной шалью“. В этих словах представлен суффикс -le, поскольку ēgle „отруби“ и witəāxle употреблены во мн. числе; срв. duṭala „щепка“, мн. ч. duṭle; ružala „искра“, мн. ч. ružle.

В литературе указывается на словообразовательный суффикс -la как на суффикс родительного падежа². Форма родительного падежа имени может иметь новое значение: daṅx'əilla „ужин“ — род. п. от daṅx'ə „вечер“; irilla „полдник“ — род. п. от ire „полдень“.

Суффиксы -u-təe (←u-de) и -ge являются редко встречающимися в кубачинском диалекте суффиксами отглагольных имен существительных:

¹ Кубачинское bē „день“ соответствует урахинскому barhəi, означающему „день“ и „солнце“. В кубачинском „день“ и „солнце“ дифференцированы.

² С. Л. Быховская, Имена существительные в даргинском литературном языке, Язык и мышление, X, 1940, стр. 74.

bāq-u-təe	„дело“	срв. bāqij	„сделать“
bilč-u-təe	„учеба“	„ bilčij	„изучить“
ēγ-u-təe ¹	„сознание“	„ ēγij	„понять“
aq-ge	„возмещение“	„ aqij	„преодолеть“
ag-ge	„величина“	„ ažij	„стать“, „случиться“;

срв. в акушинском диалекте: barq-u-di „дело“, haeg-u-di „наблюдение“, aq-gi „возмещение“.

Ряд отглагольных имен существительных имеет в качестве суффикса лишь гласный или даже нулевой суффикс, т. е. основа глагола с префиксом, классным показателем является именем:

but-a	„кусочек“	срв. butij	„разделить“
bibk-a	„смерть“	„ bibčij	„умереть“
bisə-a	„плач“	„ bisəij	„плакать“
dikə-a	„любовь“	„ wičəij	„любить“
diq'ā	„рана“	„ baq'ij	„ранить“
biṭak	„тяжесть“	„ biṭačij	„потянуть“
čəurbig	„разветвление волос на макушке головы“	срв. čəurbizij	„вернуться“
dič	„напиток“	срв. dēčəij	„выпить“
diγw	„засуха“	„ bēγwij	„высохнуть“
dikw	„кизяк“	„ bikəwij	„сечь“...

Префиксы b, d в данных словах являются окаменелыми классными показателями.

Префиксы, классные показатели сохранились в единичных именах, как 'w'ucəe „брат“, jučəe „сестра“, 'w'uqna „старик“, juqna „старуха“; wālkə „хромой“ (досл. „кривой“), jālkə „хромая“, bālkə „кривой кинжал“; срв. bālkəwij „согнуть“, „скривить“.

От глагола luṅij „считать“ образовано существительное luṅe „счет“.

От именной основы посредством суффикса -dix (мн. ч. -dišəe) образуются отвлеченные имена существительные:

sub-dix „белизна“ (срв. čub-zib „белое“); pak-dix „красота“; aq-dix „высота“, мн. ч. aq-dišəe; abdu-dix „чистота“; juldaš-dix „товарищество“, „əḍəbəzəḍə“; ucəi-dix „братство“, „əḍəḍə“ и т. д.

¹ Срв. также || ēγ-a-la „сознание“ (см. стр. 128).

aga-žu-b adamte „здоровые мужчины“
 aga-žu-b x^ounne „здоровые женщины“
 aga-žu-d h^oawante „здоровые животные“;

срв. прилагательное в говоре аула Бутри:

aga-si	{	adimi	„здоровый мужчина“
		x ^o unul	„здоровая женщина“
		h ^o ajwan	„здоровое животное“
aga-ti	{	adimti	„здоровые мужчины“
		x ^o unri	„здоровые женщины“
		h ^o ajwanti	„здоровые животные“

Здесь суффиксы прилагательных не имеют классных показателей, поэтому определяющее согласуется с определяемым только в числе.

Прилагательное в атрибутивной функции, находясь перед определяемым, не склоняется:

Им. x^owala-zib t^oūt^a „большое дерево“
 Эрг. „ t^oūt^a-l-di-l
 Дат. „ t^oūt^a-li-j
 Род. „ t^oūt^a-lla

Им. x^owala-žu-d t^oūtme „большие деревья“
 Эрг. „ t^oūtma-d-di-l
 Дат. „ t^oūtma-ddi-j
 Род. „ t^oūtma-lla.

Самостоятельно употребленное прилагательное склоняется подобно существительному с исходом на согласный, причем в обоих числах прилагательное склоняется одинаково — по типу единственного числа:

Им. x ^o wala-zib „большое“,	x ^o wala-žud „большие“
Эрг. x ^o wala-zib-li-di-l	x ^o wala-žud-li-di-l
Дат. x ^o wala-zib-li-j	x ^o wala-žud-li-j
Род. x ^o wala-zib-la	x ^o wala-žud-la.

§ 59. Локативный падеж может служить основой для образования прилагательного:

bikli-c^oib „в голове“, likli-c^oib-zib „находящаяся в голове“,
 bikli-c^oid-žud „находящиеся в голове“; di-c^oib „у меня“, di-c^oib-zib „находящаяся у меня“, di-c^oid-žud „находящиеся у меня“.

Образованное от локативного падежа прилагательное изменяется подобно обычному прилагательному:

bikli-žib-zib qara „шапка, находящаяся на голове“
 bikli-žid-žud γis „волосы, находящиеся на голове“

a ba š^o u w-z i w gal di š^o u w i k a „приведи мальчика, находящегося у матери“
 š u š a n a d-ž u d š i n d e n i j k a t a „вылей воду, находящуюся в бутылке“

ū k i l-c^o i d-ž u d d i k^o a l d i l ç a l d i l d i q l e i k^o u l d a „в сердце находящейся любовью сгораю как от огня“
 t^o ū t^o a l-ž i w-z i w-l i-d i-l h i n z e l a k k a b ā q a j „находящийся на дереве бросил яблоко“.

Им. mikal-c^oib-zib „находящееся в ногте“
 Эрг. mikal-c^oib-zib-li-di-l
 Дат. mikal-c^oib-zib-li-j
 Род. mikal-c^oib-zib-la

мн. ч. Им. mikal-c^oid-žud „находящиеся в ногтях“
 Эрг. mikal-c^oid-žud-li-di-l
 Дат. mikal-c^oid-žud-li-j
 Род. mikal-c^oid-žud-la

От названия ряда населенных пунктов, стоящих в родит. падеже, посредством суффикса прилагательного образуются имена, определяющие место происхождения человека:

maskawla-ziw „москвич“, maskwla-žub „москвичи“
 bakulla-ziw „бакинец“, bakulla-žub „бакинцы“
 qazanna-ziw „выходец из Казани“
 tabas^oaranna-ziw „табасаранец“; где maskaw „Москва“, baku „Баку“, qazan „Казань“ — название городов, tabas^oaran — название местности.

Прилагательные, производные от существительных, имеют форму родительного падежа¹:

mixla dēk^oa „железная пружина“; q^oāq^oalla qal „каменный дом“; çalla gang „огненный цвет“.

Такое прилагательное при самостоятельном употреблении также склоняется:

¹ См. П. К. У с л а р, Хюркилинский язык, стр. 47.

Им. mixla „железный“,	γisla „волосяной“
Эрг. mixla-l-di-l	γisla-l-di-l
Дат. mixla-li-j	γisla-li-j
Род. mixla-lla	γisla-lla

Удвоение основы прилагательного в кубачинском может придать прилагательному ослабленное значение: itin-itin-zib „красноватый“; çub-çub-zib „беловатый“; бага-бага-zib „слабоватое“; ùxkəù-ùxkəù-ziw „боязливый“; ak-ak-səiw „близкий“; hiq-hiq-səib „далековатый“ и т. д.

Равенство качества выражается посредством прилагательного hasi-b/j/w „столь“, мн. ч. hašu-b/d или hatəe:

u hasi w saw dila gal „мой сын с тебя“

işəila ha şud nisəila diqa daçəçe ijūs „столько, сколько у вас, в этом году у нас не выросло зерна“ (не было урожая)

u hatəe xəwala haγāle dila gal uškəulal wiçəila „моего сына, когда вырастет с тебя, отдам в школу“.

При выражении неравенства качества прилагательное употребляется в краткой форме без суффикса прилагательного:

dižij id xəwala saj „чем я, она старше“

abažij jūsəe juq'ā saj „чем мать, дочь красивее“

ibrahimližij qurban çaq saw „чем Ибрагим, Курбан сильнее“.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 60. В кубачинском диалекте так же, как и в даргинском языке в целом, счет десятичный.

Простые числительные:

sa „один“	ək „шесть“
kwe „два“	wē „семь“
əǝb „три“	kəā „восемь“
aγw „четыре“	ωūçum „девять“
x'w „пять“	wiç „десять“.

Кубачинские простые числительные не сохранили суффикса -al, который представлен в числительных других даргинских диалектов (за исключением числительного sa „один“).

Некоторые кубачинские числительные упростились, претерпев фонетические изменения (утрата r, hə либо ghə — в основе, а также суффикса -al):

кубач. ək,	срв. урах. urig'-al „шесть“
wē	„ werhə-al „семь“
kəā	„ gahə-al „восемь“.

Сложные числительные:

wiç-nu-sā „одиннадцать“	wiç-nu-əkəā „шестнадцать“
wiç-nu-kwā „двенадцать“	wiç-nu-wē-ja „семнадцать“
wiç-nu-əarəā „тринадцать“	wiç-nu-kəā-ja „восемнадцать“
wiç-nu-aγγwā „четырнадцать“	wiç-nu-ωūçum-al „девятнадцать“.
wiç-nu-x'wā „пятнадцать“	

Сложные числительные в кубачинском образуются посредством союзов nu и ja (← ra): десять + союз nu + простое числительное + союз ja „и“¹, который может претерпеть изменения. В числительных „17“ и „18“ соединительный союз ja (← ra) представлен полностью, а в остальных числительных его след сохранился в долготе исходного гласного ā. Союз ra „и“ в сложных числительных выступает в других даргинских диалектах: урах. диал. wiç-nu sa-ra „11“, wiç-nu kwi-ra „12“, wiç-nu haab-ra „13“, wiç-nu gahə-ra „18“ и т. д.

Числительное „19“ в кубачинском сохранило суффикс -al (аштинский говор — не сохранил), но при этом нет следа наличия союза ja „и“. В других диалектах числительное „19“ по строю не составляет исключения: wiç-nu uçim-ra².

Числительное γa „двадцать“ (в других диалектах — γal) — не сложно по составу. И это не случайно: это след более древней двадцатеричной системы³, сменившейся в даргинском языке десятичной системой.

¹ П. К. Услар пишет относительно числительных: „единицы, присоединяясь к десяткам, принимают ra, союз соединительный и: wiçnu sa-ra — значит десять и один“. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 65.

² По Услару, девять обыкновенно не присоединяется к десяткам: девятнадцать выражается через: sa kamli γal, букв. „один не доставая двадцать“. Число „девять“ считается у даргинцев несчастливым числом (срв. у многих народов число „13“), поэтому его избегают произносить, заменяя его описательно через „без одного десять“. Однако это табу в числу „9“ (и соответственно к сложным числительным, содержащим „девять“: 19, 29...) сохранилось лишь в устах старшего поколения.

³ См. С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, стр. 136. Характерно, что в говорах табасаранского языка ныне представлен счет двадцатеричный, десятичный и смешанный — двадцатерично-десятичный. Десятичная система вытесняет двадцатеричную.

Сложные числительные, содержащие „20“, образуются аналогично числительным, содержащим „10“: *γα-пу-sā* „21“, *γα-пу-кwā* „22“, *γα-пу-шарā* „23“ и т. д.

Десятки, начиная с „30“-ти до „ста“, в кубачинском диалекте, подобно сложным числительным, содержащим число „9“ (19, 29...), сохранили суффикс -al (в других диалектах -ali): *шab-ç-al* „30“, *аγw-ç-al* „40“, *х[~]u-ç-al* „50“...

В сложных числительных, образуемых от десятков, начиная с „30“-ти, между даргинскими диалектами имеется некоторое различие: кубач. *шab-ç-a-пу-sā*, уркар. *шab-ç-a-пу-са-га*, урах. *шab-ç-an-пу-са-га*, мегебск. *шab-ç-ани-пу-са-гал* „31“.

Более полная форма сохранилась в мегебском говоре, где ясно выступают составные компоненты сложных числительных:

шab-ç-ани-пу са-гал (← *шab-ç-али-пу са-га-ал*) „31“.

В урахинском утрачен исходный гласный *i* десятков, а в уркарахском (как и в кубачинском) утрачен еще предшествующий согласный *n* суффикса, сохранился гласный *a* — след суффикса -ani (← ali). Характерно, что в мегебском суффикс -al представлен в сложных числительных и после союза *га* „и“ (*шec-пу-са-гал* „11“, *шec-пу kwi-гал* „12“, *γα-пу са-гал* „21“ и т. д.), а также в десятках, начиная с „30“-ти после обычного суффикса -ali (*шab-ç-али-j-ал* „30“, *шu-ç-али-j-ал* „50“..., где *j* между обоими суффиксами является соединительным согласным).

Числительное *dāš* „сто“ также не имеет суффикса -al (срв. урах. *darš-al*).

Составные числительные образуются сочетанием простого числительного с сотней или тысячей:

kwi dāš „200“, *шab dāš* „300“, *х[~]u dāš* „500“

kwi azij „2000“, *шab azij* „3000“, *wiç azij* „10.000“...

azij „1000“ — в кубачинском имеет в исходе *j* вместо *г* в других диалектах (срв. урах. *azir*).

dāš „сто“ и *azij* „тысяча“ в сложных числительных в кубачинском диалекте стоят в форме дательного падежа:

dāš-li-j sa „101“; *dāš-li-j wiç-пу-х[~]wā* „115“; *х[~]u dāš-li-j γa-пу-kwā* „522“; *azij-li-j sa* „1001“; *аγw azij-li-j х[~]u dāš-li-j wiç* „4510“.

В урахинском диалекте числительные „сто“ и „тысяча“ в составе сложных числительных в исходе вместо кубачинского

j имеют *m* ← *|| b*, в мегебском -*b*: урах. *darš-li-m(b) sa*, мегебск. *darš-li-b sa* „101“.

После количественного числительного определяемое имя стоит всегда в ед. числе: *х[~]u gal* „пять мальчиков“, *kwe kalam* „два карандаша“.

В атрибутивной функции перед определяемым именем числительное не склоняется:

Им. *аγw biç* „четыре волка“; *wiç hinze* „десять яблок“

Эрг. *аγw biç-li-di-l* *wiç hinzi-l-di-l*

Дат. *аγw biç-li-j* *wiç hinzi-li-j*

Род. *аγw biç-la* *wiç hinzi-lla*.

Самостоятельно употребляющиеся числительные склоняются подобно именам существительным:

Им. *sa* „один“, *kwe* „два“, *шab* „три“, *аγw* „четыре“

Эрг. *sa-l-di-l* *kwi-l-di-l* *шab-li-dil* *аγw-li-di-l*

Дат. *sa-li-j* *kwi-li-j* *шab-li-j* *аγw-li-j*

Род. *sa-lla* *kwi-lla* *шab-la* *аγw-la*

Им. *wiç* „десять“, *wiçnusā* „одиннадцать“, *γα* „двадцать“

Эрг. *wiç-li-di-l* *wiçnusā-l-di-l* *γα-l-di-l*

Дат. *wiç-li-j* *wiçnusā-li-j* *γα-li-j*

Род. *wiç-la* *wiçnusā-lla* *γα-lla*.

Мн. число числительных образуется посредством суффиксов -*bā*, -*dā*, где *b* и *d* являются изменяющимися классными показателями: *sa-bā*, *sa-dā* „одни“, а также „некие“; срв. урах. *са-bah^o*, *са-dah^o* „одни“, „некие“ (являющиеся исходными для кубачинских форм).

kwi-bā, *kwi-dā*; *шab-bā*, *шab-dā*; *аγw-bā*, *аγw-dā*; *х[~]u-bā*...

Числительные с данными суффиксами означают также пару или группы:

sa-dā use „одни быки (одна пара быков)“

kwi-dā use „две пары быков“

х[~]u-bā bikate „пять групп детей“.

Собирательные числительные в кубачинском имеют суффикс -al. В урахинском диалекте, где суффикс -al имеют количественные числительные, собирательные числительные принимают союз *га* „и“.

kwi-j-al „двое“ „оба“, срв. урах. *kwellā* (← *kwel-га*)

шab-al „трое“, *х[~]u-al* „пятеро (все пятеро)“...

kwijal keiniškəa kwidikəa idila „верни обе его книги“
 kwijal bidažij „оба ушли“; wabal sabaye „(все) трое
 приехали“.

Порядковые числительные образуются от числительных
 при помощи причастной формы с суффиксом -il: 'ibil „сказан-
 ный“: sa 'ibil „первый“, kwi 'ibil „второй“, wab 'ibil „третий“,
 wicim 'ibil „девятый“, wič 'ibil „десятый“.

Порядковые числительные при самостоятельном употреблении
 склоняются, как имя существительное с исходом на согласный.

Распределительные образуются удвоением основ чис-
 лительных: sa-sa „по-одному“, kwi-kwe „по-два“, х^u-х^u „по-
 пять“, wič-wič „по-десять“, γa-γa „по-двадцать“.

Наречные формы распределительных числительных (на вопрос
 „как?“) образуются посредством суффикса -lat-le: sa-sā-lat-le „по-
 одному“, kwi-kwī-lat-le „по-двое“, aγw-aγw-lat-le „по-четверо“...

Кратные числительные образуются посредством суффикса
 -ži-na или -g-na (исходным в обоих случаях является -gi-na → ži-na)
 kwi-g-na „дважды“, wa-g-na „трижды“, aγw-ži-na „четырежды“
 х^u-ži-na „пятью“, ēk-ži-na „шестью“, wič-ži-na „десятью“:

kwigna-na kwe aγw „дважды два четыре“
 wagna kwe ēk „трижды два шесть“
 aγwžina kwe kəā „четырежды два восемь“
 х^užina kwe wič „пятью два десять“
 wēžina wab γanusā „семью три двадцать один“;

срв. в урахинском диалекте: kwi'na „дважды“, где в суф-
 фиксе, образующем кратные числительные, выступает (?) —
 рефлекс звука g, представленного в соответствующем кубачин-
 ском суффиксе.

Числительное wab „три“ при образовании кратной формы
 усекает исходный согласный b, в остальных числительных по-
 добных фонетических изменений не наблюдается.

Дробные числительные: babqe „половина“¹ имеет префикс
 изменяющийся классный показатель: w-abqe (I кл.), j-abqe
 (II кл.), b-abqe (III кл. и мн. ч.), d-abqe (мн. ч.).

Склоняется, как имя существительное с исходом на гласный-
 bēqusla (← baj-qus-la) „полтора“, kwirabqe (← kwi-babqe) „2¹/₂“.
 досл. „два половина“.

¹ Срв. в урахинском bājaqala, урварахском bajqala; в мегебском —
 х'ārijala „половина“.

wab butla sa but „1/3“, (досл. „трех частей одна часть“)
 х^u butla sa but „1/5“; wič butla wab but „3/10“...
 sa-kwe означает „несколько“, досл. „один-два“,
 kwi-wab „два-три“, х^u-ēk „пять-шесть“...
 kwiše — означает „немного“ (срв. х'əāl „много“).

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 61. Личные местоимения в кубачинском ныне не
 различают инклюзива и эксклюзива, однако в некоторых гово-
 рах даргинского языка различаются еще инклюзивные и
 эксклюзивные формы¹.

3-е лицо личных местоимений выражается посредством ука-
 зательных местоимений.

Личные местоимения в кубачинском склоняются следующим
 образом:

Им. du „я“,	п „ты“,	pusəa „мы“,	ušəa „вы“
Эрг. du-di-l	п-di-l	pusəa-d (di-l)	ušəa-d (di-l)
Дат. dammi-j dam	itəi-j	nisəi-j	išəi-j
Род. di-la	i-la	nisəi-la	išəi-la.

Кубачинские личные местоимения не сохранили согласный
 элемент суффикса-детерминанта (срв. аварск. du-n „я“, tu-n „ты“).

Эргатив личных местоимений в кубачинском дифференциро-
 ван от именительного падежа: в ед. числе оформлен вторичным
 суффиксом -di-l, во мн. числе эргатив оформляется подобно
 именам существительным — имеет краткую форму, образующую-
 ся суффиксом -d, и распространенную форму эргатива, услож-
 ненную вторичным суффиксом -di-l. Эргатив во мн. числе в
 кубачинских личных местоимениях оформился раньше, чем в
 ед. числе. Оформившийся позже эргатив в ед. числе имеет вто-
 ричный суффикс -di-l.

Известно, что в личных местоимениях эргатив дифференци-
 ровался позднее, чем в именах существительных; до того эрга-
 тив личных местоимений замещался именительным падежом².

¹ См. С. Л. Быховская, Пережитки inclusiv'a и exclusiv'a в дар-
 гинских диалектах, Язык и мышление, IX. М.-Л., 1940.

² См. Арв. Чикобава, Из истории образования эргативного (актив-
 ного) падежа в аварском языке, Языки Дагестана, I, Махачкала, 1948,
 стр. 14.

Среди даргинских говоров имеются и такие, где в личных местоимениях эргатив еще не оформлен. В говорах аулов Кунги, Худица в личных местоимениях в ед. и мн. числе именит. падеж выступает в функции эргатива:

du beç kaç'ubda „я убил волка“, срв. du admi sawida „я человек“

u beç kaç'ubdi „ты убил волка“
 nusəa beç kaç'ubda „мы убили волка“
 ušəa beç kaç'ubda „вы убили волка“.

Здесь личные местоимения du „я“, u „ты“, nusəa „мы“, ušəa „вы“ несут функции именительного и эргативного падежей. Эргатив не дифференцирован от именительного падежа.

В говоре аула Чирах в личных местоимениях ед. числа в функции эргатива выступает форма послеложного падежа, а во мн. ч. именительный падеж несет функции эргатива:

diçəe beç kaç'ubda „я убил волка“
 wacəe beç kaç'ubde „ты убил волка“
 nusəa beç kaç'ubda „мы убили волка“
 wušəa beç kaç'ubda „вы убили волка“.

Срв. diçəe saqəa „принеси мне“, где diçəe — форма послеложного падежа „мне“, досл. „в меня“;

срв. также форму именительного падежа: du admida „я человек“.

В говоре аула Дуакар в ед. числе личных местоимений эргатив не дифференцирован от именительного падежа, между тем как во мн. числе эргатив оформлен падежным формантом:

du beç kaqurda „я убил волка“
 u beç kaqurdi „ты убил волка“
 niç'əa-li (эрг.) beç kaqurda „мы убили волка“
 wiç'əa-li (эрг.) beç kaqurda „вы убили волка“.

В кубачинском диалекте, надо полагать, когда-то было состояние, аналогичное дуакарскому говору, когда личные местоимения в ед. числе не имели самостоятельных форм эргатива, а во мн. числе эргатив был оформлен. Затем кубачинские личные местоимения как в единственном, так и во мн. числе оформились форматом -di-l, который дифференцировал эргатив в ед. числе и усложнил уже оформленный эргатив во мн. числе

(так же, как и оформленный эргатив имен существительных в обоих числах):

Им. du „я“, nusəa „мы“
 Эрг. du-di-l nusəa-d || nusəa-d-di-l;
 срв. в именах существительных:
 Им. biç „волк“ мн. ч. buçe
 Эрг. biç-le || biç-li-di-l buça-d || buça-d-di-l.

В аштинском говоре di-l является формой эргатива I л. ед. числа личных местоимений¹:

Им. du „я“, u „ты“, nusəa „мы“, ušəa „вы“
 Эрг. di-l u-di-l nusəa-təi-l ušəa-təi-l.

Обычно в диалектах даргинского языка личные местоимения имеют формы эргатива, отличные от именительного падежа:

хайдак. диал. (говор аула Тилми):

Им. du „я“, i „ты“, niç'əa, nišəa „мы“, nišəa „вы“
 Эрг. du-l i-l niç'əa-l nišəa-l

уркар. диал.

Им. nu „я“, həu „ты“, nuša „мы“, həuša „вы“
 Эрг. nu-ni həu-ni nuša-li həuša-li и т. д.

Дательный падеж личных местоимений образуется общим формантом дательного падежа в кубачинском диалекте — -j; родительный падеж образуется общим формантом родительного падежа -la. Гласный основы личных местоимений u в дательном падеже I л. ед. числа изменяется в a, в остальных случаях и в дативе и в родительном падеже — в -i. Дательный падеж I л. ед. числа имеет параллельно две формы: более полную — dammi-j с падежным формантом -j и краткую — dam „мне“.

Форма родительного падежа I л. ед. числа di-la „мой“ сохраняется и в тех диалектах, где в качестве I л. ед. числа личных местоимений представлен в им. падеже nu (←du) вместо du „я“:

¹ В аштинском говоре оформление эргатива имен существительных вторичным формантом -di-l получило меньшее распространение, чем в собственно кубачинском говоре. Чаще употребляются краткие формы эргатива без форманта -di-l:

Им. diç „нож“, мн. ч. diç-mi
 Эрг. diç-li diç-ma-d

урах. диал. пу „я“, эрг. пу-ни, дат. па-м, род. di-la.

Родительный падеж личных местоимений служит именительным падежом для притяжательных местоимений:

dila gal „мой сын“, nisəila qal „наш дом“
ila aṭəa „твой отец“, iṣəila kəme „ваши письма“.

Самостоятельно употребленное притяжательное местоимение склоняется (по типу имени существительного с исходом на гласный):

Им. dila „мой“,	ila „твой“,	nisəila „наш“
Эрг. dila-l-di-l	ila-l-di-l	nisəila-l-di-l
Дат. dila-li-j	ila-li-j	nisəila-li-j
Род. dila-lla	ila-lla	nisəila-lla.

Местные падежи личных местоимений образуются теми же суффиксами, которые представлены в именах существительных. Основую местных падежей в кубачинском служит основа родительного падежа личных местоимений.

du „я“,	п „ты“,	pusəa „мы“,	uṣəa „вы“
dī-že „на меня“	i-že	nisəi-že	iṣəi-že
dī-gu „под меня“	i-gu	nisəi-gu	iṣəi-gu
dī-cəe „мне“, „в меня“	i-cəe	nisəi-cəe	iṣəi-cəe
dī-ta „ко мне“	i-ta	nisəi-ta	iṣəi-ta
dī-ṣəu „ко мне“	i-ṣəu	nisəi-ṣəu	iṣəi-ṣəu.

Падежи каждой серии образуются по общим правилам:

Напр. dī-že „на меня“,	nisəi-že „на нас“
Лок. dī-ži-b „на мне“,	nisəi-ži-b „на нас“
Исх. dī-ži-l „с меня“,	nisəi-ži-l „с нас“

dī-že maḥ ṣi-kabixṭəa „положи на меня ношу“; dī-ži-b maḥ ṣib-lib „на мне есть ноша“; dī-ži-l maḥ ṣij-ha-balṣin „с меня ними ношу“.

В ряде диалектов даргинского языка основой местных падежей I лица ед. числа служит дат. падеж:

агуш. диал. Им. пу „я“, срв. puša „мы“	
Эрг. пу-ни	puša-ni
Дат. па-b	puša-b
Род. di-la	puša-la

Местн. nab-či „на меня“,	puša-či „на нас“
nab-či-b „на мне“,	puša-či-b „на нас“
nab-či-b-ad „с меня“,	puša-či-b-ad „с нас“;

кадарский говор: пу „я“, Дат. па-м,

nam-ṣu waši „иди ко мне“	
nam-že bixa „принеси на меня“	
nam-ki aqubixṭa „положи на меня“.	

Основа послеложных падежей I л. ед. числа nab- или nam- является формой дат. падежа I л. ед. числа личных местоимений.

Однако, срв. урахинский диалект:

Им. пу „я“, Эрг. пу-ни, Дат. па-м, Род. di-la

Местн. di-ṣu „ко мне“	
di-zi „мне“, „в меня“	
di-wi „около меня“.	

Основой местных падежей служит основа родительного падежа так же, как и в кубачинском диалекте.

Форма совместности: dī-cəi-la „со мной“, nisəi-cəi-la „с нами“. Форма исходного падежа dī-ži-l „с меня“ означает также „обо мне“, i-ži-l „с тебя“ || „о тебе“ и т. д.;

срв. в аштинском говоре: dī-cəi-l „со мной“
dī-ži-j „с меня“ || „обо мне“.

Личные местоимения с ограничительной частицей al означают: du-al „я один“, „я сам“, u-al „ты один“, pusəa-al „мы одни“, uṣəa-al „вы одни“. Частица al присоединяется и к различным падежным формам: dudil-al „я один“ (эргатив), dam-al „мне одному“ и т. д.

§ 62. Указательные местоимения. В зависимости от положения предмета в пространстве различаются следующие указательные местоимения:

jē (jēj) „этот“ (около говорящего),	мн. ч. jištəe
il (ləl) „этот“ (около 2-го лица)	„ iltəe
id (tət) „тот“ (где-то)	„ itəe
ik (kək) „тот“ (наверху)	„ ixṭəe
ix (xəx) „тот“ (внизу)	„ ixtəe

Указательное местоимение согласуется с определяемым в числе: *id kəiniškəa* „та книга“, *itəe kəiniškəabe* „те книги“
ix adame „тот человек“, *ixtəe adame* „те люди“.

Склонение указательных местоимений:

Им.	<i>id</i> „тот“,	мн. ч.	<i>itəe</i>	
Эрг.	<i>id-di-l</i>		<i>itəa-d</i> (<i>di-l</i>)	
Дат.	<i>idi-j</i>		<i>itəa-ddi-j</i>	
Род.	<i>idi-la</i>		<i>itəa-lla</i>	
Местн.	<i>idi-že</i>	„на того“	„на него“	<i>itəa-žže</i>
	<i>idi-gu</i>	„под того“		<i>itəa-ggu</i>
	<i>idi-cəe</i>	„тому“ („в того“)		<i>itəa-cəe</i>
	<i>idi-ta</i>	„к тому“		<i>itəa-ta</i>
	<i>idi-šəu</i>	„к тому“		<i>itəa-šəu</i>

Во мн. числе указательные местоимения склоняются подобно именам существительным; эргатив ед. числа образуется формантом *-di-l*, основа косвенных падежей ед. числа одна: *idi-*, в которой присоединяются падежные форманты.

Форма совместности или орудия действия: *idi-cəi-la* „с тем“ || „с ним“ или „тем“ („посредством того“).

idicəila wəx'təx'tut „с тем не ходи“, „с ним не ходи“,
idicəila baqwa „тем поломай“, „с тем поломай“.

idi-ži-l — исходный падеж „с того“ „с него“, означает также: „о том“, „о нем“.

Из указательных местоимений посредством суффиксов прилагательных образуются прилагательные:

<i>idi-zib</i>	„такой“,	<i>idi-žub</i>	„такие“
<i>il-zib</i>	„такой“ (как то, что около тебя)		
<i>ji-zib</i>	„такой“ (как этот)		
<i>ixi-zib</i>	„такой“ (как тот внизу)		
<i>iki-zib</i>	„такой“ (как тот наверху).		

Склоняются они, как обычные прилагательные.

§ 63. Возвратные местоимения употребляются по отношению к третьему лицу и различаются по грамматическим классам: *sa-w* (I кл.) „сам“, *sa-j* (II кл.) „сама“, *sa-b* (III кл.) „само“, мн. ч. *sa-b/d* „сами“.

Склонение возвратных местоимений:

Им.	<i>sa-w</i> /j/b „сам“ („сама“, „само“),	мн. ч.	<i>sa-b/d</i> „сами“
Эрг.	<i>sin-di-l</i>		<i>šu-di-l</i>
Дат.	<i>sin-i-j</i>		<i>šu-j</i>
Род.	<i>sin-na</i> (← <i>sin-la</i>)		<i>šu-la</i>
Местн.	<i>sin-že...</i>		<i>šu-že...</i>

Во мн. числе в склонении возвратных местоимений представлены две основы: *sa* — основа именительного падежа, *šu* — основа всех остальных падежей.

В аштинском говоре в дательном падеже мн. числа сохраняется формант эргатива *-di-*: *šu-di-j* „самим“, что не наблюдается в собственно кубачинском говоре. В остальном склонение возвратного местоимения аштинского говора подобно склонению собственно кубачинского говора.

В говоре аула Кунки эргатив возвратного местоимения мн. числа не оформлен падежной флексией:

Им.	<i>sa-w</i> „сам“	мн. ч.	<i>sabi</i>
Эрг.	<i>cin-ni</i>		<i>šu</i>
Дат.	<i>cin-i-j</i>		<i>šu-j</i>
Род.	<i>cin-na</i>		<i>šu-la</i>

Форма *šu*, выступающая в качестве эргатива в говоре аула Кунки, служит основой эргатива (и других падежей) в других диалектах и говорах даргинского языка:

говор аула Чирах		уркар. диал.	
Им.	<i>saj</i> „сам“, мн. ч. <i>sabi</i> ;	<i>saj</i>	мн. ч. <i>sabi</i>
Эрг.	<i>cine</i>	<i>šu-d</i>	<i>suni-li</i> <i>šu-li</i>
Дат.	<i>cini-j</i>	<i>šu-j</i>	<i>suni-s</i> <i>šu-s</i>
Род.	<i>cin-na</i>	<i>šu-la</i>	<i>suni-la</i> <i>šu-la</i>

§ 64. Вопросительные местоимения:

Им.	<i>ša</i> „кто?“	<i>se</i> „что?“	срв. ашт. гов. <i>ša</i> „кто?“	<i>si</i> „что?“
Эрг.	<i>ši-di-l</i>	<i>si-l-di-l</i>	<i>ši-di-l</i>	<i>si-l</i>
Дат.	<i>ši-j</i>	<i>si-li-j</i>	<i>ši-di-j</i>	<i>si-li-j</i>
Род.	<i>ši-la</i>	<i>si-lla</i>	<i>ši-la</i>	<i>si-lla</i>
Местн.	<i>ši-že...</i>	<i>si-l-že...</i>	<i>ši-ži</i>	<i>si-l-ži</i>

Вопросительное местоимение *se* „что?“ склоняется по „приципу двух основ“, местоимение *ša* „кто?“ в эргативе и осталь-

ных падежах имеет основой *ši-* (отличаясь от формы именительного падежа лишь исходным гласным). В аштинском говоре в местоимении *ša* „кто?“ в дательном падеже сохраняется формант эргатива *-di*, как это имело место в возвратном местоимении мн. числа. Эргатив местоимения *si* „что?“ в аштинском обычно употребляется без вторичного форманта эргатива *-di-l*¹. Эргатив местоимения *ša* „кто?“ в кубачинском, по-видимому, оформился падежным формантом позднее, чем местоимение *se* „что?“ (подобно личным местоимениям ед. числа).

В говорах аулов Кунки и Чирах эргатив местоимения *ša* „кто?“ не оформлен падежной флексией:

говор аула Кунки,   говор аула Чирах

Им. <i>ša</i> „кто?“	<i>se</i> „что?“	<i>ša</i> „кто?“	<i>si</i> „что?“
Эрг. <i>hi</i>	<i>se-li</i>	<i>ši</i>	<i>ci-li</i>
Дат. <i>hi-j</i>	<i>se-li-j</i>	<i>ši-j</i>	<i>ci-li-j</i>
Род. <i>hi-la</i>	<i>se-lla</i>	<i>ši-la</i>	<i>ci-la</i>

срв. говор аула Дуакар,   урах. диалект

Им. <i>še</i> „кто?“	<i>se</i> „что?“	<i>ša</i> „кто?“	<i>si</i> „что?“
Эрг. <i>hi-li</i>	<i>se-li</i>	<i>ši-ni</i>	<i>si-li</i>
Дат. <i>hi-j</i>	<i>se-li-j</i>	<i>ši-s</i>	<i>si-li-s</i>
Род. <i>hi-la</i>	<i>se-lla</i>	<i>ši-la</i>	<i>sē</i>

Хотя в урахинском диалекте эргатив *ši-ni* от *ša* „кто?“ оформлен падежным формантом, однако, судя по падежным флексиям, этот эргатив более поздней формации сравнительно с эргативом *si-li* от *si* „что“ (формант эргатива *-ni* сравнительно с *li* вторичен).

П. К. Услар отмечает, что в урахинском диалекте местоимение *ša* „кто?“ падежные формы образует от иного корня (*ši-*)². Разные основы в склонении местоимения *ša* „кто?“ обычны в диалектах даргинского языка. Однако, в уркарахском диалекте основа им. падежа и остальных падежей, подобно кубачинскому диалекту, отличается лишь исходным гласным: им. п. *ša* „кто?“, основа остальных падежей — *ši-*.

¹ Как мы отметили выше, и в именах существительных в аштинском эргатив со вторичным формантом *-di-l* не получил распространения.

² См. П. К. Услар, Хурьчалинский язык, стр. 59.

В кадарском говоре *šin* „кто?“ имеет в исходе *n*, не характерный для других говоров даргинского языка. В других падежах представлена иная основа:

Им. <i>šin</i> „кто?“	срв. <i>se</i> „что?“
Эрг. <i>hi-ni</i>	<i>se-li</i>
Дат. <i>hi-s</i>	<i>se-li-s</i>
Род. <i>hi-la</i>	<i>se-la</i>

В мегебском говоре вопросительные местоимения имеют частицу *-ja*, не представленную в других говорах даргинского языка:

Им. <i>šin-ja</i> „кто?“	<i>si-ja</i> „что?“
Эрг. <i>ha-ni-ja</i>	<i>se-li-'i-n-a</i> (← <i>se-li-'i-ni-ja</i>)
Дат. <i>his-a</i> (← <i>hi-s-ja</i>)	<i>se-li-s-a</i> (← <i>se-li-s-ja</i>)
Род. <i>hi-la</i>	<i>se-la</i>

Родительный падеж вопросительного местоимения *šila* „чей?“ является притяжательным местоимением; склоняется, как имя с исходом на гласный:

Им. <i>šila</i> „чей?“
Эрг. <i>šila-l-di-l</i>
Дат. <i>šila-li-j</i>
Род. <i>šila-lla</i>

От местоимения *se* „что?“ при помощи суффиксов прилагательного образуются прилагательные *si-zi-b* „какой?“, *si-žu-b* „какие?“, склоняющиеся по типу прилагательного.

šum „сколько?“ (употребляется только в ед. числе), *kučil* „который?“ (*har kučil* || *haril* „всякий“) склоняются по типу имен с исходом на согласный:

Им. <i>šum</i> „сколько?“	<i>kučil</i> „который?“	мн. ч. <i>kučilte</i>
Эрг. <i>šum-li</i> (<i>-di-l</i>)	<i>kučil-li</i> (<i>-di-l</i>)	<i>kučilta-d</i> (<i>-di-l</i>)
Дат. <i>šum-li-j</i>	<i>kučil-li-j</i>	<i>kučilta-ddi-j</i>
Род. <i>šum-la</i>	<i>kučil-la</i>	<i>kučilta-lla</i>

В мегебском говоре *šuma* „сколько?“ имеет в исходе гласный *a*, который, однако, не переходит в другие падежи: эрг. *šum-li*, род. *šum-la*.

§ 65. Относительных местоимений нет в кубачинском диалекте так же, как и в даргинском языке в целом.

Русские сложные предложения с относительным подчинением передаются посредством причастий: s̄a widagūziw adame hibā saɣllasaw „человек, который вчера уехал, больше не вернется“ (досл. „вчера уехавший человек больше не вернется“); pus̄a h̄airdixuzib qal daɣlīzib̄sab „дом, в котором мы живем, находится на горе“ (досл. „мы — живущие дом находится на горе“); uɗil b̄eq̄ibzib̄ k̄einišk̄a dila sab „книга, которую ты взял, моя“ (досл. „тобой взятая книга — моя“).

§ 66. Отрицательные местоимения. В урахинском диалекте местоимения čalla, в утвердительном предложении означающее „кто бы то ни был“, „хоть кто-нибудь“ и sella, в утвердительном предложении означающее „что бы то ни было“, при употреблении их с отрицательным глаголом означают: čalla „никто“, sella — „ничто“¹.

Срв. также в уркарахском диалекте, где čaгга в утвердительном предложении означает „кто бы то ни был“, seгга „что бы то ни было“, а при употреблении их в отрицательном предложении они уже означают „никто“ и „ничто“, т. е. ни в урахинском, ни в уркарахском диалектах нет специальных форм отрицательных местоимений.

В кубачинском диалекте для отрицательных местоимений имеются формы, отличающиеся от местоимений, употребляемых в утвердительных предложениях: čāč̄u „никто“, s̄eč̄u „ничто“. Такие формы без долготы гласного — čač̄u и sič̄u означают „кто даже“ и „что даже“ и могут употребляться как в утвердительных, так и в отрицательных предложениях с тем же значением.

Долгота гласных в отрицательных местоимениях кубачинского диалекта, возможно, является результатом фонетических изменений: ča-ja-č̄u → čāč̄u „никто“, досл. „кто и даже“, si-ja-č̄u → s̄eč̄u „ничто“, досл. „что и даже“, где ja, вклинивающийся между вопросительным местоимением и частицей č̄u, есть союз „и“.

¹ См. П. К. Услар, Хуркилинский язык, стр. 62. То же наблюдается и в аварском и лакском языках. В аварском языке слова со значением „каждый“, „кто бы ни“ — в отрицательном предложении имеют значение „никто“, „ничто“; см. Л. И. Жирев, Аварско-русский словарь, Москва, 1936, стр. 177. В лакском языке — сицаи „кто-либо“ и сицаи „что-либо“ при употреблении с отрицательным глаголом означают „никто“ и „ничто“; см. П. К. Услар, Лакский язык, Тифлис, 1890, стр. 71.

Отрицательные местоимения в кубачинском диалекте могут употребляться и в удвоенном виде, причем удвоению может подвергнуться или только вопросительное местоимение, или только частица, или одновременно и то и другое: čač̄ač̄u || || čāč̄uč̄u || čač̄ač̄uč̄u „никто“, s̄iseč̄u || s̄eč̄uč̄u || s̄iseč̄uč̄u. Удвоение несколько усиливает выражение отрицания: čač̄ač̄u qilib liba-k̄wa „никого нет дома“; s̄eč̄uč̄u abič̄e „ничего не хочу“; s̄eč̄ualdiq̄le gazij̄ ux̄aхе „никоим образом не согласился“.

Склонение отрицательных местоимений не отличается от обычного склонения:

Им.	čāč̄u „никто“,	s̄eč̄u „ничто“
Эр.	čāč̄u-l-di-l	s̄eč̄u-l-di-l
Род.	čāč̄u-lla	s̄eč̄u-lla
Дат.	čāč̄u-li-j	s̄eč̄u-li-j.

Кубачинскому диалекту свойственно выражение отрицания также и одним лишь удвоением слова. Таково образование отрицательных наречий от вопросительных наречий: čina „куда?“, čina-b „где?“, čina-l „откуда?“. Удваивается во всех случаях наречие čina: čina-čina „никуда“, čina-čina-b „нигде“, čina-čina-l „ниоткуда“.

— čina buq̄uldiu	„куда несешь?“
— čina-čina buq̄ulāda	„никуда не несуй“
— činaw-di-nu u	„где ты?“
— čina-čina-w ada	„нигде“
— činal kikat̄eïn	„откуда упал?“
— čina-činal kad̄awikad	„ниоткуда не упал“.

Отрицание от наречия suq̄č̄u „даже один раз“ имеет форму suq̄ač̄u „ни разу“, которая отличается от утвердительной формы наличием гласного u (перед которым звук q подвергся геминации).

u diš̄au suq̄č̄u t̄esad̄awakat̄e „ты ко мне ни разу (на один раз) не зашел“...

ijus suq̄ač̄u č̄ibēt̄ete „в этом году ни разу не пошел дождь“.

Наречие m̄ūt̄č̄u досл. „когда даже“ (m̄ūt „когда?“, č̄u — частица „даже“) употребляется лишь в отрицательном предложении, в значении „никогда“:

mūtçu wibçellasaw id „он *никогда* не умрет“
 mūtçu kabexewillasab il kəiniškəa „*никогда* не закончится
 эта книга“
 mūt wax'uldin „когда уезжаешь?“
 mūtçu wax'ulāda „никогда не уезжаю“
 ušəa itəəšəu mūtçu dax'max'utəā „вы к ним *никогда* („когда
 даже“) не ходите“.

Г Л А Г О Л

§ 67. Глагол кубачинского диалекта, как и вообще даргинского языка, сложнее имени. Кубачинский глагол изменяется по грамматическим классам, числам, временам, лицам, наклонениям, имеет категорию вида, каузативные формы; различаются вопросительные, отрицательные и запретительные формы, развиты причастные и деепричастные формы. При образовании временных форм и сложных глаголов широко используются вспомогательные глаголы.

Изменением по лицам даргинский глагол существенно отличается от глагола в языках аварско-андийско-дидойской группы, где глагол не изменяется по лицам, но сближается с глаголом лакского, табасаранского языков, спрягающегося, подобно даргинскому глаголу, по лицам.

Наличие спряжения по лицам, — при одновременном спряжении и по классам, делает *переходный глагол* даргинского языка *полиперсональным* — в нем, одновременно выражаются объект и субъект¹, — префиксом обозначается грамматический класс объекта, суффиксом — грамматический класс или лицо субъекта.

ustadil qal biqulsaw „мастер строит дом“, — в переходном глаголе b-iqul-sa-w „строит“, „делает“ префикс, классный показатель b выражает прямой объект qal „дом“, классный показатель в суффиксе -w указывает на реальный субъект ustadil „мастер“, стоящий в эргативном падеже. Конструкция переходного глагола — эргативная во всех временах и наклонениях; спряжение объектно-субъектное, показатель объекта пред-

¹ Имеем в виду глаголы с префиксом, показателем грамматического класса.

шествует показателю субъекта — принцип, известный из спряжения абхазско-адыгских и аварских глаголов¹.

Исторически в иберийско-кавказских языках в спряжении переходного глагола выражался только объект, спряжение по лицам сравнительно с классным спряжением — вторичное².

Субъектное спряжение

Спряжение непереходного глагола — субъектное: префикс, классный показатель и суффикс — показатель лица или классный показатель — указывают на субъект, стоящий в именительном падеже; глагол одноличен.

Субъект I кл.

du w-iqul-da „я работаю“, nusəa d-iqul-da „мы работаем“
 u w-iqul-de „ты работаешь“, ušəa d-iqul-da „вы работаете“
 id w-iqul-sa-w „он работает“, itəe b-iqul-sa-b „они работают“.

Субъект II кл.

du j-iqul-da „я работаю“, nusəa d-iqul-da „мы работаем“
 u j-iqul-de „ты работаешь“, ušəa d-iqul-da „вы работаете“
 id j-iqul-sa-j „она работает“, itəe b-iqul-sa-b „они работают“.

Субъект III кл.

du b-iqul-da „я работаю“, nusəa d-iqul-da „мы работаем“
 u b-iqul-de „ты работаешь“, ušəa d-iqul-da „вы работаете“
 id b-iqul-sa-b „он работает“, itəe d-iqul-sa-d „они работают“.

Классные показатели в префиксе и суффиксе в 3-м лице одни и те же, оба они выражают реальный субъект. В 1-м и 2-м л. в суффиксе представлены личные окончания, которые наряду с префиксом, классным показателем также указывают на реальный субъект.

usta w-iqul-sa-w „мастер работает“
 x'unul j-iqul-sa-j „женщина работает“
 mašina b-ucəul-sa-b „машина работает“.

¹ См. Арн. Чикобава, К вопросу о полиперсонализме в аварском языке в связи с проблемой эргативной конструкции, Известия ИЛИМК, X, Тбилиси, 1941, стр. 67.

² См. Арн. Чикобава, Общая характеристика грузинского языка. Толковый словарь грузинского языка, т. I, Тбилиси, 1950, стр. 053—054 (на груз. яз.); его же, Основные типы спряжения глаголов и их исторические взаимоотношения в иберийско-кавказских языках. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. Москва, 1960, стр. 9.

Префикс, классный показатель *w* и классный показатель *w* в суффиксе указывают на реальный субъект *usta* „мастер“, стоящий в номинативе. Аналогично этому, префикс, классный показатель *j* и классный показатель *j* в суффиксе указывают на реальный субъект *x'əncul* „женщина“; префикс, классный показатель *b* и классный показатель *b* в суффиксе указывают на реальный субъект *mašina* „машина“. Личных показателей 3-е лицо не имеет.

Конструкция непереходного глагола номинативная.

Объектно-субъектное спряжение

Субъект I кл., объект III кл., ед. ч.

dudil wače b-ïqul-da „я делаю работу“
udil wače b-ïqul-de „ты делаешь работу“
iddil wače b-ïqul-sa-w „он делает работу“
nusəad wače b-ïqul-da „мы делаем работу“
ušəad wače b-ïqul-da „вы делаете работу“
itəad wače b-ïqul-sa-b „они делают работу“

Субъект II кл., объект III кл., мн. ч.

dudil tultə d-ucul-da „я пеку хлеба“
udil tultə d-ucul-de „ты печешь хлеба“
iddil tultə d-ucul-sa-j „она печет хлеба“
nusəad tultə d-ucul-da „мы печем хлеба“
ušəad tultə d-ucul-da „вы печете хлеба“
itəad tultə d-ucul-sa-b „они пекут хлеба“
ucəildil ka ka-b-ïgul-sa-w „брат пишет письмо“
jucəildil ka ka-b-ïgul-sa-j „сестра пишет письмо“.

Спряжение переходного глагола (имеющего префикс, классный показатель) — объектно-субъектное: префикс, классный показатель указывает на объект, стоящий в им. падеже, суффикс — показатель лица или классный показатель — указывает на реальный субъект, стоящий в эргативе; глагол двухличен.

Префикс глагола выражает всегда имя, стоящее в именительном падеже. Это имя при непереходном глаголе является субъектом, при переходном — объектом:

du (субъект — им. п.) *w-ïqul-da* „я работаю“
dudil wače (объект — им. п.) *b-ïqul-da* „я делаю работу“.

Переходный глагол, будучи в своей основе нейтральным в залоговом отношении, использованием различных аффиксов дает возможность выразить содержание и действительного и страдательного залогов¹.

Если префиксом обозначается объект, суффиксом субъект, то в глаголе выражено содержание действительного залога, если префикс и суффикс относятся к реальному объекту, — в глаголе выражено содержание страдательного залога:

b-ïsul-sa-w „продает“ (он, что-то)

b-ïsul-sa-b „продается“ (что-то).

В первом глаголе классный показатель *w* в суффиксе указывает на реальный субъект (I кл.), префикс *b* указывает на реальный объект (III кл.); во втором глаголе и префикс и суффикс обозначают реальный объект, реальный субъект в глаголе не выражен.

tukančildil mas b-ïsul-saw „продавец продает материю“

ijal waχle mas b-ïsul-sab „сегодня хорошо продается материя“.

Сопоставим еще два предложения:

adamildil həažlāče ducəulsaw „человек жарит кукурузу“

həažlāče waχle ducəulsad „кукуруза хорошо жарится“.

В глаголе *d-ucul-sa-w* „жарит“ префикс *d* является показателем грамматического класса объекта *həažlāče* „кукуруза“ (в именит. падеже), классный показатель *w* в суффиксе указывает на реальный субъект *adamildil* „человек“ (в эргат. падеже); глагол имеет содержание *действительного залога*.

В глаголе *d-ucul-sa-d* „жарится“ префикс *d-* и суффикс *-d* указывают на реальный объект действия (*həažlāče* „кукуруза“); глагол выражает содержание *страдательного залога*.

Могут быть случаи, когда глагол не имеет префикса, классного показателя:

dukrušəaddil dig lux'əunnisab „пастухи варят мясо“

dig ix'wle lux'əunnisab „мясо быстро варится“.

Одна и та же глагольная форма *lux'əunnisab* может означать как „варят“, так и „варится“. Здесь классный показатель *b* в одном случае указывает на субъект 3-го лица категории человека

¹ См. Арн. Чикобава, К вопросу о полиперсонализме в аварском языке в связи с проблемой эргативной конструкции, Изв. ИЯИМК, X, Тбилиси, 1941, стр. 69.

(I и II класса), в другом случае — на объект ед. числа класса вещей.

Глагол выражает значение действительного залога, если классный показатель в суффиксе указывает на реальный субъект, стоящий в эргативе, если же классный показатель в суффиксе указывает на объект действия, стоящий в номинативе, то глагол выражает значение страдательного залога.

§ 68. П. К. Услар пишет, что в урахинском диалекте нет действительных глаголов, но есть страдательные¹. Автор при этом отмечает в урахинском следующую особенность в согласовании суффикса глагола: "...если действие обращено на 1-ое или 2-ое лицо, то глагольное окончание сообразуется с этим лицом и совершенно независимо от того, какое лицо действует... Если же действие обращено на 3-е лицо, то глагольное окончание сообразуется с лицом действующим"².

Мы выше (стр. 153) отметили, что основа глагола нейтральна в отношении категории залога, но при этом возможно выразить в глаголе содержание действительного и страдательного залогов при помощи префиксов и суффиксов — показателей грамматических классов и показателей лиц. Суффикс глагола согласуется с лицом, на которое обращено действие, — получаем содержание страдательного залога, суффикс согласуется с реальным субъектом, выраженным эргативом, — глагол имеет содержание действительного залога.

Из этого следует, что в урахинском диалекте, если действие обращено на 1-ое или 2-ое лицо, независимо от действующего лица, — в глаголе выражено содержание страдательного залога, если же действие обращено на 3-е лицо, то глагол выражает содержание действительного залога.

Иное положение в кубачинском диалекте. Если реальным субъектом является 1-ое или 2-ое лицо, то суффикс глагола

¹ П. Услар и в даргинском языке придерживается своей концепции о пассивности переходных глаголов, которая, как известно, не в состоянии объяснить специфику переходного глагола. См. აბ. ჩიქობავა, კვატიული კონსტრუქციის პრობლემა იბერიულ-კავკასიურ ენებში, II, თბილისი, 1961, стр. 7 — 14, 131 — 136 (см. также наше: Вопрос о пассивности эргативной конструкции в монографии П. К. Услара „Табасаранский язык“, Вестник отделения общественных наук, АН Груз. ССР, 3, Тбилиси, 1960).

² П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 158.

при реальном субъекте, выраженном эргативом (т. е. при переходном глаголе), согласуется с действующим лицом, глагол выражает содержание действительного залога.

Если же реальным субъектом является 3-е лицо, то возможна конструкция, когда *суффикс глагола* будет *согласовываться* опять-таки с *реальным субъектом* (префикс при этом указывает на реальный объект), тогда *глагол имеет содержание действительного залога*, и вместе с тем, возможна и такая конструкция, когда *суффикс глагола согласуется с лицом, на которое обращено действие* (префикс при этом также указывает на объект), в этом случае *глагол по содержанию страдательного залога*:

abadil gal w-alxəunnisa-j „мать кормит сына“

abadil gal w-alxəunnisa-w досл. „сын кормится матерью“.

В первом глаголе префикс w (показатель I кл.) указывает на реальный объект gal „сын“. Суффикс -j (показатель II кл.) согласуется с реальным субъектом abadil „мать“, стоящим в эргативе.

Во втором глаголе и префикс, и суффикс согласуются с объектом действия gal „сын“; реальный субъект в глаголе не выражен.

Если объект — в 1-ом или во 2-м лице, будем иметь:

abadil du (I кл.) w-alxəunni-sa-j „мать кормит меня (I кл.)“,

или: abadil du (I кл.) w-alxəunni-da, досл. „я (I кл.) кормлюсь матерью“;

abadil u (I кл.) w-alxəunni-sa-j „мать кормит тебя (I кл.)“,

или: abadil u (I кл.) w-alxəunni-de, досл. „ты (I кл.) кормишься матерью“.

Суффиксы -da и -de являются показателями 1-го и 2-го лиц и согласуются в данном случае с реальным объектом.

Такие конструкции при субъекте 3-го лица возможны в кубачинском только в таких формах, в образовании которых участвует вспомогательный глагол sab „есть“.

В других случаях, при субъекте 3-го лица, суффикс согласуется только с реальным субъектом, глагол выражает содержание действительного залога; получаем обычную конструкцию переходного глагола.

§ 69. В отличие от других даргинских диалектов в кубачинском наблюдаются зачатки морфологической дифференциации глаголов в отношении залога:

baq w-aj „разбил“ — baq w-e „разбилось“
 galdil šuša baq w-aj „мальчик *разбил* бутылку“
 срв. šuša baq w-e „бутылка *разбилась*“.

Аналогично этому:

bāka-aj	„нашел“	—	bāčə-e	„нашлось“
būts-aj	„износил“	—	būtə-e	„износилось“
īt-aj	„пролил“	—	īt-e	„пролилось“
biç-aj	„наполнил“	—	biç-e	„наполнилось“
biķw-aj	„зажег“	—	biķw-e	„зажглось“
bēs-aj	„зажарил“	—	bēse	„зажарилось“
bikəw-aj	„сжег“	—	bikəw-e	„сжглось“ и т. д.

Суффикс -aj характерен для переходных глаголов, -e — для непереходных глаголов (оба в 3-м лице прошедшего совершенного времени):

kaχ w-aj „убил“, срв. wibč-e „умер“
 saqə-aj „принес“, срв. kabč-e „упало“, bač-e „выросло“.

Залоговая дифференциация (baq w-aj „разбил“ — baq w-e „разбилось“), наблюдаемая ныне в кубачинском диалекте, характерна только для глаголов I спряжения. В глаголах других спряжения подобной дифференциации не наблюдается:

bilšəin „сварил“; „сварилось“
 bilγin „полировал“; „полировалось“
 jūšildil qače bilšin „девушка *расплела* косу“,
 срв. qače bilšin „коса *расплелась*“.

Таким образом, в кубачинском диалекте, наряду с использованием классных показателей—префиксов и суффиксов глагола, — в качестве средства выражения залога используются и морфологически оформленные дифференцированные формы глаголов. Явление это, по-видимому, сравнительно позднее и распространяется лишь на глаголы I спряжения.

Подобной залоговой дифференциации не наблюдается в других даргинских диалектах:

hitili istikan buγəab „он *разбил* стакан“
 istikan buγəab „стакан *разбился*“.

Глагол buγəab может означать как „разбил“, так и „разбился“; срв. аналогичное положение в аварском языке, где на почве нейтральной глагольной основы образуется лабильная конструкция, при которой „одна и та же глагольная форма может выполнять функцию и действительного, и страдательного

залогов, не являясь ни тем, ни другим, но сочетаясь с субъектом в эргативе или номинативе... dos stakan bekana „он *разбил* стакан“, stakan bekana „стакан *разбился*“¹. Зарождение и развитие залога связаны с тенденцией перехода к стабильной конструкции предложения (Арн. Чикобава).

§ 70. Строй глагола. Наиболее простая форма глагола выступает в формах проклятий и благожеланий. Здесь представлена основа глагола, оканчивающаяся на корневой согласный:

jī, u wibk „ах, *чтоб* ты умер!“ (wibčij „умереть“)
 ila ūke bēs „*чтоб* *изжарилось* твое сердце!“ (bēcij „изжарить“)
 jī, u həuŋc xh „ах, *чтоб* ты *оглох*!“ (həuŋc xhij „оглохнуть“)

uša salamat dāq — напутствие на дорогу: „доброgo пути!“
 ila ūke bat „*чтоб* *жило* твое сердце!“ (batij „оставить“).

Глагол обычно имеет префикс — изменяющийся классный показатель:

b-āčəij (объект III кл.)	„найти“	b-usəij (субъект III кл.)	„спать“
j-āčəij (объект II кл.)		j-usəij (субъект II кл.)	
w-āčəij (объект I кл.)		w ¹ -usəij (субъект I кл.)	

За классным показателем следует тот или иной гласный основы: b-a-sij „вспахать“, b-u-sij „поймать“, b-i-sij „продать“, b-ē-sij „спастись“.

При отсутствии префикса, классного показателя глагол начинается с гласного основы: a-səij „купить“, i-sij „мыть“, u-mdij „цедить“, ē-tij „разрезать“.

За гласным основой идет корневой согласный: ba-č-ij „вырасти“, ba-ç-ij „расплавить“, bu-ṭ-ij „разделить“, bi-kəw-ij „сжечь“, ba-qw-ij „сломать“... За корневым согласным следует тематический гласный² и затем личные окончания в 1-м и 2-м лице. Временная форма 3-го лица в органических формах глаголов может оканчиваться тематическим гласным, либо в исходе имеет еще согласный³ (зависящий от типа спряжения глагола):

¹ სან. ნიქობავა, ვრგატული კონსტრუქციის პრობლემისთვის კავკასიურ ენებში: ამ კონსტრუქციის სტაბილური და ლაბილური ვარიანტები, ენობ. კისშომამბე, XII, თბილისი, 1942, სტრ. 242.

² См. N. Troubetzkoу, Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchéchéno-lesghiennes (caucasiennes — orientales). Bull. de la Société de Linguistique de Paris, t. 29, fasc. 3 (№ 88), Paris, 1929.

³ По Н. Трубетцкому, — окончание первичных глагольных форм; см. N. Troubetzkoу, Notes sur les désinences du verbe...

bis-a-d „продал (я)“ bis-i-d „продаю“ wilqə-i-d „насытился“
 bis-a-təe „продал (ты)“ bis-i-t „продаешь“ wilqə-i-təe „
 bis-aj „продал (он)“ bis-u „продает“ wilqə-in „

Перед корневым согласным может находиться сонорный согласный l или r (в кубачинском диалекте вместо r будем иметь долготу гласного), выступающий иногда в функции показателя вида, чаще — вне этой функции: bi-l-šəij „сварить“, bāqij(←bā-r-qij) „сделать“; в редких случаях перед корневым согласным в основе глагола может встретиться второй согласный, чаще всего b или m (bi-b-šəij „закалить“, bi-m-qij „повиснуть“).

В даргинских диалектах встречаются глаголы со стертой основой, начинающиеся с корневого согласного типа: x-is „принести“, k-is „привести“ (урах. диалект). В кубачинском диалекте основа таких глаголов также стерта, однако они выступают обязательно с направительным превербом (порой уже утратившим в таких глаголах функцию направительного преверба): sa-qəij „принести“, sa-čij „привести“, ka-tij „налить“, ka-x'wij „убить“.

Глагольная основа может усложниться превербами—направительным или пространственным или сочетанием того и другого:

batij „оставить“, ka-batij „протянуть (сверху)“

wipətij (←wib-batij) „оставить после себя“

wi-ka-batij „закопать“ и т. д.

Корневым согласным, как правило, служит один согласный (что известно и из других дагестанских языков). В качестве корневых согласных не встречаются сонорные: m, n, l, r.

§ 71. Аспект. В дагестанских языках в отношении категории аспекта наблюдаются значительные расхождения. В одних языках категория аспекта выступает как ярко выраженная морфологическая категория глагола, глаголу ряда языков категория аспекта, как морфологическая категория, уже не свойственна, а в некоторых дагестанских языках еще можно проследить процесс утраты глаголом морфологических средств выражения аспекта (вида).

Категория вида является одной из основных категорий даргинского глагола. Глагол одного вида обычно имеет соотносительный глагол другого вида, имеющий то же лексическое значение;

например: barqis „сделать“ (недлит. вид)
 birqis „делать“ (длит. вид)
 belqes „написать“ — luqes „писать“.

Соотносительные пары глаголов образуют соотносительные ряды форм:

прош. сов. barq-ib „сделал“

прош. несов. birq-ib „делал“.

В прошедшем совершенном и прошедшем несовершенном временах выражена видовая характеристика. Прошедшее несовершенное своей функцией выражает одновременность действия, а по видовому значению выражает неограниченность длительности.

С точки зрения времени обе формы выражают прошедшее время, т. е. с точки зрения времени эти формы равноценны — выражают действие прошедшее. Различие их заключается в различной видовой характеристике.

Сопоставим две временные формы с одинаковыми основами в отношении аспекта:

наст. конкретное birquli-ra „делаю“

прош. несовершен. определенное birquli-ri „делал“.

С точки зрения аспекта обе формы равноценны — выражают действие длительное. Различие их заключается в различной временной характеристике. Вспомогательный глагол настоящего времени и вспомогательный глагол прошедшего времени определяют временную характеристику глагола.

П. К. Услар подробно рассматривает категорию вида даргинского глагола по материалам урахинского диалекта. „Преобразование глаголов одиночного значения в глаголы значения продолжительного, — пишет П. К. Услар, — происходит весьма разнообразно... и едва ли может быть подведено под определенные правила“¹.

Если сравнить глаголы, соотносительные по аспекту в урахинском и кубачинском диалектах, то на первый взгляд между ними имеются значительные различия, но различия эти в основном фонетического характера. Что же касается самого принципа видового различия глаголов, то в обоих диалектах он один, хотя

¹ П. К. Услар, Хуркилинский язык, стр. 202.

тот или иной конкретный глагол в отношении аспекта может различаться.

В даргинском языке единой морфологической системы видовых противопоставлений не наблюдается: для выражения аспекта в настоящее время нет единого морфологического принципа.

Способом выражения аспекта в даргинском языке служит противопоставление основ. Основы недлительного и длительного вида различаются в разных глаголах по-разному. Одним из способов различения аспекта в даргинском языке служит чередование гласных в основе глагола:

кубач. диалект,	срв. урах. диалект
a — i: asəij „купить“, — isəij „покупать“, asis — isis	
baçij „растаять“ — biçij „таять“... baçis — biçis...	

Как указывалось выше, конкретно тот или иной глагол в различных диалектах может образовать аспект по-разному: в урахинском диалекте в глаголе artis „скроить“ — irtis „кroitь“ имеем то же чередование: a — i; в соответствующем примере в кубачинском диалекте etij — utij имеем иное чередование: e — u.

В урахинском глаголе baršis „зарядить“ — biršis „заряжать“ представлено чередование a — i, соответствующий глагол в кубачинском различает аспект чередованием a — u: bāšəij — būšəij.

То же чередование a — i представлено в кубачинских глаголах:

aʷij „прогнать“, „выпроводить“ — iʷij „гнать“, „выпровождать“	
aqij „преодолеть“ — iqij „преодолевать“	
baqij „услышать“ — biqij „слышать“	
hatəaqwij „распороть“ — hatəiqwij „пороть“	
tabdaçij „показать“ — tabdiçij „показывать“	
bidaqij „потерять“ — bidiqij „терять“	
çibažij „подойти“ — çibižij „дойти“ и т. д.	

Некоторые глаголы здесь усложнены превербами (направительным или пространственным), но преверб не участвует в чередовании, в аспекте чередуется гласный основы глагола: e — i: bəxij „ударить“ — biçij „ударять“

ta-bəxij „спотынуться“ (досл. „ударить о что-нибудь, находясь впереди“) — ta-biçij „спотыкаться“.

Данное чередование встречается в кубачинском лишь спорадически, а в урахинском не встречается вовсе, т. к. в основе глагола в урахинском гласный e не выступает (обычно на месте кубачинского e в урахинском имеем i):

u — i:	buçij „повести“ — biçij „водить“
	būqəij „понести“ — biqəij „нести“;

срв. в урахинском аналогичное образование:
bux'is — bix'is; buxis — bixis.

Эти глаголы относительно 1-го и 2-го лиц в недлительном виде подверглись изменениям, утратив префикс, классный показатель с последующим гласным основы и в урахинском диалекте предстают в форме: x'is „повести“, xis „понести“, которые П. К. Услар относит к глаголам, своеобразно образующим длительный вид. Своеобразие — результат утраты начального слога: классного показателя с последующим гласным:

a — u:	bāčəij „найти“ — būčəij „находить“, срв. урах. barg'is — burg'is
--------	--

balʷij „срубить“ — bulʷij „рубить“, bal'is — bul'is	
alxəwij „перемереть“ — ulxəij „перемирать“, alxwis — ulxis	
	„вымереть“, „вымирать“

balçij „огрabitь“ — bulçij „грабить“.	
---------------------------------------	--

e — u:	bəçij „выгнать“ — būçij „выгонять“
ha-bəxəwij „окончиться“ — ha-būxəij „кончатся“	
çij-ka-bəxəwij „простить“ — çij-ka-būxəij „простать“.	

Кубач. диал.

срв. урах. диал.

i — u:	bibčəij „редить (о живстных)“ — bubčəij, bimg'is — bumg'is
	bibçij „умереть“ — bubçij „умирать“, bibkis — bubkis
	bimčəij „разогреться“ — bumčəij „разогреваться“, imžis — bumžis
	bibxij „размельчить“ — bubxij „размельчать“ и т. д.

Урахинское birkis „погнать“ — burkis „гнать“, с чередованием i — u, соответствует кубачинскому глаголу bəçij — būçij.

В нижеследующих примерах урахинского диалекта также имеем чередование i — u:

bimxis „сплести“ — bumxis „плести“	
bilx'is „сварить“ — bulx'is „варить“	
birxwis „изготовиться“ — burxis „изготавливаться“...	

Судя по примерам, чередование i — u имеет место в глаголах, где в основе представлены две согласные (корневому со-

гласному предшествует еще какой-то согласный, обычно *b, m, l, r*). Вместе с тем, надо отметить, что при наличии двух согласных в основе глагола может иметь место и иное чередование, например, *a — u*:

balciĵ „ограбить“ — *bulciĵ* „грабить“
wi-babčaiĵ „запрячь“ — *wi-bubčaiĵ* „запрягать“.

Характерно, что во всех случаях в основе длительного вида представлены лишь узкие гласные (*i, u*).

Другой способ различения аспекта глагола — наличие в основе длительного вида сонорных согласных: *g* (в глаголах I и III спряжений), *l* (в глаголах II спряжения)¹:

а) в основе длительного вида представлен *g* (в кубачинском диалекте вместо *g* соответственно будем иметь долготу предшествующего гласного):

кубач. диал.		срв. урах. диал.	
<i>bisiĵ</i> „продать“	<i>bīsiĵ</i> „продавать“	<i>bicis — bi-r-cis</i>	
<i>butiĵ</i> „разделить“	<i>būtiĵ</i> „делить“	<i>butis — bu-r-tis</i>	
<i>busiĵ</i> „поймать“	<i>būsiĵ</i> „ловить“	<i>bucis — bu-r-cis</i>	
<i>bučiĵ</i> „собрать“	<i>būčiĵ</i> „собирать“	<i>bučis — bu-r-čis</i>	
<i>biĵiĵ</i> „опротиветь“	<i>bīiĵiĵ</i>	<i>buĵis — bu-r-ĵis</i>	

б) в основе длительного вида представлен *l*:

кубач. диал.		срв. урах. диал.	
<i>bixiĵ</i> „завязать“	— <i>bi-l-xiĵ</i> „завязывать“	<i>bihis — bilhis</i>	
<i>basiĵ</i> „вспахать“	— <i>ba-l-siĵ</i> „пахать“	<i>bacis — balcis</i>	
<i>bāseiĵ</i> „приклеить“	— <i>bā-l-saiĵ</i> „клеить“	<i>basis — balsis</i>	
<i>bax'wiĵ</i> „посеять“	— <i>ba-l-x'wiĵ</i> „сеять“	<i>baŋwis — balŋwis</i>	
<i>biŋwiĵ</i> „украсть“	— <i>bi-l-ŋwiĵ</i> „красть“...	<i>biŋwas — bilŋwas...</i>	

В кубачинских глаголах с направительными превербми типа *ka-bqiĵ* „спуститься“ — *ka-bulqiĵ* „спускаться“ в форме недлительного вида редуцирован гласный основы под влиянием ударения: *kābqiĵ* ← *kabuqiĵ*, т. е. длительный вид глагола отличается от недлительного наличием в основе глагола согласного *l*; срв.

¹ По Н. Трубецкому, — показателя аспекта. См. N. Troubetzkoy, Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchéchénolesghiennes (caucasiques orientales), Bull., t. 29, f. 3, Paris, 1929.

в урахинском диалекте, где гласный основы не редуцирован: *ka-buqis* „спуститься“ — *ka-bu-l-qis* „спускаться“.

Такого же типа глаголы в кубачинском диалекте:

hà-bqiĵ „подняться“ — *ha-bu-l-qij* „подниматься“
hà-btiĵ „выкопать“ — *ha-bi-l-tij* „выкапывать“
sà-btiĵ „вытянуть (провода)“ — *sa-bi-l-tij* „вытягивать“
tē-sà-bžiĵ „увидеть“ — *tē-sa-bi-l-žiĵ* „видеть“.

Урахинский глагол *bahis* „узнать“ в длительном виде в основе имеет сонорный *l*: *balis* (← *balhis*) „узнавать“; соответствующий глагол в кубачинском диалекте в длительном виде имеет долготу гласного (след утраты согласного *g*): *baxiĵ — bāxiĵ*. Следовательно, один и тот же глагол в урахинском диалекте в основе длительного вида имеет *l*, в кубачинском — *g*, т. е. в урахинском и кубачинском диалектах данный глагол относится к разным спряжениям.

В разобранных выше случаях различения аспекта посредством согласных *g* и *l* эти последние были представлены в основе длительного вида, при отсутствии их в основе недлительного вида. В этом случае, подобно Н. Трубецкому, можно говорить о согласных *g* и *l* как показателях дюративного аспекта. Однако имеет место и обратное: в основе глагола недлительного вида представлены согласные *g, l*, отсутствующие в основе длительного вида или же эти согласные выступают в соотносительных формах глагола в основе как длительного, так и недлительного вида.

В выше рассмотренных способах различения аспекта приводились лишь такие случаи, когда имело место либо чередование гласного в основе глагола, либо наличие сонорного *g* или *l* без чередования гласного основы. Наряду с этим, имеются такие случаи, когда для различения аспекта чередование гласных сопровождается наличием согласного *g* или *l* в одной из основ соотносительных форм глаголов; в одном случае согласный *g* или *l* представлен в основе глагола длительного вида, в другом случае — в основе глагола недлительного вида:

baŋwiĵ „кончиться“ — *bīŋwiĵ* „кончатся“
baqwiĵ „сломать“ — *bīqwiĵ* „ломать“
baŋiĵ „вырасти бороде“ — *bīŋiĵ* „расти бороде“.

Здесь соотносительные основы отличаются различием гласных основы (чередование а — i), а также долготой гласного в дюративном аспекте (результат утраты г).

е — u (в урахинском диалекте соответственно i — u):

кубач. диал.		срв. урах. диал.
bəkwiǰ „съесть“	— bukiǰ „есть“	birǰ'is — buǰ'is
bčəiǰ „выпить“	— bučəiǰ „пить“	biržis — bužis
bəcəiǰ „пожарить“	— bucəiǰ „жарить“	birzis — buzis
bəciǰ „изжарить“	— buciǰ „жарить“	birčis — bučis
bəšiǰ „соткать“	— bušiǰ „ткать“	biršis — bušis
bilčij „выучить“	— bučij „учить“	bilčis — bučis

Здесь, при наличии чередования е — u, i — u в кубачинском и, соответственно, i — u в урахинском, в основе глагола недлительного вида представлен согласный г (в кубачинском — возместительная долгота) или l, который отсутствует в основе длительного вида. При этом наблюдаются случаи окаменения префикса, классного экспонента в основе длительного вида:

bəšəiǰ „окрасить“	— jušəiǰ „красить“
sa-bəciǰ „распилить“	— sa-jūciǰ „распиливать“
ka-bətiǰ „отлить“	— ka-jūtiǰ „отливать“.

Префикс b в глагоде недлительного вида изменяется, в длительном виде префикс j является окаменелым классным показателем.

П. Услар приводит в урахинском диалекте несколько глаголов, указывая, что они в длительном виде повторяют префикс г: bargwis „обмотать“ — gurgis „обматывать“; biršās „выучить“ — guršās „учить“.

В этих случаях префикс г в длительном виде является окаменелым классным показателем. В соответствующих кубачинских примерах в длительном виде в одном случае представлен изменяющийся классный показатель, в другом — классный показатель j (← г) окаменел:

bən-bāčəiǰ „обернуть“	— bən-būčəiǰ „заворачивать“	(объект III кл.)
jən-jāčəiǰ „ „	— jən-jūčəiǰ „ „	(объект II кл.)
wən-wāčəiǰ „ „	— wən-ūčəiǰ „ „	(объект I кл.)

bāq'əiǰ „выучить“, „приучить“ — jūq'əiǰ „учить“, „приучать“.

В ряде глаголов в длит. виде отсутствует префикс, классный показатель (по-видимому, утрачен), и одно лишь отсутствие пре-

фикса, классного показателя может быть различительным признаком аспекта: bikəwiǰ „сжечь“ — ikəwiǰ „сжигать“; в урахинском: birǰwis „щипать шерсть“ — iqwis и т. д.

Обычно, в дюративе наряду с отсутствием классного показателя нет и согласного г, представленного в основе глагола недлительного вида:

būqəiǰ „выкопать“	— uqəiǰ „копать“, урах. диал. buržis — užis
būtəiǰ „износить“	— utəiǰ „изнашивать“
būciǰ „постругать“	— uciǰ „стругать“;

срв. аналогичные примеры в урахинском диалекте: birbis „сшить“ — ibis „шить“, birzis „выдоить“ — izis „доить“.

Возможно при этом и чередование гласного основы: bətəiǰ „порвать“, „скосить“ — utəiǰ „рвать“, „косить“; срв. в урахинском: birdis — udis; birtis „сгуститься“ — utis „сгущаться“. Соответствующий последнему глагол в кубачинском диалекте в длит. виде сохраняет изменяющийся классный показатель: bətij „сгуститься“ — butij „сгущаться“.

Ряд глаголов, начинающихся с префикса, классного показателя и имеющих в основе недлит. вида согласный l, в длит. виде начинается с l, не имея при этом изменяющегося классного экспонента:

кубач. диал.		срв. урах. диал.
bilsəiǰ „скрутить“, „свить“	— lusəiǰ „скручивать“, „свивать“	bilsis — luis
biltij „ощипать“	— luŋij „щипать“	biltis — luŋis
bilšij „размотать“	— lūšij „разматывать“	bilšis — lušis
bilčij „прочесть“	— lučij „читать“	
bilčij „спилить“	— lučij „пилить“	
bilqwiǰ „завить“	— luqij „завивать“	
урах. диал. bilqwis „написать“	— lukis „писать“	
	bilwas „выбрить“	— luwas „брить“.

Относительно подобных глаголов П. Услар пишет, что „глаголы, начинающиеся со слога il, превращают его в lu в продолжительной форме“¹. Сопоставление кубачинских примеров

¹ П. К. Услар, Хуркилинский язык, Тифлис, 1892, стр. 204.

с урахинскими дает возможность судить об изменениях, происшедших в формах длительного вида таких глаголов.

В урахинском диалекте в глаголах:

bilšis „насытиться“ — bulšis „насыщаться“,
bilx'is „сварить“ — bulx'is „варить“,
bilhwis „зарезать“ — bulhis „резать“ аспект различается посредством чередования гласных *i* — *u*.

Соответствующие им глаголы в кубачинском:

bilqəij „насытиться“ — luqəij „насыщаться“,
bilšəij „сварить“ — lušəij „варить“,
bilxwij „зарезать“ — luxij „резать“ в неопределенном виде по форме совпадают с урахинскими, но различаются в длительном виде.

По-видимому, кубачинская форма дюратива, например, luqəij „насыщаться“ является результатом изменения соответствующей урахинской формы bulšis: утрачен префикс, классный показатель, после чего произошла перестановка гласного основы *u* с согласным *l* и форма дюратива bulqəij приняла вид: luqəij; либо, что более вероятно, утрачен первый слог глагола и после *l* восстанавливается гласный, свидетельствующий об историческом полногласии глагола.

Так что в глаголах, начинающихся с *l*, аспект образован, как обычно, чередованием гласных (*a* — *u*, *i* — *u*), но в дальнейшем глаголы подверглись изменениям, приведшим к необычным формам видového различия.

Ряд глаголов не имеет соотносительных глаголов другого вида: bukiij „течь“, buškiij „чинить“, umsiij „взвесить“, bumkoij „сохранять“, ulkiij „паять“, bisəij „плакать“, habiqij „воспитать“, biməij „играть“, šibhiij „смотреть“ и т. д.

Один и тот же глагол, не различающий аспекта в одном диалекте, может различать его в другом диалекте. Глагол baxis „накормить“ в урахинском диалекте не различает аспекта. Этот же глагол в кубачинском диалекте различается по аспекту: baxəij „накормить“ — ba-l-xəij „кормить“.

Глагол išəij „жать (жатва)“ в кубачинском диалекте не различается по аспекту, в урахинском же различается: biršis „сжать“ — iršis „жать“.

В урахинском bigwis „сжечь“, „сжигать“ не различает аспекта; срв. в кубачинском: bikəwij „сжечь“ — ikəwij „сжигать“.

Урахинскому глаголу x'artis „налить“, „наливать“, не различающему аспектов, в кубачинском соответствует глагол, различающийся по аспекту: kaṭij „налить“ — ka-təiṭij „наливать“.

В этих глаголах, если отбросить направительные превербы: x'a- в урахинском, ka- в кубачинском, то полная форма глагола выступает только в длительном виде кубачинского диалекта: -təiṭij (← dirtij), где префикс *tə* — окаменелый классный показатель, полученный из *d*. В неопределенном виде в кубачинском утрачен префикс, классный показатель вместе с последующим гласным; в урахинском диалекте также утрачен префикс, классный показатель и гласный основы, но представлен согласный *g*, предшествующий корневому согласному *t*. В кубачинском диалекте данный глагол хотя и имеет соотносительные формы, но в неопределенном виде им утрачена часть основы — до корневого согласного, поэтому можно лишь предполагать, как различался аспект до этой утраты: чередованием ли гласных или иным способом.

По-видимому, длит. вид отличался здесь от неопределенного наличием в основе согласного *g*, сохранившегося в длит. виде (в виде возмездительной долготы гласного) в кубачинском и поныне.

Аналогичные изменения произошли и в кубачинском глаголе ka-x'wij „убить“ — ka-təix'wij „убивать“; срв. данный глагол в урахинском, где он в обоих соотносительных формах сохранил полную форму: x'a-bušis „убить“ — x'a-buršis „убивать“.

К таким же глаголам относятся в кубачинском: ha-x'wij — ha-təix'wij „веять (хлеб)“; šij-sa-x'wij „снять (пальто, пиджак)“ — šij-sa-təix'wij „снимать“.

Мы выше указывали на случаи, когда глагол, не различающий аспекта в одном диалекте, различал его в другом диалекте. Но встречаются и такие случаи, когда один и тот же глагол в обоих диалектах не различается по аспекту; например, buškiij в кубачинском, buškis „починить“, „чинить“ в урахинском диалекте не имеет соотносительной формы, различающейся по виду в обоих диалектах.

К своеобразным формам соотносительных глаголов по аспекту относит П. К. Услар в урахинском диалекте также глагол is „сказать“ — bikwis „говорить“. В глаголе is „сказать“ П. Услар не отметил перед гласным корневого согласного — ларингального абруштива ('), являющегося рефлексом абруштива *k*, представ-

ленного в основе длительного вида; срв. в кубачинском диалекте: ha'ij „сказать“ — ha-bkij (←ha-bukij) „говорить“.

В недлительном виде основа глагола подверглась изменениям, утратив анлаутную часть аналогично глаголу x'is „повести“. И если восстановить утраченную часть основы, то оказывается, что и такие глаголы образовывали аспект одним из указанных выше способов.

Отметим также, что многократность может быть выражена в контексте формой длительного вида; например: duḍil kəiniškəa kaluṣunnida „я читаю книгу“.

Здесь kaluṣunnida „читаю“ выражает действие длительное, дюративное.

duḍil har bē kəiniškəa kaluṣunnida „я каждый день читаю книгу“.

Здесь тот же глагол kaluṣunnida, сохраняя значение длительности процесса, в то же время, в данном контексте, выражает и многократность (в сочетании со словом harbē „каждый день“, „ежедневно“).

uqnaḍil busala ḍuṣəe xabar halugin „старик целую ночь рассказывал сказку“

uqnaḍil har ḍuṣəe xabar halugin „старик каждую ночь рассказывал сказку“.

В одном случае глагол halugin „рассказывал“ выражает длительность процесса действия (рассказывал всю ночь), в другом случае — многократность (рассказывал каждую ночь).

Специальных морфологических средств не имеется в кубачинском для выражения многократности действия; в даргинском языке нет специальных многократных основ, которые отличались бы от видовых основ¹.

Таким образом, большинство глаголов кубачинского диалекта, так же как и вообще даргинского языка, имеет соотносительные образования, различающиеся по аспекту; ряд глаголов не различает вида, и одна и та же форма выражает значение как длительного, так и недлительного вида.

¹ Срв. в русском языке, где многократные образования (сизывал, нашивал...) не утвердился и занимают подчиненное положение по отношению к основному подразделению видов; см. П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, Москва, 1953, стр. 267.

Категория вида охватывает всю систему глагольных форм; соотносительные пары глаголов образуют соотносительные ряды форм:

прош. сов. baḥ'win „засеял“

прош. несов. balx'win „засеивал“.

Формы настоящего времени — только длительного вида: bal-x'unnisaw „сеет“.

Категория аспекта является одной из основных категорий даргинского глагола, однако для выражения аспекта в настоящее время в языке нет единого морфологического средства.

Способом выражения аспекта в даргинском языке служит противопоставление основ. Основы недлительного и длительного вида могут различаться:

а) чередованием гласных:

a — i : bāqij „сделать“ — bīqij „делать“

e — i : bēxij „ударить“ — bīxij „ударять“

u — i : buqəij „понести“ — bīqəij „нести“

a — u : balcij „огрбить“ — bulcij „грабить“

e — u : bečij „выгнать“ — būčij „выгонять“

i — u : bibčij „умереть“ — bubčij „умирать“;

б) наличием в основе длительного вида сонорных согласных г (в глаголах I и III спряжений), л (в глаголах II спряжения).

В кубачинском диалекте вследствие утраты согласного г имеем возмездительную долготу гласного:

bīcij „наполнить“ — bīcij (←bi-r-cij) „наполнять“

bučij „разделить“ — būčij (←bu-r-tij) „делить“

baḥij „выучить“ — bāḥij (←ba-r-xij) „учить“

basij „вспахать“ — ba-l-sij „пахать“

bixij „завязать“ — bi-l-xij „завязывать“;

в) чередованием гласных, при наличии согласного г или л в основе либо длительного, либо недлительного вида:

baqwij „сломать“ — bīqwij (←birqwij) „ломать“

bēcij (←bercij) „пожарить“ — bučij „жарить“

bilsəij „заснуть“ — busəij „спать“;

г) отсутствием в длит. виде префикса, классного показателя или префикса, классного показателя и согласного г (с чередованием гласных основы):

bīsiĵ (←bi-r-sij) „помыть“ — isij „мыть“
 bētəiĵ (←be-r-təiĵ) „порвать“ — utəiĵ „рвать“
 bikəwiĵ „сжечь“, „сгореть“ — ikəwiĵ „сжигать“, „сгорать“;
 е) утратой префиксальной части в длительном виде:

bilšəiĵ „сварить“ — lušəiĵ „варить“
 bilqəiĵ „насытиться“ — luqəiĵ „насыщаться“.

Ряд глаголов в даргинском языке ныне не различает аспекта: buškiĵ „починить“, „чинить“, umciĵ „искать“, iĵiĵ „полоть“.

Глагол, утративший различение аспекта в одном диалекте, может сохранить его в другом диалекте:

урах. диал. baxis „накормить“, „кормить“;
 срв. в кубач. диал. baχəiĵ „накормить“ — balχəiĵ „кормить“.

Ныне в кубачинском диалекте, как и в даргинском языке, представлена *видо-временная система*¹. Временные формы разветвляются вокруг двух основ: основы длительного вида и основы недлительного вида.

Трудно судить об историческом едином принципе различения аспекта в даргинском языке, но несомненно, что категория вида претерпела большие изменения. В настоящее время для выражения аспекта используются разные элементы, которые исторически могли нести иную функцию.

§ 72. Сложно-составные глаголы. Сложно-составные глаголы в кубачинском диалекте образуются сочетанием именных основ или глаголов с различными вспомогательными глаголами. При этом часто основы могут сочетаться с несколькими вспомогательными глаголами, образуя различные сложно-составные глаголы.

В качестве вспомогательных при сложно-составных глаголах часто встречаются глаголы: bāqij „сделать“, buxij „сделаться“, „стать“, bukiĵ „говорить“... Сами вспомогательные глаголы при образовании сложных глаголов могут выступать с провербами. Например, при именной основе aq-, означающей высоту (срв. aq-səib „высокий“), вспомогательный глагол употребляется с провербом ha-, указывающим направление вверх: aq-ha-bāqij „поднять“; или в глаголе guq-ka-bāqij „опустить“, „понизить“

¹ Срв. в табасаранском языке, где в северном диалекте ныне представлена видо-временная система, которая в южном диалекте — в результате утраты категории вида — сменилась временной системой.

понятие „опускания“, „понижения“ заключено в основе gu-q- (основе самой по себе сложной), но вспомогательный глагол bāqij „сделать“ снабжен еще направительным провербом ka-, который указывает направление вниз в связи с понятием понижения, выраженным в основе guq- (срв. guq-səib „низкий“).

Наиболее распространенным вспомогательным глаголом является глагол bāqij „сделать“, при помощи которого образуется большинство сложно-составных глаголов; например: šin dāqij „плавать“, досл. „воду сделать“; bumkəa bāqij „наточить“, qəuṭa bāqij „затушить“; qabul bāqij „понравиться“, səunt habāqij „полюбоваться“, ṭalab bāqij „добыть“, „достать“, garəqil (←gar-bāqij) „похвалить“ и т. д.

nisəiĵ šin dāqij baḳu „мы умеем плавать“ (досл. „мы знаем воду сделать“)

galdil muṭrus bumkəa bāqaj „мальчик наточил нож“
 idicəila dudil bās bāqad „я с ним поспорил“.

Большинство основ, образующих составные глаголы, являются продуктивными, т. е. могут образовать сложно-составные глаголы, присоединяя различные вспомогательные глаголы. Так, например, значительное количество основ образует составные глаголы при помощи вспомогательных глаголов bāqij „сделать“ и buxij „сделаться“, „стать“. Составные глаголы, образованные при помощи глагола bāqij „сделать“, являются переходными и выражают действие, происходящее по воле субъекта, при воздействии субъекта. Составные глаголы, образованные при помощи глагола buxij „стать“, „сделаться“ являются непереходными и выражают действие, совершающееся без воздействия субъекта, действие, которое может происходить помимо его воли и желания: waχ bāqij „исправить“, „вылечить“, waχ buxij „выздороветь“, „излечиться“,

zā bāqij	„испортить“,	zā buxij	„испортиться“
his bāqij	„увеличить“,	his buxij	„увеличиться“
bumkəa bāqij	„наточить“,	bumkəa buxij	досл. „наточиться“
bāχ bāqij	„сместить“,	bāχ buxij	„сместиться“
tākw bāqij	„открыть“,	tākw buxij	„открыться“
kəuṣ bāqij	„сделать голодным“,	kəuṣ buxij	„проголодаться“
bučəe bāqij	„напоить“,	bučəe buxij	„напиться“, „опья- неть“ и т. д.

dūxturridil gal wa x wāqaj „врач *вылечил* юношу“,
срв. balnicəaliw gal ix'wle wa x ixe „в больнице юноша
быстро *вылечился*“

adamildil ucəa tāk w dāqaj „человек *открыл* двери“,
срв. sadāl ucəa tāk w duxə „двери сами *открылись*“.

Составные глаголы, образующиеся вспомогательными глаголами bāqij „сделать“ и buqij „говорить“:

haqar bāqij „покачать“, haqar buqij „качаться“
qars bāqij „почесать“, qars buqij „чесаться“
γaj bāqij „упомянуть о чем-нибудь“, досл. „слово сделать“
γaj buqij „говорить (вести беседу)“
səunt habāqij „понюхать“, səunt buqij „нюхать“.

Глагол bāqij „сделать“ переходный, образуемые им сложные глаголы также переходные; глагол buqij „говорить“ — непереходный, образуемые им глаголы также непереходные.

Аспект сложно-составного глагола зависит от вспомогательного глагола:

it̄in bāqij „покрасить“ (досл. „сделать красным“)
it̄in bīqij „красить в красный цвет“ (досл. „делать красным“),
срв. bāqij „сделать“, bīqij „делать“.

Параллельное использование глаголов ha'ij „сказать“ и buqij „говорить“ при одной и той же именной основе сложно-составного глагола различает глагол по виду:

γaj ha'ij „сказать“ (досл. „слово молвить“), γaj buqij „говорить“, „разговаривать“...

dalaj ha'ij „спеть“ (досл. „песню молвить“), dalaj buqij „петь“ (досл. „песню говорить“).

Ряд основ образует сложно-составные глаголы одним вспомогательным глаголом buqij „говорить“: zigar buqij „волноваться“, gargar buqij „дрожать“, tur buqij „болтать“, ciq buqij „хромать“ (о животном), reinc buqij „брызгать“ и т. д.

Менее употребителен, чем предыдущие, в качестве вспомогательного глагола при образовании сложно-составных глаголов — глагол ayij „погнать“, „изгнать“ (перевод приблизительный):

duc ayij „пустить вскачь“, срв. duc buqij „побежать“
təamq' ayij „взорвать“, срв. təamq' bižij „взорваться“
bat ayij „отпустить“, срв. bat buqij „отпустить“
непроизвольно“

tiŋt ayij „развернуть“, təl ayij, lukəur ayij „скатить“, срв. təl bicəij, lukəur bicəij „скатиться“, „покатиться“ (подобно мячу).

Ряд сложно-составных глаголов образуется редко встречающимися вспомогательными глаголами: tahə bīdīžij „прыгнуть“, umma čidīžij „поцеловать“, taš kabicəij „остановиться“, „подожждать“, han kabsij „запомнить“ (где kabsij „утонуть“, „держаться с наклоном книзу“), šəala dičij „рассветать“ (где šəala „свет“) sanne kabžij „помириться“ (досл. „сесть в одно место“).

Употребление глагола kabžij „сесть“ в роли вспомогательного при глаголе носителя основного значения придает ему значение *начала действия*: bīqij kabžij „начать работать“, „приступить к работе“ (досл. „сесть работать“)...

ustabe šəawal bīqij kabīgulsab „рабочие завтра *начинают работать*“ (завтра *приступают к работе*)“, досл. „работать садятся“...

x'əinne γaj buqij kabže „женщины *начали говорить*“.

В сложно-составных глаголах в роли вспомогательного может быть представлен и такой глагол, который в настоящее время в кубачинском самостоятельно не употребляется:

mūta wižij „сесть верхом“,
reərx bižij „распуститься (о цветке, о пружине)“.

Глагол bižij, входящий в состав сложно-составных глаголов, имеет самостоятельное значение только с превербом, например: ka-bžij „сесть“ || „написать“ (гласный i, предшествующий корневому согласному, редуцирован),

či-bižij „наложить латку“, wi-bižij „подложить латку“...

В сложно-составных глаголах могут выступать не только именные основы, но и полные имена:

ūke bāqij „ободрить“, досл. „сердце сделать“ (ūke „сердце“), „გული გუკეო“, ūkičə čiduqij „пожалеть“ (ūkičə „жалость“), sət buqij „свистеть“ (sət „свист“), səim bəkəwij „заржаветь“ (səim „ржавчина“), sus bən-bičij „укусить“ (sus „кусоч“, „ლუკბ“).

Большинство основ, образующих сложные глаголы, самостоятельно употребляются только при наличии в них какого-либо суффикса; например, в составном глаголе wa x bāqij „исправить“, „излечить“ именная основа wa x — самостоятельного употребления — без того или иного суффикса — не имеет. Однако соответствующим суффиксом от этой основы образуются: отвле-

ченное имя существительное *waḥ-dix* „добро“, прилагательное *waḥ-seib* „хороший“, наречие *waḥ-le* „хорошо“.

„Телеграфировать“ и „телефонировать“ в кубачинском имеет формы: *tirūirim dēxij*, *tilirun dēxij*, где вспомогательным глаголом является *dēxij* „ударить“¹.

Глагол *dēxij* „ударить“ в роли вспомогательного глагола выступает также при образовании составных глаголов, выражающих игру на инструменте при помощи рук: *tʰam dēxij* „играть на барабанах“ (досл. „барабан бить“), *ʕugur dēxij* „играть на чонгури“, *piānina dēxij* „играть на пианино“.

Употребление глагола *dēxij* „ударить“ в качестве вспомогательного в данном случае объясняется, по-видимому, тем, что представление игры на барабанах — инструменте более древнем, чем, например, *ʕapaḥa* „гармонь“, переносится и на более поздние музыкальные инструменты.

Что же касается игры на свирели или на дудке, т. е. игры с участием губ, то в них вспомогательным глаголом является *bilčij*: *pəilluč bilčij* „играть на свирели“, *səurmāw bilčij* „играть на дудке“.

В настоящее время в кубачинском диалекте глагол *bilčij* самостоятельно почти не встречается², с превербом *ka-* означает „прочсть“. В других даргинских диалектах соответствующий глагол *bilčis* (урахинский диалект), — употребляясь без преверба, — означает „прочсть“, „спеть“.

Займствованные из других языков слова, как известно, преобразовываются, подчиняясь грамматическим законам данного языка, — процессом образования новых слов управляет система деривации данного языка. Кубачинская лексика, подобно лексике других языков Дагестана, значительно обогащается заимствованиями из русского или через русский язык. В словарный состав проникают новые слова, отражающие современную эпоху, причем

¹ О семантике слова „телеграфировать“ в горских языках В. И. Абаев пишет: „...почти во всех доступных мне горских языках оно передается выражением „ударить в проволоку“, надо думать, что это выражение связано с соответствующими представлениями о сущности механизма телеграфирования“. В. И. Абаев, О диалектологическом вопросе для горских языков Кавказа, Труды I диалектологической конференции 1938 года, Ростов н/Д., 1939.

² Срв. *akbar bilčij* — призвать на молитву („акбар прочсть“).

займствуются не только имена, но займствуются и глаголы. К глаголам, заимствованным из русского или через русский язык, для восприятия их именно в функции глаголов прибавляется вспомогательный глагол, чаще всего *bāqij* „сделать“, который, таким образом, является не только наиболее распространенным вспомогательным глаголом при образовании сложно-составных глаголов, но и при оформлении новых глаголов, заимствованных из других языков.

Например: *pəirnimat bāqij* „принять“, *iskəulučit bāqij* „исключить“, *agitiruwat bāqij* „агитировать“, *riqamindawat bāqij* „рекомендовать“, *paʕanawit bāqij* „постановить“ и т. д.

В качестве вспомогательного глагола при заимствованных глаголах может выступить и иной глагол (хотя и сравнительно реже); например: *buxij* „сделаться“, „стать“; *paʕupat buxij* „наступать“.

Приведем для иллюстрации кубачинское предложение с заимствованиями из русского языка:

ūbʕə sabranijaldil paʕanawit bāqaj kaalxuzla paḡaw-lənijalže ʕibilgwij: riwizunnaj kamisijaldil wijawit dāqibʕud nidastaḡabe ixwle liqwidiruwat dāqij „общее собрание постановило обязать правление колхоза быстро ликвидировать недостатки, выявленные ревизионной комиссией“.

Глагол заимствуется в форме инфинитива и остается без изменения; глагольные формы образуются соответствующим изменением вспомогательного глагола:

инфинитив: *waprus birulžib rišit bāqij bikəul sab* „вопрос нужно решить на бюро“,

будущее время: *birulžib waprus rišit bāqila* „на бюро решим вопрос“,

прош. время: *birulžib waprus rišit bāqadā* „на бюро решили вопрос“,

наст. общее вр.: *ilzib waprus nusəaddil birulžib rišit biqidā* „подобный вопрос мы решаем на бюро“ и т. д.

Займствованный глагол *rišit* „решить“ остался без изменения, различные временные формы глагола образовались изменением вспомогательного глагола *bāqij* „сделать“.

§ 72. Превербы. В иберийско-кавказских языках представлены языки с развитой послеложной системой, но в которых при этом не развиты превербы (например, аварский язык)

или, наоборот, развита система превербов, но не получают развития послелого (абхазский язык)¹.

В даргинском языке, наряду с развитой системой послеложных падежей в имени, представлены превербы в глаголе; однако, система превербов в диалектах даргинского языка развита не в одинаковой степени: в кубачинском диалекте мы имеем сравнительно более развитую систему, чем в других даргинских диалектах².

В кубачинском диалекте, как и вообще в даргинском языке, имеются *направительные* превербы, указывающие направление движения и *пространственные* превербы, указывающие место в пространстве, относительно которого совершается действие.

Направительные превербы являются простыми по составу и наиболее распространенными превербами:

ka-	указывает направление	<i>вниз</i>
ha-	"	<i>вверх</i>
sa-	"	<i>сюда</i> (по горизонтали)
bid-	"	<i>туда</i> (по горизонтали)
ka-baγij	„прийти“, „достичь“	(сверху)
ha-baγij	"	(снизу)
sa-baγij	"	(сюда, по горизонтали)
bidayij	"	(туда, по горизонтали)
ka-wqin qil	„заходи в дом“	(в направлении сверху вниз)
ha-wqin qil	"	(в направлении снизу вверх, например, надо подняться по лестнице)
sa-wqin qil	"	(„сюда“, человек, к которому обращаются, находится на одном уровне с говорящим, например, у порога дома)
widuqin qil	„заходи в дом“	(действие направлено от говорящего, но в горизонтальном направлении).

Первые два лица в отношении использования превербов sa- „сюда“, bid- „туда“ противостоят третьему лицу:

¹ См. Арн. Чикобава, Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками, Известия ИЯИМФ, XII, Тбилиси, 1942.

² См. наши: 1) Система превербов в кубачинском диалекте даргинского языка, ИКЯ, IV, Тбилиси, 1953; 2) О даргинских превербах, Сообщения Акад. наук Груз. ССР, XXVI, № 2, 1961.

dišəu sa-wqin „зашел ко мне“
išəu sa-wqin „зашел к тебе“
idišəu widuqin „зашел к нему“.

По отношению к 1-му и 2-му лицам используется преверб, указывающий на приближение (sa- „сюда“), по отношению к 3-му лицу—преверб, указывающий на удаление (bid- „туда“). При этом предполагается, что действие по отношению к 3-му лицу направлено „туда“, а не „сюда“.

Срв. в грузинском языке, в котором для 1-го и 2-го лиц используется преверб *ძო- mo-* „сюда“, для 3-го — *ძო- mi-* „туда“ (при условии, что действие по отношению к 3-му лицу опять-таки направлено „туда“, а не „сюда“):

ძო-მწერა mo-mcera „написал мне“
ძო-გწერა mo-gcera „написал тебе“
ძო-სწერა mi-scera „написал ему“¹.

Если движение к 3-му лицу происходит по направлению „сюда“, а не „туда“, то и по отношению к 3-му лицу может быть использован преверб sa- „сюда“, аналогично грузинскому превербу *ძო- mo-: galšəul atəa-šəu sa-təažij* „пошел от сына к отцу“ (по направлению „сюда“);

срв. в грузинском языке: *ძო-სწერა mo-scera* „написал ему“ („сюда“)².

Превербы ka- (направление вниз), ha- (направление вверх) могут быть представлены относительно всех трех лиц:

dišəu ka-čij „привести ко мне (сверху)“
išəu ka-čij „привести к тебе“
ixišəu ka-čij „привести к нему“
dišəu ha-čij „привести ко мне (по направл. вверх)“
išəu ha-čij „привести к тебе“
ikišəu ha-čij „привести к нему“.

В отношении приближения или удаления направительный преверб может быть нейтральным, при этом приближение или удаление выражено в предложении местным падежом имени: при направительном падеже будем иметь приближение, при исходном падеже — удаление:

¹ См. ა. შახიძე, ქართული ენის გრამატიკა, I, მორფოლოგია, თბილისი, 1955, стр. 150.

² См. там же.

- ducəana katəažij „пошел в лес“ (лес находится ниже са-
 мого идущего лица)
 ducəanal katəažij „пошел из лесу“ (вниз; лес в этом случае
 остается выше идущего)
 ducəana hatəažij „пошел в лес“ (лес находится выше идущего)
 ducəanal hatəažij „пошел из лесу“ (по направлению вверх,
 лес остается ниже идущего)
 ducəana sataəžij „пошел в лес“ (в горизонтальном направ-
 лении, оттуда сюда)
 ducəanal sataəžij „пошел из лесу“ (в горизонтальном направ-
 лении, сюда)
 ducəana widažij „пошел в лес“ (в горизонтальном направ-
 лении, туда)
 ducəanal widažij „пошел из лесу“ (в горизонтальном направ-
 лении, туда; идущий удаляется от говорящего).

В урахинском диалекте, в отличие от кубачинского, элементы, выступающие в качестве направительных превербов, одновременно выступают и в качестве послелогов, имея в исходе согласный звук (sa- преверб „сюда“, срв. -sad, послелог с тем же значением). В качестве послелогов они присоединяются к имени, уже имеющему обычный послелог, образуя сложные послелоги:

- waçali-zib-sad beç sa-buqun „из лесу волк пошел“ (сюда)
 waçali-zib-bit beç bit-uqun „из лесу волк пошел“ (туда)
 waçali-zib-x[˘]ad beç x[˘]a-buqun „из лесу волк пошел“ (вниз)
 waçali-zib-ad beç a-buqun „из лесу волк пошел“ (вверх)¹.

Направительные превербы, в отличие от пространственных превербов, не изменяются. Они теснее срослись с глаголом. Между направительным превербом и глаголом не может вклиниваться „вставка“ в виде частицы или союза, что может иметь место между пространственным превербом и глаголом:

wi-ja-bix[˘]əad „и подложил“ (в значении „и подложить, подложил“).

Здесь между превербом wi- „под“ и глаголом bix[˘]əad заключена „вставка“—союз ja „и“.

¹ Урахинские примеры см. П. К. У с л а р, Хюркилинский язык, стр. 33.

При наличии одного направительного преверба „вставка“ становится между удвоенным превербом (удвоившийся первый преверб выступает с согласным в исходе):

- sat-ja-sa-qəad „и принести принес“
 hat-ja-habalčid „и взять взял“
 kat-ja-kabix[˘]əad „и положить положил“
 bit-ja-bidix[˘]əad „и положить положил“ (в направлении „туда“);

ustacəil waçe sat-ja-sa-bulčid, sincəe dudilja bilučəid „от мастера работу и брать брал и самому я давал“.

При наличии пространственного и направительного превербов союз ja „и“ вклинивается между превербами:

- či-ja-ka-bix[˘]əad „и положить положил“
 bēn-ja-ka-bix[˘]əad „и вложить вложил“.

Направительные превербы соответствуют последожному падежу на -šəu „к“, т. е. при оформлении имени последожным суффиксом -šəu глагол соответственно может быть оформлен одним из направительных превербов:

- darx[˘]əilij gule aba-šəu sa-baçe „к вечеру мальчики достигли
 матери“
 atəa ibrahimli-šəu widažij „отец пошел к Ибрагиму“
 gal-šəul atəa niqwal kaçe „от сына отец давно пришел“.

Направительные превербы уточняют направление действия, поэтому употребляются соответственно направительному и исходному падежам имени.

§ 73. Пространственные превербы изменяются соответственно изменениям местных падежей, т. е. в зависимости от того, выражается состояние покоя или движения (к чему-нибудь или от чего-нибудь).

Направление		Покой	
či-	„на“	či-b-	„на чем-нибудь“
wi-	„под“	wi-b-	„под чем-нибудь“
ta-	„к передней стороне“	ta-b-	„перед чем-нибудь“
biš-	„среди чего-нибудь“	biš-i-b-	„среди чего-нибудь“
bēn	„внутри“	bēn-i-b-	„внутри“
kwi-	„в руки“	kwi-b-	„в руках“.

Удаление

či-j-	„с чего-нибудь“
wi-j-	„из-под...“
tē-(←ta-j)	„спереди“
biš-i-j-	„из среды“
bēn-i-j	„изнутри“
kwi-j-	„из рук“ (перевод приблизительный).

Пространственные превербы соответствуют определенным послеложным окончаниям имен:

преверб	či-, срв. послеложное окончание:	-že	„на“
”	ta-	”	-ta „перед“
”	wi-	”	-gu „под“
”	biš-, а также kwi-	”	-sae „в“, „к“
”	bēn-	соответствует VI серии местных падежей, выражающей направление вовнутрь предмета.	

bikli-že qara či-kabga „надень шапку на голову“
 bikli-ži-b qara čib-tib „на голове есть шапка“
 bikli-ži-l qara čij-kabga „сними с головы шапку“.

В превербах, выражающих покой, **b** является изменяющимся экспонентом грамматического класса:

batij „оставить“, wip˚atij (←wib-batij) „оставить после себя“ (объект III кл.),

срв. тот же глагол: wij-jatij (объект II кл.), wiw-watij (объект I кл.; например, оставить в гостях товарища, с которым пришел в гости, а самому уйти).

При объекте мн. числа: wip˚atij, wits˚atij (←wid-datij).

В превербах, выражающих удаление, **j** (←r) является окаменелым классным показателем. В уркарахском диалекте соответственно имеем окаменелый классный показатель **r**, а в урахинском — изменяющиеся классные показатели.

Кубач. диалект:

du ūči-žil čij-kawqid „я (I кл.) сошел с лошади“
 du ūči-žil čij-kēqwid „я (II кл.) сошла с лошади“
 du ūči-žil čij-kabqid „я (III кл.) сошел с лошади“.

Уркар. диалект:

nu určili-čir čir-kawqunra „я (I кл.) сошел с лошади“
 nu určili-čir čir-karuqunra „я (II кл.) сошла с лошади“
 nu určili-čir čir-kabuqunra „я (III кл.) сошел с лошади“.

Урах. диалект¹:

nu určili-šiw-x˘ad šiw-x˘awqunna „я (I кл.) сошел с лошади“
 nu určili-šir-x˘ad šir-x˘aduqunna „я (II кл.) сошла с лошади“
 nu určili-šib-x˘ad šib-x˘abuqunna „я (III кл.) сошел с лошади“.

Превербы či-j- в кубачинском, čir-r- в уркарахском не изменились при изменении грамматического класса субъекта переходного глагола. В урахинском диалекте изменение грамматического класса субъекта отразилось в превербе: šir-w- (I кл.), šir-r- (II кл.), šir-b- (III кл.).

Аналогичная картина наблюдается и в послелогах: в исходном падеже в урахинском диалекте представлены изменяющиеся классные показатели, в уркарахском — окаменелый классный показатель **r**, в кубачинском диалекте, в аштинском говоре — окаменелый классный показатель **j**, в собственно кубачинском — **l**. Изменения превербов соответствуют изменениям послелогов.

Отдельно взятые превербы — направительный или пространственный — являются простыми превербами. Сочетание направительного преверба с пространственным образует сложный (составной) преверб:

bēn-ka- „во что-нибудь, по направлению сверху вниз“
 bēn-ha- „во что-нибудь, по направлению вверх“...

Направительный преверб в сложном превербе является вторым компонентом, ему предшествует пространственный преверб:

či-ka-biš˚ej „положить на...“
 ta-ka-biš˚ej „положить перед...“
 bēn-ka-biš˚ej „вложить...“ и т. д.

Пространственные и направительные превербы во взаимном сочетании указывают на место действия и направление действия:

či-ka- „на что-нибудь“ в направлении сверху вниз
 čā-(←či-ha-) „ ” ” ” вверх
 či-sa- „ ” ” ” сюда (по горизонтали)
 či-bd-(←či-bid) „ ” ” ” туда (”)

¹ См. П. К. Услар, Хюркилинский язык.

čij-ka-	„с чего-нибудь“	в направлении	вниз
čij-ha-	”	”	вверх
wi-ka-	„под что-нибудь“	”	вниз
wā- (←wi-ha-)	”	”	вверх
wi-sa-	”	”	сюда
wi-bd-	”	”	туда
wi-j-ka-	„из-под чего-нибудь“	”	вниз
ta-ka-	„перед чем-нибудь“	”	вниз
tā (←ta-ha-)	”	”	вверх и т. д.

Известно, что вообще преверб (глагольная приставка) и послелог „восходят к общему источнику, — к частицам и основам адвербиального значения“¹.

Срв. кубачинский преверб *ta-*, послеложное окончание *-ta* „перед“ и послелог *tala* „вперед“.

awačanni-ta čič ta-biga „к рубахе пришей пуговицу“.

Здесь послелог *-ta* и преверб *ta-* имеют не только одну и ту же функцию, — указывают на переднюю сторону, — но имеют один и тот же звуковой состав (имеют общий источник происхождения); срв. послелог *tala* „вперед“.

Предполагается, что преверб *kwe-* имеет генетическую связь со словом, означающим „руку“, корневым согласным которого является *k* (*kw*) (срв. аварск. *kwer*, лакское *ka* || *kwa* „рука“)².

По функции превербы кубачинского диалекта дают пространственное определение, но могут изменить и лексическое значение глагола. Кубачинские превербы не используются для обозначения вида и времени. Этой функцией даргинские превербы не обладают.

Уточнения, придаваемые превербами, можно проиллюстрировать на ряде примеров:

bilčij „спилить“ — простая форма глагола, где не конкретизировано, что следует пилить. Усложнение его пространственными превербами придает глаголу следующие значения: *tē-bilčij* „отпилить“, *čij-bilčij* „спилить (сверху)“, *wij-bilčij* „спилить (снизу)“, „подпилить“, *bišij-bilčij* „отпилить часть“, *bēnij-bilčij* „выпилить (изнутри)“.

¹ Арн. Чи к о б а в а, Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками, Изв. ИЯИМК, X, 1940, стр. 149.

² См. наше: О даргинских превербах, Сообщ. Акад. наук Груз. ССР. XXVI, № 2, 1961.

bāqij „сделать“, „построить“, *či-bāqij* „надстроить“, *wi-bāqij* „построить под...“, „заранее сделать часть работы“, *ta-bāqij* „построить спереди“, *bēn-bāqij* „построить внутри“, *biš-bāqij* „сделать часть работы, помочь в работе“...

Превербы могут существенно изменить значение глагола: *bāqij* „сделать“, *ka-bāqij* „уложить спать“, *ha-bāqij* „оценить“, *či-đaqij* „закрывать“, *čij-bāqij* „отомстить“, *čabāqij* (←*či-ha-bāqij*) „натянуть (напр., одеяло)“, *čij-ka-bāqij* „перелистать“ и т. д. *ka-bišəij* „положить“ (срв. *bišəij* „обработать металл инкрустацией“), *či-bišəij* „наложить вьюк“, *bēm-bišəij* (← *bēn-bišəij*) „положить в подкладку (например, вату)“, *kwij-ka-bišəij* „положить предмет, находящийся в руках“ и т. д.

Превербы в кубачинском диалекте находят употребление при большинстве глаголов, чего нельзя сказать о других даргинских диалектах. Благодаря развитию системы превербов, глагол в кубачинском становится более гибким в выражении различных нюансов действия.

§ 74. Инфинитив в кубачинском диалекте имеет окончание *-j* (соответственно окончанию дательного падежа *-j*)¹, тематическим гласным является *i*:

<i>bāq-i-j</i>	„сделать“,	<i>bīq-i-j</i>	„делать“
<i>kabilč-i-j</i>	„прочитать“	<i>kaluč-i-j</i>	„читать“
<i>baχ-i-j</i>	„выучить“	<i>bāχ-i-j</i>	„учить“.

В диалектах даргинского языка инфинитив имеет различные окончания²: *-s* (урахинский, акушинский диалекты), *-z* (цударский диалект), *-ž* || *-j* (говор аула Бутри). В уркарахском диалекте инфинитив, наряду с обычным окончанием *-s*, при тематическом гласном *i*, образуется также при помощи окончаний *-ra*, *-na* (тематическим гласным при этом является *a*). Посредством окончаний *-ra*, *-na* образуется инфинитив и в хайдакском диалекте:

<i>baq-a-ra</i>	„сделать“	<i>birq-a-ra</i>	„делать“
<i>biw-a-na</i>	„украсть“,	<i>bilw-a-na</i>	„красть“.

¹ О связи инфинитива с формой дат. падежа имени в даргинском см. Л. И. Жирков, Грамматика даргинского языка, Москва, 1926, стр. 20.

Инфинитив — окаменелая форма дат. падежа масдара; см. 366. 60-30033, 0. 3303333, 3363363, 3363363, 3363363, 3363363, 1952, стр. 301.

² См. С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, стр. 146.

Глаголы с окончанием инфинитива **-на** относятся ко II спряжению.

Прямое дополнение при инфинитиве ставится в том же падеже, что и при личных формах глагола.

По функции инфинитив выражает целевое назначение:

kəniškəa kabilčij bikəulda	„книгу хочу прочесть“
bič ka x'wij bikəulsab	„нужно убить волка“
wisəij kammawigut	„не начинай плакать“
dašij waxt agul sab	„наступило время уходить“
dn wiqij kigađ	„я начал работать“.

Инфинитив в кубачинском (так же, как и в даргинском языке) не склоняется, с инфинитивом сочетается наречие:

wa xle kabžij bikəulsab ka „нужно хорошо написать письмо“
 du hakal pikre ūkij kigađ „я очень думать начал“.
 ix'wle wašij bucağa bāqa „постарайся скоро уехать“.

§ 75. Отглагольное имя действия (*масдар*) образуется посредством суффикса **-не**, который присоединяется к глагольным основам, оканчивающимся на корневой согласный:

wax'ne	„хождение“, срв. wašij	„ходить“
wac-ne	„омовение“	wacəij „омыть“
kabilč-ne	„чтение“	kabilčij „прочесть“.

Отглагольное имя действия образуется от основы недлительного и длительного вида:

ba x'w-ne — отглагол. имя действия от глагола ba x'wij „засеять“
 bal x'w-ne „ „ bal x'wij „сеять“.

Масдару свойственны признаки, характерные для глагола и для имени: из глагольных признаков — категории грам. класса, числа, а также переходности; из признаков имени — склонение¹.

Глагольные признаки:

а) непереходный глагол:

adame wax'ulsaw „человек уходит“, x'əunul ja x'ulsaj „женщина уходит“, žanawar ba x'ulsab „зверь уходит“, adamte ba x'ulsab „люди уходят“, žanawarte da x'ulsad „звери уходят“;
масдар: adame wax'ne — досл. „человек хождение“, x'əunul

ja x'ne — досл. „женщина хождение“, žanawar ba x'ne — досл. „зверь хождение“, adamte ba x'ne — досл. „люди хождение“, žanawarte da x'ne — досл. „звери хождение“;

б) переходный глагол:

galdil ka kabilčin	„мальчик прочел письмо“
gulad kame katəilčin	„мальчики прочли письма“;
<i>масдар</i> : galdil ka kabilčne	— досл. „мальчиком письмо чтение“
gulad kame katəilčne	— досл. „мальчиками письма чтение“.

Признак имени — *масдар* склоняется подобно имени существительному с исходом на гласный:

Им.	wax'ne „хождение“; kabilčne „чтение“
Эрг.	wax'ni-l-di-l kabilčni-l-di-l
Дат.	wax'ni-li-j kabilčni-li-j
Род.	wax'ni-lla kabilčni-lla
Местн.	wax'ni-l-že kabilčni-l-že
	wax'ni-l-ži-b kabilčni-l-ži-b
	wax'ni-l-ži-l kabilčni-l-ži-l

idila kabilčne xère tibakəwa „его чтение никуда не годится“...
 xəiržanna habične paklisab „правировка кинжала красива“...
 idila widax'ib wa x'nilij səcū awkud „его быстрому хождению я ничего не могу сказать“ („я ничего не говорю“ — от удивления).

§ 76. Спряжение. П. К. Услар выделяет в урахинском диалекте три типа спряжения глагола в зависимости от трех различных окончаний деепричастия прошедшего времени: -ulli, -ili, -uj¹.

В основе деепричастия прошедшего времени лежит форма 3-го лица прошедшего совершенного времени, от которой при помощи суффикса деепричастия **-li** образуются деепричастные формы. Все три деепричастные окончания, приведенные П. К. Усларом, являются результатом фонетических изменений, наблюдаемых при присоединении суффикса деепричастия **-li** к форме 3-го лица прошедшего совершенного времени: ul-li ← ur-li; i-li ← ib-li²; uj ← ui ← un-ni ← un-li.

¹ См. П. К. Услар. Хурвиллинский язык, стр. 174.

² П. К. Услар отмечает утрату **ь** в деепричастной форме, а также изменение **г** в **л**; см. там же, стр. 173.

¹ См. ыб. ы о ј о д о з а, оу. ы в р ы з а д з, ы в б р о ы в а, § 166, стр. 298.

Суффикс деепричастий во всех трех случаях один: -li; различаются окончания в 3-м лице прошедшего совершенного времени: -ur, -ib, -un. Следовательно, типы спряжения глагола следует выделить не по окончанию деепричастия, а по окончанию 3-го лица прошедшего времени.

В кубачинском диалекте окончания 3-го лица прошедшего времени отличаются от урахинских:

урах.	I спряж.	-ur,	кубач.	-ij
	II	„ -ib		-aj, -e
	III	„ -un		-in.

Основная масса глаголов относится ко II и III типам спряжения; число глаголов, отнесенных Усларом к I спряжению, значительно меньше.

В кубачинском, по окончанию 3-го лица прошедшего совершенного времени, мы выделяем также три спряжения:

- I спряжение: -aj (перех. гл.), -e (неперех. гл.)
- II спряжение: -in (независимо от переходности глагола)
- III спряжение: -ij (независимо от переходности глагола).

I спряж.	bāq-aj	„сделал“ (перех. глагол)
	wibč-e	„умер“ (неперех. глагол)
II спряж.	bišə-in	„сварил“ (перех. глагол)
	bilsə-in	„заснул“ (неперех. глагол)
III спряж.	baχ-ij	„выучил“ (перех. глагол)
	wācə-ij	„устал“ (неперех. глагол)

§ 77. Кубачинский глагол различает следующие временные формы: *настоящее конкретное, настоящее общее, прошедшее совершенное, прошедшее несовершенное, прошедшее несовершенное определенное, прошедшее результативное или залгазное, преждепрошедшее, будущее время.*

Ряд из этих форм аналитического образования, спряжение их представляет собою спряжение вспомогательного глагола, поэтому прежде чем перейти к разбору спряжения глагола, следует рассмотреть спряжение вспомогательных глаголов.

Простейшим вспомогательным глаголом, употребляющимся при образовании аналитических форм глагола, является глагол *sab* „есть“, „суть“. Глагол неполный: не имеет будущего времени, формы инфинитива, повелительного наклонения.

Наст. вр.	1 л. du da	„я есмь“,	мн. ч. nusəa da	„мы есмы“
	2 л. u de	„ты еси“	ušəa da	„вы есте“
	3 л. id sa-w /j/b	„он есть“	itəe sab/d	„они суть“.

Вспомогательный глагол *sab* „есть“ в кубачинском диалекте в 1-м и 2-м лице сохранил лишь личные окончания, сам вспомогательный глагол сохранился в 3-м лице.

Прош. вр.	1 л. du de	„я был“,	nusəa de	„мы были“
	2 л. u de	„ты был“,	ušəa de	„вы были“
	3 л. id de	„он был“,	itəe de	„они были“.

В прошедшем времени вспомогательный глагол не изменяется по лицам.

Срв. спряжение вспомогательного глагола в урахинском диалекте¹:

Наст. вр.	1 л. nu sab-ra	„я семь“ (III кл.),	мн. ч. nuša sar-ra ²
	2 л. həu sab-ri	„ты еси“	həuša sar-ra
	3 л. hit sabi	„он есть“	hitti sabi, sarri
Прош. вр.	1 л. nu sab-ri	„я был“,	мн. ч. nuša sar-ri
	2 л. həu sab-ri	„ты был“	həuša sar-ri
	3 л. hit sab-ri	„он был“	hitti sab-ri, sar-ri.

При образовании аналитических форм урахинский вспомогательный глагол присоединяет только личные окончания (исключая 3-е лицо настоящего времени, не имеющее личного окончания), сам вспомогательный глагол, подобно кубачинскому диалекту, утрачивается³. Спряжение вспомогательного глагола *sabi* „есть“ в урахинском диалекте сохранило более древние формы, сравнительно с кубачинским диалектом.

Другой вспомогательный глагол *lib* „есть“, „имеется“ выражает наличие:

Наст. вр.	du liw-da	„я (I кл.) нахожусь“,	мн. ч. nusəa lid-da
	u liw-də	„ты находишься“	ušəa lid-da
	id liw	„он находится“	itəe lib/d

¹ См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, § 61, стр. 71.

² Срв. мн. ч. вспомогательного глагола в уркарахском диалекте: 1 л. nuša sadi-ra, 2 л. həuša sadi-ra, 3 л. hətəi sabi (I, II кл.), sadi (III кл.).

³ С. Абдуллаев пишет: „Полная форма связки са-й, сай-ри, сай-ра исторически, по-видимому, предшествовала сокращенным формам ра, ри“. С. Абдуллаев, Грамматика даргинского языка, стр. 116.

срв. li-j (II кл.), li-b (III кл.) „есть“, „находится“.

Прощ. вр. du liw-de „я был (находился)“, мн. ч. nuša lid-de
 u liw-de „ты был“ uša lid-de
 id liw-de „он был“ itəe lib-de,
 lid-de

срв. в урахинском диалекте:

1 л. nu liw-ra (I кл.), мн. ч. nuša lir-ra¹.

2 л. həu liw-ri həuša lir-ra

3 л. hit liw hitti lib (I, II кл.), lir (III кл.).

Прощ. вр., ед. ч. liw-ri — во всех трех лицах, мн. ч. 1, 2 л. lir-ri, 3 л. lib-ri (I, II кл.), lir-ri (III кл.).

В урахинском диалекте спряжение глагола lib „есть“, „находится“ подобно кубачинскому: личные окончания различаются по согласному элементу: в кубачинском диалекте представлен d, в урахинском — r².

Если сопоставить личные окончания с личными местоимениями, то в диалектах даргинского языка можно проследить определенное соотношение между личными окончаниями, с одной стороны, и личными местоимениями — с другой.

В личном окончании представлен d (-da, -di), если личным местоимением I лица ед. числа является du „я“. Условно их мы относим к диалектам I типа. В личном окончании представлен r (-ra, -ri), если личным местоимением I лица ед. числа является nu „я“. Их мы относим условно к диалектам II типа.

	I тип	II тип
Личные местоимения 1 л. ед. ч.	du	nu
Личн. оконч. наст. вр. 1 л.	-da	-ra
2 л.	-di	-ri

Более древними, надо полагать, являются личные окончания -da, -di, сравнительно с -ra, -ri.

¹ См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 80; срв. в уркарахском диалекте, мн. ч. наст. вр. 1 л. nuša lid-ra, 2 л. həuša lid-ra, 3 л. hətsi lib, lid; прош. вр. 1, 2 л. lid-ri, 3 л. lib-ri, lid-ri.

² В урахинском диалекте личное окончание -ra в результате ассимиляции может выступить в виде -la, -na (это касается и окончания -ri). См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 75, 80.

§ 78. Образование временных форм глагола и их спряжение.

Настоящее конкретное время — выражает действие, совершающееся в момент речи; является аналитической формой, образующейся от деепричастия настоящего времени при помощи вспомогательного глагола sab „есть“, „суть“. Вспомогательный глагол выполняет функцию формального средства спряжения (показателя лица):

I спряжение

dudil biqul-da „я делаю“, мн. ч. nušad biqul-da
 udil biqul-de „ты делаешь“ ušad biqul-da
 iddil biqul-saw „он делает“ itəad biqul-sa-b

II спряжение

dudil balx'un-ni-da „я сею“, мн. ч. nušad balx'unni-da
 udil balx'un-ni-de „ты сеешь“ ušad balx'unni-da
 iddil balx'un-ni-sa-w „он сеет“ itəad balx'unni-sab

III спряжение

du umčəul-da „я согреваюсь“, мн. ч. nuša dumčəul-da
 nu umčəul-de „ты согреваешься“ uša dumčəul-da
 id umčəul-saw „он согревается“ itəe bumčəul-sab.

В глаголах I и III спряжений усечен исходный гласный деепричастной формы: biqul-da ← biqu-li-da „делаю“; в глаголах II спряжения представлена полная форма деепричастия с суффиксом -ni (← li), ныне уже утраченным в самой деепричастной форме, однако возможна и здесь утрата суффикса деепричастия: dudil balx'un-da || balx'un-ni-da „я сею“.

Переходность или непереходность глагола не влияет на образование формы настоящего конкретного времени.

В уркарахском диалекте в 1-м и 2-м лице настоящего конкретного времени могут употребляться параллельно две формы: с утратой исходного i деепричастной формы или без утраты: birqur-ra || birquli-ra „делаю“. Соответственно в урахинском диалекте, где l при встрече с r дает прогрессивную ассимиляцию¹, будем иметь: birqul-la ← birqul-ra ← birquli-ra „делаю“.

Настоящее конкретное время может выступать и в значении будущего времени:

¹ См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, Тифлис, 1892, стр. 9.

atəa čəawal w a x'uls a w „отец завтра *уезжает*“
 masəa čəawal l u x u n n i d a „овцу *зарезу* завтра“
 miq hibā d u s b i q u l s a b „свадьбу *справляют* в будущем году“.

В подобных предложениях выражена уверенность в совершении действия, осуществление действия говорящий считает несомненным¹.

Настоящее общее время — выражает действие, лишённое конкретного временного значения, совершаемое безотносительно к моменту речи:

d u d i l k a i n i š k ə a k a l u č a d „я читаю книгу“ (вообще), срв. наст. конкр. вр. d u d i l k a i n i š k ə a k a l u č u n n i d a „я читаю книгу“ (в данный момент);

h a r č ə a w a l l a b ě g w a l a h a b u l q a n „каждое утро *восходит* солнце“
 h a r b ě g a l u š k e u l a l w a x' a j „каждый день сын *ходит* в школу“.

I спряжение, переходный глагол:

d u d i l b i q - i - d „я делаю (обычно)“, мн. ч. n u s ə a d b i q - i - d ā
 u d i l b i q - i - t „ты делаешь“ u š ə a d b i q - i - t ə ā
 i d d i l b i q - u „он делает“ i t ə a d b i q - u

непереходный глагол:

d u w i q - u - d „я работаю“, мн. ч. n u s ə a d w i q - u - d ā
 u w i q - u - t „ты работаешь“ u š ə a d w i q - u - t ə ā
 i d w i q - u „он работает“ i t ə a d w i q - u
 d u u b k - u - d „я умираю“ мн. ч. n u s ə a d u b k - u - d ā
 u u b k - u - t „ты умираешь“ u š ə a d u b k - u - t ə ā
 i d u b k - a (j) „он умирает“ i t ə a d u b k - a (j)

II спряжение (независимо от переходности глагола):

d u d i l b a l x' w - a - d „я сею (обычно)“, мн. ч. n u s ə a d b a l x' w - a - d ā
 u d i l b a l x' w - a - t „ты сеешь“ u š ə a d b a l x' w - a - t ə ā
 i d d i l b a l x' w - a n „он сеет“ i t ə a d b a l x' w - a n

¹ „Оттенки значения формы настоящего времени возникают на основе субъективного представления будущего действия, как уже осуществляющегося, реализующегося в сознании субъекта“. В. В. Виноградов, Русский язык, Москва, 1947, стр. 572.

III спряжение, непереходный глагол:

d u u m č ə - u - d „я согреваюсь“, мн. ч. n u s ə a d u m č ə - u - d ā
 u u m č ə - u - t „ты согреваешься“ u š ə a d u m č ə - u - t ə ā
 i d u m č ə - u „он согревается“ i t ə a d u m č ə - u

переходный глагол:

d u d i l b ā t - a - d „я оставляю“, мн. ч. n u s ə a d b ā t - a - d ā
 u d i l b ā t - a - t „ты оставляешь“ u š ə a d b ā t - a - t ə ā
 i d d i l b ā t - a (j) „он оставляет“ i t ə a d b ā t - a (j)

Тематические гласные настоящего общего времени (в 3-м лице приводится, при его наличии, также согласный, следующий за тематическим гласным):

I спряж., перех. гл. 1 л. -i-; неперех. гл. 1 л. -u-
 2 л. -i- 2 л. -u-
 3 л. -u 3 л. -u- или: -a(j).

В непереходных глаголах второго типа за тематическим гласным а может следовать окончание j.

II спряж., независимо от переходности: 1 л. -a-
 2 л. -a-
 3 л. -a n.

III спряж., перех. гл. 1 л. -a-; неперех. гл. -u-
 2 л. -a- -u-
 3 л. -a(j) -u- или: -a(j).

В 3-м лице переходных глаголов за тематическим гласным а может следовать окончание -j (факультативно).

В переходных глаголах I спряжения тематические гласные в 1-м и 2-м л. отличаются от 3-го лица, а в непереходных — частью различаются, частью же во всех трех лицах представлен один и тот же тематический гласный.

В глаголах II спряжения во всех трех лицах тематический гласный один — а.

Глаголы III спряжения по тематическим гласным переходные совпадают с глаголами II спряжения (различаются окончания в 3-м лице: -n в глаголах II спряжения, -j в глаголах III спряжения); непереходные глаголы совпадают с одним из типов непереходных глаголов I спряжения.

Личные окончания 1-го и 2-го л. настоящего общего времени в кубачинском диалекте, независимо от того, какого спряжения глагол, следующие:

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	-d	-dā
2 л.	-t	-tā

В аштинском говоре окончание 1-го л. мн. числа совпадает с окончанием 1-го л. ед. числа (-d), во 2-м лице мн. числа исходный гласный личного окончания не имеет долготы:

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	-d	-d
2 л.	-t	-tā

Настоящее общее время является органической формой глагола и подобно пермансиву в грузинском языке является древней конъюгационной единицей. И подобно тому как с формированием категории времени в спряжении ослабевают позиции пермансива в грузинском языке¹, ослабевают позиции и настоящего общего времени в даргинском языке. В ряде диалектов (урахинский, уркарахский...) настоящее общее время ныне выступает в функции будущего времени.

Прошедшее несовершенное определенное время образуется от деепричастия настоящего времени при помощи вспомогательного глагола прошедшего времени. Выражает действие, протекавшее в определенный момент, без указания на результат действия (это как бы настоящее время в прошлом).

Поскольку вспомогательный глагол прошедшего времени не изменяется по лицам, то не спрягается по лицам и форма прошедшего несовершенного определенного времени:

dudil biqul-de	„я делал“	мн. ч. nusəad biqul-de
udil biqul-de	„ты делал“	uʂəad biqul-de
iddil biqul-de	„он делал“	itəad biqul-de

¹ См. Арн. Чикобава, Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского языка. Известия Акад. наук СССР, Отделение литературы и языка, т. VII, вып. 3, Москва, 1948, стр. 232.

и nusəummūtil dudil wače biqul-de „когда ты спал, я делал работу“

galdil ɤa kabigummūtil udil kaluɕunnide „когда мальчик писал письмо, ты читал“.

Прошедшее совершенное время является органическим образованием, выражает результат однократного завершенного действия. Действие может быть совершено только что или когда-то, но в данному моменту оно уже совершено.

I спряжение, переходный глагол:

dudil baq-a-d	„я сделал“	мн. ч. nusəad baq-a-dā
udil baq-a-təe	„ты сделал“	uʂəad baq-a-tā
iddil baq-aj	„он сделал“	itəad baq-aj

непереходный глагол:

du wibk-a-d	„я умер“	мн. ч. nusəa dibk-a-dā
u wibk-a-təe	„ты умер“	uʂəa dibk-a-tā
id wibɕ-e	„он умер“	itəe bibɕ-e

II спряжение, независимо от переходности глагола:

dudil bax ^w -i-d	„я засеял“	мн. ч. nusəad bax ^w -i-dā
udil bax ^w -i-təe	„ты засеял“	uʂəad bax ^w -i-tā
iddil bax ^w -in	„он засеял“	itəad bax ^w -in

III спряжение, независимо от переходности глагола:

dudil bax-i-d	„я выучил“	мн. ч. nusəad bax-i-dā
udil bax-i-təe	„ты выучил“	uʂəad bax-i-tā
iddil bax-ij	„он выучил“	itəad bax-ij.

Тематические гласные (в 3-м лице приводится — при наличии — исходный согласный):

I спряж. -	перех. гл.	неперех. гл.
1 л.	-a-	-a-
2 л.	-a-	-a-
3 л.	-aj	-e

II спряж. (перех. и неперех. гл.)

1 л.	-i-
2 л.	-i-
3 л.	-in

III спряж. (перех. и неперех. гл.)

1 л.	-i-
2 л.	-i-
3 л.	-ij

Личные окончания:

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	-d	-dā
2 л.	-təe	-təā

В аштинском говоре показатель 1-го лица мн. числа совпадает с окончанием ед. числа (в речи старшего поколения можно еще встретить форму, где показатель 1-го лица мн. числа имеет в исходе гласный а).

Личное окончание 1-го лица ед. числа -d в прошедшем совершенном времени в кубачинском, сравнительно с окончанием -da, представляется вторичным. Долгота гласных в личных окончаниях мн. числа кубачинского диалекта является признаком мн. числа.

В формах прошедшего совершенного времени урахинского, уркарахского диалектов обращает на себя внимание не только различие в личных окончаниях 1-го и 2-го лиц (1-е лицо оформляется по типу диалектов II типа — личным окончанием -ra, 2-е лицо оформляется по типу диалектов I типа — личное окончание -di или -təi, вместо ожидаемого -ri), но и различие тематических гласных в 1-м и 2-м лицах (в 1-м л. -i-, во 2-м л. -a-; например, урах. диал.: 1-е л. bāq-i-ra „я сделал“, 2-е л. baq-a-di „ты сделал“, 3 л. bāq-ib „он сделал“).

səa dūdil atəaj ka kabgad „вчера я написал отцу письмо“
 bara tal kəiniškəa kabilçid „недавно прочел книгу“
 biçle masəa bəkwin „волк съел овцу“
 dila atəa tamal wibçe „мой отец давно умер“.

əajriq'ədil žanawar ka x'waj „охотник убил зверя“
 biç dncəana bimdiq „волк убежал в лес“
 icəuziw tamal əax ixe „больной давно выздоровел“
 səa xəwalle duhəe bāqaj „вчера пошел большой снег“.

Прошедшее несовершенное время не связано с определенным моментом времени; спрягается подобно прошедшему совершенному времени, отличаясь лишь основой: прошедшее несовершенное время, являющееся также органической формой, образуется от основы длительного вида:

I спряжение, перех. глагол:

dūdil biq-a-d „я делал“, мн. ч. nusəd bīq-a-dā
 udil biq-a-təe „ты делал“ ušəd bīq-a-təā
 iddil biq-aj „он делал“ itəd bīq-aj

неперех. глагол:

du ubk-a-d „я умирал“, мн. ч. nusəa dubk-a-dā
 u ubk-a-təe „ты умирал“ ušəa dubk-a-təā
 id ubçe „он умирал“ itəe bubçe.

Таблицы тематических гласных и личных окончаний те же, что и в формах прошедшего совершенного времени.

səa du busalabə wīqad „я вчера весь день работал“
 galdil dučəilij kəiniškəa kaluçin „мальчик читал ночью книгу“
 ušəa əaxle diqatəā „вы хорошо работали“
 nusəd daqə balx'widā qu „мы долго пахали поле“.

Прошедшее совершенное и прошедшее несовершенное в других диалектах даргинского языка отличаются от кубачинского диалекта: различие в тематических гласных и личных окончаниях¹.

Прошедшее результативное время образуется от деепричастия прошедшего времени при помощи вспомогательного глагола настоящего времени. Это в то же время заглазные формы: результат действия налицо, но свидетелем действия сам говорящий мог и не быть:

dūdil bāqib-li-da „оказ., я сделал“, мн. ч. nusəd bāqib-li-dā
 udil bāqib-li-de „оказ., ты сделал“ ušəd bāqib-li-dā
 iddil bāqib-li-saw „оказ., он сделал“ itəd bāqib-li-sab

du wibçib-li-da „я умер“, мн. ч. nusəa dibçib-li-da
 u wibçib-li-de „ты умер“ ušəa dibçib-li-dā
 id wibçib-li-saw „он умер“ itəe bibçib-li-sab

galdil səal kəiniškəa kabilçun nisa w „мальчик уже вчера прочел книгу“...

dūdil baxkəawad, iddil niqwal əaçe tamən bāqiblisaw „я посмотрел, он давно закончил работу“

¹ Спряжение глагола, например, урахинского диалекта, см. П. К. Усар, Хуркилинский язык, Тифлис, 1892.

bīkate bilsəunnisab „дети *заснули*“
 daraste taman duxublisad „уроки *окончились*“
 ilagal xəwala haʔiblisaw „твой сын *вырос*“
 šateid nusəadaqē duʔiblidā „оказывается, мы долго *гуляли*“
 (о чем мы узнали, вернувшись с гулянья).

Результативность действия может быть выражена в глаголе и без оттенка заглазости; например, в глаголах, выражающих состояние: kiʔib-li-da „сизжу“, kiəul-da „стою“, wəəul-da „устал“, miɡal həaʔiblidā „вспотел“, kəuʂ uxublidā „голоден“, wilqəunnidā „сыт“, wəx uxublidā „выздоровел“.

Результативные формы образуются также описательно от деепричастной формы спрягаемого глагола при помощи вспомогательного глагола buʔij „остаться“, выступающего в форме прошедшего результативного времени:

bīqul uʔiblisaw „оказывается, он *делал*“
 bāqibli uʔiblisaw „оказывается, он *сделал*“
 qnbəārādil qu balxʷunni uʔiblisaw „оказывается, крестьянин *сеял*“
 itəij tama baqible juʔiblīde „оказывается, ты *слышала*“
 gal wilsəunni uʔiblisaw „мальчик, оказывается, *заснул*“.

Преждепрошедшее время. От деепричастия прошедшего времени при помощи вспомогательного глагола прошедшего времени образуются аналитические формы преждепрошедшего времени, выражающие действие, предшествующее по времени совершения другому действию в прошлом. Поскольку вспомогательный глагол sab „есть“ в прошедшем времени не спрягается по лицам, то и преждепрошедшее время не имеет личного спряжения:

u siʔnallij iddil wəəe taman bāqiblīde „до твоего прихода работа им *была окончена*“

u uʂkəulal kiɡummūtil dila galdil uʂkəula taman bāqiblīde „когда ты поступал в школу, мой сын уже *закончил* школу (школа была закончена моим сыном)“

dūxtur šiwdiʔnallijicənzīw wibʔiblīde „до прихода врача больной *был мертв*“.

Будущее время в диалектах даргинского языка выражается различно. В ряде диалектов будущее время передается посредством форм настоящего общего времени. В мегебском

говоре в значении будущего времени употребляется краткая форма причастия будущего времени.

Будущее время в кубачинском диалекте образуется следующим образом: основа глагола плюс тематический гласный i (для всех лиц), плюс суффикс -la-l. Спрягается такая форма при помощи вспомогательного глагола настоящего времени sab „есть“.

Для 1-го лица обоих чисел употребляется также краткая форма будущего времени, образуемая суффиксом -la в переходных глаголах и суффиксом -lla в непереходных глаголах при том же тематическом гласном i и без вспомогательного глагола. Краткая форма будущего времени для 1-го лица более употребительна.

Переходный глагол:

duḍil bāq-i-la-l-da || bāq-i-la „я *сделаю*“
 ndil bāq-i-la-l-de „ты *сделаешь*“
 iddil bāq-i-la-l-saw „он *сделает*“
 nusəad bāq-i-la-l-da || bāq-i-la „мы *сделаем*“
 uʂad bāq-i-la-l-da „вы *сделаете*“
 itəad bāq-i-la-l-sab „они *сделают*“.

Непереходный глагол:

du wibʔ-i-la-l-da || wibʔ-i-lla „я *умру*“
 u wibʔ-i-la-l-de „ты *умрешь*“
 id wibʔ-i-la-l-saw „он *умрет*“
 nusəa dibʔ-i-la-l-da || dibʔ-i-lla „мы *умрем*“
 uʂəa dibʔ-i-la-l-da „вы *умрете*“
 itəe bibʔ-i-la-l-sab „они *умрут*“.

Будущее время может быть образовано, как указывалось выше, от основы недлительного и длительного вида:

kabilʔ-i-la „прочту“, kaluʔ-i-la „буду читать“.

duḍil ʂəawal wəəe bāqila „я завтра *сделаю* работу“
 galdil kəiniʂkəa kabilʔilalsaw „мальчик *прочтет* книгу“
 qubəārādil qu ba xʷwilalsaw „крестьянин *засеет* поле“
 du wəxle wiqilla „я буду хорошо *работать*“.

Характерно, что формы будущего времени в аштинском говоре кубачинского диалекта отличаются от собственно кубачинских форм:

dil biq-an-da	„я сделаю“,	мн. ч. nusəatəil biq-an-da
udil biq-an-di	„ты сделаешь“	uʂəatəil biq-an-da
itəil biq-an-ni	„он сделает“	itəatəil biq-an-ni
du usə-an-da	„я буду спать“,	мн. ч. nusəa dʊsə-an-da
u usə-an-di	„ты будешь спать“	uʂəa dʊsə-an-da
id usə-an-ni	„он будет спать“	itəi bʊsə-an-ni

Основа будущего времени в аштинском говоре образуется посредством суффикса -an, в 1-м и 2-м лице присоединяются личные окончания, в 3-м лице — суффикс -ni (←li)¹.

du učitil āganda	„я стану учителем“
n wəx wixwandi	„ты выздоровеешь“
itəi wəx bixwanni	„они выздорoveют“.

В сулевкентском говоре кубачинского диалекта будущее время образуется аналогично собственно кубачинскому говору, лишь в форме 3-го лица исходный l основы будущего времени утрачивается, вместо чего представлена долгота предшествующего гласного:

dudil bāqila	„я сделаю“,	мн. ч. nusəatəil bāqila
udil bāqilal-de	„ты сделаешь“	uʂəatəil bāqilal-da
itidil bāqilā-saw	„он сделает“	itəatəil bāqilā-sab.

От инфинитива при помощи вспомогательного глагола настоящего и прошедшего времени образуются формы неопределенного будущего и неопределенного прошедшего времени (по П. Услару, „зависимые от условия“).

В третьем лице неопределенного времени выступает одна форма инфинитива без вспомогательного глагола.

Неопределенное будущее:

dndil bāqij-da	„я сделаю“,	мн. ч. nusəad bāqij-da
ndil bāqij-de	„ты сделаешь“	uʂəad bāqij-da
iddil bāqij	„он сделает“	itəad bāqij.

¹ В аналогичных формах будущего времени в говоре аула Тилми (хайдакский диалект) в 3-м лице суффикс -li (|| →ni) не представлен:

dil bilə-an-da	„я украду“,	мн. ч. niʂəal bilə-an-da
il balə-an-de	„ты украдешь“	niʂəal bilə-an-da
itel bilə-an	„он украдет“	itəalli bilə-an.

dn jāniw liwle abikəaxəat, waʂijda „если не хочешь, чтобы я был здесь, пойду“
iddil ixʷbāl il wəʂe bāqij „он сразу это дело сделает“ (досл. „сделать“).

Неопределенное прошедшее по лицам не изменяется, поскольку не изменяется по лицам вспомогательный глагол прошедшего времени:

bāqij-de „сделал бы“ (с готовностью) — одна форма для всех лиц;

kabilçij-de „прочел бы“ (с готовностью).

waʂ haʷible uxutəidil, ixʷbāl saqʷijde „если бы ты его пригласил, он сразу же пришел бы“.

В подобных формах могут быть выражены разные нюансы: готовность к совершению действия, зависимость от условия, неопределенность.

Таким образом в категории глагольных времен кубачинского диалекта органическими формами глагола являются формы настоящего общего времени, прошедшего совершенного и прошедшего несовершенного времени. Формы прошедшего совершенного и прошедшего несовершенного спрягаются одинаково, различаясь лишь по аспекту основы глагола (прош. сов. вр. имеет основу недлит. вида, прош. несов. вр. имеет основу длит. вида). Так что в спряжении кубачинского глагола основными конъюгационными единицами являются формы настоящего общего времени и прошедшего времени. Спряжение их определяется тематическими гласными, личные окончания обоих конъюгационных единиц различаются во 2-м лице ед. числа (окончание 2-го лица ед. ч. наст. общего времени -t, прош. совершенного или несовершенного — -təe).

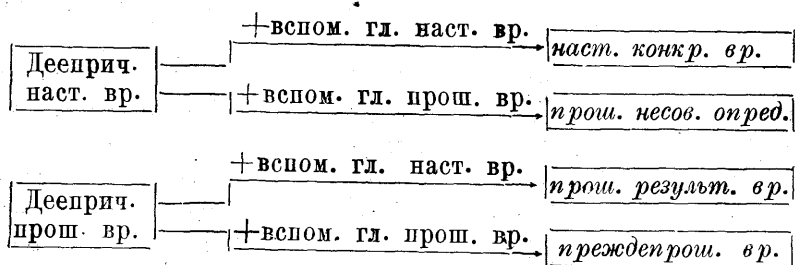
Посредством вспомогательного глагола sab „есть“ в настоящем и прошедшем времени от деепричастий настоящего и прошедшего времени образуются аналитические формы настоящего конкретного времени, прошедшего несовершенного определенного времени, прошедшего результативного (заглазного) времени и преждепрошедшего времени.

От деепричастия настоящего времени при помощи вспомогательного глагола настоящего времени образуется настоящее конкретное время, при помощи вспомогательного глагола прош. времени образуется прош. несовершенное определенное время.

От *деепричастия прошедшего времени* при помощи вспомогательного глагола наст. времени образуется прош. результативное время, при помощи вспомогательного глагола прошедшего времени образуется *преждепрошедшее* время.

Если исходить из вспомогательного глагола, то *вспомогательный глагол настоящего времени* образует: 1. от деепричастия наст. времени настоящее конкретное время; 2. от деепричастия прош. времени прошедшее результативное (заглазное) время. *Вспомогательный глагол прошедшего времени* образует: 1. от деепричастия наст. времени прошедшее несовершенное определенное время; 2. от деепричастия прош. времени *преждепрошедшее* время.

Схема образования аналитических форм глагола:

От *инфинитива* при помощи вспомогательного глагола образуются формы неопределенного будущего, а также прошедшего времени; аналитическими формами являются также формы будущего времени (за исключением краткой формы 1-го лица).

§ 79. От деепричастий настоящего и прошедшего времени при помощи вспомогательного глагола *ბიჯი* „быть“, „стать“ в настоящем и прошедшем времени образуются аналитические формы, выражающие *обычность* совершаемого действия (срв. грузинское *ბრძანდობო*):

наст. многократное: *ბიჭი ვიხუდ* „делаю“ (досл. „делая бываю“)

прош. несов. многокр.: *ბიჭი ვიხვად* „делал“ (досл. „делая бывал“)

прош. сов. многокр.: *ბაჭიბი ვიხუდ* досл. „сделав бываю“

преждепрош. многокр. *ბაჭიბი ვიხვად* досл. „сделав бывал“.

Деепричастие остается без изменения, по лицам спрягается вспомогательный глагол *ბიჯი* „быть“:

Наст. вр. 1 л. *ვიხ-უ-დ* „бываю“, мн. ч. *დიხ-უ-და*
2 л. *ვიხ-უ-ტ* „бываешь“ *დიხ-უ-ტა*
3 л. *ვიხვ-ა-ჯ* „бывает“ *ბიხვ-ა-ჯ*

Прош. вр. 1 л. *ვიხვ-ა-დ* „бывал (я)“, мн. ч. *დიხვ-ა-და*
2 л. *ვიხვ-ა-ტე* „бывал (ты)“ *დიხვ-ა-ტა*
3 л. *ვიხვ-ე* „бывал (он)“ *ბიხვ-ე*.

har idišau uq'alle ja kaluṣun viḥwaj, ja kabigul viḥwaj „каждый раз, как к нему пойду, он или читает (досл. „читая бывает“) или пишет“...

du viḥamūtil maktable waxul viḥwad „когда я был маленьким, ходил бывало в школу (დავდიდი სკოლაში)“...

u aqhianallij čaj hamk hatəāqib diḥwe „до того, как ты вставал, чай бывал нагрет“

niseila dēne haman iṣul viḥwe „наш сосед всегда болел“
žahil waxtla du uṣul viḥwad „в молодости я выпивал (ვსვამდი სულს)“.

§ 80. Наклонение. Повелительное наклонение, прежде всего, как и во всяком языке, характеризуется своеобразной интонацией.

Основной формой повелительного наклонения является форма, обращенная ко второму лицу обоих чисел:

bus-a „держи!“ „держите!“
kabilč-in „прочти!“ *kabilč-in-ā* „прочтите!“
bat-ij „оставь!“ *bat-ā* „оставьте!“

Повелительное наклонение относительно 2-го лица различается в зависимости от спряжения глагола. Глаголы I спряжения в образовании повелительного наклонения различают переходность глагола, глаголы II и III спряжений — переходные и непереходные — образуют повелительное наклонение одинаково. Переходные глаголы I спряжения в повелительном наклонении не различают число, одна и та же форма относится к единственному и множественному числу. В остальных случаях формы повелительного наклонения в единственном и множественном числах различаются.

Повелительное наклонение может быть образовано от основы длительного и недлительного вида:

kabilč-in „прочти!“, kaluč-in „читай!“

1. Глаголы I спряжения:

а) непереходные глаголы I спряжения в повелительном наклонении имеют суффикс -а:

bāq-a	„сделай!“	„сделайте!“
bīq-a	„делай!“	„делайте!“
buṭ-a	„раздели!“	„разделите!“
būṭ-a	„дели!“	„делите!“
kaḥw-a	„убей!“	„убейте!“
katəixw-a	„убивай!“	„убивайте!“

б) непереходные глаголы I спряжения в ед. числе в повелительном наклонении имеют суффикс -е во мн. числе — ā:

wīq-e	„работай!“	dīq-ā	„работайте!“
čiw-h-e	„смотри!“	čidh-ā	„смотрите!“
widiž-e	„потанцуй!“	didig-ā	„потанцуйте!“
wibč-e	„умри!“	dibk-ā	„умрите!“
ubč-e	„умирай!“	dubk-ā	„умирайте!“

2. Глаголы II спряжения в формах повелительного наклонения ед. числа имеют суффикс -in, во мн. числе — in-ā (ā — в качестве суффикса мн. числа):

kabilč-in	„прочти!“	kabilč-in-ā	„прочтите!“
kaluč-in	„читай!“	kaluč-in-ā	„читайте!“
bilš-in	„свари!“	bilš-in-ā	„сварите!“
luš-in	„вари!“	luš-in-ā	„варите!“

3. Глаголы III спряжения в формах повелительного наклонения ед. числа имеют суффикс -ij, во мн. числе — ā:

baḥ-ij	„выучи!“	baḥ-ā	„выучите!“
bāx-ij	„учи!“	bāx-ā	„учите!“
pms-ij	„взвесь!“	pms-ā	„взвесьте!“
wimḍ-ij	„беги!“	dimḍ-ā	„бегите!“

Повелительные формы ед. числа, за исключением повелительных форм переходных глаголов I спряжения, совпадают с формами 3-го лица прошедшего совершенного времени; глаголы III спряжения, кроме того, совпадают также с формой инфинитива:

I спряж. wibče	„умер“	„умри!“
II спряж. kabilč-in	„прочитал“	„прочти!“
III спряж. baḥij	„выучил“	„выучи!“ „выучить“.

Повелительные формы по отношению к 1-му лицу мн. числа от глаголов всех спряжений образуются одинаково — посредством суффикса -ē:

bāq-ē	„сделаем!“	dibč-ē	„умрем!“	baḥ-ē	„выучим!“
kabilč-ē	„прочтем!“	kaḥw-ē	„убьем!“		

При приглашении к совместному действию может добавляться модальная частица waš „иди!“ (I кл.), мн. ч. daš-ē „идемте!“
dašē bāq-ē „давайте сделаем!“, досл. „идемте сделаем!“
waš, kəiniškəa kabilč-ē „давай прочтем книгу!“ срв. в грузинском языке: „აქვინი, ვაგვინი“, досл. „иди, сделаем!“

Повелительная форма по отношению к 3-му лицу выражается каузативной формой:

bāq-aq-a	„пусть сделает!“	bīqij-q-a	„пусть делает!“
kabilč-aq-a	„пусть прочтет!“	kalučij-q-a	„пусть читает!“
baḥ-aq-a	„пусть выучит!“	bāḥij-q-a	„пусть учит!“

Формы повелительного наклонения часто употребляются с частицами, придающими им тот или иной оттенок (просьбы, мольбы). Частица kəwa „же“ с повелительной формой придает оттенок просьбы:

bāqa	„сделай!“	bāqa-kəwa	„сделай же!“
kabilč-in	„прочти!“	kabilč-in-kəwa	„прочти же!“

ulkəad с глаголом повелительного наклонения означает „пожалуйста“ и выражает просьбу (сильнее, чем частица kəwa „же“).
ulkəad, dila wače bāqa „пожалуйста, сделай мою работу!“
ulkəad, dam ixwle qa kabga „пожалуйста, напиши мне скоро письмо!“

В вопросительном предложении ulkəad означает „неужели“:
ulkəad bāqatəij „неужели сделал?“

ulkəad обычно употребляется в устах мужчин, женщины при выражении просьбы употребляют haḡikəwa, означающее, примерно: „ну же!“

haḡikəwa ijal nisəišəuj juže „ну, останься же сегодня у нас!“

Возможно сочетание: harikəwa ulkəad, выражающее оттенок усиленной просьбы:

harikəwa ulkəad dila qəulluq bāqa „ну, пожалуйста, сделай мое дело!“

harikəwa ulkəad jaraq diš hakəa „одожди, пожалуйста, инструмент!“

hare „ну-ка“; hare wiðax'ə „ну-ка скорей!“

hare bəxa, wixwahəat „ну-ка ударь, если можешь!“

hare taškicəij, dam wažildin „ну-ка подожди, ты мне нужен!“.

ware с глаголом в повелительной форме соответствует русскому „смотри“ в повелительном предложении:

ware bāqa „смотри, сделай!“ (т. е. обязательно сделай)

ware ix'wle wijsaγe „смотри, быстро возвращайся!“

§ 81. Желательное наклонение. В переходных глаголах форма желательного наклонения образуется посредством суффикса -ab и не изменяется ни по лицам, ни по числам:

ɖudil bāq-ab „да будет сделано мною“

udil bāq-ab „да будет сделано тобою“

iddil bāq-ab „да будет сделано им“

musəad bāq-ab „да будет сделано нами“

uʂəad bāq-ab „да будет сделано вами“

itəad bāq-ab „да будет сделано ими“.

ila gal watab „да живет твой сын!“

iddil ix'wle kəiniškəa kabilçab „да прочтет он быстро книгу!“; dig ix'wle bəçab „да изжарится быстро мясо!“.

В непереходных глаголах формы 3-го лица желательного наклонения в обоих числах образуются подобно формам желательного наклонения от переходных глаголов. В 1-м и 2-м лице непереходных глаголов форма желательного наклонения изменяется по лицам и числам. Тематическим гласным при этом служит u, к которому присоединяются личные окончания:

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	-d	-dā
2 л.	-t	-təā

ɖn wibk-u-d „пусть я умру“, мн. ч. nusəa dibk-u-dā
u wibk-u-t „пусть ты умрешь“ uʂəa dibk-u-təā
id wibk-ab „пусть он умрет“ itəe bibk-ab

ɖu wimd-u-d „пусть я убегу“, мн. ч. nusəa dimd-u-dā
u wimd-u-t „пусть ты убежишь“ uʂəa dimd-u-təā
id wimd-ab „пусть он убежит“ itəe bimd-ab.

ja'allah, du wa x uxud „дай боже, чтобы я выздоровел!“
jā allah, dila gal isəan uxmaxab „дай боже, чтобы мой сын не заболел!“.

Глагол biçəid (|| biçəidil) „хочется“, „хотелось бы“ с инфинитивом спрягаемого глагола образует описательную форму желательного наклонения:

waçe bāqij biçəid „хотелось бы сделать работу“
id kəainiškəa kabilçij biçəid „хотелось бы прочесть ту книгу“

çəawal wašij biçəid „хочется (хотелось бы) завтра уехать“.

§ 82. Условное наклонение различается по временам. Аналитические формы условного наклонения образуются при помощи условных форм настоящего и прошедшего времен вспомогательного глагола buxij „быть“, „стать“.

При помощи условной формы настоящего времени вспомогательного глагола buxij образуются: условное настоящее конкретное, условное прошедшее результативное и условное будущее реальное. Условное настоящее конкретное образуется от деепричастия наст. времени, условное прошедшее результативное образуется от деепричастия прош. времени, условное будущее реальное образуется от основы будущего времени.

Условное настоящее конкретное:

bīqul ux-u-l-le „если делаю“, мн. ч. bīqul ɖux-u-dā-le
bīqul ux-u-təe „если делаешь“ bīqul ɖux-u-təā-le
bīqul ux-ā-le „если делает“ bīqul bux-ā-le.

Деепричастия глаголов II спряжения в формах условного наклонения могут выступать с суффиксом деепричастия или без него:

kaluṣun(ni) uxulle „если читаю“
 kaluṣun(ni) uxutæ „если читаешь“
 kaluṣun(ni) uxāle „если читает“.

Условное прошедшее результативное:

1 л. bāqible ux-u-l-le „если сделал“, мн. ч. bāqible dux-u-dā-le
 2 л. bāqible ux-u-tæ „ „ bāqible dux-u-tā-le
 3 л. bāqible ux-ā-le „ „ bāqible bux-ā-le.

Условное будущее реальное:

bāqilal ux-u-l-le „если сделаю“, мн. ч. bāqilal dux-u-dā-le
 bāqilal ux-u-tæ „если сделаешь“ bāqilal dux-u-tā-le
 bāqilal ux-ā-le „если сделает“ bāqilal bux-ā-le.

Суффиксом условного наклонения настоящего времени является -le, который не представлен во 2-м лице ед. числа настоящего времени. В форме условного наклонения 1-го лица ед. числа настоящего времени, при присоединении суффикса -le показатель 1-го лица d ассимилируется с согласным l суффикса условного наклонения: uxu-l-le ← uxu-d-le „если стану“ (I кл.).

При помощи условной формы прошедшего времени вспомогательного глагола buxij „быть“, „стать“ от тех же спрягаемых глагольных форм образуются: условное прошедшее несовершенное определенное, условное преждепрошедшее и условное будущее ирреальное.

Условное прошедшее несовершенное определенное:

bīqul ux-u-d-dil „если бы я делал“, мн. ч. bīqul dux-u-dā-dil
 „ ux-u-tai-dil „если бы ты делал“ „ dux-u-tā-dil
 „ ux-ā-dil „если бы он делал“ „ bux-ā-dil.

Условное преждепрошедшее:

bāqible ux-u-d-dil „если бы я сделал“, мн. ч. bāqible dux-u-dā-dil
 „ ux-u-tai-dil „если бы ты сделал“ „ dux-u-tā-dil
 „ ux-ā-dil „если бы он сделал“ „ bux-ā-dil.

Условное будущее ирреальное:

bāqilal ux-u-d-dil „если бы я сделал“ (в будущем),
 мн. ч. bāqilal dux-u-dā-dil
 „ ux-u-tai-dil „если бы ты сделал“ „ dux-u-tā-dil
 „ ux-ā-dil „если бы он сделал“ „ bux-ā-dil

Суффиксом условного наклонения прошедшего времени является -dil, который выступает во всех лицах и обоих числах.

Вспомогательный глагол buxij „быть“, „стать“ непереходный. Тематические гласные в формах условного наклонения настоящего и прошедшего времен одинаковы, одинаковы также личные окончания:

тематич. гласные:	1 л. -ṭ-	личн. окончания:	ед. ч.	мн. ч.
	2 л. -ṭ-		1 л. -d	-dā
	3 л. -ā		2 л. -tæ	-tā

В формах 3-го лица вспомогательного глагола обоих чисел (bux-ā-le — наст. вр.; bux-ā-dil — прош. вр.) долгота гласного a возместительная: ā ← ar, т. е. форма 3-го лица имела ныне утраченное окончание r.

§ 83. Органические формы условного наклонения. Условное будущее или условно-реальные формы образуются посредством суффикса -le, условное прошедшее или условно-ирреальные формы образуются посредством суффикса -dil. Личные окончания в органических формах условного наклонения те же, что и в аналитических формах условного наклонения. Тематические гласные в формах условного наклонения различаются в зависимости от переходности глагола в первых двух лицах, формы 3-го лица в переходных и непереходных глаголах образуются одинаково.

Условное будущее (условно-реальные формы):

I спряжение, переходный глагол:

dudil bāq-i-l-le „если сделаю“, мн. ч. nusʔad bāq-i-dā-le
 udil bāq-i-tæ „если сделаешь“ uʔad bāq-i-tā-le
 iddil bāq-ā-le „если сделает“ itʔad bāq-ā-le;

непереходный глагол:

du wibḳ-u-l-le „если умру“, мн. ч. nusʔa dibḳ-u-dā-le
 u wibḳ-u-tæ „если умрешь“ uʔa dibḳ-u-tā-le
 id wibḳ-ā-le „если умрет“ itʔe bibḳ-ā-le.

II спряжение, переходный глагол:

dudil bilʔa-i-l-le „если сварю“, мн. ч. nusʔad bilʔa-i-dā-le
 udil bilʔa-i-tæ „если сварить“ uʔad bilʔa-i-tā-le
 iddil bilxʔ-an-ne „если сварит“ itʔad bilxʔ-an-ne

непереходный глагол:

du wilsə-u-l-le „если засну“, мн. ч. nusəa dilsə-u-dā-le
u wilsə-u-təe „если заснешь“ ušəa dilsə-u-təā-le
id wilsə-an-ne „если заснет“ itəe bilsə-an-ne.

Глаголы III спряжения в условном наклонении спрягаются подобно глаголам I спряжения.

Во 2-м лице ед. числа условно-реальных форм отсутствует суффикс условного наклонения -le. В других даргинских диалектах суффикс -li во 2-м лице ед. числа в условно-реальных формах сохранился:

уркар. диал.: barqut-li „если сделаешь“
говор аула Кунки: biwatəe-li „если украдешь“.

В 1-м лице ед. числа окончание d ассимилировалось так же, как и в аналитических формах: bāq-i-l-le ← bāq-i-d-le „если сделаю“.

В глаголах II спряжения согласный элемент суффикса условного наклонения -le ассимилируется с предшествующим n формы 3-го лица: bilx[˘]əan-ne ← bilx[˘]əan-le „если сварит (сварят)“.

Условное прошедшее (условно-ирреальные формы):

I спряжение, переходный глагол:

ɖudil bāq-i-d-dil „если я сделал бы“, мн. ч. nusəad bāq-i-dā-dil
ndil bāq-i-tai-dil „если ты сделал бы“ ušəad bāq-i-təā-dil
iddil bāq-ā-dil „если он сделал бы“ itəad bāq-ā-dil

непереходный глагол:

du wibk-u-d-dil „если я умер бы“, мн. ч. nusəa dibk-u-dā-dil
u wibk-u-tai-dil „если ты умер бы“ ušəa dibk-u-təā-dil
id wibk-ā-dil „если он умер бы“ itəe bibk-ā-dil.

II спряжение, переходный глагол:

ɖudil bilšə-i-d-dil „если я сварил бы“, мн. ч. nusəad
bilšə-i-dā-dil
ndil bilšə-i-tai-dil „если ты сварил бы“ ušəad bilšə-i-təā-dil
iddil bilx[˘]əan-dil „если он сварил бы“ itəad bilx[˘]əan-dil

непереходный глагол:

du wilsə-u-d-dil „если я заснул бы“, мн. ч. nusəa dilsə-u-dā-dil
u wilsə-u-tai-dil „если ты заснул бы“ ušəa dilsə-u-təā-dil
id wilsə-an-dil „если он заснул бы“ itəe bilsə-an-dil.

Суффикс условного наклонения прошедшего времени (условно-ирреальных форм) -dil выступает во всех лицах обоих чисел.

Тематические гласные органических форм условного наклонения (условно-реальных и условно-ирреальных форм):

переходн. глагол	непереходн. глагол
1 л. -i-	-u-
2 л. -i-	-u-
3 л. -a	-a

В глаголах II спряжения в 3-м лице за тематическим гласным следует окончание -n, в глаголах I и III спряжений соответственно должно было быть окончание r, утрата которого оставила след в долготе тематического гласного: ā (← ar).

Формы условного наклонения настоящего общего времени образуются более сложно.

Переходный глагол

Условно-реальные формы:

ɖudil biq-axə-a-d „если я делаю“, мн. ч. nusəad biq-axə-a-dā-le
udil biq-axə-a-t „если ты делаешь“ ušəad biq-axə-a-təā-le
iddil biq-axə-an „если он делает“ itəad biq-axə-an

Условно-ирреальные формы:

ɖudil biq-axə-a-d-dil „если я делал бы“, мн. ч. biq-axə-a-dā-dil
udil biq-axə-a-tai-dil „если ты делал бы“ biq-axə-a-təā-dil
iddil biq-axə-an-dil „если он делал бы“ biq-axə-an-dil.

Непереходный глагол

Условно-реальные формы:

du ubk-axə-a-d „если я умираю“, мн. ч. nusəa dubk-axə-ā-dā-le
u ubk-axə-a-t „если ты умираешь“ ušəa dubk-axə-a-təā-le
id ubk-axə-an „если он умирает“ itəe bubk-axə-an

Условно-ирреальные формы:

du ubk-axə-a-d-dil „если я умирал бы“, мн. ч. dubk-axə-a-dā-dil
u ubk-axə-a-tai-dil „если ты умирал бы“ dubk-axə-a-təā-dil
id ubk-axə-an-dil „если он умирал бы“ bubk-axə-an-dil.

Основа глагола здесь сложная: за основой спрягаемого глагола, оканчивающейся на корневой согласный, следует основа другого глагола: axə-, уже не воспринимаемая как основа самостоятельного глагола и спрягающаяся по типу глаголов II спря-

жения (в 3-м лице исходным согласным является -п). Поскольку спряжение глагола зависит от вспомогательного глагола, то глаголы разных спряжений в данном случае спрягаются одинаково. Не различается здесь и переходность и непереходность глаголов. Суффикс условно-реальных форм -le выступает только в формах 1-го и 2-го л. мн. числа, между тем как суффикс условно-ирреальных форм -dil представлен в обоих числах. Тематическим гласным во всех лицах является а; личные окончания:

в условно-реальных формах: в условно-ирреальных формах:

ед. ч.		мн. ч.	ед. ч.		мн. ч.
1 л.	-d	-dā	1 л.	-d	-dā
2 л.	-t	-tā	2 л.	-təi	-tā

Примеры употребления форм условного наклонения:

ijal ka kabžille, čəawal čibdaɣilalsab sinšəu „если сегодня напишу письмо, завтра до него дойдет“...

səa ka kabžiddil ijal čibdaɣible buxilalde „если вчера написал бы письмо, сегодня дошло бы“...

dācəutəāle kwijkatəigā „если устанете, садитесь“...

čibutādil qume waɣle dačilalde „если пошел бы дождь, был бы хороший урожай“...

itəij bikəaxəat du wašilla „если ты хочешь, я пойду“...

itəij bikəaxəatəidil wače bāqij uxilalde „если бы ты захотел, смог бы сделать работу“...

wače biqul uxutəe, qiliw uže „если делаешь работу, останься дома“...

wače bāqible uxutəe, tasabaqa „если сделал работу, покажи“...

wače bāqilal uxutəe, čəawal tēsače „если ты одедаеш (собираешься сделать) работу, завтра зайди ко мне“...

udil wače taman bāqible uxutəidil, niseiçila šəate saq'ij ažilalde „если ты закончил бы работу, можно было бы пойти с нами гулять“.

Органические условные формы прошедшего времени (условно-ирреальные формы) могут выступать в значении категорического пожелания:

içəe bāqa uqummutil bāqitəidil „когда тебе говорил — сделай, сделал бы“

wiwkateilžij abikəaxəandil waxtližib waɣ'ādil „если не хотел остаться, уехал бы во время“...

atəaj ka kabžitəidil çum ukākiqij „написал бы отцу письмо, чтобы не беспокоился“...

müle busib wiq'ādil, abikəaxəan „если не хотел, молчал бы, держа язык за зубами“ (досл. „держая рот“).

§ 84. Сослагательное наклонение образуется подобно формам будущего времени, основа та же, лишь вспомогательный глагол стоит в прошедшем времени:

bāqilal-de „сделал бы“, bilšəilal-de „сварил бы“, wibčilal-de „умер бы“.

Вспомогательный глагол sab „есть“ в прошедшем времени не спрягается по лицам, поэтому и формы сослагательного наклонения не изменяются по лицам:

galdil ka kabžilalde, kabžij baqaxəandil „мальчик написал бы письмо, если бы умел писать“

u aq̄wle uq̄ilalde, aq̄wlicəe wənwiduqunne uxutəidil „тебя унесла бы река, если бы ты вошел в реку“

nusəad uškəula taman bāqilalde, duçij waxt lipəuxādil „мы закончили бы школу, если было бы время учиться“.

Кроме того, для 1-го лица имеются другие формы сослагательного наклонения со своеобразным оттенком значения. В переходных глаголах такие формы отличаются от органических форм условного наклонения 1-го лица ед. числа будущего времени местом ударения: в сослагательных формах ударение падает на тематический гласный, в условных формах — на гласный первого слога:

bāqille „сделал бы“, batille „оставил бы“
срв. bāqille „если сделаю“, bātille „если оставлю“
buṭille „разделил бы“, bisille „продал бы“
срв. buṭille „если разделю“, bisille „если продам“.

В глаголах с направительными превербами различие в ударении не отмечается:

kabžille „написал бы“ || „если напишу“
haçəille „дал бы“ || „если дам“
kabilçille „прочел бы“ || „если прочту“.

В непереходных глаголах такие формы сослагательного наклонения отличаются от органических условных форм 1-го лица

ед. числа будущего времени тематическим гласным: i представлен в формах сослагательного наклонения, u- в формах условного наклонения:

wibç-i-l-le „умер бы“, срв. wibk-u-l-le „если умру“
wimd-i-l-le „убежал бы“, срв. wimd-u-l-le „если убегу“
wis-i-l-le „плакал бы“, срв. wis-u-l-le „если буду плакать“
wiq-i-l-le „работал бы“, срв. wiq-u-l-le „если буду работать“

ižimat du wibçille, wibçij āgaxandil „ради тебя я умер бы, если можно было бы умереть“...

срв. du wibçilalde dūxtur liwawxādil „я умер бы, если бы не было врача“.

§ 85. В кубачинском диалекте имеются еще модальные формы, выражающие *возможность, вероятность, долженствование*. Образуются эти формы при помощи вспомогательных глаголов.

§ 86. Формы возможности. Инфинитив спрягаемого глагола со вспомогательным глаголом lib „есть“, „имеется“ выражает возможность совершения действия:

bāqij lib „возможно, сделает“, досл. „сделать есть“
wašij lib „возможно, уедет“, досл. „уехать есть“
ataadil ūče asəij lib „отец, возможно, купит лошадь“
ijal čibutij lib „быть может, сегодня пойдет дождь“
čəawal bēgwala kabačij lib завтра, быть может, будет солнечная погода“.

Если вспомогательный глагол lib „есть“, „имеется“ при инфинитиве употребить в прошедшем времени, то все выражение получает значение возможности совершения действия в прошлом:

bāqij libde „возможно, сделал бы“, досл. „сделать было“
idišəuw uxutəidil itəij wa xle buxij libde „если бы ты был у него, быть может, тебе было бы хорошо“.

§ 87. Инфинитив со вспомогательным глаголом sab „есть“ в третьем лице выражает *долженствование, обязательство* совершения действия:

bāqij sab „должен сделать“, досл. „сделать есть“
kabilčij sab „должен прочесть“, досл. „прочесть есть“
čəawal bēgwala kabaqāle dičəila dičəana wišsaq'ij sab „если завтра будет солнце, ты со мной должен будешь пойти в лес“...

ila qəulluq agāle dam kəiniškəa asəij sab „если выйдет твое дело, мне книгу купишь“ (досл. „книгу купить есть“).

§ 88. *Предположение, вероятность* совершения действия или события выражается посредством вспомогательного глагола buxij „быть“, „сделаться“ при различных глагольных или именных формах. Сам вспомогательный глагол может выступать также в различных формах:

kaluçunne uxij „быть может, читает“...

wače biqul uxij „быть может, делает работу“...

ix'təe bukunne buxij tama-hama čidakəwa „они, видимо, кушают, голосов не слышно“...

dənildil ūče bīsul uxij, bazarriže bəkaj „видимо, сосед продает лошадь, повел на базар“...

dēčəible uxij, təart wiqəulsaw „вероятно, вытис, шатается“...

icəul buxij, uhla tamne sad „вероятно, больны, слышно как стонут“...

nāq'taq' bukul sab, čibutij buxij „руку ломит, вероятно, к дождю“.

§ 89. *Каузатив*. В образовании каузативных форм и в самой конструкции каузативного предложения в кубачинском диалекте имеются различия от других даргинских диалектов.

Каузатив или „понудительный залог“, по П. К. Услару, в урахинском диалекте образуется постоянно через присоединение к глагольному корню окончания iqi s¹. При этом в урахинском диалекте аспект глагола не влияет на принцип образования каузатива:

bilkwis „написать“, bilkw-iqis „заставить написать“

lukis „писать“, luk-iqis „заставлять писать“².

Уркарахский диалект в образовании каузатива не отличается от урахинского:

barqis „сделать“, barqiqis „заставить сделать“

birqis „делать“, birqiqis „заставлять делать“.

В кубачинском диалекте каузативные формы в длительном и недлительном виде образуются неодинаково:

¹ П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 204.

² См. там же, стр. 205.

bāqij „сделать“, bāq-aqij „заставить сделать“
 bīqij „делать“, bīqij-qij „заставить делать“
 kabilçij „прочесть“, kabilç-aqij „заставить прочесть“
 kaluçij „читать“, kaluçij-qij „заставить читать“.

Каузативные формы в кубачинском диалекте образуются при помощи глагола aqij „преодолеть“ (в недлит. виде), iqiј „преодолевать“ (в длит. виде)¹.

При образовании каузативной формы в глаголах недлит. вида изменение претерпевает спрягаемый глагол: он утрачивает суффиксальную часть, и к основе, оканчивающейся на корневой согласный, присоединяется глагол aqij в полной форме:

baχ-w-aqij (← baχ-wij-aqij) „заставить засеять“,
 срв. baχ-wij „засеять“, aqij „преодолеть“
 bis-aqij „заставить продать“, от bisij „продать“.

В глаголах длит. вида спрягаемый глагол сохраняет форму инфинитива, вспомогательный глагол, присоединяясь к форме инфинитива, утрачивает начальный гласный i:

balx-wij-qij (← balx-wij-iqij) „заставить сеять“,
 срв. balx-wij „сеять“, iqiј „преодолевать“;
 bisij-qij „заставить продавать“, от bisij „продать“.

Образование каузатива в кубачинском в принципе аналогично аварскому языку, где в качестве вспомогательного глагола употребляется глагол habize „делать“ (при присоединении к спрягаемому глаголу вспомогательный глагол и сам спрягаемый глагол претерпевают фонетические изменения):

habizabize (← habize-habize) „заставить делать“².

При спряжении каузативных форм спрягается вспомогательный глагол. Поскольку вспомогательный глагол aqij „преодолеть“ относится к I спряжению, то и каузативные формы глаголов спрягаются по типу глаголов I спряжения, за исключением кау-

¹ Сам вспомогательный глагол имеет самостоятельное употребление:

xəwalle x'əune aqad „большой путь преодолел“.

hūqe aqij xəwalle waχt biçse „чтобы преодолеть горы, понадобится много времени“.

² См. П. К. Услар, Аварский язык, стр. 199. В даргинском языке в речи аула Чирах вспомогательный глагол в каузативной форме выступает в форме baqij: baqre-baqij „заставить сделать“.

зативных форм деепричастий глаголов II спряжения, которые имеют суффиксы глаголов II спряжения:

дееприч. наст. вр. balx-un „засеивая“, срв. каузат. форма balx-wij-q-un „заставлял засеивать“;
 дееприч. прош. вр. baχ-un „засеивая“, срв. каузат. форма baχ-w-aq-un „заставив засеивать“;
 срв. дееприч. вспом. глагола: наст. вр. iqu „преодолевая“,
 прош. вр. aqib „преодолев“.

Спряжение глагола в каузативной форме сравнительно с обычным спряжением:

глагол I спряжения (3-е л.)		срв. вспом. глагол
basij „расплавить“,	кауз. ф. baç-aqij	aqij „преодолеть“
	„заставить расплавить“	
biciј „плавить“	biciј-qij	iqij „преодолевать“
Деепр. наст. вр.	biçul	biciј-qul
Деепр. прош. вр.	baçib	baç-aqib
Наст. конкр. вр.	biçul-saw	biciј-qul-saw
Прош. результ. вр.	baçib-li-saw	baç-aqib-li-saw
Наст. общ. вр.	biçu	biciј-qu
Прош. сов. вр.	baçaj	baç-aqaj
Прош. несов. вр.	biçaj	biciј-qaj
Буд. вр. (1-е л.)	baçila	baç-aqila

глагол II спряжения

	basij „вспахать“, кауз. ф. bas-aqij	„заставить вспахать“
	balsij „пахать“	balsij-qij
Деепр. наст. вр.	balsun	balsij-qun
Деепр. прош. вр.	basun	bas-aqun
Наст. конкр. вр.	balsunni-saw	balsij-qunni-saw
Прош. результ. вр.	basunni-saw	bas-aqunni-saw
Наст. общ. вр.	balsan	balsij-qu
Прош. сов. вр.	basin	bas-aqaj
Прош. несов. вр.	balsin	balsij-qaj
Буд. вр. (1-е л.)	basila	bas-aqila

Спряжение каузативных форм глаголов II спряжения подчинено спряжению глаголов I спряжения (вспомогательный глагол, при помощи которого образуются каузативные формы, относится к I спряжению), за исключением деепричастных и образуемых

от них аналитических форм, имеющих суффиксы глаголов II спряжения.

Каузативная конструкция в кубачинском диалекте отличается от других диалектов по падежу реального субъекта, выступающего в роли орудия действия вербального субъекта. В кубачинском реальный субъект при переходном глаголе в каузативной конструкции ставится в эргативном падеже, в других диалектах, а также в аштинском говоре кубачинского диалекта, — в послеложном падеже. При непереходном глаголе реальный субъект в каузативной конструкции стоит в именительном падеже.

atʰadil galdil ʔa kabizijqulsaw „отец заставляет сына писать письмо“.

Субъект переходного глагола atʰadil „отец“ стоит в эргативе, орудие действия вербального субъекта galdil „сын“ также стоит в эргативе.

Срв. atʰadil gal uʔijqunnisaw „отец заставляет сына учиться“ (дает возможность сыну учиться)...

dēnildil ustadil ʔal biqijqulsaw „сосед заставляет мастера строить дом“...

abadil gal wilsʰaʔaj „мать усыпила сына (заставила уснуть)“.

Каузативная конструкция аштинского говора строится по типу каузативных конструкций других даргинских диалектов (урахинского, уркарахского...):

dil gallicʰi ʔaʔaj kabiziqanda atʰaj „я заставлю мальчика написать отцу письмо“.

Субъект переходного глагола dil „я“ стоит в эргативе, реальный субъект — в направительном падеже: gallicʰi (от gal „мальчик“).

Срв. подобные конструкции в других диалектах: урахинск. диал.: nuni ʔaʔar bilqunna hitizi „я заставил его написать письмо“¹.

Это же предложение в уркарахском диалекте: nuni ʔaʔar belqunna heticʰi.

Субъект переходного глагола nuni „я“ — в эргативе, реальный субъект — в послеложном падеже hitizi (или heticʰi).

¹ См. П. К. Усгар, Хуркилинский язык, стр. 206.

В аварском языке представлена в принципе аналогичная картина: dīca habizabila dosda healfi „я заставлю его делать работу“¹.

Субъект глагола dīca „я“ — в эргативе, реальный субъект dosda („его“) — в местном падеже.

Падеж реального субъекта, выступающего в роли орудия действия, вербального субъекта, в каузативной конструкции в кубачинском диалекте (исключая аштинский говор) не отличается от падежа реального субъекта в обычной некаузативной конструкции (оба субъекта в каузативе переходных глаголов ставятся в эргативе).

§ 90. Деепричастие. Общим суффиксом деепричастия в даргинском языке является -li. Однако в кубачинском, где деепричастные формы претерпели значительные изменения, суффикс -le в ряде глаголов вовсе не представлен, в ряде глаголов представлен, но с утратой исходного гласного.

Деепричастия настоящего времени образуются от основы длительного вида, деепричастия прошедшего времени — от основы недлительного вида. Переходность глагола в деепричастных формах не отражена.

В глаголах I спряжения деепричастие настоящего времени имеет суффикс деепричастия -l, утративший исходный гласный, тематическим гласным является u:

biq-u-l „делая“, срв. урах. диал. birq-u-li
ubq-u-l „умирая“ „ „ „ ubq-u-li
isʰ-u-l „покупая“ „ „ „ is-u-li.

Деепричастие прошедшего времени глаголов I спряжения образуется посредством суффикса -ib:

bāq-ib „сделав“, wibç-ib „умерев“.

Однако, элемент -ib не является собственно суффиксом деепричастия. Аналогичные формы в других диалектах, в частности, в урахинском диалекте, являются формами 3-го лица прошедшего совершенного времени, от которых образуется деепричастие посредством суффикса -li:

урах. диал. baq-i-li (← baq-ib-li) „сделав“,
срв. 3-е л. прош. сов. вр. baq-ib „сделал“.

Бывшие формы 3-го лица прошедшего совершенного времени глаголов I спряжения в кубачинском ныне выступают в ка-

¹ См. П. К. Усгар, Аварский язык, стр. 199.

честве деепричастных форм прошедшего времени. Формы 3-го лица прошедшего времени в кубачинском отличаются от соответствующих форм других диалектов, они имеют иные окончания, различая переходность и непереходность:

bāq-aj „сделал“, срв. урах. диал. barq-ib
wibç-e „умер“ „ webk-ib.

Поскольку основа деепричастия прошедшего времени глаголов I спряжения в кубачинском диалекте отличается от формы прошедшего совершенного времени и выступает в качестве самостоятельной деепричастной формы, то надобность в суффиксе деепричастия -le отпадает и он может утратиться без ущерба для значения деепричастия. Однако, в аналитической форме прошедшего совершенного времени, образуемого от деепричастия прошедшего времени, суффикс деепричастия -le восстанавливается: bāqib-li-saw „сделал“ (он), wibçib-li-saw¹ „умер“.

Аналогично этому, деепричастие глаголов II спряжения также утратило окончание, при чем в обоих временах:

bilx-un „завязывая“, biх-un „завязав“
kaluç-un „читая“, kabilç-un „прочитав“.

Деепричастные формы настоящего и прошедшего времени имеют одинаковый суффикс -un, отличаясь между собою лишь аспектом (в деепричастии настоящего времени—основа длительного вида, в деепричастии прошедшего времени—основа недлительного вида).

Срв. урахинское окончание деепричастия в соответствующих глаголах: -uj ← u-i ← u-un-i ← un-ni ← un-li.

Дееприч. прош. вр. bilhuj ← bilhui ← bilhun-ni ← bilhun-li „зарезав“, срв. 3-е лицо прош. сов. вр. bilh-un „зарезал“.

В кубачинском диалекте: дееприч. прош. вр. bilx-un „зарезав“, срв. 3-е л. прош. сов. вр. bilxw-in „зарезал“.

Суффикс деепричастия -li, утраченный в деепричастных формах глаголов II спряжения, также восстанавливается в аналитических формах, образуемых от деепричастий:

¹ Мы выше отметили, что в устах младшего поколения суффикс -li и в таких формах подвергается утрате.

наст. конкр. вр. kaluçun-ni-da (← kaluçun-li-da) „читаю“
прош. результ. вр. kabilçun-ni-da (← kabilçun-li-da) „прочитал“.

В глаголах III спряжения в деепричастиях настоящего и прошедшего времени выступает суффикс деепричастия с утратой исходного гласного i:

деепр. наст. вр. bāt-n-l „оставляя“
деепр. прош. вр. bat-ū-l „оставив“
деепр. наст. вр. umd-u-l (от umdij „бежать“)
деепр. прош. вр. wimd-ū-l „убежав“.

Тематическим гласным является u, причем долгота тематического гласного в деепричастии прошедшего времени—возмостительная—результат утраты последующего r: bat-ū-l (← bat-ur-li) „оставив“; срв. урах. диал. batulli (← batnr-li) „оставив“.

В других диалектах основа деепричастия прошедшего времени и в данном случае является формой 3-го лица прошедшего совершенного времени. В кубачинском диалекте форма 3-го лица прошедшего совершенного времени ныне отличается от основы деепричастия прошедшего времени:

деепр. прош. вр. bat-ū-l „оставив“
3-е л. прош. вр. bat-ij „оставил“.

В деепричастии прошедшего времени в глаголах III спряжения сохранился суффикс деепричастия -l ввиду утраты г в основе деепричастия.

Таким образом, в кубачинском деепричастные формы в настоящее время образуются путем присоединения к основе глагола (оканчивающейся на корневой согласный) следующих элементов:

деепр. наст. вр.	деепр. прош. вр.
I спряж. -u-l	-ib
II спряж. -un	-un
III спряж. -u-l	-ū-l (←-ur-l).

В этих элементах собственно суффиксом деепричастия является l (←-li), утративший исходный гласный.

Деепричастные формы в кубачинском, как и вообще в даргинском языке, распространены.

Примеры употребления деепричастных форм:

jūsə laquj kərt bīqu ul kēžiblisaj „девушка сидит, *качая*
люльку“
laquj kərt bāqib jūsə jidažij „девушка ушла, *покачивая*
люльку“
gal kəniškəa kaluɕun wiḏəgaj „мальчик идет, *читая* книгу“
kəniškəa kabilɕun wiḏažij „ушел, *прочитав* книгу“
gule dars bāxul kabžiblisab „мальчики сидят и *учат* урок“
dars baxul gule bidažij „*выучив* урок, мальчики ушли“.

§ 91. Причастие. Причастия кубачинского диалекта образуются от основ деепричастий, от формы будущего времени I лица и от инфинитива. Причастия могут быть настоящего, прошедшего и будущего времени; причастия же, образованные от инфинитива, не имеют временного значения:

прич. наст. вр. bīqu-ziw „делающий“, срв. bīqu „делаю“

прич. прош. вр. bāqib-ziw „сделавший“, срв. bāqib „сделав“

прич. буд. вр. bāqila-ziw „тот, который должен сделать“, срв. bāqila „сделаю“

прич. вневременное (неопределенное) bāqij-ziw „тот, который сможет сделать, способен сделать“, срв. bāqij „сделать“

bēšəj-zib „то, что можно выпить“, „пригодное для питья“ (bēšəj выпить“);

прич. наст. вр. kaluɕun-ziw „читающий“, срв. kaluɕun „читаю“

прич. прош. вр. kabilɕun-ziw „прочитавший“ срв. kabilɕun „прочитав“...

прич. буд. вр. kabilɕila-ziw „тот, который прочтет“, срв. kabilɕila „прочту“...

прич. неопред. kabilɕij-ziw „тот, который прочтет“ (сможет прочесть, способен, чтобы прочесть, справится с чтением), срв. kabilɕij „прочесть“.

Суффиксы причастий кубачинского диалекта, как отмечалось выше, имеют классные показатели, вследствие чего причастие, образованное от переходных глаголов, имеющих классные показатели, является полиперсональным. Этим причастие кубачинского диалекта отличается от причастия других даргинских диалектов, в которых оно моноперсонально (т. к. суффиксы причастия не имеют классных показателей), но сближается с причастием аварского языка, где причастие от переходных глаголов также полиперсонально.

Кубачинское причастие, подобно прилагательному, согласуется с определяемым им существительным в грамматическом классе и числе:

b-ax'un-zi-b qu „засеваемое поле“
d-ax'un-žu-d qime „засеваемые поля“.

Подобно переходным глаголам (см. выше, стр. 153), также и причастия от переходных глаголов могут иметь содержание действительного или страдательного залога в зависимости от того, с чем согласуется классный показатель в суффиксе. Если классный показатель в суффиксе указывает на реальный субъект, а префикс — на реальный объект, причастие имеет содержание действительного залога, если же классные показатели в суффиксе и префиксе согласуются с реальным объектом, причастие имеет содержание страдательного залога¹:

waše b-īqu-zi-w usta „мастер, *делающий* работу“,
срв. b-īqu-zi-b waše „*делаемая* работа“.

Основа причастия нейтральна по отношению к категории залога.

Срв. уркар. диал. həanči b-irqu-ci usta „мастер, *делающий* работу“,

b-irqu-ci həanči „*делаемая* работа“.

Причастие bīquci означает „*делающий*“ и „*делаемая*“, т. е. одна и та же форма причастия может выражать и действительное и страдательное значение, не являясь ни действительным, ни страдательным.

В кубачинском диалекте основа в причастиях b-īqu-zi-w „делающий“ и b-īqu-zi-b „делаемая“ одна и та же, однако в одном случае причастие носит действительный, в другом — страдательный характер: классные показатели в префиксе и суффиксе использованы для дифференциации содержания действительного и страдательного залогов². В других даргинских диалектах такой возможности дифференциации содержания залога

¹ См. Арн. Чикобава, К вопросу о полиперсонализме в аварском языке в связи с проблемой эргативной конструкции, Известия ИЯИМК, X, Тбилиси, 1941, стр. 69.

² См. наше: К вопросу о категории залога в кубачинском диалекте даргинского языка, Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, IV, Москва, 1953.

в причастии не представляется, поскольку в суффиксе причастий нет классного показателя.

Изменение классного показателя в префиксе или суффиксе может изменить содержание причастия в отношении залога: оно может стать то действительным, то страдательным, при этом основа причастия не изменяется, оставаясь нейтральной по отношению к категории залога. А „нейтральная основа“ означает, что действительный и страдательный залогов друг другу не противопоставляются¹.

Кубачинское полиперсональное причастие вполне аналогично аварскому полиперсональному причастию.

Кубачинское причастие переходного глагола при изменении грамматического класса объекта и субъекта, а также числа дает следующую картину (причастие наст. времени от переходного глагола *bisij* „продать“):

реальный объект — III кл., ед. ч., изменяется грам. класс и число субъекта:

b-ĩsu-si-w „продающий“

b-ĩsu-zi-j „продающая“

b-ĩsu-zi-b „продающее“ (|| „продаваемое“, если классный показатель в суффиксе указывает на реальный объект)

b-ĩsu-žu-b „продающие“ (субъект — 3-е л. I и II кл.)

b-ĩsu-žu-d „продающие“ (субъект — III кл., а также 1 и 2 л. I и II кл.);

реальный объект — II кл., ед. ч.:

j-ĩsu-zi-w „продающий“

j-ĩsu-zi-j „продающая“ (|| „продаваемая“, если клас. показ. в суффиксе указывает на реальный объект)

j-ĩsu-zi-b „продающее“ (субъект III кл., ед. ч.)

j-ĩsu-žu-b „продающие“

j-ĩsu-žu-d „продающие“;

реальный объект — I кл., ед. ч.:

w-ĩsu-zi-w „продающий“ (|| „продаваемый“, если клас. показ. в суффиксе указывает на реальный объект)

w-ĩsu-zi-j „продающая“

w-ĩsu-zi-b „продающее“

w-ĩsu-žu-b „продающие“

w-ĩsu-žu-d „продающие“;

реальный объект — мн. ч. (III кл., а также 1 и 2 л. I и II кл.):

d-ĩsu-zi-w „продающий“

d-ĩsu-zi-j „продающая“

d-ĩsu-zi-b „продающее“

d-ĩsu-žu-b „продающие“

d-ĩsu-žu-d „продающие“ (|| „продаваемые“, если клас. показ. в суффиксе указывает на реальный объект).

При объекте мн. числа относительно 1-го и 2-го л. I и II кл. будем иметь те же формы причастий, что и при объекте III класса ед. числа.

Таким образом, причастие переходного глагола в кубачинском диалекте образует 20 различающихся по грамматическим классам форм. Те формы причастий, где классные показатели в префиксе и суффиксе одни и те же, могут иметь содержание как действительного, так и страдательного залога.

Соответственно в аварском языке, где во множ. числе классы не различаются, представлено 16 различных форм двухклассного причастия¹.

В причастиях, образованных от непереходных глаголов, классные показатели в префиксе и суффиксе согласуются с субъектом:

w-ax^h-u-ziw *adame* „идущий человек“

j-ax^h-u-zi-j *x^honul* „идущая женщина“

b-ax^h-u-zi-b *ũce* „идущая лошадь“

b-ax^h-u-žu-b *gule* „идущие мальчики“

d-ax^h-u-žu-d *use* „идущие быки“.

Изменение грамматического класса субъекта отразилось как в префиксе, так и в суффиксе. Во мн. числе вместе с классным показателем изменяется и суффикс причастия.

Причастие склоняется аналогично прилагательному.

Причастие в атрибутивной функции:

Им. *widaġuziw adame* „идущий человек“

Эрг. „ *adami-l-di-l*

¹ См. Арн. Чикобава, К вопросу о полиперсонализме в аварском языке в связи с проблемой эргативной конструкции, Известия ИЯИМК, X, 1941, стр. 69.

Дат. widāguziw adami-li-j

Род. „ adami-lla

Им. bidāgužub adamte „идущие люди“

Эр. „ adamta-d-di-l

Дат. „ adamta-ddi-j

Род. „ adamta-lla.

Самостоятельно употребленное причастие:

Им. widāgu-ziw „идуший“, bidāgu-žub „идущие“

Эрг. widāgu-ziw-li-di-l bidāgu-žub-li-di-l

Дат. widāgu-ziw-li-j bidāgu-žub-li-j

Род. widāgu-ziw-la bidāgu-žub-la.

В эргативе суффикс -di-l может выступать факультативно так же, как и в именах существительных.

§ 92. Отрицательные формы. Образование отрицательных форм в кубачинском диалекте имеет ряд особенностей, не встречающихся в других даргинских диалектах. Отрицательные частицы в диалектах даргинского языка различны: в урахинском диалекте -ahə, в уркахарском -həa, в акушинском -həe, в цудахарском диалекте и в ряде других говоров (аулы Бутри, Дуакар, Амух...) — -wa. Соответствующей отрицательной частицей в кубачинском диалекте служит a.

1 л. du a-da „я не есмь“, срв. утв. ф. du da
2 л. u a-de „ты не человек“ u de
3 л. id a-saw¹ id saw

du qubcəara a-da „я не крестьянин“
u insan a-de „ты не человек“
id ūcə a-sab „то — не лошадь“.

При другом вспомогательном глаголе lib „есть“, „имеется“ (в значении наличия, обладания) отрицательная форма в кубачинском образуется посредством отрицания akəwa: lib-akəwa „нет“.

dila aba lij-akəwa „у меня нет матери“
galla atəa tiw-akəwa „у мальчика нет отца“.

¹ См. Л. И. Жирков, Язык аула Кубачи, Ученые записки... I, Москва, 1930, стр. 276; см. также наше: Отрицание в кубачинском диалекте даргинского языка, Языки Дагестана, II, Махачкала, 1954, стр. 170.

1 л. du li-w-akəwid „меня нет“, мн. ч. nusəa lid-akəwidā
2 л. u li-w-akəwitəe „тебя нет“ ušəa lid-akəwitəa
3 л. id li-w-akəwa „его нет“ itəe lib-akəwa.

Частица ahə в урахинском диалекте получена от отрицательной формы вспомогательного глагола, спрягающегося по лицам:

1 л. nu ahəinna „я не есмь“, „əg ərə zərə“
2 л. həu ahəinni „ты не еси“, „əgə ərə bərə“
3 л. hit ahəin¹ „он не есть“, „ob ər ərəb“.

В уркахарском, хайдакском диалектах отрицательные формы вспомогательного глагола образуются отлично от урахинского диалекта — иным отрицанием:

уркар. диал.	хайдак. диал.
1 л. nu akəwasi	du akəwadi „я не есмь“
2 л. həu akəwatəi	i akəwatəi
3 л. het akəu	it akəu.

В урахинском диалекте „отрицательные формы глагола liwga не имеют ничего общего с положительными и образуются из глагола agwis „не быть“²:

1 л. nu agus, срв. утв. ф. nu liwga „я нахожусь“
2 л. həu agud həu liwri
3 л. hit agu hit liw.

В уркахарском диалекте отрицательные формы обоих вспомогательных глаголов образуются одним отрицанием:

het adimi akəu „он не человек“
hešew adimi liw-akəu „здесь нет человека“.

В урахинском диалекте вспомогательные глаголы употребляют разные отрицания:

hit adimi ahəin „он не человек“
hišew adimi agu „здесь нет человека“.

Соответственно в кубачинском диалекте для вспомогательных глаголов имеются два отрицательных элемента: a и akəwa:

id adame a-saw „он не человек“
jāniw adame liw-akəwa „здесь нет человека“.

¹ См. П. К. Услар, Хуркилинский язык, Тифлис, 1892, § 67, стр. 75.

² Там же, стр. 80.

Отрицательный глагол *agwis* „не быть“ в урахинском, по П. К. Услару, „имеет все формы полного спряжения“¹. В кубачинском диалекте отрицание *akəwa*, вероятно, также получено от самостоятельного слова, но оно не сохранило полных форм спряжения, нет и формы инфинитива. Однако, какое-то самостоятельное значение сохранили отрицательные формы причастия и деепричастия: *akəwā-zib* „не сущее“, *akəwā-l* „не будучи“.

akəwāzib asab „возможно“, досл. „не сущее не есть“
и *akəwāl sēču bāqij uxēllada* „без тебя (досл. „ты не будучи“) ничего не смогу сделать“.

Форманты отрицания в кубачинском диалекте встречаются в различных позициях: в начале, внутри и в конце слова.

В диалектах даргинского языка при образовании отрицательных форм может иметь место удвоение основы глагола, причем в кубачинском это удвоение развито в значительно большей степени, чем в каком-либо другом даргинском диалекте. П. К. Услар, например, для урахинского диалекта отмечает, что „отрицательный слог *ahə* нередко вставляется посреди дважды повторенного корня глагола, что, впрочем, не имеет никакого влияния на значение“².

Удвоение корня (или удвоение основы, т. е. в урахинском удваивается основа глагола вместе с префиксом, классным показателем) при отрицании П. Услар отмечает, как возможное параллельное употребление. В кубачинском, если отрицательная форма образована с одновременным удвоением глагольной основы, то параллельно с ней нет другой формы, образованной одним только отрицательным формантом без удвоения основы.

В уркарахском диалекте, например, возможно употребление двух форм: *həa-baqibda* „не сделал“ и *baq-həa-baqibda* с тем же значением „не сделал“; срв. утвердительную форму: *baqibda* „сделал“.

В кубачинском возможна только одна форма: *bāq-ā-qađ* „не сделал“ от утвердительной формы *bāqađ* „сделал“.

В приведенных для сравнения уркарахских отрицательных формах *həa-baqibda* и *baq-həa-baqibda* „не сделал“ не возникает вопроса, чем выражено в них отрицание, так как ясно

¹ П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 80.

² Там же, стр. 148.

выступает отрицательная частица *həa* — в одном случае предшествуя основе (префигируясь), в другом случае находясь между удвоенной основой.

Кубачинские отрицательные формы с удвоением основы являются дальнейшей ступенью развития отрицательных форм с удвоением глагольных основ типа уркарахского *baq-həa-baqibda* „не сделал“. Отрицательная частица *a* в кубачинских отрицательных формах вместе с основой глагола претерпела фонетические изменения и уже не воспринимается в функции отрицательной частицы. Удвоение глагольных основ воспринимается ныне как способ образования отрицательных форм. Однако, о наличии отрицательной частицы *a* между удваивающейся глагольной основой свидетельствует запретительная форма, где при аналогичном удвоении глагольной основы между удвоенной основой выступает запретительная частица *ma*: *buk-ma-kat* „не ешь!“ (*bukin* „кушай!“), *buč-ma-čəit* „не пей!“ (*bučəa* „пей!“), *bīq-mə-q-it* „не делай!“ (*bīqa* „делай!“).

Удвоение глагольной основы при образовании отрицательных форм в кубачинском диалекте наблюдается в ряде глагольных форм: в инфинитиве, отглагольном имени действия, в органических формах прошедшего и настоящего времен, в причастиях и деепричастиях настоящего времени и в формах условного наклонения. Без удвоения основы образуются отрицательные формы настоящего конкретного и будущего времен, причастия и деепричастия прошедшего времени, причастия будущего времени.

Отрицательные формы инфинитива:

<i>bāqāqij</i> „не сделать“, срв. утв. ф.	<i>bāqij</i> „сделать“
<i>bīqēqij</i> „не делать“	<i>bīqij</i> „делать“
<i>batātij</i> „не оставить“	<i>batij</i> „оставить“
<i>bātātij</i> „не оставлять“	<i>bātij</i> „оставлять“
<i>basāsij</i> „не вспахать“	<i>basij</i> „вспахать“
<i>balsāsij</i> „не пахать“	<i>balsij</i> „пахать“
<i>bēcēcij</i> „не пожарить“	<i>bēcij</i> „пожарить“
<i>bučācij</i> „не жарить“	<i>bučij</i> „жарить“
<i>būqāqəij</i> „не выкопать“	<i>būqəij</i> „выкопать“
<i>uqāqəij</i> „не копать“	<i>uqəij</i> „копать“

bilšəšəij „не сварить“, срв. утв. ф. bilšəij „сварить“
lušəšəij „не варить“ lušəij „варить“.

Судя по примерам, гласным, стоящим между удвоенным корневым согласным в отрицательных формах, в зависимости от гласного основы, является ā или ē. Если в основе глагола представлен гласный переднего ряда (i или e), то в отрицательной форме имеем ē, если же в основе глагола выступает а или u, то в отрицательной форме имеем ā. При долгих гласных основы в образовании отрицательных форм различие не наблюдается, т. е. отрицательные формы образуются как и при соответствующих простых гласных основы.

По этому принципу образуются отрицательные формы в тематических формах, где представлено удвоение глагольной основы.

Прошедшее совершенное:

1 л. bāqāqad „не сделал“, срв. утв. ф. bāqad „сделал“	
2 л. bāqāqatəe	bāqatəe
3 л. bāqāqaj	bāqaj
bilšəšəin „не сварилось“	bilšəin „сварилось“
bax˘wāx˘win „не засеял“	bax˘win „засеял“.

Настоящее общее:

1 л. bīqēqid „не делаю“, срв. утв. ф. bīqid „делаю“	
2 л. bīqēqit „не делаешь“	bīqit „делаешь“
3 л. bīqēqu „не делает“	bīqu „делает“
lux˘əāx˘əan „не варится“	lux˘əan „варится“
balx˘wāx˘wan „не засеивает“	balx˘wan „засеивает“

Причастие наст. вр.

bīqēquziw „не делающий“, срв. bīquziw „делающий“	
nbkākuziw „не умирающий“	ubkuziw „умирающий“

Деепричастие наст. вр.

bīqēqu „не делаю“, срв. bīqu „делаю“	
ubkākul „не умираю“	ubkul „умираю“.

В аналитических формах глаголов отрицательные формы образуются посредством отрицательных форм вспомогательного глагола.

Настоящее конкретное время

1 л. bīqulāda (←bīquli-a-da) „не делаю“, срв. bīqul-da „делаю“	
2 л. bīqulāde „не делаешь“	bīqul-de „делаешь“
3 л. bīqulāsaw „не делает“	bīqul-saw „делает“
balx˘unnāda (←balx˘un-ni-a-da) „не сею“, срв. balx˘un-ni-da „сею“.	

Прошедшее результативное

1 л. bāqiblāda (←bāqib-li-a-da) „не сделал“, срв. bāqibli-da „сделал“	
2 л. bāqiblāde „не сделал“, срв. bāqibli-de „сделал“	
3 л. bāqiblāsaw „не сделал“, срв. bāqibli-saw „сделал“.	

Прошедшее несовершенное определенное

bīqulāde (←bīquli-a-de) „не делал“ (тогда), срв. bīqul-de „делал“	
balx˘unnāde (←dax˘un-ni-a-de) „не сеял“ (тогда), срв. balx˘un-nide „сеял“.	

Отрицательные формы будущего времени¹ в кубачинском образуются посредством суффикгирующегося отрицания akəwa².

bāqilakəwa (←bāqila-akəwa) „не сделаю“, срв. bāqila „сделаю“	
bax˘wilakəwa (←bax˘wila-akəwa) „не засею“, bax˘wila „засею“.	

Долгота гласного отрицания в отрицательных формах будущего времени вызвана слиянием двух а—исходного гласного утвердительной формы и начального гласного отрицания.

Посредством отрицания akəwa образуются отрицательные формы причастия прошедшего и будущего времен и деепричастия прошедшего времени:

bāqakəwāziw „не сделавший“, срв. bāqibziw „сделавший“	
bax˘wakəwāziw „не засеивший“	bax˘unziw „засеивший“.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени образуется при помощи причастной формы отрицания, которая присоединяется к основе глагола (оканчивающейся на корневой согласный).

Отрицательные формы причастия будущего времени образуются от будущего времени присоединением причастной формы отрицания:

¹ Имеется в виду форма собственно будущего времени относительно 1-го лица.

² См. Л. И. Жирков, Язык аула Кубачи, Ученые записки..., стр. 277.

bāqilāk>wāziw „тот, который не сделает“, срв. утв. ф.
 bāqila-ziw
 ha'ilāk>wāzib (←ha'ila-ak>wā-zib) „то, что не должно быть
 сказано“.

В отрицательных формах причастий будущего времени представлены два долгих гласных а; первый из них результат слияния исходного гласного формы будущего времени глагола с начальным гласным причастной формы отрицания, долгота второго гласного в самой причастной форме отрицания (ak>wāzib) является следствием утраты звука г; срв. в уркарахском диалекте ak>waril „не сущий“.

Отрицательное деепричастие прошедшего времени образуется посредством деепричастной формы отрицания ak>wāl, которая присоединяется к основе глагола:

bāqak>wāl „не сделал“, срв. bāqib „сделал“
 bax>wak>wāl „не засеяв“ bax>w „засеяв“.

Формы условного наклонения, употребляемые в значении будущего времени, образуют отрицательные значения посредством отрицательных форм вспомогательного глагола a-sab „не есть“ („^oo^oo^o“), при этом сам глагол претерпевает фонетические изменения:

bāqēllada „не сделаю“, срв. bāqilal-da „сделаю“
 bax>wēllasaw „не засеет“ bax>wilal-saw „засеет“
 bilš>ēllasaw „не сварит“ bilš>ilal-saw „сварит“.

§ 93. Наличие пространственного преверба в глаголе не оказывает влияния на образование отрицательных форм:

ši-dāqad „закрыл“, ši-dāqāqad „не закрыл“
 wij-bučad „подмел“, wij-bučācad „не подмел“.

Срв. глагол без преверба: dāqad „сделал“, dāqāqad „не сделал“.

Если глаголу предшествует направительный преверб, то при образовании отрицательных форм удвоения корня не происходит. Отрицание ставится между направительным превербом и простой формой глагола, т. е. отрицание префигурируется к простой форме глагола, не усложненной превербом:

sa-bayij „приехать“, отриц. ф. sadā-bayij „не приехать“
 ka-biš>ej „положить“ „ kadā-biš>ej „не положить“
 ha-biqij „воспитать“ „ hadā-biqij „не воспитать“
 bid-aqij „потерять“ „ bidā-daqij „не потерять“.

В тех случаях, когда отрицательные формы глагола образованы без удвоения основы (посредством отрицательных форм вспомогательного глагола), наличие направительного преверба не влияет на образование отрицательных форм.

Например, наст. конкр. вр. ka-biqulāda „не укладываю“ (срв. глагол без направительного преверба: biqulāda „не делаю“), ši-sa-biqulāda „не перелистываю“.

Будущ. вр. ka-bāqilāk>wa „не уложу“ (срв. bāqilāk>wa „не сделаю“), ši-sa-bāqilāk>wa „не перелистаю“.

Прош. результ. ka-bāqiblāsaw „не уложил“ (срв. bāqib-lāsaw „не сделал“), ši-sa-bāqiblāsaw „не перелистал“.

Аналитические отрицательные формы беспревербного глагола и глагола с направительным превербом образованы одинаково.

В отрицательных органических формах глаголов, где беспревербные глаголы удваивают основу, при наличии направительного преверба удвоение основы глагола не имеет места, отрицание стоит между направительным превербом и простой формой глагола:

прош. сов. bāqad „сделал“ — bāqāqad „не сделал“
 срв. ka-bāqad „уложил“ — kadā-bāqad „не уложил“
 sa-q>ad „принес“ — sadā-q>ad „не принес“
 ha-kad „привел“ — hadā-kad „не привел“
 bidix>ad „уложил“ — bidādx>ad „не уложил“.

В урахинском диалекте отрицательная частица ah> предшествует простой форме глагола; если глаголу предшествует направительный преверб, отрицательная частица, по материалам П. К. Услара, предшествует направительному превербу: x'unul ah>x'a-ri'-ib „не женился“.

В акушинском диалекте при наличии направительного преверба отрицательная частица ставится между превербом и простой формой глагола:

ka-h>е-bi'es „не сесть“, срв. ka-bi'es „сесть“
 x'unul ka-h>е-ri'ib „не женился“, x'unul ka-ri'ib „женился“.

В хайдакском диалекте отрицательная частица а префигируется как в простой форме глагола, так и при наличии направительного преверба:

a-baribda „не сделал“, срв. baribda „сделал“
 a-ka-diŋu „не достигает“ ka-diŋu „достигает“
 a-ca-watəi „не пришел“ ca-watəi „пришел“.

halakli dax^hanti šin ug^hnaləci a-ka-diŋu i^hqwar „говорят, что быстро идущая вода до морей не доходит“.

В уркарахском диалекте в глаголах с направительными превербами отрицательная частица həa, так же как и в агушинском диалекте, стоит между превербом и простой формой глагола:

kat-həa-bix^həes „не положить“, срв. ka-bix^həes „положить“
 sat-həa-ba'ib „не приехал“ sa-ba'ib „приехал“
 čir-at-həa-səib „не снял (сверху)“ čir-a-səib „снял“
 bit-həa-bišəib „не положил“ bitišəib „положил“
 masəa sat-həa-đučib „овец не привел“, срв. masəa sađučib „овец привел“.

Направительные превербы в отрицательных формах в уркарахском имеют в исходе согласный: вместо sa-, ka-, a-, представленных в утвердительных формах, имеем sat-, kat-, at— в отрицательных формах; т. е. в отрицательных формах уркарахского диалекта направительные превербы выступают в таком виде, в каком представлены соответствующие послелогии в урахинском диалекте (с оглушением исходного согласного в уркарахском диалекте):

waçalizib-sad „из лесу сюда“,
 waçalizib-bit „из лесу туда“¹ и т. д.

Глагол bičəij „хотеть“, „любить“ образует отрицательную форму со значением „не хочу“, „не люблю“ посредством префигирования отрицательной частицы а: a-bičəe.

От глагола bačij „знать“ в кубачинском диалекте может быть образована обычным способом отрицательная форма: bačəčij „не знать“, которая, однако, мало употребительна. В значении „не знать“ употребляется самостоятельный глагол axəij², не

¹ См. П. К. Усгар, Хуркилинский язык, стр. 33.

² В уркарахском диалекте от глагола balhas „знаю“ при помощи отрицательной частицы образуется отрицательная форма həa-balhas „не знаю“. Здесь нет специального глагола, подобного кубачинскому глаголу axəij „не знать“.

изменяющийся в настоящем времени по лицам и числам (axəi „не знаю, не знаем“) так же, как и глагол bači „знаю“.

Глаголы bačij „знать“ и axəij „не знать“ образуют дативную конструкцию:

idij bači „он знает“ (idij—дат. п. „ему“)

idij axəi „он не знает“.

Отрицательные формы, образованные префигированием отрицательной частицы, надо полагать, первичны сравнительно с отрицательными формами, образованными суффиксацией¹. Отрицательным формам с удвоением основ предшествовали отрицательные формы, образованные префигированием отрицания.

§ 94. Запретительные формы. Принцип образования запретительных форм аналогичен принципу образования отрицательных форм: простые формы глаголов, т. е. глаголы, которым не предшествуют направительные превербы, при образовании запретительных форм удваивают основу и запретительная частица стоит между удвоенной основой. При наличии направительного преверба запретительная частица стоит между превербом и простой формой и при этом удвоение основы не имеет места.

Запретительные формы образуются от глаголов длительного вида:

	bīq-mē-qit	„не делай!“	bīq-mē-qitəā	„не делайте!“
срв.	bīqa	„делай, делайте!“		
	bāt-mā-tat	„не оставляй!“	bāt-mā-tatəā	„не оставляйте!“
срв.	batij	„оставь!“	batā	„оставьте!“
	buk-ma-kat	„не ешь!“	buk-ma-katəā	„не ешьте!“
срв.	bukin	„ешь!“	bukinā	„ешьте!“
	nč-ma-čət	„не учись!“	đuč-ma-čətəā	„не учитесь!“
срв.	nčin	„учись!“	đučinā	„учитесь!“
	balx ^h w-mā-x ^h wat	„не сей!“	balx ^h w-mā-x ^h watəā	„не сейте!“
срв.	bax ^h win	„засей!“	bax ^h winā	„засейте!“

¹ Срв. в абхазском языке, где в ряде глагольных форм отрицательный формант m может выступать в виде суффикса или в виде префикса. Отрицательные формы с префиксальным оформлением считаются более древними: см. К. В. Ломтатидзе, Тапантинский диалект абхазского языка, Тбилиси, 1944, стр. 160; ქ. ლომთათიძე, აბხაზური უარყოფითი ფორმების წარმოება აფხაზურ-აბხაზურ დიალექტებში, ივე, V, თბილისი, 1953.

Запретительные формы по отношению к 3-му лицу выражаются каузативными формами:

bīq-mē-qij-qit „пусть не делает!“ (заставь его не делать!)

срв. bīqij-qa „пусть делает!“

waš-ma-šij-qit „пусть не уходит!“ срв. wašijqa „пусть уходит!“

Глаголы с направительными провербами:

ka-mma-biṣait „не клади!“ ka-mma-biṣaitā „не кладите!“

срв. ka-bixʿa „положи!“ „положите!“

samma-qait „не приноси!“ срв. sa-qa „принеси!“

hamma-bulcat „не бери!“ срв. ha-balci „возьми!“

wimma-dulqat „не ходи (туда)!“ срв. widuqin „иди!“

В уркарахском диалекте в запретительных формах направительный проверб аналогично отрицательным формам выступает с исходным согласным:

kat-ma-biršait „не клади!“ срв. ka-bixʿa „положи!“

sat-ma-jsait „не бери!“ срв. sa-sa „возьми!“

В урахинском диалекте, по П. Услару, „запретительное образуется вообще присоединением слога *ma* ко 2-му лицу будущего времени... *irud — majrud, italhad — majtalhad, xʿalqad — maxʿalqad*“¹. Вместе с тем, П. Услар отмечает факты, когда „глаголы начинающиеся с *a* или *e*, впереди слога *ma*, приставляют еще слог *ad* для запретительного... *arçis „приподнимать“, marçud и ad-ma-rcud; elzis „вставлять“, melzad и ad-melzad*“...²

Слог *ad* это направительный проверб, указывающий направление снизу вверх, который в запретительной форме выступает с исходным *d* (*ad-*).

При наличии пространственного проверба запретительные формы образуются как и при беспровербных глаголах, т. е. с удвоением корня:

çi-bix-mē-xit „не ударяй!“ срв. çi-bēxa „ударь!“

wij-būč-mā-çit „не подмета́й!“ срв. wij-buča „подмети“.

Запретительной частицей служит *ma*, гласный которой может ассимилироваться под влиянием гласного основы глагола. Гласным запретительной частицы является *a*, если гласным основы

глагола является *a* или *u*: *wax-ma-xʿit* „не уходи!“ *buk-ma-kat* „не ешь!“ *lug-ma-gat* „не считай!“

Гласным запретительной частицы является долгий *ā*, если гласным основы является также долгий *ā* или *ū* или в том случае, если в основе глагола имеются два согласных, не считая префикса, классного показателя (гласным основы в этом случае является *a* или *u*):

bāt-mā-tat „не оставляй!“ *būč-mā-çit* „не гони!“ *jubk-mā-çit* „не умирай!“ *bušk-mā-kat* „не чини!“

Гласным запретительной частицы является *e*, если гласным основы глагола служит *i*:

biç-me-çit „не плавь (металл)!“ *wis-me-sout* „не плачь!“ *ikw-me-kəwit* „не сжигай!“

Гласным запретительной частицы является *ē*, если гласным основы служит *ī* или *i* — в последнем случае в основе глагола имеются два согласных: *biç-mē-çit* „не наполняй!“ *bīkw-mē-çit* „не зажигай!“ *bilx-mē-xat* „не завязывай!“.

Таким образом, в зависимости от гласного основы глагола запретительная частица может иметь формы: *ma, mā, me, mē* (исходным среди них является *ma*).

Запретительные формы желательного наклонения, проклятий и благожеланий образуются в принципе подобно запретительным формам повелительного наклонения. Запретительные формы от желательного наклонения могут быть образованы как от глаголов длительного вида, так и недлительного вида; формы проклятий и благожеланий обычно образуются от недлительного вида, их отрицания употребляются также в недлительном виде:

wibk-mē-kuḍ „пусть я не умру!“

wibk-mē-kuṭ „пусть ты не умрешь!“

wibk-mē-kaḅ „пусть он не умрет!“

bāq-mā-qab „пусть не сделает!“

bīq-mē-qab „пусть не делает!“

samma-qʿab „пусть не принесет!“

Запретительные формы проклятий и благожеланий:

wibk-mē-ki срв. утв. ф. *wibk!* от глагола *wibçij* „умереть“

baqw-ma-qw!

baqw!

baqwij „сломать“

bēç-mē-çi!

bēç!

bēçij „важарить“.

¹ П. К. Услар, Хуркилинский язык, стр. 196.

² Там же.

На повелительную форму отрицательный ответ может быть выражен в кубачинском не только отрицательной формой будущего времени, но и иной формой, образуемой с помощью частицы *ma*. Такая форма передает решительный и категорический отказ и образуется от формы настоящего общего времени, но только от 1-го лица (в обоих числах), т. е. от лица, непосредственно отвечающего на императивную форму. Частица *ma* в этом случае префигируется независимо от того, глагол простой формы или имеет направительный преверб. Императивная форма может быть образована от глагола в длительном или недлительном виде; форма, выражающая категорический отказ, — только в длительном виде:

bāqa „сделай!“ — *ma-bīqīd* „не сделаю!“

ma-bīqīdā „не сделаем!“

срв. *bāqilākəwa* „не сделаю“ — отрицательная форма будущего времени.

hakəa „дай!“ — *ma-halukəad* „не дам!“

kabga „напиши!“ — *ma-kabīzīd* „не напишу!“

wibče „умри!“ — *ma-ubkūd* „не умру!“

šin dēčəa „выпей воду!“ — *ma-đučəid* „не выпью!“

Таким образом, и в запретительных формах так же, как и в отрицательных, в кубачинском диалекте характерно удвоение основ при наличии и самой запретительной частицы. Удвоение основы глагола в отрицательных и запретительных формах явление вторичное, развившееся в качестве интенсификации выражения отрицания и запрещения.

§ 95. Вопросительные формы. Принцип образования вопросительных форм в кубачинском диалекте подобен принципу, описанному П. К. Усларом для урахинского диалекта¹. Вопросительные формы различаются в зависимости от того, выражен ли вопрос самим глаголом или другим словом в предложении, включает ли в себе недоумение и, наконец, заключен ли вопрос в вводном предложении.

1. Если вопрос выражается в самом глаголе, то к глагольной форме присоединяется вопросительная частица *j* (при исходе на гласный), либо *-i-j* (при исходе на согласный, где *i* является соединительным гласным):

¹ См. П. К. Услар, Хуркилинский язык, Тифлис, 1892, § 68, стр. 76.

u usəunnidi-j „ты спишь?, срв. утвердит. предложение: *u usəunnide* „ты спишь“
id qiliw tiw-i-j „он находится дома?“, срв. *id qiliw tiw* „он дома“
đudil kaŋučunnida-j „я читаю?“, срв. *đudil kalučunnida* „я читаю“
awačan çizib-i-j „рубаша новая?“, срв. *awačan çizib sab* „рубаша новая“.

В вопросительном предложении вспомогательный глагол настоящего времени опускается:

widāguziw adami-j „идуший человек?“, срв. утвердит. предл.: *widāguziw adame saw*.

В урахинском, уркарахском... диалектах в вопросительных формах на месте кубачинского *j* представлен *w*¹.

2. Если вопрос в предложении выражен вопросительным словом, вопросительная форма глагола образуется посредством частицы *n(u)*, присоединяющейся к положительной форме глагола:

id si sab-nu „что это?“, *id ča saw-nu* „кто это?“, *wače čidil bāqaj-nu* „кто сделал работу?“, *ušəa mūt dax'ulda-n(u)* „вы когда уезжаете?“, *kəiniškəa čij bikəatəi-n(u)* „книгу кому дал?“

В урахинском диалекте в данном случае вместо кубачинской частицы *-nu* к глаголу присоединяется *ā* (либо *e*, после *i*):

hit ča sajà „кто он такой?“ (срв. кубачинское: *id ča saw-nu*).

3. Если вопрос выражает недоумение, не требующее ответа, то к глаголу присоединяется частица *wā*, соответственно урахинскому *āga* (или *ēga* после *i*):

itəe bax'ul-wā „уезжают ли они?“, *ča-wā* (|| *ča saw-wā*) *id ulkəad* „кто же он, интересно?“, *itəub si tib-wā* „что же там есть?“, *jej wače đudil bāqij uxijda-wa* „смогу ли я сделать эту работу?“

4. Если вопрос заключен в вводном предложении, глагол принимает окончание *-il* (имея соединительный согласный *j*, при исходе слова на гласный):

axəu itəe ča sab-il (или: *ča-j-il*) „не знаю, кто они“

itəe bax'ul-il baqujij „они уезжают ли, знаешь?“

x'əjwaya, kəiniškəa galdil kabilçin-il „спроси, прочел ли мальчик книгу?“

¹ См. П. К. Услар, Хуркилинский язык, Тифлис, 1892, § 68, стр. 76.

dn šadaj-il ulhəaba „узнай, кто я“; срв. урах. диал. pu ša sajrəl wahaba „узнай, кто я“.

В урахинском диалекте, соответственно кубачинской частице il, представлена частица al.

Наличие в вопросительных формах в качестве вопросительных частиц в кубачинском диалекте j, в других диалектах w, вызывает предположение — не имеем ли мы в них окаменелые классные показатели.

§ 96. *Отрицательно-вопросительные* формы образуются по тому же принципу, что и вопросительные формы:

1. u wax[˘]ulādi-j „ты не уезжаешь?“, срв. u wax[˘]ulāde „ты не уезжаешь“

id adame asaw-i-j „он не человек?“, срв. id adame asaw „он не человек“

ɖudil kadābilçid-i-j „я не прочел?“, срв. ɖudil kadābilçid „я не прочел“

itəe qilib tibakəwa-j „их нет дома?“
срв. itəe qilib tibakəwa „их нет дома“

2. uɖil si bīqulādi-n(u) „что ты не делаешь?“
waçe sili j bāqāqatəi-n(u) „работу почему не сделал?“
silzible itəe bax[˘]ulāsab-nu „почему они не уезжают?“

3. itəe bax[˘]ulāsab-wā „они не уезжают ли?“
itəub çāçu tibakəwa-wā „там никого нет ли?“
ūçe waxsəib asab-wā „лошадь не хорошая ли?“

4. itəe gule asab-il bakuji j „знаешь, что они не мальчики?“
itəe çibuqāqinil baqulāsab „не знают, что они не победили“.

§ 97. *Обстоятельственные обороты*. Вместо системы придаточных предложений в кубачинском употребляются обстоятельственные обороты. Обстоятельное значение этих оборотов заключено в особых формах, которые образуются от деепричастий или основ деепричастий, а также от формы будущего времени при помощи наречия с суффиксом, двойных суффиксов (суффикс местного падежа плюс суффикс родительного падежа), суффикса родительного падежа плюс наречие и т. д.

Обстоятельственные обороты подразделяются на временные и уступительные.

§ 98. I. Временные обстоятельственные обороты:

а) *когда...* (наряду с временным значением имеет и оттенок условности):

I спряжение

bīqu-mmūt-il „когда делает“, „раз делает“

bāqib-mūt-il „когда сделал“, „раз сделал“

bāqila-mūt-il „когда сделает“, „раз сделает“

II спряжение

kaluçu-n-mūt-il „когда читает“, „раз читает“

kabilçu-n-mūt-il „когда прочел“, „раз прочел“

kabilçila-mūt-il „когда прочтет“, „раз прочтет“

III спряжение

bāxu-mmūt-il „когда учит“, „раз учит“

baxū-mmūt-il „когда выучил“, „раз выучил“

baxila-mūt-il „когда выучит“, „раз выучит“.

Обстоятельственные формы со значением „когда“, „раз...“ („когда делаешь...“, „раз делаешь...“) образуются при помощи наречия mūt „когда?“ с суффиксом -il. Основами обстоятельственных форм при этом являются деепричастия настоящего и прошедшего времени и краткая форма будущего времени 1-го лица. Деепричастие настоящего времени в глаголах I и III спряжения, а также деепричастие прошедшего времени в глаголах III спряжения утрачивает суффикс деепричастия -l, выступая в виде основы деепричастия, но при этом начальный m наречия mūt удваивается („геминируется“).

kaluçu-n-m-ūtil šəalalta takammawīçout „когда читаю, не становись перед светом“

waçe ta ma n bāqib-m-ūt-il səahəarra bayıblide „когда закончил работу, наступили уже сумерки“

iddil bāqila-m-ūt-il səllij sili j umçuldin „раз он сделает, зачем ищешь другого?“

В аштинском говоре в обстоятельном обороте, означающем „когда“, вместо собственно кубачинского mūt-il представлен сложный суффикс -he-li.

ɖn šəateir wəq[˘]ūn-he-li ɖam biç tabaq[˘]ıb (срв. в кубачинском: wāq[˘]ūn-m-ūt-il) „когда я пошел гулять, встретил волка“.

Эти аштинские обстоятельственные обороты более близки к урахинским и уркарахским обстоятельственным оборотам (где они образуются посредством сложного суффикса -həi-li), чем к оборотам собственно кубачинского говора:

урах. диал. ¹ x'abulqu-həi-li „когда спускался“
x'abuqun-həi-li „когда спустился“.

Специфическими для кубачинского диалекта являются обстоятельственные формы, образованные при помощи наречия mūt „когда“, чего мы не наблюдаем не только в других даргинских диалектах, но даже в аштинском говоре кубачинского диалекта. Эти формы, по-видимому, являются новообразованиями.

То же можно сказать и о следующей конструкции, образуемой наречием hitəe „после“.

b) „после того, как“

- I спряжение: bīqul-la hitəe „после того как делаешь“
bāqib-la hitəe „после того как сделал“
- II спряжение: kaluṣun-na hitəe „после того как читаешь“
kabilṣun-na hitəe „после того как прочел“
- III спряжение: bāxul-la hitəe „после того как учишь“
baxūl-la hitəe „после того как выучил“.

Обстоятельственные обороты со значением „после того, как“ образуются от деепричастий посредством суффикса -la плюс наречие hitəe „после“:

udil kəiniškəa kabilṣunna hitəe dūdil kabilṣilākəwa „после того как ты прочел книгу, я не буду читать“

udil il wače bīqulla hitəe dūdil se ha'idan „после того как ты делаешь эту работу, что мне сказать?“

Соответствующие формы в урахинском диалекте образуются от основ деепричастий посредством сложного суффикса -la-g-wi:

x'abuqu-la-g-wi „после того как спускаешься“
x'abuqun-na-g-wi „после того как спустился“.

¹ Урахинские примеры см. П. К. Услар, Хюркилинский язык, Тифлис, 1892, стр. 152, 155.

В уркарахском диалекте вместо урахинского суффикса -g-wi имеем -wi-g (перестановка элементов суффикса).

kabūlqu-la-wi-g „после того как спускаешься“
kabuqun-na-wi-g „после того как спустился“.

c) „лишь только“, „как только“

- I спряжение: bīqu-mmā-le „лишь только делал“
bāqib-mā-le „лишь только сделал“
- II спряжение: kaluṣun-mā-le „лишь только читал“
kabilṣun-mā-le „лишь только прочитал“
- III спряжение: bāxu-mmā-le „лишь только учил“
baxū-mmā-le „лишь только выучил“.

Обстоятельственные формы со значением „лишь только“, „как только“ образуются от деепричастий или от основ деепричастий при помощи сложного суффикса -mā-le.

aqhīcəummāle bīk icəulde „как только вставал (уже тогда, когда вставал), болела голова“

aqhīcəummāle kiče „как только встал, упал“.

В аштинском говоре соответственно представлен суффикс -mā: biṣ bidažib-mā wačasəi wəqid (срв. собственно кубачинское: biṣ bidagū-mmāle duscəna wāq'id) „как только волк ушел, я пошел в лес“.

В урахинском диалекте подобная обстоятельственная форма образуется от основы деепричастий при помощи суффикса -mad или -mad-al; в уркарахском — mat или -mat-al.

Урах. диал. x'abulqu-mad(al) „как только спускается“
x'abuqummad(al) ← x'abuqun-mad(al) „как только спустился“.

d) „с тех пор как“

- I спряжение: bīqu-ži-la „с тех пор как делает“, „раз делает, то...“
bāqib-ži-la „с тех пор как сделал“, „раз сделал, то...“
- II спряжение: kaluṣun-ži-la „с тех пор как читаешь“, „раз читаешь“
kabilṣun-ži-la „с тех пор как прочел“, „раз прочел“
- III спряжение: bāxu-ži-la „с тех пор как учишь“, „раз учишь“
baxū-ži-la „с тех пор как выучил“, „раз выучил“.

Обстоятельственные формы со значением „с тех пор как“ образуются от деепричастий при помощи сложного суффикса -ži-la (-ži—суффикс местного падежа, -la—суффикс родительного падежа):

keiniškəa kabilčun-žila daqē duxublišad „с тех пор как прочел книгу, прошло много времени“

udil daras bāxuzila baqūij kwāsib waxt bidagūlil „знаешь ли ты, сколько времени прошло, с тех пор как учишь урок?“

В урахинском и уркарахском диалектах подобные формы образуются от основ деепричастий при помощи суффикса -həe для настоящего времени и при помощи суффикса -la (|| →na) для прошедшего времени:

урах. диал. x[˘]abulqun-həe „с тех пор как спускается“
x[˘]abulqunnā (← x[˘]abulqun-la) „с тех пор как спустился“.

е) „пока...“

Обстоятельственные формы со значением „пока...“ образуются посредством суффикса -že (в системе местных падежей суффикс -že означает „на“). Основой данных обстоятельственных форм служат основы условных форм, спрягающихся по лицам.

Личные окончания 1-го и 2-го л. ед. числа в основе условных форм и обстоятельственных форм несколько различаются — в условных формах: 1 л. — d, 2 л. — təe; в обстоятельственных формах: 1 л. — da, 2 л. — təa.

В 3-м лице в глаголах II спряжения в основе обстоятельственных форм представлена полная условная форма с заменой исходного гласного e на a.

I спряж.	bāqi-da-že	„пока сделаю“, мн. ч.	bāqi-dā-že
	bāqi-təa-že	„пока сделаешь“	bāqi-təā-že
	bāqā-že	„пока сделает“	bāq-ā-že
II спряж.	kabilči-da-že	„пока прочту“, мн. ч.	kabilči-dā-že
	kabilči-təa-že	„пока прочтешь“	kabilči-təā-že
	kabilčan-na-že	„пока прочтет“	kabilčan-na-že
III спряж.	baxi-da-že	„пока выучу“, мн. ч.	baxi-dā-že
	baxi-təa-že	„пока выучишь“	baxi-təā-že
	baxā-že	„пока выучит“	baxā-že.

Основы глагола могут быть длительного или недлительного вида: dudil wače bāqidaže taškicəij „подожди, пока сделаю работу“; kabilčannaže səabur bāqa „потерпи, пока прочтет“; usəannaže diq[˘]ā „молчите пока спит“.

du saγudaže usəa qilid dugā „пока я приеду, вы оставайтесь дома“.

В урахинском диалекте такого рода обстоятельственные формы имеют соответствующий суффикс -ši, в уркарахском диалекте — -ci. Основа такой формы образуется посредством суффикса -ra при тематическом гласном a:

x[˘]abulq-a-ra-ši „пока спустится“.

§ 99. II. Уступительные формы. Уступительные формы настоящего и прошедшего времени образуются от полных деепричастных форм при помощи суффикса -x[˘]ə-li-j со значением „хотя“, уступительные формы будущего времени образуются от будущего времени 1-го лица плюс суффикс -li, плюс -x[˘]ə-li-j:

I спряж.	bīquli-x [˘] əlij	„хотя делает“
	bāqibli-x [˘] əlij	„хотя сделал“
	bāqila-li-x [˘] əlij	„хотя сделает“
II спряж.	kalučunni-x [˘] əlij	„хотя читает“
	kabilčunni-x [˘] əlij	„хотя прочел“
	kabilčila-li-x [˘] əlij	„хотя прочтет“
III спряж.	bāxuli-x [˘] əlij	„хотя учит“
	baxūli-x [˘] əlij	„хотя выучил“
	baxila-li-x [˘] əlij	„хотя выучит“.

udil wače bīqulix[˘]əlij ilcəil sēču mānpətdix[˘] libakəwa „хотя ты делаешь работу, но из нее никакой пользы нет“

iddil wače bāqilalix[˘]əlij ix[˘]wle bāqēllasaw „хотя он сделает работу, но быстро не сделает“

daras baxūlix[˘]əlij waxle žubab bāqij ixāxad „хотя урок выучил, но хорошо ответить не смог“.

В урахинском и уркарахском диалектах соответственно имеем суффикс -x[˘]alli. В отличие от кубачинского диалекта вместо исходного гласного i (деепричастной формы, служащей основой для обстоятельного оборота) представлен долгий гласный ā:

x[˘]abulqulāx[˘]alli „хотя спускается“
x[˘]abuqunnāx[˘]alli „хотя спустился“.

НАРЕЧИЕ

§ 100. Наречие в даргинском языке, обозначая признак или качество действия, примыкает в основном к глаголу, являясь при нем обстоятельством, может относиться также к прилагательному или ко второму наречию, указывая на их признаки. Основа наречия может совпадать с основой прилагательного и отвлеченного имени существительного. Исходным является качественная именная основа, от которой соответствующими суффиксами образуются наречия, прилагательные, отвлеченные имена существительные, а также отыменные глаголы (последние образуются посредством вспомогательных глаголов): *вах-le* „хорошо“, (срв. *вах-səib* „хорошее“, *вах-dix* „добро“, *вах-buxij* „выздороветь“ *вах-bāqij* „исправить“).

По значению кубачинские наречия можно подразделить на: 1. наречия образа действия (отвечают на вопрос *saɣuppe* „как“, „каким образом?“), 2. наречия места (отвечают на вопросы: *čina* „куда?“, *činab* „где?“, *činał* „откуда?“), 3. наречия времени (отвечают на вопрос *mūt* „когда?“), 4. наречия причины и цели (отвечают на вопросы: *silij* „почему, зачем?“, *silžible* „из-за чего?“, *si bahpadan* „по какой причине?“).

Наречия образа действия — образуются от именных основ или самостоятельных имен посредством суффикса *-le* (или *-l*, при исходе основы на гласный): *q'ām-le* „плохо“, *samat-le* „легко“, *biq̄w-le* „тяжело“, *kuk-le* „легко“, *bawan-pe* (← *bawan-le*) „тайком“, *kuṭ-le* „кратко“, *buqin-pe* „длинно“, *aq-le* „высоко“, *ṣub-le* „бело“, *ṣutə-l* „черно“, *ṣi-l* „заново“ и т. д.

Наречия, образующиеся от самостоятельно употребляемых имен существительных:

<i>mūtə-l</i> „верхом“	срв. <i>mūtə</i> „всадник“
<i>ṣaḡ-le</i> „сильно“	<i>ṣaḡ</i> „сила“
<i>duw-le</i> „холодно“	<i>duw</i> „холод“
<i>kat-le</i> „по спуску“	<i>kat</i> „спуск“
<i>dīq-le</i> „по горизонтали“	<i>dīq</i> — горизонтальная плоскость и т. д.

Производные наречия местоименного происхождения (образующиеся от указательных местоимений):

<i>naḡikitəe</i> (<i>naḡikitəal</i>) „так“, срв. <i>naḡeḡ</i> „это“	
<i>jitəe</i> (<i>jitəa-l</i>) „так“	<i>jej</i> „это“
<i>nalilitəe</i> (<i>nalilitəa-l</i>) „так“	<i>nalel</i> „это“ (около 2-го лица)

<i>ilitəe</i> (<i>ilitəa-l</i>) „так“	<i>il</i> „это“ (около 2-го лица)
<i>iditəe</i> (<i>iditəa-l</i>) „так“	<i>id</i> „то“
<i>ixitəe</i> (<i>ixitəa-l</i>) „так“	<i>ix</i> „то“ (ниже говорящего)
<i>ik̄itəe</i> (<i>ik̄itəa-l</i>) „так“	<i>ik̄</i> „то“ (выше говорящего)

Наречие типа „по-русски“ образуются посредством суффикса *-ča*: *wuruz-ča* „по-русски“, срв. *wuruz* „русский“
gurži-ča „по-грузински“, *gurže* „грузин“.

§ 101. Наречия места являются *наречиями-последлогами*, которые изменяются соответственно формам послеложных падежей. Наречия-последлоги управляют родительным падежом и стоят после имени, которым управляют. Наиболее простой формой наречий-последлогов является форма, соответствующая направлению падежу (отвечает на вопрос *čina* „куда?“), присоединение к ней изменяющегося классного показателя образует форму, выражающую покой (отвечает на вопрос *činab* „где?“), присоединение суффикса *-l* к простой форме образует форму, соответствующую исходному падежу имени (отвечает на вопрос *činał* „откуда?“).

<i>tala</i> „вперед“, <i>tala-b</i> „впереди“, <i>tala-l</i> „спереди“	
<i>qalla tala ṣuga takammaḡix'it</i> „перед домом не сыпь сор!“	
<i>qalla talab tət̄təa tib</i> „перед домом есть дерево“	
<i>qalla talal āq̄w tēbaḡulsab</i> „перед домом протекает речка“.	
<i>čī-le</i> „наверх“, <i>čī-li-b</i> „наверху“, <i>čī-li-l</i> „сверху“	
<i>uṣṭulla čīle čikabix'əa</i> „положи <i>поверх</i> стола“	
<i>uṣṭulla čilib si čibnu</i> „что находится <i>поверху</i> стола?“	
<i>uṣṭulla čilil keiniškəa čijkabalčin</i> „сними книгу с <i>поверхности</i> стола“.	

<i>gū-le</i> „вниз“, „под“, <i>gū-li-b</i> „внизу“, <i>gū-li-l</i> „снизу“	
<i>qwanilla gūle se wikabišəidan?</i> „что положить <i>под низ</i> (вниз) сундука?“	
<i>qwanilla gūlib sēṣn xibakəwa</i> „под <i>низом</i> сундука (внизу) ничего нет“	
<i>qwanilla gūlil xux wijsatəaḡa</i> „вытяни <i>из-под низа</i> сундука!“	
<i>šəul, šəuli-b</i> „рядом“, <i>šəuli-l</i>	
<i>dila šəul waš!</i> „иди <i>ко мне!</i> “ (чтобы находиться рядом)	
<i>idila šəulib sitibil baxkəwa</i> „посмотри, что находится <i>рядом с ним</i> “	

idila šəulil tātij „отойди (букв. уберись) от него!“
 šəal-gu „под мышку“, šəal-gu-b под мышкой, šəal-gu-l из под
 мышки“; срв. šəal-gu-la „под мышки“¹.
 idila šəalgu kəiniškəa wəbsaj „он взял книгу под мышку“
 idila šəalgub kəiniškəa tib „у него под мышкой книга“
 idila šəalgul bēlla ākw wijkabētəiblisab „у него из под
 мышки течет струя крови“ (досл. „река крови“).
 šəalgul kəiniškəa wijkabče „из под мышки вышла книга“.

При выражении приветствия к имени присоединяется после-
 лог šəal „со стороны“: šəalam duxab atəalašəal, ibrahimlašəal,
 dilašəal... „привет от отца, от Ибрагима, от меня...“

būkəe „во внутрь“, būkəi-b „внутри“, būkəi-l „изнутри“, срв.
 bāk w „нутро“

mas qwanilla būkəe bēnkəbixəa „положи матерью во-внутрь
 сундука!“

bagne „в середину“, bagnī-b „в середине“, bagnil „из сере-
 дины“; срв. b-ag „середина“, (w-ag „талия мужчины“, j-ag
 „талия женщины“)

gulalla wagne kiže „сядь среди мальчиков“

bəzib jagla jah „обладательница тонкой талии“.

Префикс b в наречиях-последелогах būkəe „внутри“ и bagne
 „в середину“ является изменяющимся классным показателем.

ūčəe „между“, ūčəi-b „между“, ūčəi-l

срв. ug'a „между“ в урахинском диалекте (исходная форма
 для кубачинского ūčəe).

nissəila ūčəe kiže „садись между нами!“

hila „назад“, hila-b „позади“, hila-l „сзади“

dila hila kicəij „встань за мной!“ (позади меня)

dila hilab si čibnu „что находится позади меня?“

qalla hilal widuqin „пройди позади дома!“

qaje „наверх“, qaji-b „наверху“. qaji-l „сверху“; срв. qaj
 „верх“.

qaje čəwqin „поднимись наверх!“

qajib čəču čibakəwa „наверху никого нет“

qajil čijkawqin „слезай сверху!“

¹ В урахинском диалекте, по П. Услару, šali означает „бог“; см.
 П. Услар, Хюрклинский язык, стр. 217. В кубачинском диалекте šəale
 „баранья туша“.

xəaje „вниз“, xəaji-b „внизу“, xəaji-l „снизу“;
 срв. xəaj „низ“, xəə-šəap „житель нижней части аула“
 (bā-šəap „житель верхней части аула“, где baj „кончик“, „на-
 чало“, „острие“)

xəaje čijkawqin „сойди вниз!“

təā (|| təā-le) „за“, „вне“, „наружу“, təā-b (|| təā-li-b) — нахож-
 дение снаружи, напр., вне дома, где-то на улице, təā-li-l „сна-
 ружи“, срв. təāla „внешняя сторона“.

Для кубачинского təā исходным служит урахинское dura.

šəilla təā wīkməkut „не выходи за пределы аула!“

qəəčəa təāb (|| təālib) katəilgun bičle bəkunnisab — досл.
 „теленоч, оставшийся вне (аула), съеден волком“

šəilla təālib qəūqne saqəa „принеси камни из-за пределов
 аула“ („სოფლის გარედას მოტანე ქვა“).

Наречие-последелог təā с суффиксом мн. числа собирательных
 числительных (sa „один“, sa-bā „одни“) образует последелог
 təā-bā, təā-dā „кроме“, „помимо“ (срв. грузинск. გარდა).

gulalla təābā qilib čəču tibakəwa „кроме мальчиков, дома нико-
 го нет“

masəalla təādā aqwlisəid si činnu? „кроме овец, что еще есть в
 стаде?“

ha'ibzibla təābā səču sākwa axəu „кроме сказанного, другого
 ничего не знаю“.

lume „на край“, lumi-b „на краю“, lumi-l „с края“, срв. lum
 „край“.

qaltalalla lumil tātij! „уйди с края крыши!“

ūxənlla lume katəəzij bīkate „дети пошли на берег (досл.
 „на край“) моря“

qulbe ūxənlla lumid sad „дом находится на берегу моря“.

həye „за“, „вслед“, həyi-b „позади“, həyi-l

galij xəwe həye buqin „собака погналась за мальчиком“

qəəqla həyib wanixəala čib „за спиной есть подушка“

idila həyil sab dila jarga „моя очередь вслед за ним“.

Производные наречия-последелог, образуемые от указатель-
 ных местоимений:

jā-ne „сюда“, jā-ni-b „здесь“, jā-ni-l „отсюда“; срв. указатель-
 ное местоимение: jej „это“.

jāne waš „иди сюда!“ jāni-b lib „здесь есть“; jānil
 watišəe „уходи отсюда!“

itəu „туда“, itəu-b „там“, itəu-l „оттуда“, срв. id „то“
itəu dax˘max˘utəā „туда не ходите!“
iltəu „туда“ (ближе ко 2-му лицу), iltəu-b „там“, iltəu-l „оттуда“
срв. il „то“ (вблизи 2-го лица).

ixtəu „туда (вниз)“, ixtəu-b „там“, ixtəu-l „оттуда“, срв. ix „то“
(внизу).

ix˘təu „туда (вверх)“, ix˘təu-b „там“, ix˘təu-l „оттуда“; itəu-jān
„туда-сюда“, itəu-jāni-b „там-сям“, itəu-jānil „оттуда-отсюда“ (с
разных мест).

sin „сюда“, sini-b, sini-l; срв. sinna (← sin-la) — место вблизи

говорящего
tin „туда“, tini-b, tini-l; срв. tinna — место вдали от говорящего

щег
xin „туда (вниз)“, xini-b, xini-l; срв. xinna — место ниже говорящего

рящего
çin „туда (вверх)“, çini-b, çini-l; срв. çinna — место выше говорящего

Наречия tin, sin... употребляются вместе с глаголами
оформленными направлятельными превербам: sin sa-wxij „под
винуться (сюда)“, tin widuxij „подвинуться (туда)“, xin ka-wxi
„подвинуться (вниз)“, çin ha-wxij „подвинуться (вверх)“.

В основе наречия sa nne „в одно место“ лежит числитель-
ное sa „один“; sa nni-b „в одном месте“, „в некоем месте“
(sannib — означает также „вместе“).

sannil „из одного места“, „из некоего места“

sānne „в другое место“, sānni-b „в другом месте“

sānni-l „из другого места“; срв. sāl „другой“

sanne kabatij „помирить“, досл. „посадить в одно место“.

Все наречия-последлоги, выражающие покой (т. е. соответ-
ствующие падежу локатива), могут служить основой прилагате-
льного: присоединив суффикс прилагательного, превращаются
в прилагательные, изменяясь подобно прилагательному:

lumib „на краю“, lumib-zib „находящийся на краю“, „край-
ний“; мн. ч. lumib-žub „крайние“.

jānib „здесь“, jānib-zib „находящееся здесь“, „здешнее“,
мн. ч. jānib-žub „здешние“,

talaw „вперед“, talaw-ziw „передовой“, „передний“; talaw-il
„передовик“.

jānibžub uj bax˘ulsab „находящиеся здесь люди уезжают“
jānibžublidil siqalle qulbe dāqaj „здешние все построили
дома“.

В урахинском диалекте, подобно тому, как в зависимости
от направления движения, дифференцированы исходные падежи
имени, соответственно дифференцируются и наречия-последлоги:
durab-sad „извне (сюда)“; durab-bit „извне (туда)“; durab-ad
„извне (вверх)“; durab-x˘ad „извне (вниз)“¹.

Четырем формам урахинского диалекта в кубачинском соот-
ветствует одна форма с суффиксом -l: təāli-l „извне“.

Имеются также наречия места, не изменяющиеся подобно
последложным падежам: ak-le „близко“, hiq-le „далеко“, alaw
(alaw-kəalaw) „вокруг“.

uškənla nisəij a kle sab „школа от нас близко“
hiqle bužiblisab itəalla qal „их дом оказался далеко“.

§ 102. Наречия времени отвечают на вопрос mūt
„когда?“

kəna „теперь“, hibā „потом“, tamāl „давно“, haman „всегда“,
bušəahəat „сейчас“, nagah „иногда“, „редко“, səibta „вначале“,
ix˘wle „рано“, ijāl „сегодня“, çəawāl „завтра“, səa „вчера“,
səalitaј „позавчера“, irilla „в полдень“, darx˘əə „вечером“,
səahəagga „в сумерки“, əlij „днем“, duçəilij „ночью“ (адверби-
лизация падежной формы: duçəi-liј — дат. п. от duçəe „ночь“),
səugajla „на заре“; ga-ne „зимою“, ibx˘ne „осенью“, əbdiknə
„летом“, əbligub „весною“, dusle „через год“, „в течение года“
(срв. dus „год“).

Наречия меры и степени. Вопросительные наречия
меры и степени: çum „сколько?“ (о предметах, которых можно
считать по кускам), çum-ži-na „сколько раз?“, kwātəe „во сколь-
ко?“, kwāsib (ед. ч.) „какое количество?“ (например, о куске
хлеба), kwāšud (мн. ч.) „сколько?“ (о предметах, измеряемых
какой-либо меркой, напр., жидкость, сыпучие предметы).

Данным вопросительным наречиям отвечают наречия: bīkal
„немного“, „мало“, piх „немного“, kwiše „мало“, kaј „немного“
(срв. также kaј „капля“), x˘əāl „много“ (о предметах, которые
можно считать), xəwalle „много“ („велико“), wəbrā „множество“
(срв. wəb „три“), hakāl „очень“, „весьма“.

¹ См. П. К. Услар, Хюркилинский язык, стр. 212.

Наречия от числительных: *kwī-g-na* „дважды“, *wa-g-na* „трижды“, *aγw-ži-na* „четырежды“, *x'u-ži-na* „пять раз“ и т. д. *kwātæ* (← *kwe-hatæ*) „двое“, *wabatæ* (← *wab-hatæ*) „трое“, *aγw-a-tæ* „четверо“ и т. д.

Наречия причины и цели: *silij* „почему?“, „зачем?“ „для чего?“ (|| дат. п. от *se* „что?“); *sibahnadan* „по какой причине?“ (*bahna* „причина“); *sil-žib-le* „из-за чего“, „почему?“ (*si-l-ži-b* — локат. п. „на чем?“ от *se* „что?“). От локатива со значением „на чем-то“ посредством суффикса наречия *-le* образуется наречие причины:

nālžible „потому“, „по той причине“, *idižible* „из-за него“, *dižible* „из-за меня“, *həsij dix'ližible* „со злости“, *saucugdi-x'ližible* „слепу“, „из-за слепоты“

ila waχdix'ližible damja waχgix' čisabqin „твоя доброта принесла и мне добро“ (досл. „из за твоей доброты“).

Вопросительное наречие *silij* „почему?“ „зачем?“ выражает как причинные, так и целевые отношения; например, *silij bāqatəin* означает: „почему сделал?“ „для чего сделал?“ „зачем сделал?“, а также: „с какой целью сделал?“

silijkunulla „потому“, *nālilij* „потому“, *nahəaγ'* „зря“.

§ 103. Местоименные наречия делятся на: 1. вопросительные: *či-na* „куда?“, *či-na-b* „где?“, *či-na-l* „откуда?“, *silij* „почему?“, „зачем?“, *si-l-žib-le* „по какой причине?“; 2. отрицательные: *čina-čina* „никуда“, *čina-čina-b* „нигде“, *čina-čina-l* „ниоткуда“; 3. указательные: *itəu* „туда“, *itəu-b* „там“, *itəu-l* „оттуда“, *jā-ne* „сюда“, *jā-ni-b* „здесь“, *jā-ni-l* „отсюда“, *nāltaal* „так“, *nālžib-le* „потому“; 4. определительные: *činaqal* „всюду“, „езде“, *činaqal* „всюду“ (о направлении), *činaqal* „отовсюду“; 5. неопределенные наречия образуются присоединением частицы *қа* „же“, „ведь“ к вопросительным наречиям: *čina-қа* „куда-бы“, *čina-қа* „откуда бы“, *čim-қа* „сколько бы“, *silij-қа* „почему-либо“, „зачем-либо“, *saγunni-қа* „как бы“.

Числительные *sa* „один“ и *kwe* „два“ во взаимном сочетании образуют неопределенное наречие *sa-kwe* „несколько“, „немного“ (досл. „один-два“).

Неопределенные наречия с глаголом *bxij* „сделаться“ образуют: *činaқа buxāja* „куда-нибудь“, *činaқа buxāja* „где-нибудь“, *činaқа buxāja* „откуда-нибудь“, *čimқа buxāja* „сколько-нибудь“.

silijқа buxāja „зачем-нибудь“, *saγunniқа buxāja* „как-нибудь“.
činaқа kabišəitəija bāčəila „куда бы ни положил — найду“
činaқа buxāja bāčəila „где-нибудь найду“
činaқа buxāja təlab bāqa „достань откуда-нибудь!“.

С О Ю З

§ 104. Союзы в кубачинском диалекте, как и в даргинском языке вообще, не распространены, что компенсируется деепричастными и причастными оборотами.

Более или менее распространенным союзом в кубачинском является соединительный союз *ja* (← *га*) „и“, по сути являющийся энклитической частицей, присоединяющейся к каждому из соединяемых слов:

du-ja u-ja „я и ты“, срв. урах. диал. *pu-га həu-га*
bikati-ja xəwalati-ja „дети и взрослые“
nusəa-ja, ušəa-ja, itəi-ja „мы, вы и они“.

Союз *ja* присоединяется к именам в любой падежной форме, к глаголам в форме инфинитива может вклиниваться между превербом и глаголом:

ūči-ja us-ja qužid sad „лошадь и бык не поле“
ūčij-ja, uslij-ja mā dikəa „лошади и быку дай сена!“
kabžij-ja, kabilčij-ja baqu galij „писать и читать умеет мальчик“
ūčiže dix či-ja-bix'əad, čij-ja-kabalčid „лошадь я навьючил и развьючил“, досл. „вьюк на лошадь и наложил и снял“.

С данным союзом в кубачинском диалекте по звуковому облику совпадает разделительный союз *ja*¹ (заимствованный), встречающийся и в других дагестанских языках. Разделительный союз предшествует слову, соединительный же присоединя-

¹ Приводимый П. Усларом в урахинском диалекте разделительный союз *bella* является по происхождению „условнодопускаемой“ (по терминологии П. Услара) формой вспомогательного глагола *bis* (← **bihwis*) „сделаться“ плюс союз *га* (в результате ассимиляции изменившийся в *la*).

В кубачинском диалекте соответствующей формой является *buxāja* от глагола *buxij* „сделаться“ с союзом *ja* „и“.

Урах. диал. *qač bella, di' bella bixa* „дай хлеба или мяса“, срв. уркар. диал. *čulhəa bihallira, di' bihallira bixa*, срв. кубач. диал. *tułə buxāja, dig buxāja biqa*.

ется к концу слова, причем оба союза ставятся при всех соединяемых или разъединяемых словах: ja id, ja u „или он, или ты“, срв. id-ja u-ja „он и ты“.

ja ūče, ja us asəij bikəulda „хочу купить или лошадь или быка“ срв. ūči-ja us-ja asəij bikəulda „хочу купить лошадь и быка“.

В отрицательном предложении союз ja, предшествуя слову, служит соединительным союзом, выражающим значение „ни... ни...“

ja u jāniw ugmagut, ja id jāniw wāt mātat „ни ты здесь не оставайся, ни его здесь не оставляй!“

ja aba, ja atəa qilib libakəwa „ни матери, ни отца нет дома“
ja kabilčij, ja kabžij axəu idij „ни читать, ни писать он не умеет“.

В качестве соединительного союза при присоединении двух понятий в кубачинском употребляется также союз bāle, который в отличие от союза ja не повторяется и не примыкает к каждому соединяемому понятию: du bāle u „я и ты“; waχdix bāle q'āmdix „добро и зло“; aba bāle atəa „мать и отец“; bəkwiw bāle usəij akəwə, səkəwə rikre tibakəwa idila „кроме как поест и спать — другой мысли нет у него“.

Сравнительно мало распространены заимствованные из арабско-персидско-турецких языков союзы: wa „и“, amma „но“, eger „если“, aŋəaŋ „только“.

Союз wa „и“ в кубачинском, например, употребляется в письме, когда пишущий в конце перечисляет имена своих близких, живущих с ним: wa səalam ibrahim, wa atəa, wa aba, wa rasul „с приветом Ибрагим, и отец, и мать, и Расул“.

eger „если“ — условный союз, встречается при условных формах глагола, обычно заменяется собственно кубачинским jaxle „если“:

eger (|| jaxle) u wašij agāgāle dicəe bulhəaqa „если тебе не удастся уехать, дай мне знать“

jaxle kəniškəa bāčəille, icəe bulhəaqila „если найду книгу, дам тебе знать“.

Предложения такого типа могут быть употреблены и без союзов eger или jaxle, поскольку условность выражена в самих глагольных формах (наличие союза лишь подчеркивает условность).

Заимствованный противительный союз amma „но“ также мало употребителен, обычно вместо него употребляется уступительный союз nāle „но“, „хотя“ или союз nu „так как“.

dudil wače bāqila, amma u dilja kumak bāqa „я работу сделаю, но и ты помоги“. Более естественно в устах кубачинцев предложение в том же значении: dudil wače bāqila-nu u dilja kumak bāqa.

učij bikəulda, amma āgulācab или: učij bikəulda-nāle āgulācab „хочу учиться, но не выходит (нет возможности)“.

Уступительный союз nāle является в кубачинском сравнительно распространенным союзом:

id ŋaj ukiw bikəulde nāle, wixulāde „он хотел говорить, но не мог“

udil waχle wače biqulde nāle, hakał bahlał biqulde „хотя ты хорошо делаешь работу, но очень медленно делаешь“.

Сравнительный союз diqle „как“, „словно“

u diqle du wašij wixəxid „как ты, я не могу ходить“

dudil ha'ib diqle ha'a u dilja „и ты скажи, как я сказал“.

Союз diqle, употребленный с инфинитивом, становится изъяснительным союзом со значением „чтобы“: wašij diqle haadur ixə „приготовься, чтобы уехать“.

Сравнительный союз diqle, как и условный союз jaxle, судя по суффиксу -le, — наречного происхождения.

Распространенным союзом в кубачинском, как и в других даргинских диалектах, является союз nu¹, который, скорее всего, может быть причислен к причинным союзам и который „может быть всего чаще переведен через так как“ (П. Услар).

nu как союз присоединяется к придаточным предложениям: kabilčun kwāčəila-nu kəniškəa biš həkəa „одожди книгу, прочитаю, верну“

siqal baχul-nu uja waš „все уходят, и ты иди“

ūče kəušlidi-nu mā dikəad „так как лошадь была голодна, дал сена“.

nusəa qilid dngulda-nu ušəa nisəišəu daχā „мы остаемся дома, вы приходите к нам“ (т. к. мы остаемся дома...)

ubkəl-nu halak ixə „умирает, поспеши“ (т. к. умирает...).

¹ Срв. также nu в качестве вопросительной частицы: Sa saw-nu „кто?“

Посредством союза *ni* соединяются, как указывалось выше, единицы и десятки в сложных числительных: *wiç-ni-sā* „11“, *wiç-ni-kwā* „12“, *γa-ni-x'wā* „25“, *aγwça-ni-kəaja* „48“, *kəāca-ni-sā* „81“, *ωiçumça-ni-x'wā* „95“...

Таким образом, судя по приведенным примерам, в качестве союзов в кубачинском диалекте представлены: *ja*, *bāle*, *wa* — соединительные союзы; *ja* — разделительный союз; *digle* — сравнительный, а также изъяснительный союз; *jaxle*, *eger* — условные союзы; *amma* — противительный союз; *nāle* — уступительный союз; *ni* — причинный союз.

Союзы, выражающие уступительность, условность, причинность..., надо полагать, означают тенденцию развития подчинительной связи в кубачинском диалекте.

Ч А С Т И Ц А

§ 105. Диалекты даргинского языка располагают частицами, придающими отдельным словам или целому предложению различные оттенки значения. В разных диалектах встречаются и одинаковые частицы, вообще же они различаются, и частицы, представленные в одном диалекте, могут отсутствовать в другом. У П. К. Услара частицы более обстоятельно рассмотрены в аварском языке, чем в даргинском. По П. Услару, „они придают выражению весьма тонкие оттенки, которые могут быть объяснены не иначе, как приведением значительного числа примеров“¹. Подобно этому и в кубачинском диалекте значение частиц (а также союзов), может быть выявлено из контекста речи. Точный перевод их затруднителен.

Выше, при разборе повелительного наклонения, мы вскользь уже касались некоторых частиц.

Усилительная частица *kəwa* „же“, „ведь“: *waš-kəwa nisəišə* „иди же к нам“; *dudil icəe la'ad-kəwa* „я же сказал тебе“; *kabilçin-kəwa kəiniškəa* „прочитай же книгу“.

В аналитических формах глаголов в 3-м лице частица вытесняет вспомогательный глагол, присоединяясь непосредственно к дееспричастной форме (что не наблюдается в первых двух ли-

цах): *du wiçul-da-kəwa* „я же работаю“; *u wiçul-di-kəwa* „ты же работаешь“; *id wiçul-kəwa* „он же работает“.

id-ja adami-kəwa, срв. в уркаррахском диалекте: *itra adimi saj-kəwa* „ведь и он человек“.

В урахинском диалекте имеем соответственно *-gwa*, сохранившую исходную форму для кубачинской и уркаррахской частицы *kəwa*.

Усилительная частица *ku* (*ku-n*, *ku-nu*) „же“: *id-ku wašilla uke* „он же говорил, что уезжает“; *atəa-ku səa widažij* „отец же вчера уехал“; *diçəi-ku iddil səçu hada'aj* „мне же он ничего не сказал“.

Различая оттенки значения, придаваемые частицами *kəwa* и *ku*, можно полагать, что *kəwa* в основном усиливает процесс действия, а частица *ku* больше придает оттенок усиления имени.

Два предложения: *id usəunni-kəwa* и *id-ku usəunnisaw* означают „он же спит“, но в первом случае — при частице *-kəwa* — ударение на состоянии субъекта (он находится в состоянии сна), а во втором случае ударение на том, что спит именно он.

Усилительная частица *çu* „даже“: *uqaziw adami-çu wiçul saw* „даже старый человек работает“; *çidil bəkwaqilanu, xəwil-dil-çu bukākummütil* „кто будет есть, когда даже собака не ест“; *sa-çu kəiniškəa kadābilçin iddil* „ни одной („даже одной“) книги не прочел он“.

Частица *kad* (*kade*) „еще“: *suq-kad* „еще раз“; *kwiše-kad* „еще немного“; *bikal-kad libal taman bəqij* „еще немного осталось закончить“; *niçalla-kad taškicəij!* „подожди еще немного!“; *içicəe-kad tilade bəga!* „попроси еще у него!“

Усилительная частица *hə* „а“: *hə dudil sibəqidan* „а что мне делать?“; *du wax'ulle, hə u janiw užillij* „если я уеду, а ты здесь останешься?“; *hə uçija kəušliqal* „а ведь и лошадь голодна“.

Частица *hə* большей частью употребляется в вопросительных предложениях.

В роли усилительной частицы может выступать и союз *ja* „и“: *wašij dam-ja bikəulda* „уехать и я хочу“; *u wiçij-ja wiçul-dij* „ты и работать можешь?“; *duω-ja buxe* „и холод наступил“.

Частица *qal* „же“, „ведь“ вносит оттенок удивления, неожиданности: *wiçulāda-qal* „не могу же“; *itəe bax'ul bužibli-qal* „они ведь, оказывается, уезжают“; *niçwāl taman bəqibli užibli-qal* „ведь давно, оказывается, закончил работу“; *gal icəul-qal u çina*

¹ П. К. Услар, Аварский язык, Тифлис, 1889, стр. 17.

šiw-huldin „ведь мальчик болен, куда ты смотришь?“ (о болезни мальчика говорящий не знал, но неожиданно обнаружил, что мальчик болен).

Частица qal употребляется и с союзом nu: qannu (← qal-nu), такое употребление частицы qal вносит оттенок просьбы:

itəij baquldi-qannu šibūta! „ты же ведь знаешь, — скажи!“

du wax-ulda-qannu uja dičəila wiš waš! „ведь я уезжаю, езжай и ты со мной!“

ubqul-qannu halak xə „ведь умирает, торонись“.

Частица qē (qēl) „то“ примерно соответствует аварской частице ni. Аварское предложение: wacas-ni habila „брат-то делает“¹ в кубачинском будет иметь следующий вид: ucəildil-qēl baqilalsaw, где частица qēl присоединяется к имени, стоящему в эргативе, подобно частице -ni в аварском языке.

wašij-qēl wašilla, amma mūt wašilaldajil axəu „уехать-то уеду, но не знаю, когда уеду“

tułut-qēl lib, sākwa sēču libalakəwa „хлеб-то есть, другого ничего не осталось“

kabilčij-qēl wixulsaw „читать-то может“.

Частица illaj „хоть“: u-illaj nisəišəuw ūže „хоть ты останься у нас“; wašij-illaj bičəid! „хоть бы уехать!“ baxkəwij-illaj, tasabaqa! „покажи, хоть посмотреть!“ babqe-illaj kwibika! „верни хоть половину!“.

Частица qa „бы“ присоединяется к вопросительным местоимениям и вопросительным наречиям, придавая им характер неопределенности. Частица qa в кубачинском по функции соответствует частице əg в грузинском языке:

ča-qa	„кто бы“, „зоб-əg“, срв.	ča	„кто?“
si-qa	„что бы“, „сə-əg“	se	„что?“
čum-qa	„сколько бы“	čum	„сколько?“
silij-qa	„за что бы“	silij	„за что?“
kučil-qa	„который бы“	kučil	„который?“
kwātəi-qa	„сколько бы“	kwātəe	„сколько“
čidil-qa	„кто бы“	čidil	— эргат. от ča „кто?“

udil si-qa baqitəija rāzilda „что бы ты ни сделал—согласен“

čina-qa kabišəitəija bāčəila „куда бы ни положил—найду“

činal-qa saqəitəija kaške „откуда бы ни принес—все равно“

¹ См. П. К. Услар, Аварский язык, Тифлис, 1889, стр. 20.

Ограничительная частица suna „только“: pusəa suna dax-ulda „уезжаем только мы“; wab ūče suna sakatəij „только трех лошадей привел?“; bəkwij suna buxələ, kaškilsaw „ему все равно, лишь бы только поесть“.

Ограничительная частица al „только“, „лишь“, „же“: du-al wax-ulda čəawal „только я (я сам) уезжаю завтра“; dudil-al bič kač-wad „я сам (один я, только я) убил волка“; gal saw-al šəatəe wiđəžij „мальчик сам пошел гулять“; ijal-al wašij bik-ulda „сегодня же хочу уехать“.

Выше указывалось, что частица al в кубачинском диалекте сохранилась в некоторых количественных числительных: wičpu wūčum-al „19“, wabç-al „30“ и т. д.

Предупредительная частица wəge аналогична русскому „смотри!“

wəge wax-məx-ut „смотри, не уходи!“

wəge bahlal waše, wənkičunu „смотри, ходи осторожно, а то упадешь!“

wəge paqətəle ūže „смотри, сиди смирно!“

Частица ulkəad в предложениях может выражать разные оттенки, в вопросительных предложениях ulkəad выражает удивление:

ulkəad ušə dax-ulda „неужели вы уезжаете?“

ulkəad du ulhəəhəitəij „неужели ты меня не узнал?“

ulkəad si bāqida wā „что же мне делать?“

ulkəad udilal baqij uxatəij „неужели ты сам смог сделать?“

В повествовательных предложениях ulkəad выражает оттенок просьбы:

ulkəad dila wače ix-wle taman bāqa „пожалуйста, мою работу закончь быстро“

ulkəad həəsij wixməxut „пожалуйста, не сердись!“

ulkəad употребляется обычно в устах мужчин; соответствующим выражением в речи женщин служит həəq'le, которое не употребляется мужчинами:

həəq'le satəəyatəaj „неужели приехали?“

həəq'le mālze bidagūlij x'əunne „неужели женщины ушли на сенокос?“

qatəe в значении частицы, примыкая к глаголу, выражает возможность совершения действия, нежелательного для субъекта:

du widiynallij wibčij-qatəe „пока я доеду, *возможно*, умрет же“
itəe bašij-qatəe „*может быть*, они уедут“
qəačəa bičle bəkwiq-qatəe, si baqidawā „*быть может*, волк съест телянку, что же делать?“

gal qiliw sawal watile wisəij-qatəe „если мальчика дома оставлю одного, *заплачет ведь*“

jūsəe waqxujukəwā-qatəe, sibāqidažil aхəu „девочка *быть может* не выздоровеет, не знаю, что делать“

gal icəul-qatəe, duxturricəe wāw kabəčidawā „мальчик *болен же*, позвать ли врача“.

С именем qatəe означает „вместо“:

duqatəe id watwidaɣa „вместо меня, пошли его“

uslij qatəe ūčij mā dikəa „вместо быка, лошади дай сено“.

Отрицательной частицы а „не“, запретительной частицы п и вопросительных частиц мы коснулись выше.

Выше отмечалось также, что частицы в диалектах даргинского языка отличаются друг от друга. Для сравнения приведем ряд частиц, представленных в речи аула *Мегеб*:

gwa „*же*“, „*ведь*“: həuni-gwa heš belkuni „ты *же* написал это!“

waj „*же*“: waši-waj „идем *же*“; baqa-waj „сделай *же*!“

qale „*же*“, „*ведь*“: nu-qale waqira həašū „я *же* пришел к тебе!“

həani „*ведь*“: it lewre-həani išew „*ведь* он был здесь“; it heš waqib-həani „*ведь* он пришел сюда“

alla (←al-ra) (где ra — союз „и“) „*хоть*“:

tulnɔ-alla aga „*хоть* хлеба дай!“

həunij-alla baqa „*хоть* ты сделай!“

cula „*только*“: heš sual itize-cula balhan „этот вопрос знает *только* он“.

al — ограничительная частица, аналогичная частице al в кубачинском.

saraje „*даже*“: itra saraje wakib „и он *даже* пришел“

dizela saraje həaburhan heš baqes „*даже* я не смог этого сделать“.

aqalewɔgga — сложная частица, означает „*почти*“ (qale „*же*“, wɔga „*потом*“, ga — союз „и“):

sikał aqalewɔgga həaberkuɔna „*почти* ничего не ел“.

Соответствующая частица в кубачинском отсутствует и даже описательно трудно передать ее значение.

МЕЖДОМЕТИЕ

§ 106. Междометия, выражающие различные чувства:

wā || wā выражает удивление:

wā, kaxle q'əmzib agūl akəwaj „*ах*, какое же плохое дело приключилось!“

wā, il siqabxā dam aхəadkəawa „*ах*, я же не знал этого дела!“

hunā; waj hunā — выражение горя, страха, отчаяния:

hunā, si baqidan „*ах*, что делать?“

hunā, sijil tibqal itəub „*ах*, что-то там есть!“

waj hunā, nā sibāqidan dila „*ах*, что же теперь мне делать?“

wā' — выражает отвращение, недовольство:

wā', çaxle asabij itəij „*ах*, не стыдно ли тебе?“

wā', pəpsəib siqabxā „*ах*, невкусная вещь!“

wah — выражает недовольство, связанное с удивлением:

wah, u čina təar ūčəe sūxəuldin „*а* ты куда вмешиваешься?“

wah, itəij si bikəuldin „*а* ты что хочешь?“

ahāhaj — выражает удивление, довольство:

ahāhaj, kaxle buq'əzib „*ах*, какое красивое!“

ahāhaj, çətle duwle akəwaj „*ах*, как холодно!“

Побудительные междометия:

hu“ „*ну*“ (гласный *и* является носовым):

hu“, widax'ə „*ну*, скорее!“

hu“, ɣaj uqe „*ну*, говори!“

hu“, kabilč'in „*ну*, читай!“

ma „*на*“: ma, buqəa „*на*, отнеси!“

ma, bəkwin „*на*, ешь!“

hare „*ну-ка*“; hare wāw datij „*ну-ка*, не кричи!“

hare jāne waš „*ну-ка*, иди сюда!“

hara — имеет цель обратить внимание на что-либо:

hara, widāgaj „*смотри*, идет!“

hara biškəatəakəa „*вот*, притронься!“

hara-hara biç „*воле*!“

Значение междометия *hara* усиливается при употреблении его с частицей *kəwa*: harakəwa biçle qəačəa buqəul „*воле* телянка *же* уносит!“

h a r a k ə w a gal turanglicəe wīqul „смотри, мальчик трогает ружье!“

h a r a k ə w a itəe saldil sa katəix'ül sab „они же друг друга убивают!“

aj—оклик: aj adame „эй, человек!“

aj x'əu n ul, čar səxwe „эй, женщина, вернись!“

aj, gule, aj, sibiquldan itəub „эй, мальчики, эй! Что вы там делаете?“

При нахождении на большом расстоянии при зове употребляют wā:

wā ibrahim „эй, Ибрагим!“

wā rātimat „эй, Патимат!“

Супруги кубачинцы в обращении между собою обычно не называют друг друга по имени. Муж, обращаясь к жене, говорит: a-jūsə! „а, девушка!"; жена, обращаясь к мужу, употребляет выражение: aj, gal „а, юноша!“¹.

Междометия, выражающие изъявление воли по отношению к речи собеседника: hu* „да“ (носовой гласный), означает согласие, подтверждение; u"u* „нет“—выражает несогласие, отказ.

Междометия ah употребляется только с целым словосочетанием: ah, sinna dūnā bug „ах, чтобы ему пусто было!“... ah, sinna ūke bat „ах, пусть сохранится его сердце!“.

В качестве междометия употребляется выражение h ē ū b z a (срв. ūbza „смелчак, герой“), которое в зависимости от смысла может выражать подтверждение („о, да!“) или недоверие.

— dūdilja kəiniškəa bəxkəwīj watilaj? — Позволишь и мне посмотреть книгу?

— h ē ū b z a, watila — Конечно, позволю.

— izdag čikwaj jāq'ün bulhəitəij? — Знаешь ли, что Изда вышла замуж?

— h ē ū b z a, mūt, čij? — Ну, когда, за кого?

— wallah, tame miq bəqaj bukul bulhəid — Эй богы, узнали что недавно сыграли свадьбу.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА¹

§ 107. Синтаксическая связь имени с именем. Определение, как указывалось выше, предшествует определяемому и согласуется с ним по грамматическим классам и по числам:

w-ika-zi-w gal	„маленький мальчик“
j-ika-zi-j jūsəe	„маленькая девочка“
b-ika-zi-b qəačəa	„маленький теленок“
b-ika-žu-b gule	„маленькие мальчики“
b-ika-žu-b jūsbe	„маленькие девочки“
d-ika-žu-d qəučne	„маленькие телята“.

Определение не согласуется с определяемым по падежам:

Им. wīkaziw gal „маленький мальчик“

Эрг. wīkaziw gal-di-l

Дат. wīkaziw gal-i-j

Род. wīkaziw gal-la.

Синтаксическая связь глагола с именем определяется особенностями глагола. Глагол кубачинского диалекта, как и даргинского языка в целом, изменяется по лицам, по грамматическим классам и по числам; соответственно глагол согласуется с именем по лицам, грам. классам и числам:

du w-ax'ul-da	„я (I кл.) иду“
u j-ax'ul-de	„ты (II кл.) идешь“
id b-ax'ul-sa-b	„оно (III кл.) идет“
nusəa d-ax'ul-da	„мы (I, II, III кл.) идем“
ušəa d-ax'ul-da	„вы (I, II, III кл.) идете“
itəe b-ax'ul-sa-b	„они (I, II кл.) идут“
itəe d-ax'ul-sa-d	„они (III кл.) идут“.

¹ Впрочем, среди молодого поколения это обращение уже выходит из употребления: супруги называют друг друга по именам.

¹ Вопросы синтаксиса изложены по монографии: З. Б. Бокварев, *Синтаксис аварского языка*, М.—Л., 1949, стр. 366—371; см. также А. А. Бокварев, *Синтаксис аварского языка*, М.—Л., 1949.

Глагол управляет именем: реальный субъект при непереходном глаголе стоит в именительном падеже, при переходном глаголе — в эргативе; реальный объект при переходном глаголе стоит в именительном падеже: biç (им. п.) ducəana bimdiŋ „волк убежал в лес“; biç-li-di-l (эрг.) masəa (им. п.) b-ēkwīn „волк съел овцу“.

Непереходный глагол может управлять эргативом (совмещающим творительный падеж):

du hunzbad jukunnida „я (II кл.) ем яблоки“ („я наедаюсь яблоками“)

du umcəad jukunnida „меня едят оводы“ („я съедаюсь оводами“).

Непереходный глагол согласуется с реальным субъектом, стоящим в именительном падеже, в лице, грамматическом классе и числе¹:

du (I кл.) w-īqul-da „я работаю“
 u (II кл.) j-īqul-de „ты работаешь“
 nusəa d-īqul-da „мы работаем“.

Переходный глагол согласуется с реальным субъектом, стоящим в эргативе, в лице и числе, а в аналитических формах глагола в 3-м лице — и в грамматическом классе:

dudil (I, II, III кл.) qal b-īqul-da „я строю дом“
 udil (I, II, III кл.) qal b-īqul-de „ты строишь дом“
 iddil (I кл.) qal b-īqul-sa-w „он строит дом“
 iddil (II кл.) qal b-īqul-sa-j „она строит дом“
 nusəad qulbe d-īqul-da „мы строим дома“
 ušəad qulbe d-īqul-da „вы строите дома“
 itəad (I, II кл.) qulbe d-īqul-sa-b „они строят дома“
 itəad (III кл.) qulbe d-īqul-sa-d „они строят дома“.

Переходный глагол согласуется с реальным объектом в грамматическом классе и числе (но не в лице):

dudil u (I кл.) w-axəi-d „я накормил тебя“
 dudil u (II кл.) j-axəi-d „я накормил тебя“
 dudil gal w-axəi-d „я накормил мальчика“
 dudil gule b-axəi-d „я накормил мальчиков“.

¹ В конструкции, выражающей страдательное значение, глагол с реальным субъектом не согласуется.

Реальный субъект при глаголах восприятия (verba sententi), как указывалось выше, стоит в дательном падеже:

galij (дат. п.) jūsəe (им. п.) j-ikəul-sa-w „юноша любит девушку“

galij jūsəe raktakajicəij „юноше понравилась девушка“

jūsəilij tēbidilgunnisaj „девушка видит“

abaj hantabdiče „матери вспомнилось“

dammiŋ sēču axəu „мне ничего не известно“

učiniŋlij daras qumētulsaw „ученик забыл урок“.

Порядок слов в предложении свободный: nisəila masəa dučəe biçle bēkwīn; nisəila masəa biçle bekwin dučəe; dučəe nisəila masəa biçle bēkwīn; biçle bēkwīn dučəe nisəila masəa „прошлой ночью нашу овцу съел волк“.

§ 108. В кубачинском диалекте нет относительных местоимений, не получили развития для построения сложноподчиненных предложений и подчинительные союзы¹. Значение сложноподчиненных предложений передается простыми предложениями обычно с деепричастными, причастными и обстоятельственными оборотами: wibčibziw adame hakal uqnaziwde „человек, который умер, был очень стар“ (досл. „умерший человек был очень стар“)

dudil kabilčunzib kəiniškəa udiŋja kabilčūn „книгу, которую я прочел, прочти и ты“ (досл. „мною прочитанную книгу прочти и ты“)

wače taman bāqib, dišəu sače gal „когда закончил работу, юноша пришел ко мне“ (досл. „закончив работу, пришел ко мне юноша“)

dudil kalučumūtil u mišaŋ wiχməχut „когда я читаю, ты мне не мешай!“

dam baχu iddil kəiniškəa kabilčūn sawla „я знаю, что он прочел книгу“ (досл. „прочитав сущее“).

¹ Характерно мнение П. К. Услара относительно конструкций предложений в чеченском языке: „Местоимений относительных вовсе нет в чеченском языке; во всех случаях, где они встречаются в других языках, в чеченском находим причастия или деепричастия, что придает чеченской конструкции весьма оригинальный характер“. П. К. Услар, Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 55.

В специальной литературе отмечается, что в панкисском говоре чеченского языка (а также в бацбийском языке), под влиянием грузинского языка, выработались средства выражения гипотаксиса; см. Գ. ՕՅԵՆՈՅՅՅՈՒՆ, Հայկական հայտնության հանրագրություն, Երևան, 1948.

maskawlii saʔibziw adame, ʕawal waxʔulsaw „человек, кото-
рый приехал из Москвы, завтра уезжает“ (досл. „из Москвы
приехавший человек завтра уезжает“)

ʕaa dam bulheid, ʕawal dila juldaʕ siʔul „вчера я узнал,
что завтра приезжает мой товарищ“ (досл. „вчера я узнал,
завтра мой товарищ приезжая“)

id tamāl wibʕib, dam baʕūlde „я знал, что он давно умер“
(досл. „он давно умерев, мне было известно“)

uʕaa qil daʕib bikʔulda dam „я хочу, чтобы вы ушли домой“
(досл. „вы домой уйдя, хочу я“)

dila xʔāl waʕe lille (←lid-le), du waʕij nālla ʔamakʔwa „я
не могу пока уехать, потому что у меня еще много работы“
(досл. „у меня много работы будучи, мне уезжать пока нельзя“)

u waxʔaxʔutʔe, diʕu tēsaʕe „если ты не уедешь, загляни ко
мне“

dudil icʔe haʔadkʔwa, id icʔul saw uʕul „я же сказал тебе,
что он болен“ (досл. „я тебе сказал же, он болен говоря“).

ПАРАДИГМЫ СКЛОНЕНИЯ

Имя существительное

с исходом на согласный

Им.	halam „мешок“	мн. ч.	halam-te
Эрг.	halam-le halam-(l)i-di-l		halam-ta-d (di-l)
Дат.	halam-li-j		halam-ta-ddi-j
Род.	halam-la		halam-ta-lla

I серия:	Напр.	halam-(l)i-ʕe „на мешок“	halam-ta-ʕʕe
	Местн.	halam-(l)i-ʕi-b	halam-ta-ʕʕi-b
	Исх.	halam-(l)i-ʕi-l	halam-ta-ʕʕi-l

II серия:	Напр.	halam-(l)i-ʕu „к мешку“	halam-ta-ʕu
	Местн.	halam-(l)i-ʕu-b	halam-ta-ʕu-b
	Исх.	halam-(l)i-ʕu-l	halam-ta-ʕu-l

III серия:	Напр.	halam-(l)i-ʕe „в мешок“	halam-ta-ʕe
	Местн.	halam-(l)i-ʕi-b	halam-ta-ʕi-b
	Исх.	halam-(l)i-ʕi-l	halam-ta-ʕi-l

IV серия:	Напр.	halam-(l)i-gu „под мешок“	halam-ta-ggu
	Местн.	halam-(l)i-gu-b	halam-ta-ggu-b
	Исх.	halam-(l)i-gu-l	halam-ta-ggu-l

V серия:	Напр.	halam-(l)i-ta „к мешку“	halam-ta-ta
	Местн.	halam-(l)i-ta-b	halam-ta-ta-b
	Исх.	halam-(l)i-ta-l	halam-ta-ta-l

VI серия:	Напр.	halam-le „в мешок (во внутрь)“	halam-ta-d halm-ta-dde
	Местн.	halam-li-b	halam-ta-ddi-b
	Исх.	halam-li-l	halam-ta-ddi-l

Имя существительное с исходом на гласный

а) обозначающее неодушевленный предмет:

Им. kəaza „кирка“, „заступ“, мн. ч. kəuz-ne
 Эрг. kəaza-l || kəaza-l-di-l kəuz-na-d ||
 kəuz-na-d-di-l

Дат. kəaza-li-j kəuz-na-ddi-j
 Род. kəaza-lla kəuz-na-lla

I серия: Напр. kəaza-l-že kəuz-na-žže
 Местн. kəaza-l-ži-b kəuz-na-žži-b
 Исх. kəaza-l-ži-l kəuz-na-žži-l

II серия: Напр. kəaza-l-šəu kəuz-na-šəu
 Местн. kəaza-l-šəu-b kəuz-na-šəu-b
 Исх. kəaza-l-šəu-l kəuz-na-šəu-l

III серия: Напр. kəaza-l-cəe kəuz-na-cəe
 Местн. kəaza-l-cəi-b kəuz-na-cəi-b
 Исх. kəaza-l-cəi-l kəuz-na-cəi-l

IV серия: Напр. kəaza-l-gu kəuz-na-ggu
 Местн. kəaza-l-gu-b kəuz-na-ggu-b
 Исх. kəaza-l-gu-l kəuz-na-ggu-l

V серия: Напр. kəaza-l-ta kəuz-na-ta
 Местн. kəaza-l-ta-b kəuz-na-ta-b
 Исх. kəaza-l-ta-l kəuz-na-ta-l

б) обозначающее неодушевленный предмет, могущий
 вместить в себя что-либо:

Им. qara „шапка“ мн. ч. qar-ne
 Эрг. qara-l || qara-l-di-l qar-na-d || qar-na-
 d-di-l

Дат. qara-li-j qar-na-ddi-j
 Род. qara-lla qar-na-lla

I серия: Напр. qara-l-že „на шапку“ qar-na-žže
 Местн. qara-l-ži-b qar-na-žži-b
 Исх. qara-l-ži-l qar-na-žži-l

II серия: Напр. qara-l-šəu „к шапке“ qar-na-šəu
 Местн. qara-l-šəu-b qar-na-šəu-b
 Исх. qara-l-šəu-l qar-na-šəu-l

III серия: Напр. qara-l-cəe „в шапку“, qar-na-cəe
 „к шапке“

Местн. qara-l-cəi-b qar-na-cəi-b
 Исх. qara-l-cəi-l qar-na-cəi-l

IV серия: Напр. qara-l-gu „под шапку“ qar-na-ggu
 Местн. qara-l-gu-b qar-na-ggu-b
 Исх. qara-l-gu-l qar-na-ggu-l

V серия: Напр. qara-l-ta „к шапке“ qar-na-ta
 Местн. qara-l-ta-b qar-na-ta-b
 Исх. qara-l-ta-l qar-na-ta-l

VI серия: Напр. qara-na „в шапку (внутри)“ qar-na-d ||
 qar-na-dde
 Местн. qara-na-b qar-na-ddi-b
 Исх. qara-na-l qar-na-ddi-l

в) обозначающее одушевленный предмет:

Им. čəitu „кошка“ мн. ч. čəit-ne
 Эрг. čəitu-di-l čəit-na-d || čəit-na-
 d-di-l

Дат. čəitu-j čəit-na-ddi-j
 Род. čəitu-la čəit-na-lla

I серия: Напр. čəitu-že „на кошку“ čəit-na-žže
 Местн. čəitu-ži-b čəit-na-žži-b
 Исх. čəitu-ži-l čəit-na-žži-l

II серия: Напр. čəitu-šəu „к кошке“ čəit-na-šəu
 Местн. čəitu-šəu-b čəit-na-šəu-b
 Исх. čəitu-šəu-l čəit-na-šəu-l

III серия: Напр. čəitu-cəe „кошке“ čəit-na-cəe
 Местн. čəitu-cəi-b „у кошки“ čəit-na-cəi-b
 Исх. čəitu-cəi-l „от кошки“ čəit-na-cəi-l

IV серия: Напр. čəitu-gu „под кошку“ čəit-na-ggu
 Местн. čəitu-gu-b čəit-na-ggu-b
 Исх. čəitu-gu-l čəit-na-ggu-l

V серия: Напр. čəitu-ta „к кошке“ čəit-na-ta
 Местн. čəitu-ta-b čəit-na-ta-b
 Исх. čəitu-ta-l čəit-na-ta-l

Схема падежных окончаний

1. Имена существительные с исходом на согласные

Основные падежи

	ед. ч.	мн. ч.
Им.	—	—
Эрг.	-le -(l)i-di-l	-d -d-di-l ¹
Дат.	-li-j	-ddi-j
Род.	-la	-lla

Местные падежи

I серия:	Напр.	-(l)i-že	-žže
	Местн.	-(l)i-ži-b/j/w	-žži-b/d
	Исх.	-(l)i-ži-l	-žži-l
II серия:	Напр.	-(l)i-šəu	-šəu
	Местн.	-(l)i-šəu-b/j/w	-šəu-b/d
	Исх.	-(l)i-šəu-l	-šəu-l
III серия:	Напр.	-(l)i-cəe	-cəe
	Местн.	-(l)i-cəi-b/j/w	-cəi-b/d
	Исх.	-(l)i-cəi-l	-cəi-l
IV серия:	Напр.	-(l)i-gu	-ggu
	Местн.	-(l)i-gu-b/j/w	-ggu-b/d
	Исх.	-(l)i-gu-l	-ggu-l
V серия:	Напр.	-(l)i-ta	-ta
	Местн.	-(l)i-ta-b/j/w	-ta-b/d
	Исх.	-(l)i-ta-l	-ta-l
VI серия:	Напр.	-le	-d -dde
	Местн.	-li-b/j/w	-ddi-b/d
	Исх.	-li-l	-ddi-l

2. Имена существительные с исходом на гласные

а) Обозначающие неодушевленные предметы.

Основные падежи

	ед. ч.	мн. ч.
Им.	—	—
Эрг.	-l -l-di-l	-d -d-di-l
Дат.	-li-j	-ddi-j
Род.	-lla	-lla

Местные падежи

I серия:	Напр.	-l-že	-žže
	Местн.	-l-ži-b/j/w	-žži-b/d
	Исх.	-l-ži-l	-žži-l
.....			
VI серия:	Напр.	-na	-d -dde
	Местн.	-na-b/j/w	-ddi-b/d
	Исх.	-na-l	-ddi-l

б) Обозначающие одушевленные предметы

Основные падежи

	ед. ч.	мн. ч.
Им.	—	—
Эрг.	-di-l	-d -d-di-l
Дат.	-j	-ddi-j
Род.	-la	-lla

Местные падежи

I серия:	Напр.	-že	-žže
	Местн.	-ži-b/j/w	-žži-b/d
	Исх.	-ži-l	-žži-l
.....			
V серия:	Напр.	-ta	-ta
	Местн.	-ta-b/j/w	-ta-b/d
	Исх.	-ta-l	-ta-l

¹ Основа эргатива во мн. числе имеет в исходе гласный а вместо исходного гласного е именительного падежа:

Им. buçe „волки“
Эрг. buça-d(di-l)

ПАРАДИГМЫ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛА

Субъектное спряжение непереходного глагола

Глагол wīqij „работать“ (I спряжение)

Настоящее конкретное время

Субъект ед. ч. I кл. du w-īqul-da „я (I кл.) работаю“
 u w-īqul-de „ты работаешь“
 id w-īqul-sa-w „он работает“

Субъект ед. ч. II кл. du j-īqul-da „я (II кл.) работаю“
 u j-īqul-de „ты работаешь“
 id j-īqul-sa-j „она работает“

Субъект ед. ч. III кл. du b-īqul-da „я (III кл.) работаю“
 u b-īqul-de „ты работаешь“
 id b-īqul-sa-b „он работает“

Субъект мн. ч. nusəa d-īqul-da „мы (I, II, III кл.) работаем“
 ušəa d-īqul-da „вы (I, II, III кл.) работаете“
 itəe b-īqul-sa-b „они (I, II кл.) работают“
 itəe d-īqul-sa-d „они (III кл.) работают“

При спряжении глагола в настоящем конкретном времени личными окончаниями служат формы praesens'a вспомогательного глагола sab „есть“:

1 л. du da „я есмь“ мн. ч. nusəa da „мы есмь“
 2 л. u de „ты еси“ ušəa da „вы есте“
 3 л. id sa-w /j/b „он есть“ itəe sa-b/d „они суть“

Настоящее общее время

Субъект ед. ч. I кл. du w-īq-u-d „я (I кл.) работаю (обычно)“
 u w-īq-u-t „ты работаешь“
 id w-īq-u „он работает“

Субъект II кл. du j-īq-u-d „я (II кл.) работаю“
 u j-īq-u-t „ты работаешь“
 id j-īq-u „она работает“

Субъект III кл. du b-īq-u-d „я (III кл.) работаю“
 u b-īq-u-t „ты работаешь“
 id b-īq-u „он работает“

Субъект мн. ч. nusəa d-īq-u-dā „мы (I, II, III кл.) работаем“
 ušəa d-īq-u-təā „вы (I, II, III кл.) работаете“
 itəe b-īq-u „они (I, II кл.) работают“
 itəe d-īq-u „они (III кл.) работают“

Прошедшее время

Субъект ед. ч. I кл. du w-īq-a-d „я (I кл.) работал“
 u w-īq-a-təe „ты работал“
 id w-īq-e „он работал“

Субъект ед. ч. II кл. du j-īq-a-d „я (II кл.) работала“
 u j-īq-a-təe „ты работала“
 id j-īq-e „она работала“

Субъект ед. ч. III кл. du b-īq-a-d „я (III кл.) работал“
 u b-īq-a-təe „ты работал“
 id b-īq-e „он работал“

Субъект мн. ч. nusəa d-īq-a-dā „мы (I, II, III кл.) работали“
 ušəa d-īq-a-təā „вы (I, II, III кл.) работали“
 itəe b-īq-e „они (I, II кл.) работали“
 itəe d-īqe „они (III кл.) работали“

Будущее время

Субъект ед. ч. I кл. du w-īq-i-la-l-da (|| w-īq-i-lla) „я (I кл.) буду работать“
 u w-īq-i-la-l-de „ты будешь работать“
 id w-īq-i-la-l-sa-w „он будет работать“

Субъект ед. ч. II кл. du j-īq-i-la-l-da (|| j-īq-i-lla) „я (II кл.) буду работать“
 u j-īq-i-la-l-de „ты будешь работать“
 id j-īq-i-la-l-sa-j „она будет работать“

Субъект ед. ч. III кл. du b-īq-i-la-l-da (|| b-īq-i-lla) „я (III кл.) буду работать“
 u b-īq-i-la-l-de „ты будешь работать“
 id b-īq-i-la-l-sa-b „он будет работать“

Субъект мн. ч.
 писза d-iq-i-la-l-da (|| d-iq-i-la) "мы (I, II, III кл.) будем работать"
 п̄са d-iq-i-la-l-da "вы (I, II, III кл.) будете работать"
 ite b-iq-i-la-l-sab "они (I, II кл.) будут работать"
 ite d-iq-i-la-l-sa-d "они (III кл.) будут работать"

Последнее результативное

(заглазные формы)

Субъект ед. ч. I кл.
 du w-iq-ib-li-da "оказывается, я (I кл.) работаю"
 u w-iq-ib-li-de "ты работаешь"
 id w-iq-ib-li-sa-w "он работает"

Субъект II кл.
 du j-iq-ib-li-da "оказывается, я (II кл.) работаю"
 u j-iq-ib-li-de "ты работаешь"
 id j-iq-ib-li-sa-j "она работает"

Субъект III кл.
 du b-iq-ib-li-da "оказывается, я (III кл.) работаю"
 u b-iq-ib-li-de "ты работаешь"
 id b-iq-ib-li-sa-b "он работает"

Субъект мн. ч.
 писза d-iq-ib-li-da "оказывается, мы (I, II, III кл.) работаем"
 п̄са d-iq-ib-li-da "вы (I, II, III кл.) работаете"
 ite b-iq-ib-li-sa-b "они (I, II кл.) работают"
 ite d-iq-ib-li-sa-d "они (III кл.) работают"

Спряжение по лицам образовано посредством форм вспомогательного глагола sab "есть". Схема субъектного спряжения заглазных форм аналогична схеме субъектного спряжения глагола настоящего конкретного времени.

Субъектное спряжение

Таблица показателей субъекта в непереходном глаголе

Число	Лицо	Грам. кл.	Префикс субъекта	Суффикс субъекта								
				Настоящее конер. (аналитич. ф.)	Прощ. соверш. вр.			Настоящее общее время			Условн. наклон.	
					I спряж.	II спряж.	III спряж.	I спряж.	II спряж.	III спряж.	I, III спряж.	II спряж.
единственное	1	I II III	w- j- b-	-da	-a-d	-i-d	-i-d	-u-d	-a-d	-u-d	-u-d-	-u-d-
	2	I II III	w- j- b-	-de	-a-tee	-i-tee	-i-tee	-u-t	-a-t	-u-t	-u-tee	-u-tee
	3	I II III	w- j- b-	sa-w sa-j sa-b	-e	-i-n	-i-j	-u -a	-a-n	-u -a	-ā- (← a-r)	-a-n-
множественное	1	I II III	d-	-da	-a-dā	-i-dā	-i-dā	-u-dā	-a-dā	-u-dā	-u-dā-	-u-dā-
	2	I II III	d-	-da	-a-teā	-i-teā	-i-teā	-u-teā	-a-teā	-n-teā	-u-teā-	-u-teā-
	3	I II III	b- d-	sa-b sa-b sa-d	-e	-i-n	-i-j	-u -a	-a-n	-u -a	-ā- (← a-r)	-a-n-

В 1-м и 2-м лицах перед личными окончаниями в органических формах глагола приводится тематический гласный. В 3-м лице глагол оканчивается либо на тематический гласный, либо за ним следует согласный иного происхождения сравнительно с личными окончаниями 1-го и 2-го лиц.

Показатель условного наклонения следует за личными окончаниями (показатель условно-реальных форм — -le, условно-ирреальных — -di-l).

Объектно-субъектное спряжение
переходного глагола

Глагол *bitij* „побить“, *bitij*—длит. вид (глагол I спряж.)

Настоящее конкретное время

Субъект 3-го лица ед. ч. I кл.; изменяется объект:

iddil id (I кл.)	w-it-u-l-sa-w	„он (I кл.) бьет его (I кл.)“
” id (II кл.)	j-it-u-l-sa-w	” ” ее (II кл.)“
” id (III кл.)	b-it-u-l-sa-w	” ” то (III кл.)“
” itæ (I, II кл.)	b-it-u-l-sa-w	” ” их (I, II кл.)“
” itæ (III кл.)	d-it-u-l-sa-w	” ” их (III кл.)“
” u (I кл.)	w-it-u-l-sa-w	” ” тебя (I кл.)“
” u (II кл.)	j-it-u-l-sa-w	” ” ” (II кл.)“
” u (III кл.)	b-it-u-l-sa-w	” ” ” (III кл.)“
” ušæa (I, II, III кл.)	d-it-u-l-sa-w	” ” вас (I, II, III кл.)“
” dn' (I кл.)	w-it-u-l-sa-w	” ” меня (I кл.)“
” du (II кл.)	j-it-u-l-sa-w	” ” ” (II кл.)“
” du (III кл.)	b-it-u-l-sa-w	” ” ” (III кл.)“
” nusæa (I, II, III кл.)	d-it-u-l-sa-w	” ” нас (I, II, III кл.)“

Субъект 3-го лица ед. ч. II кл.

iddil (II кл.) id (I кл.)	w-it-u-l-sa-j	„она (II кл.) бьет его (I кл.)“
” id (II кл.)	j-it-u-l-sa-j	” ” ее (II кл.)“
” id (III кл.)	b-it-u-l-sa-j	” ” то (III кл.)“
” itæ (I, II кл.)	b-it-u-l-sa-j	” ” их (I, II кл.)“
” itæ (III кл.)	d-it-u-l-sa-j	” ” их (III кл.)“
” u (I кл.)	w-it-u-l-sa-j	” ” тебя (I кл.)“
” u (II кл.)	j-it-u-l-sa-j	” ” ” (II кл.)“
” u (III кл.)	b-it-u-l-sa-j	” ” ” (III кл.)“
” ušæa (I, II, III кл.)	d-it-u-l-sa-j	” ” вас (I, II, III кл.)“
” du (I кл.)	w-it-u-l-sa-j	” ” меня (I кл.)“
” du (II кл.)	j-it-u-l-sa-j	” ” ” (II кл.)“
” du (III кл.)	b-it-u-l-sa-j	” ” ” (III кл.)“
” nusæa (I, II, III кл.)	d-it-u-l-sa-j	” ” нас (I, II, III кл.)“

Субъект 3-го лица ед. ч. III кл.

iddil (III кл.) id (I кл.)	w-it-u-l-sa-b	„он (III кл.) бьет его (I кл.)“
” id (II кл.)	j-it-u-l-sa-b	” ” ее (II кл.)“
” id (III кл.)	b-it-u-l-sa-b	” ” то (III кл.)“
” itæ (I, II кл.)	b-it-u-l-sa-b	” ” их (I, II кл.)“
” itæ (III кл.)	d-it-u-l-sa-b	” ” их (III кл.)“
” u (I кл.)	w-it-u-l-sa-b	” ” тебя (I кл.)“
” u (II кл.)	j-it-u-l-sa-b	” ” ” (II кл.)“
” u (III кл.)	b-it-u-l-sa-b	” ” ” (III кл.)“
” ušæa (I, II, III кл.)	d-it-u-l-sa-b	” ” вас (I, II, III кл.)“
” du (I кл.)	w-it-u-l-sa-b	” ” меня (I кл.)“
” du (II кл.)	j-it-u-l-sa-b	” ” ” (II кл.)“
” du (III кл.)	b-it-u-l-sa-b	” ” ” (III кл.)“
” nusæa (I, II, III кл.)	d-it-u-l-sa-b	” ” нас (I, II, III кл.)“

Субъект 2-го лица ед. ч. I, II, III кл.

iddil (I, II, III кл.) id (I кл.)	w-it-u-l-de	„ты бьешь его“
” id (II кл.)	j-it-u-l-de	” ” ее“
” id (III кл.)	b-it-u-l-de	” ” то“
” itæ (I, II кл.)	b-it-u-l-de	” ” их“
” itæ (III кл.)	d-it-u-l-de	” ” их“
” du (I кл.)	w-it-u-l-de	” ” тебя“
” du (II кл.)	j-it-u-l-de	” ” ”
” du (III кл.)	b-it-u-l-de	” ” ”
” nusæa (I, II, III кл.)	d-it-u-l-de	” ” вас“

Показатели 1-го и 2-го лиц настоящего времени не имеют изменяющихся экспонентов грамматических классов, поэтому изменение субъекта по грамматическому классу не отразится в спрягаемых формах. Вследствие этого число глагольных форм, отличающихся между собой в показателях лица или грамматического класса при субъекте 1-го или 2-го лица значительно меньше, чем при субъекте в 3-ем лице.

Субъект 1-го лица ед. ч. I, II, III кл.

iddil (I, II, III кл.) id (I кл.)	w-it-u-l-da	„я бью его“
” id (II кл.)	j-it-u-l-da	” ” ее“
” id (III кл.)	b-it-u-l-da	” ” то“

đudil (I, II, III кл.)	itəe (I, II, III кл.)	b-īt-u-l-da	„я	бью	их“
„	itəe (III кл.)	d-īt-u-l-da	„	„	их“
„	u (I кл.)	w-īt-u-l-da	„	„	тебя“
„	u (II кл.)	j-īt-u-l-da	„	„	„
„	u (III кл.)	b-īt-u-l-da	„	„	„
„	ušəa (I, II, III кл.)	d-īt-u-l-da	„	„	вас“

Возможны также формы, указывающие на действие направленное 1-ым лицом на 1-е, 2-ым на 2-е:

đudil du wītulda „я бью себя“, досл. „я бью меня“
 udil u wītulde „ты бьешь себя“, досл. „ты бьешь тебя“.

Эти формы аналогичны формам, приведенным выше. Для 3-го лица может быть употреблена также форма возвратных местоимений: sindil saw wītulsaw „сам себя бьет“.

Субъект 3-го лица множ. ч. I, II кл.

itəaddil (I, II кл.)	id (I кл.)	w-īt-u-l-sa-b	„они бьют его“
„	id (II кл.)	j-īt-u-l-sa-b	„ „ ее“
„	id (III кл.)	b-īt-u-l-sa-b	„ „ то“
„	itəe (I, II кл.)	b-īt-u-l-sa-b	„ „ их“
„	itəe (III кл.)	d-īt-u-l-sa-b	„ „ „
„	u (I кл.)	w-īt-u-l-sa-b	„ „ тебя“
„	u (II кл.)	j-īt-u-l-sa-b	„ „ „
„	u (III кл.)	b-īt-u-l-sa-b	„ „ „
„	ušəa (I, II, III кл.)	d-īt-u-l-sa-b	„ „ вас“
„	du (I кл.)	w-īt-u-l-sa-b	„ „ меня“
„	du (II кл.)	j-īt-u-l-sa-b	„ „ „
„	du (III кл.)	b-īt-u-l-sa-b	„ „ „
„	nusəa (I, II, III кл.)	d-īt-u-l-sa-b	„ „ нас“

Субъект 3-го лица множ. ч. III кл.

itəaddil (III кл.)	id (I кл.)	w-īt-u-l-sa-d	„они бьют его“
„	id (II кл.)	j-īt-u-l-sa-d	„ „ ее“
„	id (III кл.)	b-īt-u-l-sa-d	„ „ то“
„	itəe (I, II кл.)	b-īt-u-l-sa-d	„ „ их“
„	itəe (III кл.)	d-īt-u-l-sa-d	„ „ „

itəaddil (III кл.)	u (I кл.)	w-īt-u-l-sa-d	„они бьют тебя“
„	u (II кл.)	j-īt-u-l-sa-d	„ „ „
„	u (III кл.)	b-īt-u-l-sa-d	„ „ „
„	ušəa (I, II, III кл.)	d-īt-u-l-sa-d	„ „ вас“
„	du (I кл.)	w-īt-u-l-sa-d	„ „ меня“
„	du (II кл.)	j-īt-u-l-sa-d	„ „ „
„	du (III кл.)	b-īt-u-l-sa-d	„ „ „
„	nusəa (I, II, III кл.)	d-īt-u-l-sa-d	„ „ нас“

Субъект 2-го лица множ. ч. I, II, III кл.

ušəaddil id	w-īt-u-l-da	„вы (I, II, III кл.) бьете его (I кл.)“
„	id j-īt-u-l-da	„ „ ее (II кл.)“
„	id b-īt-u-l-da	„ „ то (III кл.)“
„	itəe b-īt-u-l-da	„ „ их (I, II кл.)“
„	itəe d-īt-u-l-da	„ „ их (III кл.)“
„	du w-īt-u-l-da	„ „ меня (I кл.)“
„	du j-īt-u-l-da	„ „ (II кл.)“
„	du b-īt-u-l-da	„ „ (III кл.)“
„	nusəa d-īt-u-l-da	„ „ нас (I, II, III кл.)“

Субъект 1-го лица множ. ч. I, II, III кл.

nusəaddil id	w-īt-u-l-da	„мы (I, II, III кл.) бьем его (I кл.)“
„	id j-īt-u-l-da	„ „ ее (II кл.)“
„	id b-īt-u-l-da	„ „ то (III кл.)“
„	itəe b-īt-u-l-da	„ „ их (I, II кл.)“
„	itəe d-īt-u-l-da	„ „ (III кл.)“
„	u w-īt-u-l-da	„ „ тебя (I кл.)“
„	u j-īt-u-l-da	„ „ (II кл.)“
„	u b-īt-u-l-da	„ „ (III кл.)“
„	ušəa d-īt-u-l-da	„ „ вас (I, II, III кл.)“

В аналитических формах переходные глаголы при субъекте в 1-м и 2-м лице спрягаются одинаково, поскольку показатели 1-го и 2-го лица множ. числа в аналитических формах не различаются.

Прошедшее совершенное время

Субъект 3-го лица ед. ч. I, II, III кл.

iddil id (I кл.)	w-it-a-j	„он (она, оно) побил (а, о) его“
„ id (II кл.)	j-it-a-j	„ ee“
„ id (III кл.)	b-it-a-j	„ то“
„ itæ (I, II кл.)	b-it-a-j	„ их“
„ itæ (III кл.)	d-it-a-j	„ „
„ u (I кл.)	w-it-a-j	„ тебя“
„ u (II кл.)	j-it-a-j	„ „
„ u (III кл.)	b-it-a-j	„ „
„ ušæa (I, II, III кл.)	d-it-a-j	„ вас“
„ du (I кл.)	w-it-a-j	„ меня“
„ du (II кл.)	j-it-a-j	„ „
„ du (III кл.)	b-it-a-j	„ „
„ nusæa (I, II, III кл.)	d-it-a-j	„ нас“

Субъект 2-го лица ед. ч. I, II, III кл.

udil id w-it-a-tæ	„ты (I, II, III кл.) побил его (I кл.)“
„ id j-it-a-tæ	„ ee (II кл.)“
„ id b-it-a-tæ	„ то (III кл.)“
„ itæ b-it-a-tæ	„ их (I, II кл.)“
„ itæ d-it-a-tæ	„ „ (III кл.)“
„ du w-it-a-tæ	„ меня (I кл.)“
„ du j-it-a-tæ	„ „ (II кл.)“
„ du b-it-a-tæ	„ „ (III кл.)“
„ nusæa d-it-a-tæ	„ нас (I, II, III кл.)“

Субъект 1-го лица ед. ч. I, II, III кл.

ɸudil id w-it-a-d	„я (I, II, III кл.) побил его (I кл.)“
„ id j-it-a-d	„ ee (II кл.)“
„ id b-it-a-d	„ то (III кл.)“
„ itæ b-it-a-d	„ их (I, II кл.)“
„ itæ d-it-a-d	„ „ (III кл.)“
„ u w-it-a-d	„ тебя (I кл.)“
„ u j-it-a-d	„ „ (II кл.)“
„ u b-it-a-d	„ „ (III кл.)“
„ ušæa d-it-a-d	„ вас (I, II, III кл.)“

Субъект 3-го лица множ. ч. I, II, III кл.

itæaddil id (I кл.)	w-it-a-j	„они (I, II, III кл.) побили его“
„ id (II кл.)	j-it-a-j	„ ee“
„ id (III кл.)	b-it-a-j	„ то“
„ itæ (I, II кл.)	b-it-a-j	„ их“
„ itæ (III кл.)	d-it-a-j	„ „
„ u (I кл.)	w-it-a-j	„ тебя“
„ u (II кл.)	j-it-a-j	„ „
„ u (III кл.)	b-it-a-j	„ „
„ ušæa (I, II, III кл.)	d-it-a-j	„ вас“
„ du (I кл.)	w-it-a-j	„ меня“
„ du (II кл.)	j-it-a-j	„ „
„ du (III кл.)	b-it-a-j	„ „
„ nusæa (I, II, III кл.)	d-it-a-j	„ нас“

При субъекте в 3-ем лице прошедшего времени спряжение переходного глагола в обоих числах совпадает (поскольку совпадают формы 3-го лица единств. и множ. числа).

Субъект 2-го лица множ. ч. I, II, III кл.

ušæaddil id w-it-a-tæā	„вы (I, II, III кл.) побили его“
„ id j-it-a-tæā	„ ee“
„ id b-it-a-tæā	„ то“
„ itæ b-it-a-tæā	„ их“
„ itæ d-it-a-tæā	„ „
„ du w-it-a-tæā	„ меня“
„ du j-it-a-tæā	„ „
„ du b-it-a-tæā	„ „
„ nusæa d-it-a-tæā	„ нас“

Субъект 1-го лица множ. ч. I, II, III кл.

nusæaddil id w-it-a-dā	„мы (I, II, III кл.) побили его“
„ id j-it-a-dā	„ ee“
„ id b-it-a-dā	„ то“
„ itæ b-it-a-dā	„ их“
„ itæ d-it-a-dā	„ „

nusəaddil	u w-it-a-dā	„мы (I, II, III кл.)	побили	тебя“
„	n j-it-a-dā	„	„	„
„	n b-it-a-dā	„	„	„
„	uša d-it-a-dā	„	„	вас“

Настоящее общее время

Субъект 3-го лица ед. ч. I, II, III кл.

idil	id (I кл.)	w-it-u	„он (она, оно) бьет (обычно) его“
„	id (II кл.)	j-it-ū	„
„	id (III кл.)	b-it-u	„
„	itəe (I, II кл.)	b-it-u	„
„	itəe (III кл.)	d-it-u	„
„	u (I кл.)	w-it-u	„
„	u (II кл.)	j-it-u	„
„	u (III кл.)	b-it-u	„
„	uša (I, II, III кл.)	d-it-u	„
„	du (I кл.)	w-it-u	„
„	du (II кл.)	j-it-u	„
„	du (III кл.)	b-it-u	„
„	nusəa (I, II, III кл.)	d-it-u	„

Спряжение при субъекте 3-го лица множ. числа аналогична данному спряжению, поскольку формы глагола 3-го лица ед. и мн. числа совпадают.

Субъект 2-го лица ед. ч. I, II, III кл.

udil	id	w-it-i-t	„ты (I, II, III кл.) бьешь его (I кл.)“
„	id	j-it-i-t	„
„	id	b-it-i-t	„
„	itəe	b-it-i-t	„
„	itəe	d-it-i-t	„
„	du	w-it-i-t	„
„	du	j-it-i-t	„
„	du	b-it-i-t	„
„	nusəa	d-it-i-t	„

Субъект 1-го лица ед. ч. I, II, III кл.

dudil	id	w-it-i-d	„я (I, II, III кл.) бью его (I кл.)“
„	id	j-it-i-d	„
„	id	b-it-i-d	„
„	itəe	b-it-i-d	„
„	itəe	d-it-i-d	„
„	u	w-it-i-d	„
„	u	j-it-i-d	„
„	u	b-it-i-d	„
„	uša	d-it-i-d	„

Субъект 2-го лица множ. ч. I, II, III кл.

ušaaddil	id	w-it-i-təā	„вы (I, II, III кл.) бьете его“
„	id	j-it-i-təā	„
„	id	b-it-i-təā	„
„	itəe	b-it-i-təā	„
„	itəe	d-it-i-təā	„
„	du	w-it-i-təā	„
„	du	j-it-i-təā	„
„	du	b-it-i-təā	„
„	nusəa	d-it-i-təā	„

Субъект 1-го лица множ. ч. I, II, III кл.

nusəaddil	id	w-it-i-dā	„мы (I, II, III кл.) бьем его“
„	id	j-it-i-dā	„
„	id	b-it-i-dā	„
„	itəe	b-it-i-dā	„
„	itəe	d-it-i-dā	„
„	u	w-it-i-dā	„
„	u	j-it-i-dā	„
„	u	b-it-i-dā	„
„	uša	d-it-i-dā	„

Будущее время

Краткая форма будущего времени относительно 1-го лица единственного и множественного чисел (в переходных глаголах имеет суффикс -la, при тематическом гласном i):

Субъект 1-го лица ед. ч. I, II, III кл.

dudil (I, II, III кл.)	id (I кл.)	w-it-i-la	„я побью его“
„	id (II кл.)	j-it-i-la	„ее“
„	id (III кл.)	b-it-i-la	„то“
„	itae (I, II кл.)	b-it-i-la	„их“
„	itae (III кл.)	d-it-i-la	„
„	u (I кл.)	w-it-i-la	„тебя“
„	u (II кл.)	j-it-i-la	„
„	u (III кл.)	b-it-i-la	„
„	uša (I, II, III кл.)	d-it-i-la	„вас“

При субъекте 1-го лица множ. числа будем иметь те же формы, что и при субъекте ед. числа.

Спряжение аналитических форм будущего времени аналогично спряжению настоящего конкретного времени (объектно-субъектные показатели будут те же).

Субъектное спряжение, при котором глагол имеет страдательное значение. Реальный субъект — 3-го лица; префикс и суффикс указывают на реальный объект (грамматический субъект), реальный субъект в глаголе не выражен.

Настоящее конкретное время:

iddil id (I кл.)	w-it-ul-sa-w	„им избивается он“
„ id (II кл.)	j-it-ul-sa-j	„она“
„ id (III кл.)	b-it-ul-sa-b	„то“
„ itae (I, II кл.)	b-it-ul-sa-b	„избиваются они“
„ itae (III кл.)	d-it-ul-sa-d	„
„ u (I кл.)	w-it-ul-de	„избиваешься ты“
„ u (II кл.)	j-it-ul-de	„
„ u (III кл.)	b-it-ul-de	„
„ uša (I, II, III кл.)	d-it-ul-de	„избиваетесь вы“
„ du (I кл.)	w-it-ul-da	„избиваюсь я“
„ du (II кл.)	j-it-ul-da	„
„ du (III кл.)	b-it-ul-da	„
„ nusaa (I, II, III кл.)	d-it-ul-da	„избиваемся мы“

При реальном субъекте множ. числа картина спряжения будет аналогичной, поскольку реальный субъект в глаголе здесь не отражается.

Объектно-субъектное спряжение

Таблица показателей объекта и субъекта в переходном глаголе

Число	Лично	Прам. кл.	Префикс объекта	Наст. конкр. (аналитич. ф.)	суффиксы субъекта			Условное наклон.	
					Прот. соверш. (несоверш.) вр.	Настоящее общее время	Условное наклон.	Условное наклон.	
				И спряж.	II спряж.	III спряж.	I, II спряж.	III спряж.	
Единственное	1	I	w-	-da	-a-d	-i-d	-i-d	-i-d	-i-d-
	2	II	j-	-de	-i-d	-i-t	-a-t	-i-tee	i-tee
	3	III	b-	sa-w sa-j sa-b	-i-d	-i-tee	-a-t	-a(-j)	-a-n-
Множественное	1	I	d-	-da	-a-dā	-i-dā	-a-dā	-i-dā	-i-dā-
	2	II	d-	-da	-a-teeā	-i-teeā	-a-teeā	-i-teeā	-i-teeā-
	3	III	b-	sa-b sa-d	-a-j	-i-j	-a-n	-a(-j)	-a-n-

ТЕКСТЫ *

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

1. ūla wahla āgāga, migwe šinne bičēsu
Чужое не становится своим, плетеная корзина не наполняется водой.
2. halakšəud šin ūx[~]nasəe kađāđiŋu
Быстрая вода до моря не доходит.
3. tuja diq'ā waχbiχwaj, kubla diq'ā waχbiχəwaj
Рана, нанесенная мечом, излечивается, — рана, нанесенная словом, не излечивается.
4. dubx[~] səilla bəkwaκəwāl insanna maone bulhəāhəan
Пока мерку соли не съешь, человека не узнаешь.
5. mūle busāl biχ būsū
Если удержать рот, голова удержится (Держи язык за зубами, чтобы голова была цела).
6. qəabtəannizij awačəan tala biχwaj
Рубаха ближе к телу, чем кафтан (Своя рубаха ближе к телу).
7. wahle habūqəub kwīl wah wənkiŋu
В самом выкопанную яму сам падает (Кто другому копает яму, сам в нее упадет).
8. kəūtəan bišəibille biχwaj qulbe dāqib
Дом тем бывает построен, кто уложит каменные плиты по краям крыши [укладка плит по краям крыши считается последней деталью стройки дома].
9. bika bātəaldil xəwala təūtəa kabīčəu
Маленький топор рубит большое дерево (Мал золотник да дорог).
10. kwe ganix[~]əag sa nāq'licəe dūsāsū
Два арбуза не держат в одной руке.

* Русский перевод всех текстов дается не подстрочный, но, по возможности, максимально приближенный к оригиналу.

11. çutæ pæala isaxæanja çub dîxêxwa
Черная шерсть и от мытья не белеет.
12. ç'ulalla aqw sadābaγaja dārç'æë biγu
Если даже стадо не вернется, вечер все равно наступит.
13. ç'am çibūçakəwāl waχla maŋne bulhæāhæan
Не познав беду, цену счастья не познает.
14. kipikla baha axæāziwlij, çərušlaja axæāl wîxwaj
Кто не знает цену копейки, тот не знает цену рубля.
15. ūla ūiže mūtəawigāle bag x'əunižiw lakçijkiçu
Если сесть на чужую лошадь, на середине дороги ссадят.
16. kwe γwālij hēγe uqunziwlidil saçu būsasu
Кто гонится за двумя зайцами, тот ни одного не поймает.
17. aždahildil aždahæ akəwəl biçəqu
Зверь родит лишь зверя.
18. xəwe hæap buçaj, karwan baχ'aj
Собака лает, караван идет.
19. waχ ūçila çama çunalilja biçu
Голос (ржанье) хорошей лошади слышен и из яслей.
20. wahlidil wahla baha bugāganne, ūldil bugij bîxêxwaj
Если сам себя не обесценишь, другие не обесценят.
21. ākwie saçəaj, çanne bəçəaj
Река принесла, ветер унес.
22. hiçəiw ucəilij ucəaguwziw dēne tala wîxwaj
Чем далекий брат, сосед бывает ближе.
23. aγwçal sulalla təbiçibzib aγwçalla lümza bidīγu
Вышедшее из сорока зубов в сорок ртов попадает (Скажешь
с уха на ухо, узнают с угла на угол).
24. wilçəun ucəilij kəuš ucəilla maŋne axəu
Сытый брат голодного брата не понимает.
25. xəwala rāhəmatle gwanza kəntə biçu
Большой ливень смягчает землю.
26. baŋna kəatadil waš xəwalle bukan
Тихая кошка ест много сала.
27. altna bîxu kəaza
Заступом ударяют туда, куда он может легко вонзиться.
28. hæamhədil saçəibzib hæamhədil bukākan
Привезенное ослом осел не съедает (то, что сам приносишь,
самим же не съедается).

29. tu habîxwaj, lāmç habūxəaj
Плюнешь—прибыль, лизнешь — убыль (всякое прибавление
хотя бы даже ничтожное, приводит к увеличению, каждый малый
расход приводит к убыли).
30. hæamhəaj lūrçəçə bəxakəwāl iγəγu
Пока осла по ушам не ударишь, не поймет.
31. axəulla x'əune bükəakəu ja hūqla bikližib, ja ūx'əulla
lumib
Дорогу для „не знаю“ не найдешь ни на вершине горы, ни
на краю моря.
32. qiligwilla qwe dîxwa, ç'amhəala bisəa dîxwa
У вора клятва, у блудливого — слезы.
33. biç šumāžzil bidəšəze bîxwaj „ja allah“ buçul
Волк говорит „О, боже“, лишь пока пробирается через скалу
(волк помнит о боге только при опасности).
34. qalla talab çəituja ux'tan bîxwaj
У своего дома и кошка бывает гордой.
35. ūla bulhəin, wahla baŋna bəqa
Чужое узнай, свое не раскрывай.
36. tu katəqibžud lāmç hammaçiqit
Раз плюнул, потом не вылизывай.
37. aba jaxkəwan jüsəe asəa, lum baxkəwan duše asəa
Узнав мать — возьми дочь, проверив край — купи бязь.
38. libakəwā rāhəmatlij wəte çəxmaχat
Не надевай бурку, когда нет дождя.
39. çimla baxkəwakəwāl γaj hammawukut
Не говори слово, не проверив на вкус (Не говори необду-
манно).
40. wəçəutəže wiçə, wilçəutəže ukin
Работай до устали, ешь до сыта.
41. baç wikəul kammawiçut, awikəulja kiçunu
Не люби сильно, будешь и ненавидеть.
42. qiligwilij sa manah, masla wahlij wə manah
Вору один грех, владельцу имущества семь грехов.
43. mas titəuxāl — waχ γwabza, çal tirəuxāl — waχ x'əunul
Богатство — подвиг мужчины, хороший дом — подвиг жен-
щины.
44. bax'wanne akəwəl bikəku
Не взойдет, если не посеешь.

45. maləunna biḡ čipəčitəija kume haqar buḡāḡul buḡāḡa
Если у змеи даже раздавить голову, хвост все равно будет
шевелиться.

46. qullan tu dənkadādīqu, wahlij dēčəijja diḡunu
В источник не плюют, понадобится и самому напиться.

БЕСЕДА МЕЖДУ ДВУМЯ МАСТЕРАМИ

1. — widax'iblidij həaze?
2. — liwda bara-bara widax'ib, wənijkəxəul uja.
3. — kəq'id duja, wače lidij, se wačilcəiwidin?
4. — kwiše-kwiše wačija lid. u sil wiḡuldin, čijgujwiḡul daqə
liwakəwitəikəwa.
5. — biḡa-xəwala kax'udkəwa ḡubza.
6. — kəna daqə liwakəwitəe daḡuwiḡul.
7. — halaksəib wače čible təawikəkul katəilzid.
8. — biḡate silbiḡulnu, xəwala habiḡulij?
9. — biḡatija nā uškəalal bax'ul bučunnisab, iḡəila biḡate si
biḡulnu?
10. — bikəlte nisəilaja bučunnisab, qurban uškəala kabəxə
pabriḡle wiḡij kiže, bahlal habičəij būsəa wiḡulsaw.
11. — damja baqad iḡəila qurban usta aḡulsaw buḡul. arm
jalil iḡəila ibrahimla kama libij, sil wiḡulda uḡajnu?
12. — ibrahimla kame litəixwaj biḡaxəwala, aralda uḡaj.
13. — nisəila xaliḡja hibā dus armijal učilalsab.
14. — ulkəad xaliḡ nāltəal dsmalla uxublij, xəna tame diqannu
nisəila wačibiḡna kax'ul, wiḡa gal.
15. — xabarču akəwit dsmə dax'ulsad, biḡate xəwala habiḡul
nusəa duqna diḡul, buqnaḡub wijbidūxəul.
16. — duuā nāltəal bax'ulsab ucəe; čizib biḡul, bḡqzib wijbi
dūxənl.
17. — dila sa tilade lib: ulkəad sē-kwəlilla ila biḡa gucəa
biḡhakəa, dilalla q'əle čijkabətəib xərə čibalakəwanu.
18. — si biḡul q'əle čijkabətəaqatəin, ilaḡu waxsəib gucəa
biḡwe.
19. — galdil xəwala q'ūq' čibəxib du qiliw čiwakəwāmūtil
čijkabətəaqibisaw.
20. — hara buḡəa kə dila, amma ix'wle wijkaḡəa, damja ha-
man bigunu.

21. — hē ḡubza, sē-kwəl batwijkatəaḡila galcəila. barkalla, nā
wašilla.

22. — silij halak wiḡuldin, kiḡikəwa, čaj dēčəib wašij ḡamnu.

23. — barkalla, wallah halakida.

24. — nā wax'axəat salamat uxe. biḡa-xəwala tēkiče ḡaruḡij.

25. — kičilla, uja nisəišəu tēhiče. nā itəij wače samat duxab.
hatəziḡ du.

26. — salamat uxe.

Русский перевод

1. — Спешись, Гаджи? („Спешись?“ — обычное обращение
к работающему мастеру).
2. — Понемногу спешу. Явился ты?
3. — Пришел и я. Есть ли работа, что делаешь (какую ра-
боту делаешь)?
4. — Есть понемногу и работа. Ты как поживаешь? Давно
ведь не показываешься.
5. — Иногда прихожу ведь.
6. — Уже давно не видно тебя.
7. — Была срочная работа и оставался не выходя (из дома).
8. — Дети как поживают, растут?
9. — Дети теперь ходят в школу, учатся. Ваши дети как
поживают?
10. — Младшие и наши учатся, старший, Курбан, окончил
школу и начал работать на фабрике, постепенно учится грави-
ровать.
11. — И я слышал, что ваш Курбан становится хорошим
мастером. Из армии есть ли от Ибрагима письма, как он по-
живает?
12. — Бывают иногда письма от Ибрагима, здоров — говорит.
13. — И нашего Халика в будущем году возьмут в армию.
14. — Неужели Халик так уже вырос, ведь только недавно
в нашу мастерскую приходил маленьким мальчиком. Как быстро
бегут годы.
15. — Незаметно годы проходят, дети вырастают, мы стареем,
а старики уходят.
16. — Мир, брат, так идет, новое вырастает, старое уходит.

17. — У меня одна просьба: пожалуйста, на один-два дня одолжи твою маленькую наковальню, у моего ветка (рог наковальни) оторвалась и пришла в негодность.

18. — Что делаю, сорвал рог, у тебя же хорошая была наковальня.

19. — Сын, ударив большим молотком, когда меня дома не было, сорвал.

20. — На, возьми вот мою, но скоро верни, и мне всегда бывает нужна.

21. — Конечно, через день-два пришлю обратно с сыном. Спасибо. Теперь пойду.

22. — Почему спешишь, сиди же, выпив чай, можно пойти.

23. — Спасибо. Ей-богу, спешу.

24. — Ну, если уходишь, добрый путь. Иногда заглядывай побеседовать.

25. — Буду заглядывать, и ты к нам заглядывай. Ну, пусть облегчится тебе работа. Я пошел.

26. — Счастливо (или „добрый путь“, напутствие на дорогу).

bikatala dalajte

Детские песенки

1. — Wā, wasa sirina!	— Эй, мышка, мышонок!
2. — Sirikutəin həurina?	— Что ты хочешь?
3. — ıla miçilla qužib həamhəa çibnu çijbuka.	— На твоём просяном поле Находится осел, уведи его.
4. — čina bučidan?	— Куда же мне увести?
5. — dēqwla ucəalta.	— К дверям хлева.
6. — dēqwla ucəa činadnu?	— А двери хлева где?
7. — çal dikəwe.	— Огонь сжег.
8. — ça činadnu?	— А огонь где?
9. — šinne dāx'əe.	— Вода потушила.
10. — šin činadnu?	— А вода где?
11. — abābala q'ulle dēčəaj	— Бабушкина корова выпила.
12. — q'ül činabnu?	— А корова где?
13. — biçle bəkwin.	— Волк съел.
14. — biç činabnu?	— А волк где?
15. — qəatəa katəalla lukəur bi- cəul katəažij.	— По улице вниз кувыркром по- катился.
16. — çumikan jatal hēçə ix'wi- təidilkəwa!	— Запустил бы ты в него гирей!
17. — mažal libakəwe.	— Некогда было.
18. — siliç mažal libakəwin?	— Почему некогда было?
19. — səupilla çumarrij mūqila pāpa çikwaj jilukəun, wasadil pəilluç luçun, māqačidil çang dīxul, urkəa-bāba jidīgul.	— За усатого Омара выдавали Замуж девушку-пчелку. Мышка играла на свирели, Кузнечик играл на гармонии, Урква-бяба танцевала.

1. wā dīx'w, šəa buq'in,
2. šinala qəatəa buq'in!
3. ila qilib qalče xib,
4. qalla hilab pəpə xib,
5. čižiqaltab waršəa xib.
6. ila abābala nigla q'əikwne
dēndučəulnu dučbuqin, duč-
buqin.

* * *

Эй, туман, уходи,
Уходи в места 'аула' Шина!
В твоём доме воробей,
А за домом бука,
А на крыше баба-яга.
Бабушкино молоко пьют,
Беги скорей, беги!

* * *

1. wa čižilan, čižilan
2. čižizij juq'ā jūšəe!
3. wūčum kulaxəa čidzij,
4. wič tūpəigala čidzij,
5. iγ'ānilla γwaj tabzij,
6. arbašəun qučme čidzij,
7. həalukəuc təpəe čidzij,
8. darajla awa čibzij,
9. daraila kəz čibzij,
10. buxə'āxə'an kəatə čibzij,
11. zəbrəbla čuxtəa wibzij,
12. əsla kisurə wibzij.
13. — du hēqwij səəne libij,

Эй, джиглан, джиглан,
Джигинская красавица!
С девятью браслетами,
С десятью колечками,
С жемчужным ожерельем,
С шелковыми косами,
С красивой обувью,
В шелковом одеянии,
В шелковой головной накидке,
С нелиняющим платком,
С парчевой чухтой,
С карманами из серебра—
— Есть ли лестница, чтобы мне
взойти,
Есть ли стул, чтобы мне сесть,
Стоит ли котел на огне,
Стоит ли у огня кувшин с чаем,
Печется ли хлеб в золе,
Есть ли огонь—испечь лепешки?
— Есть лестница, чтобы ты
взошла,
Есть стул, чтобы тебе сесть,
Стоит котел на горящем огне,
Стоит у огня кувшин с чаем,
Печется в золе хлеб,
И есть огонь испечь лепешки.

14. du kēzij guta libij,
15. čəbicəul wəšək libij,
16. tabdicəul q'əünne libij,
17. wāx'ub tuluṭ libij,
18. čəbga bēcij čə libij?
19. — n hēqwij səānija lib,
20. u kēzij gutaja lib,
21. čəbicəul wəšəkja lib,
22. tabdicəul q'əünnija lib,
23. wāx'ub tuluṭja lib,
24. čəbga bēcij čaja lib.

Детские считалки¹

ižizalan, bižizalan,
tukižalan, balbaližan,
γudurbižan, hāpəan, jāpəan
čijar, bijar, qəanč.

* * *

ižillan, bižillan,
tukillan, səarbiħəan,
q'illan, qalibič,
ulgu qəip, qəipjənjičin,
wammala wəšaj buqəa tūp.

Колыбельная песня

1. atəa salamət wiqab,	Папе доброго пути,
2. salamətə sawayab.	Счастливого возвращения.
3. buqin x'əune kuṭbuxab,	Длинная дорога пусть укоротится,
4. kuṭ x'əune samət buxab!	Короткая пусть облегчится!
5. allah hiqala uxab,	Бог да помощь совершит,
6. həlzilja wəsab,	С крутизны да спасется,
7. hədahlizilja wəsab,	От опасных мест да спасется,
8. šūme-qūmažžil wəsab!	От скалистых мест да спасется!
9. q'am ulcəilja wəsab,	От плохих людей да спасется,
10. ulbacəe šəala bikəab,	Глазам свет да дастся,
11. šəišəimala bimmakəab!	Горькие думы да не дадутся!
12. wəwəla duqə hatəe	Подобно куриному яйцу,
13. qalja bičib wipəəkəab,	Дом полный пусть застанет!
14. mūqila səale hatəe	Как пчелиный улей,
15. sawja wičib sawiyab!	И сам полный возвратится!
16. atəa liwq'an ha'ule,	Если скажут—едет папа,
17. mūtə-guta bicəijda,	Поставлю скамью из золота,
18. ūčə libq'an ha'ule,	Если скажут—едет лошадь,
19. mälla tīne bicəijda	Сеном ясли наполню.
20. q'əita libq'an ha'ule,	Если скажут—едет жеребенок,
21. əsla q'əātəa bəq'ijda.	Серебряный гвоздь прибью.

¹ Детские считалки непереводимы.

1. udil ducəa kalam dāq, Да преврати ты лес в карандаши,
2. udil ūx'əu šiq'ā dāq, Да преврати ты море в чернила,
3. udil kəpne kame dāq. Листья дерева в листы бумаги.
4. abaj wat dila wikəan Для мамы здравствуй, мой любимый,
5. dila aqil aqušəan, Мой высокий акушинец,
6. dila γaze-γumikan. Мой гази-гумиканец [лакец].
7. aqušəala qadnaddil Стань таким, чтобы акушинские-кади
8. qara kabulčan uxe, Шапку снимали перед тобой.
9. səāhəala xəwalataddil И сюгринские старшины
10. γwaškalde wīqan uxe. Приветствовали бы тебя.
11. γumikan derqwla usta, Мастер гумиканского танца,
12. čūlan čugurra usta, Мастер дербентского чонгури,
13. abaj wat dila wikəan. Для мамы здравствуй, мой любимый.
14. aba kəuš juxummūtil, Мать, когда проголодается,
15. tarkaman minžla palaw, Ты для нее таракаманского риса-плов,
16. aba duw juxummūtil, Мать, когда озябнет,
17. biq'lümalla xəwala ça. Ты ей огонь из поленьев.
18. aba çäby' juxummūtil, Когда темно маме станет,
19. baku lamtla buq'ā çäy, Ты ей светильник бакинской нефти,
20. aba murž juxummūtil, Мать, когда станет томиться жаждой,
21. abaj šarabla šuša. Ты ей яства бутыль.
22. itin' šänəš dara'ne Красные и зеленые шелка
23. utəulal uqna uxe, Изнашивая, состарься.
24. tarkaman minžla palaw Таракаманского риса плов
25. bukunal uqna uxe. Кушая только, состарься.
26. atəaja wat uja wat Пусть здравствуют и отец и ты
27. abala ucəija wat, И мамин брат пусть здравствует,
28. balle ucəuqrija bat, Наравне и двоюродные братья тоже,

29. balballe tuxumja bat,

30. abaj wat dila wikəan.

31. mute-āsla zanzarəq'

32. zumrutla bēmbigala

33. dila ulballa šəala

34. dila ūkillā dikəa.

Поровну и родственники пусть здравствуют,

Для мамы здравствуй, мой любимый.

Звонок из золота и серебра,

Изумрудный камень перстня,

Свет моих очей,

Любовь моего сердца.

* *

1. duscəunnin səanad qəuqbe,

2. uscəin abala uja,

3. duscəunnin dublid muqre,

4. uscəin abala uja,

5. abaja jusəillanu.

6. atəaj mute, abaj əs,

7. ūlij qacala γisbe.

8. atəa-abala dagniw

9. zumrutla bēmbigala,

10. ucbe-jucballa dagniw

11. mute-āsla zanzarəq',

12. tuxum-ahlulla dagniw

13. mutil dišəib tupanča.

Спят на склоне куропатки,

Засни, мой милый, и ты,

Спят в долине агнята,

Засни, мой милый, и ты

И я, мама твоя, засну.

Для папы золото, для мамы серебро,

Чужим — волосы козы.

Среди родителей

Изумрудный камень,

Среди братьев и сестер

Звонок из золота и серебра,

Среди близкой родни —

Золотой насечки пистолет.

zamqujla dala j

Песня, распеваемая
на качелях

1. zamquj qul asəaj,

2. qulla buṭa illaslij,

3. būteib qəiču čūlannij,

4. čargas wəte wahəmallij.

5. dila atəaj həazla qara,

6. dila abaj margarra kaz,

7. dammij dē təuyalla kaz,

8. dila jucəilij čamaxe čakma, Моему отцу шапка из Мекки,
Моей матери марлевый каз,
Мне каз в узкую полоску,
Моей сестре шемахинские сапожки,

9. dila ucəilij xan čakma

10. dammij əsla kisure.

11. zubajda, zahida,

Брату ханские сапоги,

Мне денежный кошелек.

Зубайда, Загида,

12. dikw dušilla q'əpəiza,	Аршин бязи Кяпиза,
13. çutəē lamtla çub šuša,	Белая бутыл с черной нефтью,
14. çub lamtla çutəē šuša,	Черная бутыл с белым кероси-
	ном,
15. q'əšq'al biçib çutəē çip.	Шерстью полная черная кор-
	зинка.
16. çammudgala šəiligud šəä-	Под аулом Амузги—„щяпиквне“,
pikwne,	
17. šəilla alaw qabs dukuzud	Вокруг аула хрустящие
18. qāqa ugge tid bukaç.	Съедобные цветы есть—говорят.
19. sālte jūsbe buq'əxəan	Если пойдут за ними и другие
	девочки,
20. nusəaja diš duq'illa.	И мы с ними пойдём.

dikəalla dalajte

Лирические песни

1. jistəe dikəaja duja	С этой любовью я
2. jaxle kiçib wibkulle,	Вдруг если и умру,
3. qabul dila šəaladil	Милый сердцу мой свет
4. dāqijwā dammiç q'ürte?	Сделает ли по мне поминки?
5. iltəe dikəaja uja	С этой любовью ты,
6. jaxle kēçib jibkutəe,	Вдруг если ты умрешь,
7. həurumtalla jūsbaddil	Райских девушек
8. žanaza bacəaqijda	Заставлю труп омыть.
9. isbahan kalkantalla	Из исфаганской парчи
10. kapante çijdalzijda,	Сделаю саваны,
11. maørum qəəqəalla šūme	Скалы из мрамора
12. hatəuqəub x'əəb dāqijda,	Вырубив, могилу сделаю.
13. mute-āsla kalpiçəe	Кирпичи серебра и золота
14. hangusliç çijdalzijda.	Могильными камнями выложу.
15. iran šahla zawudlib	На заводе иранского царя
16. kabətiçib šəiq'la tətəə	Отлив фаянса надмогильный
	камень,
17. x'əəbliže katəatijda	На могилу поставлю.
18. māda āsla murçalla	Из прутьев чистого серебра
19. x'əəb alaw x'əə dux'ijda.	Могилу частоколом огорожу.
20. qəizil bašla jūsbaddil	Кизилбаша девушек,
21. talqin balkəa katəiçib,	Молитвы к богу написав,
22. aɣw bajraq dēšaqijda,	Соткать четыре флага заставлю,

23. kat dudil katəatijda	Я же сам их поставлю
24. aɣwal mudincəe sasa.	По четырем углам по-одному.
25. x'əəb habiltun žahilte	Могилу копающая молодежь,
26. hatəitinaçəwa çəuqle,	Выкопайте же глубоко,
27. dikəaldil dilqəakəwā çāx	Любовью не насытившееся тело,
28. dilqəaqij çutəē wançəal.	Чтоб насытить черной землей.
29. karan isəu mallubne,	Саван кроющие муллы,
30. diçəkəwa q'əb qaçal,	Скройте узкий воротник,
31. halmaçle dusakəwā q'əb,	Поклонником не обнимавшуюся
	шею
32. dusaqij çub kapanne.	Чтобы саван обнимал.

* *

1. aq-aqle aqla qalta	На высокую крышу
2. həaq'anne šəala šəatəe,	Если придет мой свет,
3. azij dikanna sa çāx	Тело из тысячи мышц
4. dila dīxwaj sa-salat.	На части распадается.
5. isbahila sinna çāx	Фигуру ее стройную
6. mūtka dam baxkəwillija,	Когда б ни увидел я,
7. dāš dikanna sa xəamxəa	Тело из сотни мышц
8. katəixwaj dila tuçu.	На части распадается.
9. azijlicəib sallaçn	Даже у одного из тысячи
10. ja dikəa didādīçu,	Любовь не достигает взаим-
	ности.
11. azijlicəib sallaçu	Даже у одного из тысячи,
12. ja didayib duçāga.	Достигнув, не сохраняется.

* *

1. qaçazib ūkilçəila	Со стиснутым сердцем
2. ha'idaj dardla wəb çaj?	Сказать ли печальных три слова?
3. saldat qəulluqliç wəx'aj	Служить солдат идет,
4. pətisahlital ūxkəul.	Царя боясь.
5. du ital ūxkəūhijja	Хоть я и боюсь тебя,
6. dikəaldil qaça wəqib,	Любовь не дала покоя,
7. ūkildil halak wəqib,	Сердце же поторопило,
8. dardla wəb çaj katəiçib,	И написав три печальных слова,
9. sa çə kabəyaçilan,	Письмо к тебе я пришлю.
10. tilade sab sa icəe	Просьба одна к тебе
11. diçəa sad allahlicəe,	И поклон к всевышнему,
12. tilade musəe kaç'ub,	Мою просьбу отвергнув,

13. biqwmēqwit dila ūke,
14. ūkillā qabul šəala
15. šəul kētij mūt bičijwā?
16. haj aman u jikəuldan,
17. u jikəul du ikəuldan,
18. har dā'im du ikəuldan,
19. du ikəul wāt mātaba.
20. u suq jaxkəwij jikutəe,
21. žan dičəij həadurrida,
22. haj aman qabul šəala
23. juxutəidil dam qadar.
24. dila ūkillā šəala,
25. dikəa dikəalla γajla
26. wab kubla sa qa kabžib
27. išəu kabayaqila.
28. wiçnux'ella šəala bac,
29. u mūt jaxkəwij bičijwā?
30. haj aman qabul šəala,
31. hūqla mudinžij bulbul,
32. baj qaltaj mute təaywa,
33. çutəe dara'e quçmar
34. çubžud māhilla sulbar,
35. allah u dam qadar jux
36. xē ganilla buçəažžil.

Не разбей мое сердце.
Сердца милый свет
Когда удастся рядом посадить?
Ай, аман, тебя люблю,
Любя тебя, я горю,
Все время я горю,
В огне не оставляй меня.
Если увижу тебя раз,
Отдать жизнь я готов.
Ай, аман, мой милый свет,
Мне бы досталась ты.
Сердца моего ты свет,
Только лишь любви словами
Написав из трех слов письмо,
К тебе его я пришлю.
Пятнадцатидневный светлый мес-
сяц,
Когда же удастся увидеть тебя?
Ай, аман, ты милый свет,
На вершине горы — соловей,
На краю крыши — золотой петух,
Обладательница черных шелко-
вых кос
И белых зубов слоновой кости,
О боже, ты стань моей суженой
В эти зимние месяца.

* * *

1. dikəa dišəiblin juçul,
2. jux'axəan ila aba,
3. ilaja dix'əab ha'a
4. likəa biçəu səniže.
5. kurça duçunnin pçul,
6. ux'axəan ila atəa,
7. ilaja duqab ha'a
8. qəaqəalla hangusliže.

Упрекать если станет мать,
За то, что ты влюблена,
Ответь: „Влюбись ты в лестницу
На которой труп несут“.
Упрекать если станет отец
За твою страсть ко мне,
Ответь: „Пусть появится у тебя
страсть
К надгробной каменной плите“.

1. dikəa dišəibla hitəe
2. šəaw uguziw uxuddil,
3. dikəalla wab γaj ha'ij
4. munah buxikəwe çannu.
5. miskin qilid qəuça çəx.
6. ux'tan sili jixuldin?
7. anqəaballa qəwaçlicəiw,
8. qəuçaballa təkəwanaw,
9. səupil akəwā səadap dāj
10. ux'tan sili jixuldin?

* * *

После того как полюбил,
Если б оставался в ауле,
Сказать три слова о любви
Не было бы ведь греха.
В бедном доме грациозное тело,
Почему гордишься ты?
В квартале садов,
На балконе красавиц,
Безусое плоское лицо,
Почему гордишься ты?

* * *

1. naxu bəle çamaxə
2. qurban qəle dāqille,
3. wax'u ila bax'rilij;
4. ganža bəle iriwan
5. sadaqa qəl dāqille
6. kateicəu ila səajlij.
7. naxu xarasan daraj
8. jičəijqaba du itəij.
9. ganža xəwaləl dara'e
10. u dammij qabullidan,
11. muçuj çubziw atəala
12. çəx qəuça juç'a jüsəe.

Нуху и Шемаху
Принес бы в жертву
Твоей походке;
Гянджу и Ереван
Пожертвовал бы
Твоей поступи.
Нухи, Хорасана шелк,
Полюби же ты меня.
Гянджи лучший шелк,
Ты мне нравишься,
У белобородого отца
С телом статным красавица-

* * *

1. dikəa dišəible buçul,
2. bux'ulsab siçal wəlam.
3. bux'axəanja žan šəala,
4. çəra libakəwan dila,
5. çiw allah ux'axəanja
6. wamal libakəwan dila,
7. jihtəe dikəa dix'əaqij
8. allahla aqre çible,
9. dišəib dikəa aqaqij,
10. diš çidakəwiwə wumtu?

Говоря, что полюбил,
Ругает [меня] весь народ.
Хоть ругают, милый свет,
Нет у меня выхода.
Даже если ругает всевышний,
Выхода нет у меня.
Этой любовью [заставить] по-
любить
У бога была сила,
Чтоб пережить эту любовь,
Не было ли у него [для меня] и
жизни?

11. dikəa dikəalla ɣajle
12. ɣaj diɕeila juɕulij,
13. kulɒxmaddil diɕib nəq'
14. q'əbja sälla dusatəin,
15. ɕəx ara bəqab ila
16. sūrat illaj damja lid.

Словами о любви
Хотя со мною говоришь,
Рука, полная браслетов,
Шею другого обвила.
Пусть расцветает твой стан,
Портрет хоть и мне есть.

* * *

1. aq səprəɕəid šəala bac,
2. qəgarəpɒlməɕəid ɕub əs,
3. qəurušəɕəid xurda əs,
4. ah lazatla. ila ɕəx,
5. lazatla ila xəamxəa.

Светлый месяц на высоком небе,
Среди медных монет — серебро,
Среди рублей — разменная мо-
мета,
Ах, это страстное тело,
Страсти полный твой стан.

* * *

1. waransuwla xəazina,
2. libil dunā dila de,
3. lib dunālla wah dude.
4. adinu nā u dila,
5. it jisəul ila aba jibɕ,
6. u dammij jisəulal jibɕ.
7. biɕulal səuqəur jūsbe,
8. ɕənij dəkw ila ulbe,
9. jah dila dikəa dišəib,
10. səllij ɕikwaj juq'ütəe.
11. mūqij mūqale diɕle,
12. adame itəij qabq uxub,
13. u dišəujā ɕar juɕe.
14. jatimlij patahə diɕle
15. juɕijdin nasib illaj.

Казна Воронцова,
Весь мир — были мои,
Всего мира обладателем был я.
Но теперь ты не моя,
Рыдая по тебе, пусть умрет твоя
мать,
По мне рыдая, умри и ты.
Рожая дочерей слепых,
Выедатся глаза твои,
Если я полюблю тебя,
А другому ты достанешься.
Подобно горечи пчеле,
Опротивев тебе муж,
Да возвратишься ты ко мне.
Подобно достающимся сироте
штанам,
Суженой хоть станешь мне.

* * *

1. awikəujul wiɕijwā
2. wikəujillij juɕijwā,
3. awikəujilla qilij

Нелюбимый ли достанется,
Выдадут ли за любимого,
В доме нелюбимого

4. jisəul wumru duq'ijwā,
  5. wikəujilla aqəanaj
  6. juməul wumru duq'ijwā?
- В слезах пройдет ли жизнь моя,
Или у очага любимого,
Резвясь, пройдут ли года мои?

* * *

1. aqre akəwəzib ɕəxlij
  2. x'əaj šəalilla dig darman,
  3. hunar akəwā tūməddij
  4. wātilla təpəe darman.
  5. šaxwle bikəub miɕəillij
  6. irilla māka darman.
  7. dikəal dəkun ũkiliɕ
  8. jikəanala nəq' darman.
  9. dardle dəɕib ũkiliɕ
  10. lidakəwa səɕu darman.
- Для уставшего тела
Мясо окорока — лекарство,
Для уставших ног
Войлочные туфли — лекарство.
Для выжженного луга
Полуденная роса — лекарство.
Для сожженного любовью сердца
Рука любимой — лекарство.
А для сердца, полного тоски,
Нет никакого лекарства.

* * *

1. macəadil dəkun səumbe
  2. dīxwaj dusle wagna ɕe,
  3. udil dəkun dila ɕəx
  4. dila ɕe sadəbulqan.
  5. aq hūqəzžib ɕa ɕible
  6. ɕa akəwāl jugəguzij,
  7. x'əaɕ ũx'əuɕəid šin xille
  8. šin akəwāl jugəguzij.
  9. bag šəiləiw du liwle
  10. du akəwāl u južillij?
- Овцами съеденные луга
Трижды в году обновляются,
Тобою изъеденное мое тело
Никогда не оправится.
Увидя огонь на вершине горы,
Ты не останешься без огня,
Увидя воду в синем море,
Ты не останешься без воды.
В середине аула пребываю я,
Останешься ли ты без меня?

* * *

1. ũkuqan bax'rilla jah,
  2. ũsagan təpəilla jah,
  3. səulekan awalla jah,
  4. wəmmudganna qazla jah.
  5. quɕme duqinzud juɕul,
  6. jixməxut hakal ux'tan,
  7. qnɕme duqinzib ũɕe
  8. ũlij ɕirilij biku.
  9. ulbe ɕutəɕəud juɕul,
  10. juq'al u qəunc juɕmaɕut,
- Походка у тебя урқарахская,
Обувь из аула Урцаки,
Платье — сулевкентское,
Каз из аула Амузги.
Не очень зазнавайся,
Что коса у тебя длинная,
У лошади грива тоже длинная.
Но она трудится на других.
Не очень зазнавайся,
Что глаза у тебя карие,

11. ulbe çutæzib hæawan	Черноглазое животное
12. dūqe-tunab bixwajnu.	Бывает в конюшне и в хлеву.
13. eqme itinžud juķul,	Не очень зазнавайся,
14. hakal u haķ juķmaķut,	Что щеки у тебя румяные,
15. xajdaqla itin hunzbe	Хайдакские красные яблоки
16. qæurušlij sæa' dīxwajnu.	Стоят мерка один рубль.
17. kuc isbahij sab juķul,	Не очень зазнавайся,
18. hakal jūlķun jax' max'ut,	Что походка у тебя грациозна,
19. kuc isbahij qalçila	И птичка тоже грациозна,
20. sa dūs wumru dīxwajnu.	Но живет всего один год.

* *

1. qæizlar qæalalij uja	В крепости Кизляре ты,
2. qæāqæalla qiliw duja	А в каменном доме я.
3. hiqle dišæib dikæaja	И далекая любовь,
4. dīkul ābla šæalaja	Наступающая весна.
5. iltæe wumrulžij uja	И ты в этом возрасте.
6. jē zamanalžiw duja	И я в этих годах,
7. u iliteal du jītæal	Ты этак, а я так
8. dužillan kwātæe maqin?	До каких же пор будем?
9. kabilçin xē ahwaj qa	Прочти горькое письмо
10. pikre dāqa dila çax.	И подумай обо мне.

* *

1. tuplis anārta tæūtæa,	Тбилисского граната дерево,
2. kutēs limunna baxça,	Кутаисского лимона сад,
3. iran qæajsilla γwila	Ирана фруктовый куст,
4. tuxum ūķilla dikæa.	Всея родни сердца любовь.
5. hammakæab šæišæimala,	Пусть не коснется тебя печаль
6. agab ūķilla murad	И сбудется сердца цель,
7. urtaq dila pātimat.	Друг, моя Патимат.

ХАВАРТЕ — РАССКАЗЫ

I. bīkatalla ulbe

1. galdil atæacæe ha'iblisaw: — atæa, damja sadā ulbe asæakæwa, udil diqle dudilja kæiniškæa kaluçij biçæiqannu, — uķul.
2. — wæxæib, dila gal, bīkatalla ulbe asæila itæij dudil, — uķul žubab bæqiblisaw atæadil. 3. heγibil bæ asæibisaw galij atæadil alipæalla kæiniškæa.

Детские очки

1. Сын сказал отцу: — Папа, купи же и мне одни очки, и я хочу, как ты, читать книгу.
2. — Хорошо, мой мальчик, куплю я тебе детские очки, — ответил отец. 3. На следующий день отец купил сыну букварь.

II. q'æina bæle mūqe

1. šinnicæe bēnkabçiblisab sa mūqe. 2. bēnijhabqij bīxexul kabūsij kabžiblisab. 3. tæūtæažil q'æinaj tēbidigun mūqe, qaræ lakæabāqiblisab šinnicæe. 4. qaræilže çābqun bēnijhabqunnisab mūqe šinnicæil, kabsakæwāl.

Ворона и пчела

1. Одна пчела упала в воду. 2. Не могла выйти из воды и начала тонуть. 3. С дерева ворона увидела пчелу и бросила лист в воду. 4. Пчела влезла на лист и вылезла из воды, не утонув.

III. ū ç e

1. ūçe adamilij his bažizib hæawan sab. 2. ūçaddil qume dalx'wan, duxbe diqæu, ūçacæila šilqan bax'aj, ducæan bax'aj. 3. ūçij paryatdix' bixkæekæu ja gane, ja ābdikne, ja ēlij, ja dūçæilij. 4. ūçe bibkæle idila kabçicæil kabçliqæe dīqu.

Лошадь

1. Лошадь для человека самое нужное животное. 2. Лошади пашут поля, носят вьюки, на лошадях ездят на мельницу, в лес за дровами. 3. Лошадь не видит спокойствия ни зимой, ни летом, ни днем, ни ночью. 4. Если лошадь подохнет, то из ее шкуры делают чувяки (пастушечьи).

IV. kwe kaičba

1. sa bēzib čimilžid tadāq'iblisad salij sa saq'un kwe kaičba. 2. — čarbuxe u, du halaklidanu, buķubisab sa. 3. — mabixud, duja halaklida, buķubisab idil. 4. sačullij čarduxij abikoul, daqē čalle dīqul dužiblisad kwijal kaičba. 5. hibā heateāx'ij kateižiblisad. 6. saldil salij mukaečne dēndēxib, aķwicēe dēnkateičib, kwijal aķwle dēqēiblisad.

Две козы

1. На одном узком мосту встретились друг с другом две козы. 2. — Вернись ты, я спешу, — сказала одна другой. 3. — Не вернусь, и я спешу, — сказала другая. 4. Ни одна из них не пожелала вернуться, долго обе спорили. 5. Потом начали бодаться. 6. Ударив друг друга рогами, обе они упали в воду и были унесены рекою.

V. heamhea x'unul

1. sa x'unulla uqāžibzib heule bēkunnisab wasnad. 2. wasne dusaqila juķul, čaitu bēmbuqunnisaj uqāže x'unullidil. 3. uqāžib čibzib siķabxā: heule, dig, nēx, bēmbēkunnisab čaitudil. 4. čiq'a-tailla teilaγib nigla q'āikwaja ičiblisab. 5. naltal seču akewāl kateilgunnisaj heamhea x'unul.

Глупая женщина

1. У одной женщины мыши съели находившееся в кладовке сало. 2. Говоря, что изведет мышей, женщина заперла в кладовке кошку. 3. Кошка съела находившиеся в кладовке продукты: сало, мясо, масло. 4. Под конец, опрокинув, пролила и кувшин молока. 5. Так осталась ни с чем глупая женщина.

VI. waxsaiw juldaš

1. sa galdil ha'ibisaw juldašlicēe — kabžij kalam bišhakēa uķul.

2. — uškalal saq'ummūtil kalam bišsaqoitēidil uķul, juldašlidil bišbičēiblāsaw.

3. hēyibil bē id juldašla kēiniškēa qilib kateilgun, galcēe „bišhakēakēwa kēiniškēa“ uķul ha'ibisaw id juldašlidil.

4 — ma, uķul galdil busəahəat juldašlij kēiniškēa bičēibisaw. 5. id juldašlij hakal čaxtakabicoul saw sindil galij səa kalam bišbikēakewāl. 6. idizila čidilka siķabuxāja bišhakēa ha'adilja id juldašlidil haman bišbilučēij kižiblisaw.

Хороший товарищ

1. Один мальчик попросил товарища одолжить карандаш.

2. — Когда шел в школу, принес бы с собой, — ответил товарищ и не одолжил карандаш.

3. На следующий день сам, забыв дома книгу, попросил у того мальчика одолжить книгу.

4. — На, — сказал мальчик и тотчас одолжил ему книгу.

5. Тому товарищу стало очень стыдно, что он вчера не одолжил ему карандаш. 6. С тех пор, кто бы ни попросил у него что-нибудь, он всегда одалживал.

VII. kwe qubcəāra

1. sa x'əwāle widāguziw qubcəāraj tawāq'ibisaw sāl qubcəāra mālla ūkāja sawja saq'un.

2. səalam bičēib, x'əwāle widāguziwlidil x'əajwayiblisaw — si sakuldin uķul.

3. — wallah ūsul sakulda uķul, žubab baqiblisaw ūkālla wahlidil.

4. — sižnd ūsul, iltəiku mā sad, uķubisaw x'əwāziw qubcəāra.

5. — mā salla tēsateilgaxəat, x'əaj silij wīγuldin uķul, žubab bāqiblisaw mā sakuziwlidil.

Два крестьянина

1. Одному идущему пешком крестьянину встретился другой крестьянин, едущий с возом сена.

2. Поздоровавшись, пеший спросил другого: — Что везешь?
3. — Ей богу, дрова везу, — ответил хозяин воза.
4. — Какие дрова, это же ведь сено, — сказал пеший.
5. — Если видишь, что сено, почему спрашиваешь? — ответил везущий сено.

VIII. qubcəāraja ʔaʔja

1. sa bē qu basij sa qubcəāra wāq'ūnnisaw quže.
2. busala bē wiqib, xəwalle wačija bāqib, qil čarsixummūtil, x'əunižiw sa čulašəan tāwāq'iblisaw.
3. — qnžiw katəilžitəij, wācəitəij, uqul x'əajwayiblisaw iddil qubcəāra.
4. qubcəāražij talabičib, usla mukəačilže kabžibzib ʔaʔlidal žubab bičəiblisab: — wallah ijal nnsəaddil xəwalle wače bāqib dācəidā, libil qn basun taman bāqadā, buqul.

Крестьянин и муха

1. Однажды один крестьянин пошел на поле пахать.
2. Когда возвращался домой, проработав весь день и совершив много работы, встретился ему односельчанин.
3. — На поле был, устал? — спросил крестьянина односельчанин.
4. Опередив крестьянина, муха, сидевшая на роге быка, ответила: — Ей богу сегодня мы, много работы совершив, устали; все поле вспахав, закончили.

IX. həamhəaja ūčija

1. həamhəaja ūčija kwijal sannid didāgul dužiblisad sa x'əunižil.
2. həamhəažib xəwalazib dix čible bužiblisab, ūče bačle.
3. həamhəa bācəul ha'iblisab ūčicəe: — sa buʔa dixla čijbidal-čin dižil, hakal bācəuldan buqul.
4. — mabidulčad buqul, čijbidalčunnāsab ūčidil saču buʔa.
5. həamhəa bācəul hakal, kabčib bibčiblisab. 6. həamhəa bibčimmāle, həamhəala dixja, illa čile həamhəala kabəja ūčiče čidišəiblisad.

Осел и лошадь

1. Осел и лошадь шли по одной дороге вместе.
2. На осле был большой вьюк, а на лошади ничего.

3. Осел устал и сказал лошади: — Возьми с меня один кусок вьюка, я сильно устал.

4. — Не возьму, — сказала лошадь, и не взяла с осла ни одного куска.

5. Усталый осел упал и умер. 6. Как только осел умер, весь вьюк осла, сверх того и шкуру осла, нагрузили на лошадь.

X. quçaj-wahəmadla qəiču

1. miqliziw uče uxub, quçajla wahəmad, čize qaltal tahə kizilla uqul, ugəgul uziiblisaw. 2. — kammawigutkəwa bažəkəwanu, — uqul macəa-jusuplidal illa qəiču kwibusibisaw. 3. kwibusibhija katəagūlsaw, durwəčib. 4. x'əaj qəiču kwibusib jusupja liw, batiyəul. 5. təimilliq diqle čur sigul wahəmadja liw. 6. x'əaj qəiču macəa-jusupla nūq'bacəib katəilgun, təap uqul tala qalta kičibisaw quçajla wahəmad. 7. qaj qəiču wahəmadlij katəilgunnisab, x'əaj qəiču jusuplij bičiblisab. 8. jusuplidalja wātilla təapəilij bəmbix'əaqij x'əunullij bəqəibisaw x'əaj qəiču.

akiše ɔmragow, 60 let.

Чоха Куцай-Ахмеда

1. Опьянев на свадьбе, Куцай-Ахмед сказал, что прыгнет с крыши, и не успокаивался. 2. — Не прыгай же, не надо, — говорил ему Мацда-Юсуп, схватив его за полу чохи. 3. Хотя и держали [за чоху], полетел с крыши Куцай-Ахмед. 4. Мацда-Юсуп [не отпуская] держал его за полу чохи. 5. Кружась, подобно мячу, повис в воздухе Куцай-Ахмед. 6. Низ чохи остался в руках Мацда-Юсупа, а Куцай-Ахмед упал с шумом на балкон. 7. Верх чохи остался Ахмеду, а низ чохи Юсупу достался. 8. Юсуп отнес низ чохи жене, чтобы она сделала из него стельки для валенок.

XI. ɣintəa-qurbanna xabar

1. ɣintəa-qurban čərgaslicəiw wīqu waxtla, bukəin bāqij wašak čəbicəūlsaw, buqul bičib. 2. bikub çaja, bučəijqul wašakja, tahiziblisaw aqəilta. 3. cəe čidil uqul, milqa kabčib baxkəubisaw. 4. buçədišəaddil q'ürtkatəərij uxakəwāl hibā tubənhabāqiblisaw jučəuzib wəškəa. 5. təhəčikətəižib duçəžud nəy, dāj dikəubisad illa. 6. təhətəkiguziw aqəiltal, qəəqəalcəe hila biq bənačəibisab.

7. hēāsij uxnb, q'əpčijkabāqib wašak, wibēx'ubisaw azbarre,—ila wah wibčib bēkw — uqul. 8. q'amarčidhatəikul xəudad, baʔibil tala wijbukunne dužiblisad. 9. wašak ləmc bēnijhabiqul tēbidi-gunnisaw qurbannij.

10. — wašakja bēnbukunniqal xəudad — uqul, wašak wijsaqəij wāq'ünziw qurbannij, xəude tāhəčiteizib qulṭa tuj busib, ēk bac kisəun katəilgunnisaw, haqwičij wixəxul.

akiše ʔumarow, 60 let

Рассказ о Гинтта-Курбане

1. Однажды, когда Гинтта-Курбан работал в Черкесии, поставил он варить обед из пшена. 2. Зажегши огонь, Курбан сидел у камина, где кипел котел. 3. Зачерпнув ложку, попробовал, есть ли соль. 4. Так как обед был очень горячим, он проглотить его не смог и выплюнул в кипящий котел. 5. Из котла выплеснулся горячий навар и обжег ему лицо. 6. Он отпрянул и ударился затылком о камин. 7. Рассердившись, сорвав котел, он выбросил его во двор, сказав: — Пусть тебя едят на поминках твоего хозяина! 8. Набросившись, собаки начали есть остывающий обед. 9. Курбан увидел, как собаки облизывают котел. 10. Сказав: — Они ведь и котел съедят, — пошел он за котлом; собаки накинулись на него и искусаи ему икры ног; шесть месяцев пролежал Курбан, не в силах шевельнуться.

XII. ʔuntəa-qurbanna ṭulṭe

1. ʔintəa-qurbanne suq watatəayibisaw gal, wab qəurušja bičəib, ṭulṭ aseaqij. 2. — kwāsib aseidan atəa — uqul x'əajwayibisaw galdil. 3. hēasijuxub, atəadil žubab čar bāqiblisaw, „libilla kaqəa“ uqul. 4. id mūtil kwe kipiklij gilawka bužiblisab ṭulṭla. 5. wāq'ün galdil wabal qəurušla ṭulṭe aseibisaw. 6. — qəap libij, — nqubisaw ṭulṭe dīsana, — jištəe ṭulṭe duqəij? 7. — uxub hašud dēqəib suq, hibā qəapja bišaqaib lidalžud wijduqəij həaq'illa, — uqul, uxub hašud ṭulṭija dēqəib sawja katəagūl saw qil. 8. — sālṭe čidalij gal? — uqubisaw qurban, wiṭačib galdil kaqəužud ṭulṭe tēdidigun. 9. — qəapicəila kaqəij čidal nālla, — uqubisaw gal. 10. — tu, xəwala balā baqab icəe, sidāqilan iltəe ṭulṭe, dukrušəe baxəij kaqəuldij — uqul, wəčibisaw gal. 11. wijdēqəib ṭulṭe

ṭatəagūl saw gal. 12. amma, ṭulṭe dīsanaḍil kwijdidalčunnāsaw ṭulṭe. 13. katəilgunžudja wijkaqəij čibūqublisab.

muhəummad-rasul ʔumarow, 60 let.

Хлебá Гинтта-Курбана

1. Однажды Гинтта-Курбан дал три рубля и отправил сына купить хлеб. 2. — Сколько купить (хлеба), папа? — спросил сын. 3. Рассердившись, ответил отец: „На все купи“. 4. Тогда фунт хлеба, оказывается, стоил две копейки. 5. Сын пошел и купил на все три рубля хлеба. 6. — Мешок есть отнести хлеб? — спросил продавец хлеба. 7. — Пока понесу сколько смогу, потом принесу с собой мешок и приду отнести остальное, — сказал мальчик, понес, сколько смог, и пошел домой. 8. — Еще осталось там? — спросил Курбан, увидев хлеб, который с трудом нес мальчик. 9. — Еще осталось принести в мешке, — ответил сын. 10. — Тыфу, чтоб к тебе пришла беда, зачем столько хлеба, пастухов кормить несешь, что ли? — сказал (отец) и прогнал сына. 11. Мальчик отнес обратно хлеб. 12. Но продавец не взял обратно хлеба. 13. И оставшийся хлеб пришлось взять.

XII. qurbanna galla xabar

1. qurbanna galdil — učalla duče uq'in — uqul ha'ibisaw rasullicəe. 2. — wa ʔubza qurbanna gal, duče uq'in hammawuqut-kəwanu, duče watwidaṭa illaj ha'a, — uqubisaw rasul. 3. — hē u uq'ətəe si buxubinu, — uqubisaw qurbanna gal rasullicəe. 4. — duče wax'anadajij uqul, ṭabq'ə bəxibisaw qurbanna galij rasullidil. 5. hibā qurbanna galdil čigusabāq'iblisaw libil qəwaṭ rasullij həikə čibix'əaqij. 6. ilcəil x'əaj baqiblisab, — nusəa silij čigusatəaq'ibžuddanu buqul. 7. — wallah, kə čila čij həikə čibi-x'əaqij, — uqubisaw qurbanna gal, — xē čila čij wəw kabəka — uqubisaw. 8. — čij uqutnu, „čila ča“ ča wixwajnu, — buqul ha'ibisab qəwaṭlidil. 9. — xē čila ča hačij duq'inākəwa, — uqubisaw hibāja qurbanna gal. 10. — „čila ča“ ča uqutnu qurbanna gal. ča haka uqutnu, — buqubisab uj. 11. — xē čila ča, xē rasul uqul, žubab bāqibisaw qurbanna galdil. 12. — ixidil si bāqajnu, silze hakuziwnu jāne, — buqul x'əajwayibisab. 13. qurbanna galdil žubab bāqiblisaw: — čina uq'in ha'annu, čina wax'anadajij uqinu, čina bəxajnu, čila ča hakanu həikə čibix'əa, — uqul. 14. qəwaṭlij

bikle eγij buxublāsab sibahnal bēxiblib, čina bēxiblib ilij. 15. sēčuw akəwāl wijčijbēxəulsab qəwatla uj.

akiše ɔumarow, 60 let.

1. Сын Курбана сказал Расулу, чтобы он пошел пасти лошадей. 2. — Хоть бы, парень, не говорил „иди пасти“, а сказал бы „пошли (кого-нибудь) пасти“, — ответил Расул. 3. — А если сам пойдешь, что случится? — сказал сын Курбана Расулу. 4. — Я разве такой человек, чтобы ходить пасти, — сказал Расул и дал ему пощечину. 5. Тогда сын Курбана созвал квартал, чтобы наложили штраф на Расула. 6. 'Собравшиеся' спросили у него: „Зачем ты нас созвал?“. 7. — Ей-богу, чтобы на того (досл. „чей, кому“) штраф наложить, — сказал Курбан, — того позовите. 8. — О ком говоришь, кто такой „тот“? — спросили его. 9. — Пойдите же привести того, — вновь ответил сын Курбана. 10. — Кто же такой „тот“, кого привести? — спросил народ. 11. — Того вон, Расула, — ответил сын Курбана. 12. — Что он сделал, зачем его надо привести сюда? — спросили его. 13. Сын Курбана ответил: — „Туда пойдя“, — сказал я, — „туда разве я пойду?“ — сказал он и туда ударил, приведите того и оштрафуйте. 14. 'Собравшиеся' жители квартала никак не смогли понять, по какой причине ударил, куда ударил его (Расул). 15. Так без результата они и разошлись.

XIV. Ahilla-jusupla xabar

1. suq ahilla jusup atəadil wišwēčiblisaw dag duxəa wēnkatul səuleče šilqana. 2. šilqanaw wəxəəxəaqij uqul, x'əūlašəu watka-təayiblisaw atəadil. 3. — si xabara, uqul lakwēnkicəulsaw il gal səulekašəu. 4. — xabar axdix', kaqiteij buqul, x'əwəwəqiblisaw jusup. 5. nā dučəillaja waxəun, həurmatja bəqib, kwijkəqibisab il təkəwana səandugliže. 6. sa waxtla, çukad qaqa wəqib, sinijču xabar akəwit, təilčijwidicəul saw il gal səandugližil. 7. təkəwana biçib dilkəwij kəatəišəib təlhəne lille dužiblisad səulekala. 8. təlhənažže čikičib, siqal dilkəwij həadur daqibžud təlhəne daqublisaw il galdil. 9. čəawalla šəaladikul čisalhun q'əq'witun-nisaw — saçu saγzib təlhəan libalakəwa.

10. nā, čəawalla sinna ačilla dixja bəqun sawja, galiy hēyē kižiblisaw atəa šilqanaw. 11. gal liwakəwa. 12. bəqijzib bugun, katəagulsaw atəa x'əūllišəu. 13. — siwxin dila gal, kadəwačij.

išəišəu, uqul x'əajbayibisaw səulekala. 14. — liwde kaq'un „si xabara“ uqul, panaj wəqab sawnu, təlhənalla tarumja bibγib sawja liwalakəwa, — buqibisab səulekala. 15. nā atəa dixja čikabišəib učiže, hatəagūl saw qil, — siwxiwā dila gal uqul. 16. waxkəubisaw, — sinzij tal qil haγib.

akiše ɔumarow.

Рассказ об Агилла-Юсупе

1. Однажды отец повел Агилла-Юсупа с собою на мельницу в Сулевкент, посадив на вьюк. 2. Чтобы на мельнице не простудился, отец послал его к знакомым в аул. 3. Со словами: „Что нового?“ — предстал мальчик перед сулевкентцами. 4. — С добрыми ли вестями явился? — ответили хозяева и пригласили мальчика. 5. Накормив ужином и оказав почет, уложили его спать на балконе, на сундуке. 6. В одно время, обеспокоенный блохами, неожиданно для самого себя мальчик скатился с сундука. 7. Балкон, оказывается, был полон глиняными горшками, приготовленными для обжига. 8. Скотившись на горшки, все приготовленные для обжига горшки разбил мальчик. 9. Проснувшись на рассвете, смотрит — ни одного целого горшка не осталось.

10. Утром, смолов свой вьюк пшеницы, отец ждал сына на мельнице. 11. Но сына все нет. 12. Не зная, что делать, пошел отец к кунакам. 13. — Где мой сын, на приходил ли? — спросил он сулевкентцев. 14. — Приходил со словами: „Что нового?“, чтоб ему пусто было, разбил все наши горшки, приготовленные для обжига, а самого нет, — сказали сулевкентцы. 15. Тогда отец, нагрузив на лошадь вьюк, пошел домой, говоря: „Где же мой сын?“ 16. Смотрит, — а он уже до него вернулся домой.

XV. dammij agūzib

1. tašəal siγuziw saγad du mažalisle kabkajlib. 2. xabarəama x'əaj daγibziw, „wallah šəilcəe bēnbiduqij bātulāsab, icəala satə-iqəulsab“ buqul bulhəid. 3. dər x'əe biγul mažalislil wēnij hēxəwid wūγabaziwā. 4. səugajla waxtla haγad šəilta. 5. qəaragullidil tašəayib x'əajwəγaj: „činal siγuldin“ uqul. 6. — kabkajlib siγuziw-da, — uqul žubab bəqad. 7. qəaragullidil ha'aj: „haj aman baha-dur, šəilcəe bēmbidātulāsabqal təlil sabiγuzub, icəala dēnsaqei-

lalla ūxkəul. kəna u duḍil watile šəa ūq'ij, diže həkä čibišəilal-sab“, uḱul. 8. — du bahnal itəij həkä čibix'əaqiləkəwanu, xə ūčija bukanu istarčən x'əajwayij ūq'in, — ukul watwidayad, — wātəxəan ūče biškakanu wijsəq'in, wātətəxəan ūla ūče kwibikəanu usuna wijsəq'in — uḱul. 9. — wəx adame uxādil cəugajliguw qil sadəwəx'ajnu, šəilcəe wənsammadiyitnu čūdanna pikəlziw watij, — uḱul ha'ibisaw istarčinnidil. 10. čəawalla təlabwəqib tukmala gal, sakaqib murče, bŭx'əq'üb x'əə, bəqaj dammij naq. 11. əlij səq'unžub uj hiqle čibhul, dučəilij səq'unžub dišəu sabəx'ul, čugurja dixel sabja kwidučəe kwə kətəilžid naqliw du. 12. wəbe 'ibil bə qil uq'ij watij du istarčinnidil.

akiše wumarow, 60 let.

Случившееся со мной

1. Возвращаясь однажды из Владикавказа, прибыл я в Маджалис. 2. Расспросив новости, узнал, что в аул Кубачи приезжих не пускают, говоря, что они приносят заразные болезни. 3. К вечеру выехал я из Маджалиса в сторону Кубачи. 4. На заре достиг окрестностей аула. 5. Караульный, остановив меня, спросил: „Откуда возвращаешься?“ 6. — Из Владикавказа еду, — ответил я. 7. Караульный сказал: „Эх, парень, в аул же не пускают приезжих, боясь, что привезут болезни. Если я теперь тебя пушу, то меня оштрафуют“. 8. — Из-за себя я не дам тебя оштрафовать, вот возьми лошадь, поезжай и спроси старшину, — сказал я и отправил его, — если позволит, то приезжай обратно вместе с лошадью, если не позволит, то отдай лошадь хозяину, а ты сам вернись.

9. — Если был бы хорошим человеком, то на заре домой не возвратился бы, не пускай его в аул, оставь на краю аула (у места, называемого „Чуданна пика“), — ответил, оказывается, аульный старшина.

10. Утром привели сына Тукмы, заставили привезти жерди, сестри плетень и сделали мне шалаш. 11. Днем пришедший народ смотрел издали, ночью пришедшие играли (всю ночь) на чонгури, и так я остался в этом шалаше два дня и две ночи. 13. На третий день разрешил мне старшина Умаратта пойти домой.

XVI. šəān wəbdurašidla xəbar

1. widagŭlsaw šəān wəbdurašid kwe ūčija dēčib kəraqəcəe qəala sačij, qəatəagan dŭlmija, q'ibugan wəmmud bīpnija dēqəib. 2. qan-qanne šəilcəija widayib, šəilcəiw wəkuziwwa tiwakəwāl, salla qil tawdicəŭlsaw — ijal darx'əilla x'əwə wəqəbakəwa, ūčij bukəinja lib, bəkwiw tŭlutja lib dila, išəila sēču abičəe, azbarriw wataba, — uḱul. 3. x'əwə wəqibisaj il, sa adame tiwakəwəzij x'əunullidil. 4. qajwidaqibisaw il, awəčanja čijhəx'ub biḱbūšligu wikabišəib, čənkut uxub. 5. nā māsčiwkatəagŭl, wilsəun-wilsəakwə wəxtla, biḱ lib illa gu bəx'ul. 6. xəaxəam wičibisaw wəbdurašid, biḱligubzib awəčan libalakəwa. 7. xəarčwicəŭl saw il, — wah dila awəčan čidil buqəulnu uḱul. bidəgul sa siḱəbxəlla šəēče xəbar bəqibisaw čəby'zib dučəilcəil. 8. hēye uqunnisaw. 9. dŭrwənwəčibisaw kwil. 10. wənijhawqij wixəul wəw ūkij kižibisaw. 11. qalla jah daḱujačibisaj — sibuxublinu, — juḱul. 12. — wallah du kwil wənkiḱad, wənijhawqij wixulədanu dammij kumak bəqə — uḱubisaw šəān. 13. kaqəib bŭšŭzib dixan, kabətŭlsaj x'əunullidil. 14. jitačibisaj kəraqən x'əunul wənijhaqəij. 15. dŭrjēčib kətəagŭlsaj x'əunul kwil. 16. wəwçitlə biqəul bužibisab kwijal, ammā čəawalla maqə čəču daḱubačibləsab. 17. čəawalla q'ile datiyu wəxtla, dŭnupeaddij təma baqiblisab iltəalla wəwla. 18. sabqun səq'in, — si ažin — buḱul, x'əajba'yiblisab. 19. cəāne kabətŭl kwijal bənijhatəayibisab kwilil. 20. nā x'əunulla bahante čukursəxub, — wəbdurašid kəx'wila, watiləkəwa — buḱij kabžiblisab. 21. wəbdurašidlidil ha'iblisaw: „qəuçaylartə, du wataba, du gamišlij hēyeuqunziw kwil dŭrwənwəḱad, du wənijhaqəij kumak biquzij qalla jahja dŭrjənjēče. bilxwinā gāmis, dila awəčan bənij sadəq'anne xixtəe kwijal ūčija išəij duxəb, damja išəij bikəujil bəqə“ — uḱul. 22. bilxunnisab gamiš. 23. bənijšəbačibisab ləmdžizib wəbdurašidla awəčan. 24. hibə ilij ilandə baqib watŭlsab kəx'wakəwāl. 25. nəltəal sēču akəwəziw šəān wəbdurašid bara kətəilgunnisaw tašəaw kətəix'ul.

muhəummədrasul wumarow, 60 l.

Рассказ о ширинце Абдурашиде

1. Поехал однажды ширинец Абдурашид с двумя лошадьми в Аварию привезти шерсть, повез с собою катагинские (из аула qəatəagni) сита и кибугские (из аула q'ibug) трехгранные

иглоки. 2. Поздно вечером, приехав в один аул, в котором у него не было знакомых, он постучался в один дом и попросил: „Приютите на сегодняшнюю ночь, есть у меня и корм для лошадей, и хлеб для себя, вашего мне ничего не надо, оставьте меня на дворе“. 3. Приютила его одна женщина, у которой не было мужа. 4. Прилег он, сняв и положив под голову рубаху, раздевшись донага. 5. Когда начал засыпать, почувствовал, что голова его клонится вниз. 6. Пошарил он и обнаружил, что нет рубахи, находившейся под головой. 7. Вскочил он со словами: „Кто же уносит мою рубаху?“, и заметил удаляющийся силуэт. 8. Он побежал вслед. 9. Неожиданно полетел в яму. 10. Не в силах вылезти, начал кричать. 11. Вышла хозяйка и спросила: „Что случилось?“ 12. — Ей-богу я упал в колодезь и не могу вылезти, помоги мне, — ответил ширинец. 13. Хозяйка принесла толстую веревку и опустила в яму. 14. Потянула женщина веревку, чтобы вытянуть его. 15. Сама упала в яму. 16. Долго кричали оба, но до утра никто не появился. 17. Утром, когда было время гнать скотину в стадо, соседи слышали их крики. 18. Прибежали и спросили: „Что случилось?“. Опустив лестницу, вывели обоих из ямы. 20. Теперь родня хозяйки, собравшись, начала говорить: „Абдурашида убьем, не оставим (в живых)“. 21. Абдурашид сказал: „Граждане, оставьте меня, когда я погнался за буйволом, то упал в яму, а хозяйка, пытаясь вытащить меня, сама упала в яму. Зарежьте буйвола; и если внутри его не окажется моей рубахи, то обоих моих лошадей возьмите себе, а со мной сделайте что хотите“. 22. Зарезали буйвола. 23. Изнутри вышла грязная рубаха Абдурашида. 24. Поверив ему, не убили и оставили его в покое. 25. Так ни в чем не повинного ширинца Абдурашида чуть не убили на чужбине.

XVII. manž ɔumarra xabar

1. tǝ wičiblisaw sa bē mugāla šɛimacǝ tašǝa manž ɔumar. 2. irilla waxtla widaɣibisaw il sa šɛilcǝe. 3. liwle užiɓlisaw il šɛilcǝiw illa x'ǝul. 4. kǝuʃja uxub, x'ǝunižiɓwja wǝcǝul, irilla ukij. nǝkʉl x'ǝullišǝu wǝnwiduqunnisaw ɔumar. 5. qilib čǝču balbičib-lǝsab, ja saw x'ǝul, ja x'ǝulla kulpat. 6. sǝl šɛilcǝe ũq'ij halakle, x'ǝullij hǝye kižij qan wixul, bǝkwijziblize umčin sawqunnisaw qiliw. 7. x'ǝ-ǝk duqija, sa wadalla q'ǝikwaja akǝwǝ sǝkwǝ bǝkǝa-

kǝwǝl, pikre uqunnisaw — sibāqidawǝ — uqul. 8. x'ǝunižib ɣulɣja: asǝib ukilla uqul, qapan dǝnkatǝišǝib duqija, nǝq'licǝe kwǝbal-čun, wǝtilgu wibɗusib sǝawlaja wǝniɣkawqunnisaw qilil. 9. ta-wǝq'iblisaw ilij x'ǝul. 10. — ah ɔumar ɣwǝskalɗe. — uqul bidatǝl-saw x'ǝullidil nǝq'. 11. ɔumaridil bičǝibisaw q'ǝmil nǝq'. 12. — ɔaxǝil nǝq'lij se ažin, — uqul x'ǝaj wǝɣiblisaw x'ǝullidil. 13. — x'ǝunižib bǝq'e — ukubisaw. 14. — hare, hare baxkǝwij se-buxublil, — uqul wǝte aqtǝsabāqibisaw x'ǝullidil. 15. wadalla q'ǝikwa tǝbidigunnisaw ɔumarra nǝq'licǝib ilij. 16. — ah ila jurt madugla ɔumar, — uqul biɣlize nǝq' pǝq'čikabāqiblisaw. 17. qapa-lgudžud duqne daqub, wijkabǝtǝibisab qapalgul ākw. 18. nǝ-ũskǝčǝib x'ǝullital wimdǝlsaw ɔumar. 19. šǝilla tǝawičib, ākwlišǝu widaɣib, tǝdisib dǝjja, bišib qapaja, wibǝx'ub wadalla q'ǝikwa-ja, — usalzib kwijsaq'ingal dicǝil, — uqul katǝagǝlsaw ɔumar sǝl šɛilcǝe.

20. dǝrx'ǝǝ waxtla widaɣibisaw ɔumar šɛilcǝe. 21. id šɛilcǝiw x'ǝwǝ uxij x'ǝul tiwakǝwǝl, hakal kǝuʃja uxub, šɛilcǝiw lakǝat uqunnisaw ɔumar, „ja āslij, ja sabǝl ɣulɣ bičǝikǝwǝwǝ“ uqul. 22. ɔab-aɣw qil wǝq'unnij, ilij ɣulɣ bičǝiblǝsab. 23. nǝ pašmanne-widāguziw, xabarakǝwit qǝarčǝ uxublisaw, dǝčib, hamǝžud ɣulɣalla. tabakja saqǝib sajiɣuzij x'ǝunulla ucǝalta. 24. — x'ǝul, si bikǝul-din, — juqul x'ǝajwǝɣiblisaj ɔumar x'ǝunullidil. 25. — wallah du ɣulɣlij umčuziw insanda, hakal kǝuʃ uxubnu, dammij ja āslij, ja sabǝl ɣulɣ hakǝa, — uqul tilade bāqiblisaw ɔumaridil. 26. — nǝle u saq'ikǝwǝwǝ juqul hǝye kǝžibzijde, nǝ sǝkwǝ biqan libakǝwa dila, — juqul wǝčiblisaj x'ǝunullidil ɔumar. 27. qil kwij-katǝišǝib ɣulɣija, čarčikatǝāqib ucǝaja jidagulsaj x'ǝunul. 28. pikre uqunnisaw ɔumar: „nǝ dammij asǝij ɣulɣja bičǝǝǝ, sabal halu-kǝunziwja hadādaqe, kǝna wǝq'un kǝ x'ǝunulla ɣulɣija habalčun wǝšilžij ɔaxsǝib sǝču axǝu“ uqul, wǝnhawqun qil, ɣulɣ habalčij qǝuhčikicǝumusǝa, bara čin kabicǝul bǝtla waq tǝbidigunnisaw ɔumarrij. 29. — x'ǝunul sajiɣnallij bǝtlicǝila ukilla, — uqul ukij kižiblisaw il. 30. ukun taman wixwnallij, x'ǝunul sajiɣul ɣama agǝlsab. 31. — ulkǝad xǝx x'ǝannullicǝila qǝalmaqǝal akǝwit xǝwǝ-sǝaj uxij buxǝdil, — uqul wimdǝlsaw ɔumar. 32. čǝby' duxub šǝilla lume widaɣiblisaw. 33. — nǝ dučǝilij čina wǝšidan, — uqul tašwǝicǝijzib musǝalže umčij sawqunnisaw ɔumar. 34. dǝčǝiblisaw mǝlla utǝe. 35. sa itilgu xuxwiwǝžib, kisǝun niǝčǝilij wilsǝun-nisaw il.

36. dag dučæ, sabačibisab ūkūmacaila sabā uj, mā diwǝij.
 37. diŋul mǝlla kuwǝlume, kwildil hatǝusib diqǝul dǝnkateišǝibisab ūkǝl. 38. dičib ūkūmija mǝldil, čidkatǝixun dixnija, dǝčib bidagǝlsab iltǝe. 39. sa waxtla čisalhunnisaw wumar ɣ'ǝčla tamnad-dij. 40. q'ǝg'wiŋunnisaw wumar — wǝnkišǝib mǝlcǝila ūkǝl, čidkatǝixun dixnija, wǝčib bidǝgul. 41. — nǝ bačǝ bikǝkan, saɣun xǝwasǝaj uxidan jānil, čina ukuldan du jhtǝe ūldil, — uqul kwibusijizibliže xǝaxǝam uqunnisaw wumar. 42. xabar akǝwit kwibayibisaw ilij ūkǝlta takatǝatunzib wurut. 43. busib wurut, witqajǝkul bahlal xuxwǝnijsizibisaw wumar mǝlcǝil. 44. lǝwiwačib ɣajlicǝil šǝakwičibisaw wumar, iltǝe diwunžud mā salla. 45. — taš-kateicǝa išǝij se biqǝdil, — uqul wumarridil bahlal haqar biqul ūkǝlla wurut, bǝnijhaqǝibisaw. 46. — haj qǝurumsǝaqǝe, čina dukuldan mā, — uqul bǝxibisaw wumarridil ūkǝlla wahla biklicǝe wurut. 47. ūxhūčǝib, datǝl ūkǝja wimdǝl saw ūkǝlla wah. 48. wǝwla tamalij sǝlte ūkūmalla bahantija bimdǝlsab. 49. čijkawqun ūkǝlzil wumar, čijdǝqub ūkǝlžidžud dixnija, usažžidžud hǝipnija, datǝl usija ūkǝja tidmusǝanid, — nǝ dila sǝapar balbičiblǝsabnu čaruxǝ, — uqul wijhǝaq'unnisaw sinna šǝilcǝe haqǝib ūkūmalla dixnija, usalla hǝipnija sawja.

wahǝmadxan šamow, 50 l

Рассказ о Манж-Умаре

1. Вышел в один день в отъезд в мугинские аулы Манж-Умар. 2. В полдень достиг он одного аула. 3. В том ауле у него был кунак. 4. Проголодавшись и устав на дороге, зашел Умар к своему кунаку. 5. Дома никого не оказалось, ни самого хозяина, ни его семьи. 6. Торопясь в другой аул и опаздывая, если бы стал дожидаться хозяина, он стал искать в доме съедобное. 7. Не найдя (ничего), кроме пяти-шести яиц и кувшина мёда, подумал: „Что бы сделать?“ 8. — По дороге куплю хлеб и поем, — сказал он, положил в шапку яйца, взял кувшин с мёдом и, держа его под буркой, вышел из дома. 9. На дворе встретился ему хозяин. 10. — Ах, Умар, с приездом, — сказал он и протянул руку. 11. Умар дал левую руку. 12. — Что случилось с правой рукой? — спросил хозяин. 13. — На дороге поранил, — сказал Умар. 14. — Дай-ка посмотреть, что случилось, — сказал хозяин и отогнул полу бурки. 15. В его руке он увидел

кувшин с мёдом. 16. — Ах, чтоб тебя (досл. пусть твое хозяйство не пропадет), Умар! — сказал хозяин и хлопнул Умара по голове. 17. Находившиеся под шапкой яйца разбились и потекли из-под шапки (досл. потекла из-под шапки река). 18. Устыдившись хозяина, Умар убежал. 19. Выйдя за околицу и дойдя до реки, он умыл лицо, помыл шапку и, выкинув кувшин мёда со словами: „Как неловко получилось“, пустился в другой аул.

20. К вечеру пришел он в другой аул. 21. В том ауле у него не было кунака, и, сильно проголодавшись, он начал бродить по аулу, говоря: „Не найдется ли хлеба, либо за деньги, либо даром“. 22. Хотя он зашел в три-четыре дома, но он не достал хлеба. 23. Печально идущий Умар неожиданно наткнулся на двери (дома) женщины, возвращающейся с испеченными теплыми хлебами на подносе. 24. — Гость, что ты хочешь? — спросила женщина Умара. 25. — Ей богу, я человек, сильно проголодавшись, ищущий хлеба, дай мне хлеба за деньги или даром, — обратился с просьбой Умар. 26. — Вот, только тебя и дождалась, теперь у меня другого и дела нет! — сказала женщина и прогнала Умара. 27. Положив дома хлеб и прикрыв за собой двери, женщина ушла. 28. Задумался Умар: „Купить хлеба я не достал и не нашелся такой, который дал бы даром, теперь я не знаю лучшего, чем пойти и взять у этой женщины хлеб и уйти“. — и, войдя в дом, когда нагнулся за хлебом, то заметил недалеко миску сметаны. 29. — Пока возвратится женщина, поем хлеб со сметаной, — сказал Умар и присел купать. 30. До окончания еды донесся голос возвращающейся хозяйки. 31. — Как бы спастись без скандала с это женщиной, — сказал Умар и убежал. 32. Стемнело, когда он достиг края аула. 33. — Теперь ночью куда мне идти, — сказал Умар и начал искать место для ночлега. 34. Нашел скирды сена. 35. Он влез под одну скирду, лег и скоро заснул.

36. В полночь пришли какие-то люди с арбами красть сено. 37. Делая (большие) охапки, за которые брались по двое, они клали сено в арбу. 38. Наполнив арбы сеном, перевязав веревками, они поехали. 39. В одно время проснулся Умар от скрипа (арбы). 40. Посмотрел Умар (и видит), что его положили вместе с сеном в арбу, перевязали веревками и везут. 41. „Случилось со мной теперь необычное, как мне спастись отсюда, куда меня везут эти люди“, думал Умар и пошарил, за что бы ухватиться.

42. Неожиданно попался ему воткнутый кол арбы. 43. Схватившись за кол и потягиваясь, потихоньку вылез Умар из сена. 44. Прислушавшись, из разговора он догадался, что это краденое сено. 45. — Подождите, что я вам сделаю, — сказал он и, потихоньку расшатывая кол, вытащил его из арбы. 46. — Ах, негодяи, куда везете сено? — крикнул Умар и ударил возчика колом по голове. 47. Испугавшись, оставив арбу, возчик убежал. 48. Услышав крики, убежали возчики и других арб. 49. Сойдя с арбы, Умар развязал находившиеся на арбе веревки, снял с быков ремни, оставил быков и арбы там, где они были, и, сказав (себе): „На этот раз моя поездка неудачна, давай вернусь“, возвратился в свой аул, неся с собой веревки от арб и ремни от быков.

XXIII. manž-umarrij agūzib

1. katəagūlsaw suq manž-umar tarkamaləe. 2. nā il kəuš uxublisaw. 3. tuluṭ asəij əsja tible bužiblāsab illa. 4. kəušdil qaqaqawāqib — sibāqidawā, — uqul pikre uqul kicəulsaw. 5. sa tarkamanna azbarril bikliže tultalla tabakja čikabicəul qil juq'un x'unul tejidigunnisaw umarrij. 6. — bikal tuluṭ hakəakəwa hakal kəušlidanu, — uqul tilade baqiblisaw ildil. 7. bičəiblasaj paxču, — pax'le widaqe, — juqul. 8. — taškəcəij, itəij biqan baqila, — uqul qaragul baqiblisaw ildil x'unullij.

9. həawantalla aqw sabayib, x'unul jənijkequnnisaj qilil həawante čidažij. 10. qil durwənwəčiblisaw umar tultə tidmusəa. 11. wijkabicəul nigla q'əikwaja, x'unul hajjynallij bəqusla tuluṭ dekunnisaw ildil. 12. bəqusla tuluṭ šəalguja wətəusibisaw. 13. əxir, nā x'unul həaq'un tama-hama agūlsannu, sašəannibzib idil qil durwənwəčibisaw umar.

14. bikub xəwalazib čaja, čəbicəul xəwalazib wašakja, abdu-dəqib x'əal minžja palaw baqij čikajəxəulsaj x'unul. 15. təq'buqlil wənijwihul umarja liw, — palawkun činabdinu, nəy illaj dičikəwawā, — uqul. 16. umarrij wimdij bikəulij, x'unul čina-čina jənijkadajulqun wimdij musəa bičiblasab ilij. 17. bayiblisab səahəarra. 18. saq'unnisaw x'unulla halmaγ. 19. gapənkul kabžibisab iltə kwijal. 20. sabayibisab palaw. 21. bənijkaγubisab xəwala xaṭana. 22. umarja liw ax'anal wənijwihul, — haj wah wibk, — uqul. 23. bukič čikabəxəwiltab, adame siγul tama-hama

agūlsad. 24. busəahəaṭ x'unullidil umar tiwzib qil xaṭa sašəal ayibisaj. 25. halmaγja nātə qil wənwidaγibisaj x'unullidil. 26. nā ūxkəul gar-gar hīgul halmaγja liw, kuq wižib, — nā bičə dammi palaw — uqul, umarja liw wiḏax'ib uqun. 27. halmaγlidilja bahlal nāq' čikabatul ukij kižiblisaw. 28. kwijal bukummūtil xabar akəwit itəalla nūq'be sanne ačəibisad.

29. — u čadinu, — du čadan, — u saγun jəne akəətəin, — bukul x'əaj biγij kabžibisab salcəil sa. 30. umarre sinna qəulluq kabilčunnisaw ilcəe. 31. niqətəilij umar murž uxub, wəkw wəniw ikəul, x'əajbayibisaw halmaγlicəil, — jihtəalla šin činadwā — uqul. 32. — wallah šingel axəu, ammā kurhnalla kwā libzibisab jəniw činabil, — uqubisaw. 33. bumčul kwijal, bəčəibisab kurhnalla kwā. 34. nāq' bənkabatulsaw, — šin hatəičila — uqul, ammā daj tupaə akəwəl čikateayunnəsad. 35. nā biqijzib bugun, lūxsatəayib kwā, lakčij bidəqib qaṗaja bik bənkabatulsaw kwəl. 36. učəij kižibisaw kurhnalla šinne umar; wilqəun šinnicəil, bik bənij haqəij čikəxəulsaw, ammā bik bənbəsul kwəl, bikle bənij həaq'unnəsab. 37. — kwəlib bik bəniw batij ažikəwā nā, — uqul kwijal nāq'ja witeatul, aq habəqib bišbəxibisaw kwā. 38. baqubisab xəwalazib tamaləoila. 39. — hara, hara, qiligwne tib, — uqul adame xəarčwicəulsaw. 40. x'unul tatəij sajəxəul, adame tašəayib, halmaγ čiwəčəilalla ūxkəul, kwijal xəwasəaj buxaqubisaj. 41. halmaγ təhəwižib qəatəa, widagūlsaw. 42. umar təhəčijkižiblisaw malla itilže. 43. māja čidhalusəun, təilčijkicəulsaw malla hēye. 44. čəču bəkeakəwəl čaruxub kwijkisəunnisaw x'unulla adame.

45. nā čəawalla quže ūq'ij təawičibisaw tarkaman, kwe gəmišja təa ayib sawja. 46. — gəmišəaddij mā dišduqəəkəwa, — uqul itilta widagūlsaw. 47. — wā, waxsəib kuwala akəwaj malla, x'əurre lakčijkabəqajwā, — uqul wikabišəib dixanja wijhabalčun kuwala hēye aqibisaw. 48. kwijal gəmišja tətəəq'ib haj uxubi saw tarkaman. 49. šəilla təa wičibžila, — kwətəe maqin uqəuziwdan jidil du, — uqul q'amwičib umarridil x'əalla wərut q'əəpwijhabəqib, bəxibisaw tarkamanna biklicəe. 50. nā, ūx hūčəib tarkaman, lakəwij kabəqib maxja wimdul widagūlsaw, kwijal gəmišja datul. 51. wənij səx'əul umar, wibbəkəul dixanja sawja, tahatəəq'ib kwijal gəmišja hatəagūlsaw. 52. widaγibisaw il čule. 53. sa gəmiš əslij kwijbisibisaw, sa bilxun digbe kwijdisibisaw. 54. kisne dičib əsja sawja čaruxub haγibisaw sinna šəilcəe. 55. dəqib

çiñud qulbija sawja, saçib x'annulja kižibisaw umar, awdañ
uxub.

akiše umarow, 60 лет.

Приключение Манж-Умара

1. Пошел однажды Манж-Умар в Таракама. 2. Он проголодался. 3. Купить хлеб не было у него денег. 4. Мучаясь от голода, стоял и думал: „Что же делать?“ 5. Умар увидел женщину, идущую с одного двора домой с деревянным подносом, полным хлеба на голове. 6. — Дай же немного хлеба, я очень голоден, — попросил он. 7. Не дала нисколько, сказала: „Убирайся!“ 8. — Подожди, я тебе сделаю, что надо, — сказал он и начал караулить женщину.

9. Пришло стадо скота, и женщина вышла из дома донть скотину. 10. Умар заскочил в комнату, туда, где находился хлеб. 11. Сняв кувшин молока, он до прихода женщины съел полтора хлеба. 12. Полтора хлеба подмышку положил. 13. Наконец послышался шум идущей женщины, и Умар заскочил в смежную комнату.

14. Женщина зажгла большой огонь, поставила (на огонь) большой котел и, почистив много рису, приступила к приготовлению плова. 15. Из трещины выглядывал Умар, думая: „Плов-то где, не достанется ли хоть навар?“ 16. Умар, хотя хотел убежать, но женщина никуда не выходила и бежать ему не удалось. 17. Наступили сумерки. 18. Пришел возлюбленный. 19. Сели оба, беседуя. 20. Пospel плов. 21. Вынули в большую тарелку. 22. Умар выглядывал из дыры, восклицая: „Эх, черт возьми!“ (досл. „Эх, хозяин пусть умрет“). 23. До того, как они приступили к еде, послышался шум возвращающегося мужа. 24. Жена сейчас же убрала тарелку в комнату, где находился Умар. 25. И возлюбленного женщина ввела в ту же комнату. 26. Любовник от испуга дрожал; сев на корточки, Умар со словами: „Теперь достался мне плов“, быстро ел. 27. Любовник тоже, потихоньку протянув руку, начал кушать. 28. Когда они оба ели, неожиданно их руки соприкоснулись.

29. — Ты кто такой? — Я кто такой? — Ты как сюда попал? — начали спрашивать они друг друга. 30. Умар рассказал ему свое дело. 31. Через некоторое время Умар, испытывая жажду так, что у него горело нутро, спросил у любовника: где у них

вода?“ 32. — Ей-богу, воду-то не знаю, но где-то здесь находится кувшин моченых груш. 34. Запустил руку, говоря, что зачерпнет воду, но дотянулся только концами пальцев. 35. Не зная, как быть, наклонив кувшин и скинув шапку, засунул он голову в кувшин. 36. Начал пить Умар грушевую воду; напившись, стал он вытаскивать голову, но голова, застряв в кувшине, никак не выходила. 37. Со словами: „Нельзя же теперь голову оставить в кувшине“, подсунул обе руки, приподняв, ударил (о пол) кувшин. 38. Сломался (кувшин) с большим шумом. 39. — Эй, эй, там воры! — сказал муж и вскочил. 40. Жена, забежав перед ним, задержала его, боясь, что муж накроет возлюбленного и дала возможность обоим убежать. 41. Любовник, выпрыгнув на улицу, ушел. 42. Умар прыгнул на скирду сена. 43. Облепленный сеном, он скатился за скирду. 44. Никого не найдя, вернулся и лег спать муж той женщины.

45. Утром крестьянин вышел, чтобы пойти на поле, выпустив двух буйволов. 46. — Давай-ка, возьму с собой сено буйволам, — сказал он и пошел к скирде. 47. Со словами: „Ах, какая хорошая охалка сена, ветер сбросил, что ли?“, (крестьянин), подложив веревку и подняв охалку, закинул за спину. 48. Погнав вперед обоих буйволов, пошел он. 49. После того, как очутился вне аула, со словами: — Сколько еще он будет меня нести? — схватил Умар кол забора, выдернул и ударил (крестьянина) по голове. 50. (Крестьянин), испугавшись, кинул ношу и убежал, оставив обоих буйволов. 51. Умар вылез, сложил веревку и, погнав вперед обоих буйволов, пошел. 52. Достиг он Дербента. 53. Одного буйвола он продал за деньги, другого зарезал и продал мясо. 54. Наполнив карманы деньгами, вернувшись, достиг он своего аула. 55. Построив новый дом и женившись, начал жить Умар, разбогатев.

akiše umarow, 60 лет.

oammala-mūsala xabarte
Анекдоты об Аммала-Мусе

1 suq oammala mūsa xəalmažle katūlsab quran kalučiŋqij.
2. mūsadil baʔanne xəalmažlib paprus biṭiḡul užiḡbisaw. 3. sa
čəawalla wiḡağuziw qaqaŋ ʔumarrij xəalmažliḡ bəniḡhabəṭəib bulqa
təbiḡigunnisaw. 4. — mūsa, čəawalla ḡiḡulḡij, ḡuja kəq'idaŋ, —
uḡul wəw əikabəčiḡbisaw.

5. naltəal mūsa čax uxub, hibā čəčuldil xəalmažle katūziw
asaw.

1. Однажды Аммала-Мусу посадили читать коран над моги-
лой. 2. Муса, оказывается, тайно курил в надмогильном шалаше.
3. Однажды утром проходящий мимо Какан-Умар увидел дым,
тянувшийся из шалаша. 4. — Муса, завтрак готовишь, мне тоже
прийти? — крикнул сверху Умар.

5. Так оскандалившегося Мусу больше никто не приглашал
читать над могилой коран.

* * *

1. niqaqalla macəa luxun bužiḡblisab, dilxwaqij oammala mūsaja
hačib. 2. iltəub kumak biḡul səlṭija lible bužiḡblisab. 3. dilxun,
čula šəulija ḡaḡib, katəilḡunžud liknažžil čijhataičəul ḡigbe wij-
ḡiḡəul bužiḡblisab. 4. mūsadil čijhataičəibžud ḡigbacəil ʔax-ʔax-
səib buṭa kisana bašijḡul užiḡblisaw. 5. čəitnaddij mūsala kisa
čibāčəib, kwače kabatul qusbəniḡhəəbāq'ib buqəu musəa, ulij
təbiḡigunnisab. 6. — hara, hara mūsa, čəitnad ḡigbe ḡuqəulsad, —
bukul mūsa čaxkəḡibisab.

akiše ʔumarow, 60 let.

1. У Никаевых [однажды] резали овец, пригласили резать
Аммала-Мусу. 2. Помогали и другие. 3. Зарезав овец, сделав
туши, с оставшихся костей срезали мясо и уносили. 4. Муса
из срезанного мяса лучший кусок клал себе в карман. 5. Кошки
обнаружили карман Мусы и, когда, запустив лапу, вытаскивали
мясо, то люди это увидели. 6. — Эй, эй, Муса, кошки уносят
мясо, — сказали они и пристыдили Мусу.

talla xabarte — Рассказы о старине

batirtalla xabar. 1. batirte buḡul iltəe aḡwçal žahil gal
bužiḡblisab, bəšəab ək-wə ḡāxla čil kabžib, šəe bumkəužub.
2. ḡučiḡlij təa biḡul, əlij busəun buḡul bužiḡbisab.

3. čəltab ṭuluṭ bučuzij juqna x'əunullišəu wən uqəub batir,
paprusliže ča čəhiḡ bidatul nəq', ča kabulčunne užiḡblisaw.

4. — kaxle ḡila galla nəq'liže mišizib akəwaj, — juḡul ha'ibi-
saj juqna x'əunullidil.

5. id x'əunulla galja batir užiḡbisaw.

6. həyibil bə abaj batkatəyibisab čijsabičəib galla nəq', —
hara xə itəij ila galla nəq', — buḡul.

7. iltəe bužiḡbisab kwe ḡāš — kwe ḡāšlij x'učal dus tal.

činnilla uj. 1. činnilla adamte hibā bužiḡbisab, ḡāš dus
hateə tal. 2. iltəija šəe bumkəužub bužiḡbisab. 3. x'əəšəb iltəallaja
či lible bužiḡblisab.

4. — saḡun kabḡul bužiḡblin, — uqaxəat, itəaddil his zəlumziw,
čijwičiḡziw gal šəilcəil ḡužle wikul bužiḡblisab čušəu. 5. id čucəe
wiš kadāwicəij wiḡul užiḡbləsaw, kadāwicəijja wātətul bužiḡbisab.

6. iltəacəila čəču həix'ijja wiḡul užiḡbləsaw, čaqja jaraqja
čucəille.

7. alaw šəimalla gule čisabqij bātul bužiḡbləsab batirtalla bāl
činnalla ḡuladdil. 8. səcultal uḡ hadābukəužub, čutab səlṭe uj
gargar buḡul bātuzub zəlumžub gule bužiḡbisab iltəe.

ʔuḡybugla talallažud ʔadate. 1. təa šəənnižib čibla
katəilḡandil, id šəilla adame kwiwəyāḡil, usib čikūsul bužiḡbli-
sab, — išəila adame, ja gal nisəišəuw sawnu, čibla saqəanu wij
uka, — buḡul.

2. galla wa adamilla bahantaddil əs ṭalabbāqib, čibla čijbičəib,
čikawsibziw wat iyijḡul bužiḡblisab.

3. nā ʔuḡybug jītəal hiq bax'ulix'əalij, talal alaw šəimacəe
bāq'ün oammal biḡul bužiḡblisab.

4. x'unnaddij qədaɣa kabiʃeible buʒiblisab ʃälla q'äbla tin buq'äq'äqij, 5. tin bāq'ünillij ɣigwa ʃibix'əul buʒiblisab.

6. adame kax'waj ha'ib time ʃikabix'ədil, kadax'wne kabi-
cəaqij aɣwçal tuxumlidilja, sindilja qwe bāqij bikeul buʒiblisab, —
kadaxwad — ha'ib. 7. aɣwçal tuxum hadābixwaxəandil wəldilja
qwe bāqij āgul buʒiblisab.

8. adame wāq'niliɣ — wab-aɣw tuxum hēye katəaɣib, itəaddilja
qwime dāqādil habiɣul buʒiblisab.

9. x'əäl tuxum ahlutibʒubla ɣaj bidulqunne buʒiblisab talal.

10. adame kax'wədil wab dus duʃmannij təʃəilcəe watwidiɣul
buʒiblisab. 11. wab dus duxub, wijsaɣibzila, hibā kax'ubziwla
bahantaddij wab dāʃ qəuruʃ riɣjät bilukəunne uʒiblisaw kax'ub-
ziwliɣil.

12. adame wāq'ädil, wāq'ibziwliɣil „waɣwa-ʃarəa“ dilukəunne
uʒiblisaw wāq'ibziwliɣil: wab diɣw duʃija, kəaçal knlaxəa waʃa-
kumja — diq'ä ʃipəilxiqij.

13. wəyɣbud ʃəɣulij räjjät buxubzəub asab.

14. ʃamilla waxtlaɣu ʃuʒe sab bahle, idicəe biʃkabicəakəwəl,
buʒibzəubsab, ʃudil sab bumkəul.

15. — wəyɣbug räjjät bāqila — uɣul, x'əäl askarja saɣib saq'ün-
ziw wurus giniral aɣuɣiniskəe wəɣibzəubsab, qalta müçle katəiʃeib-

16. tupiwā uɣul, üxhüçəib, ʃar nxubziwsaw askarriçəila.

həʒirasul irganqalla, 75 л.

Рассказы о старине

Рассказ о „Батырях“ (ботатырях). 1. „Батыри“ —
40 молодых людей, охраняющих аул, — находились в верхней
части аула в башне в 6 — 7 этажей. 2. Выходили они только
ночью, а днем спали.

3. К старой женщине, пекущей у очага хлеб, заскочил одна-
жды батырь и протянув руку, взял огонь, прикурить папиросу.

4. — Как похожа (рука) на руку моего сына, — сказала ста-
рая женщина. 5. Сын этой женщины тоже был батырь. 6. На
следующий день матери послали отрезанную руку сына, говоря:
„Вот тебе рука твоего сына“.

7. Они жили 200 — 250 лет тому назад.

Люди „Чинны“. 1. Люди „Чинны“ были позже, примерно
100 лет тому назад. 2. И они охраняли аул. 3. В нижней
части аула у них была башня.

4. — Если спросишь: „Как они устраивались?“, то они уво-
дили к себе силой из аула самого сильного, лучшего юношу.
5. Юноша не смел не примкнуть к ним, ему не позволяли не
присоединиться.

6. С ними никто не мог и ссориться, сила и оружие были у
них. 7. Батыры и люди „Чинны“ не давали нападать на аул
жителям окружающих аулов. 8. Это были сильные юноши, ни-
чего не боявшиеся, заставляющие дрожать перед собой других
людей.

Старые адаты кубачинцев. 1. Если на жителя дру-
того аула оставался долг и если пострадал житель того аула,
задерживали и извещали: „Ваш мужчина или юноша находится
у нас, принесите долг и уведите“. 2. Родня юноши или мужчи-
ны, достав деньги и возвратив долг, освобождала задержанного.
3. Кубачинцы, хотя теперь выезжают так далеко, раньше до-
вольствовались поездками в ближайшие аулы. 5. Женщинам не
позволялось уходить далее местности „ʃälla q'äb“ (в окрестностях
аула Кубачи). 5. Кто уходил дальше, на тех накладывали
штраф — овечий желудок (наполненный мясом и высушенный).

6. Если человека обвиняли в убийстве, то, чтобы доказать
невиновность, 40 родственников и сам обвиняемый должны
были поклясться, что он не убивал. 7. Если 40 родственников
не набиралось, дозволялось поклясться и семерым. 8. При ране-
нии человека — клятва трех-четырех родственников бывала дос-
таточно.

9. Раньше имело силу слово того, у кого было много род-
ственников.

10. За убийство высылали на 3 года в другой аул. 11. Через
3 года, после возвращения, убийца давал родне убитого 300
рублей выкупа.

12. Если ранили человека, ранивший давал раненному
„waɣwaʃarəa“: 3 метра бязи, 80 „kulaxəa“ (мера веса, около 8
фунтов) курдюка — на перевязку раны.

13. Кубачинцы никому не покорялись (не были ничьими ра-
бами). 14. Даже во время Шамиля оставались сами себе хозя-
евами, не присоединившись к нему и сами себя охраняя.

15. — Кубачинцев покорю, — говорящего, явившегося с боль-
шим войском генерала Аргутинского прогнали, положив на

крыши кувшины (для воды). 16. Решив, что это пушки¹ (досл. „Пушки ли, — говоря“), испугавшись, ушел обратно с войском [генерал].

mallasəitəinna (|| mallanasratəinna) xabarte

1. mallasəitəinnicəil x^əajbaʔiblisab suq, — u čum dus uxublidi nu bukul.

2. — aʔwçal dus uxublida, uqubisaw.

3. wiç dus hitəe hibāja x^əajwaʔiblisaw mallasəitəin, — čum dus uxublidi nu bukul.

4. — aʔwçal dus uxublida, — uqul žubab bāqiblisaw hibāja.

5. — jaʔarib mallasəitəin, uku wiç dustalja aʔwçal dus uxublida ukatəe, kənaja nāle ukutqannu, il si ʔajnu — buqubisab.

6. — adamilla ʔaj sa biḫwaj — uqubisaw mallasəitəin.

Рассказы о Мулла-Насреддине

1. У Мулла-Насреддина спросили, сколько ему лет.

2. — Сорок лет, — ответил Мулла-Насреддин.

3. Десять лет спустя вновь спросили у Мулла-Насреддина, сколько ему лет.

4. — Сорок лет, — вновь ответил Мулла-Насреддин.

5. — Эй, Мулла-Насреддин, ты ведь и десять лет тому назад говорил, что тебе сорок лет и теперь то же самое говоришь, как же это так? — сказали они.

6. — Человек не изменяет своему слову, — ответил Мулла-Насреддин.

mallasəitəinna qarpe

1. mallasəitəinna tiblibužiblsab aʔw gal. 2. — guladdij qarpe dāqaqila uqul, beqəib sa kəulija sawja widagūlsaw qarpanna ustašəu.

3. — kə sa kəulilla aʔw qara ažikəwāwā — uqul, x^əajbaʔiblisaw ustacəil mallasəitəinnidil.

5. — x^u dikəaxəatja ažilalsad — uqubisaw usta.

5. ʔāmā uxub, — ulkəad, ek ažikəawāwā, — uqubisaw.

6. — wē dikəaxəatja ažilalsad — uqubisaw usta.

7. — dāqa, — uqul, bičəibisaw ustacəe kəule mallasəitəinnidil.

8. dāqibisaw ustadil sa kəulicəil wē qara. 9. qarpe wijsaqəif.

¹ Кубачинские медные кувшины, положенные плавшмя, издали могут напоминать жерла орудий.

wāq^uinnisaw ustašəu mallasəitəin. 10. dičəiblisaw ustadil dūxun ʔurəigala hašud wē qara.

11. — si sannu jihtəe, xərə dīxwajij dila guladdij, — uqubisaw mallasəitəin.

12. — sa kəulicəil hē sižud dikəuldin — uqul, wēčibisaw mallasəitəin nstadil.

həaže-əumar izabakarow, 23 г.

Шапки Мулла-Насреддина

1. У Мулла-Насреддина было четыре сына.

2. — Сыновьям шапки сошью, — сказал он и, понеся шкурку, пошел к шапошнику.

3. — Из этой шкурки не выйдет ли четыре шапки? — спросил Мулла-Насреддин у шапочника.

4. — Если хочешь, и пять выйдет, — ответил мастер.

5. Соблазнившись, Мулла-Насреддин спросил: — Не выйдет ли шесть шапок?

6. — Если хочешь, и семь выйдет, — ответил мастер.

7. — Сделай, — сказал Мулла-Насреддин и отдал мастеру шкурку.

8. Мастер спил из одной шкурки семь шапок.

9. Пошел Мулла-Насреддин к мастеру за шапками.

10. Дал мастер семь шапок величиной с наперсток.

11. — Что это такое, разве годятся эти шапки моим сыновьям? — сказал Мулла-Насреддин.

12. — А какие же шапки ты хочешь из одной шкурки, — ответил мастер и прогнал Мулла-Насреддина.

mallasəitəinbāle dənilla wašak

1. suq mallasəitəinnidil dənlicəil wašak bišsabalčunnisaw.

2. wəbāʔwe duxubžila wijbeqəiblisaw sāl biqazib wašakja bən-kabicəul.

3. dēne ūkuqunnisaw, — jej kwiʔibil se wašaknu, — uqul.

4. — wallah ila wašaklidil dūhəu bəqaj, — uqubisaw mallasəitəin.

5. cəiq^učəwxub, kwijsatəalčunnisaw kwiʔijal wašak mallasəitəinnicəil dənildil.

6. hibāja bišsabalčunnisaw mallasəitəinnidil dənilla xəwala wašak.

7. — hibāja dūhəu bāqilalsab dila wašaklidil, — uqul cəyq'le bišbičəbisaw dənildil mallarasəitəinnicəe wašak. 8. sa bac hitəe dēne widagūlsaw malarasəitəinnišəu, — silij dila wašak wijsaqəu-lādin uqul.

9. — wallah ila wašak bibče, — uqubisaw mallarasəitəin.

10. — wašak bučkajij, — uqul ukuqunnisaw dēne.

11. — wašaklidil dūhəu bāqij biwxəxəan, bibčij diqəl bičəxwajij, — uqubisaw mallarasəitəin.

12. wašak akəwāl čaruxij čibūqəubisab dəniliij.

Мулла-Насреддин и котел соседа

1. Однажды Мулла-Насреддин одолжил у соседа котел. 2. Через три-четыре дня отнес обратно, вложив в него маленький котел.

3. Сосед удивился и спросил: — Это, что за второй котел?

4. — Ей богу, твой котел родил дитя, — ответил Мулла-Насреддин.

5. Обрадовавшись, сосед взял оба котла от Мулла-Насреддина.

6. Вновь одолжил у соседа большой котел Мулла-Насреддин.

7. — Вновь мой котел родит дитя, — сказал сосед и с радостью дал Мулла-Насреддину котел. 8. Спустя месяц сосед пошел за своим котлом, спрашивая: — Почему не возвращаешь мой котел?

9. — Ей-богу, твой котел умер, — сказал Мулла-Насреддин.

10. Удивился сосед. — Разве котел умирает? — спросил он.

11. — Если котел может родить, разве он не может умереть? — ответил Мулла-Насреддин.

12. Без котла пришлось вернуться соседу.

m allanasratəinna q'əina

1. həamhəacəila šilqana katəagūlsaw suq mallarasəitəin. 2. həamhəaja kabatūl šilqana, diqa duqunziw, xabar akəwit həasib bāqibisaw — čutəczib həamhəa čub buxub. 3. bəčib həamhəaja sawja čizə qalta hatəagūlsaw il. 4. Ƴalqamaja kumija dʊsib, šilqanna baj qalta kicəul, pəx kabāqiblisaw həamhəa. 5. jax akəwāl đurkwij bəčib kabčib bəkwətəibisab həamhəa. 6. q'əumbe saq'ūn qarqara bukiij katəizibisad. 7. čijdčib q'əumbija həamhəala kul-tan wənkižibisaw mallarasəitəin. 8. čil q'əumbe saq'ūmmūtil sa q'əina busibisaw ildil. 9. dčəqunžud diqaja maxle čaqib, q'əinaja bəčib hatəagūlsaw qil. 10. kwijkatəišəib diqaja, bišbčib q'əinaja

katəagūlsaw sāl šəilcəe. 11. sadā ucəalla lumuqlil wənij wihul kicəulsaw. 12. tēbidigunnisaw — qilibžub ūdil sižudkal bukeinte diqul, wijdidicəul. 13. čina diqəujil qəaragul bāqiblisaw ildil. 14. hibā bahlał wənwiduqunnisaw mallarasəitəin itəe ūlšəu, — sičabxā bulhəunziw wičəij, — uqul. 15. — wičəe, — buqul katūlsaw il. 16. — hare, se bulhəatil, — buqul lāwibačiblisab uj ilij. 17. Ƴüč bāqibisaw q'əina mallarasəitəinnidil. 18. q'əwā — buqubisab. 19. — sibčajnu? — buqubisab uj. 20. — wallah, tālib aqəžib nisəalla həalūkəucəalla xača tib bučaj, — uqubisaw. 21. il waxtla čisayibziw adamildil — tibij x'əunul? — uqul x'əaj jačiblisaw. 22. — tib, — juqubisaw x'əunul. 23. — tipəuxāle saqəa, — uqubisaw adame. 14. saqəib, bəkunnisab sičallidil həalūkəucəalla xača. 25. — hare, hibā sibčajil q'əina x'əaj bača, — uqubisaw adame mallarasəitəinnicəe. 26. Ƴüč bāqibisaw q'əina. 27. q'əwā, — buqubisab. 28. — nātē tinibzib wuškəab palawla xača tib bučaj, — uqubisaw mallarasəitəin. 29. — tibij x'əunul? — uqubisaw adame. 30. — tib, — juqul bənijsabalčunnisaj x'əunullidil palawla xača.

31. nāltaal hibāja q'əina q'əwā bukiijqul sičal tidžud bukeinte saqəaqib dēndəkunnisab iltəaddil.

32. — ulkəad dammij kwijbisakəwa, — uqul minnat bāqibisaw adamildil. 33. — wallah, Ƴje q'əina əble akəwə bičəij əguzib asab, — uqubisaw mallarasəitəin. 34. — kusaliij bičəij əzilalnu, — uqubisaw adame. 35. — nāxə q'əina wijhabčij mute-əslij bičəila, — uqubisaw malla. 36. dičəibisaw adamildil id uku hašud mute-əs. 37. bičəib q'əinaja, kwijساتəalčun mute-əsja widagūlsaw mallarasəitəin.

38. nā balxəun, xəwalazib qəulluqja biqul kabatūlsaw adamildil il q'əina. 39. suq miq biqumusəa bəčib adamildil — dila sičal-dix bulhəunzib q'əina lib, — uqul bulhəaq'ūnnisaw miqližibžub ūlcəe. 40. — hare sičabuxāja bulhəaq'ā, — buqubisab uj adamilcəe. 41. Ƴüčbāqiblisaw adamildil q'əina. 42. q'əwā, — buqubisab q'əina. 43. — sibčajnu?, — buqubisab uj. 44. mallarasəatəindiqlə — tē čalib həalūkəucəalla xača čib bučaj, — uqubisaw adame, 45. bāq'ūn baxkəubisab, bāčəiblasab.

46. — hare ila q'əina, — uqul sällidil kwijšabalčun Ƴüč bāqiblisaw. 47. bəkwətəibisab q'əina. 48. sčəu akəwāl bidagūlsab xəwalle əs bičəib asəibzib q'əina id adamilla. 49. mallarasəitəinne buxāle dičibžud əslij həamhəa qatəe ūčija bās asəib sawja kižibisaw.

həaže-wumar izabakarow, 23 r.

Ворона Мулла-Насреддина

1. Пошел однажды Мулла-Насреддин с ослом на мельницу. 2. Когда молот пшеницу, неожиданно заметил, что черный осел побелел. 3. Повея осла, пошел он на крышу. 4. Держа за гриву и хвост и встав на край крыши мельницы, он вытряс осла. 5. Неожиданно, выскользнув из рук, упал и лопнул осел. 6. Пришли вороны и начали есть труп. 7. Согнав ворон, сел он в живот осла. 8. Когда вороны пришли вновь, он поймал одну ворону. 9. Положив себе на спину смолотый хлеб и неся ворону, пошел домой. 10. Оставив смолотый хлеб, взяв с собой ворону, пошел в другой аул. 11. Встал он, высматривая из щели одних дверей. 12. Увидел: находившиеся дома люди, приготовив разную еду, откладывали (припрятавали). 13. Он проследил, куда они их несут. 14. Потом потихоньку пошел Мулла-Насреддин к людям, говоря: — Желаете ли человека отгадывающего? — Хотим, — сказали и усадили его.

16. — Ну-ка, что отгадаешь, — сказали и начали слушать люди. 17. Сжал ворону Мулла-Насреддин. 18. Каркнула ворона. 19. — Что она говорит? — спросили люди. 20. — Ей-богу, говорит, что в другой комнате на полке тарелка лепешек с сыром, — сказал он. 21. В это время нагрывший муж спросил жену: — Есть ли? 22. — Есть, — сказала жена. 23. — Если есть, принеси, — сказал муж. 24. Принесли и съели всю тарелку лепешек. 25. — Ну-ка, еще что говорит эта ворона, спроси, — сказал муж Мулла-Насреддину. 26. Сжал ворону. 27. Каркнула ворона. 28. — Вон в там находящемся котле есть тарелка плова, говорит, — сказал Мулла-Насреддин. 29. — Есть ли, жена? — спросил муж. 30. — Есть, — говоря, вынула жена тарелку плова.

31. Так, заставляя каркать вновь ворону, вынудили принести все блюда и съели они.

32. — Неужели он мне не продаст, — говоря, просить стал муж. 32. — Ей-богу, эту ворону только дорого можно отдать, — сказал Мулла-Насреддин. 34. — За сколько можно отдать? — спросил муж. 35. — За такое количество золота и серебра, которое накрыло бы ворону, — сказал Мулла-Насреддин. 36. Дал муж столько, сколько он просил золота и серебра. 37. Отдал ворону, взял золото и серебро и пошел Мулла-Насреддин.

38. Давая корм и ухаживая, посадил муж ворону. 39. Однажды, повея (ворону) на свадьбу, мужчина дал знать людям, находившимся на свадьбе, что у него есть все отгадывающая ворона.

40. — Ну-ка, заставь узнать что-нибудь, — сказали люди мужчине. 41. Сжал ворону мужчина. 42. Каркнула ворона. 43. — Что говорит? — спросил народ. 44. Подобно Мулла-Насреддину, мужчина сказал: — Говорит, что в задней комнате есть тарелка лепешек. 45. Пошли, посмотрели, не нашли.

46. — Ну-ка, дай твою ворону, — сказал один и, взяв из его рук, сжал. 47. Лопнула ворона. 48. Без пользы пошла купленная за большие деньги ворона того человека. 49. Мулла-Насреддин же на доставшиеся деньги вместо осла купил лошадь и стал жить.

* * *

1. mallarasaitinnidil sinna tibzib mas bičib, sa ašrape bāle sa ūče asabisaw. 2. kumilgu ašrapija bišbixun tē aʔibisaw ūčebisij bazarriže. 3. xəwalle bahalij asabisaw il ūče patišahlidil, kumilgub ašrape tēbidigun. 4. bečib dūqe bēnbidaʔibisaw ūče, šinja kateicūl, muqilla čantajja mūlilta tabixun, — čəwallalij ašrapne dāqilalsab, — uqul. 5. čəwalla ašrapne dāqib xidil uqul, wāqʔinne saw patišah dūqe. 6. ucəalta ʔʔčtahičiblij, ucəa tākwdnxublāsad. 7. qalta wāqʔun, axʔa čikabāqib qʔaqʔwēnkīunnisaw dūqe. 8. baxkənbisaw, — ūče bibčib.

9. hēyewiduqunnisaw mallarasaitinnišəu, — ūčij hačəibzib əskwihakəə, — uqul. 10. — kwibikəə, — uqubisaw mallarasaitin xʔəunullicə. 11. — bičəilākəwid, — juqubisaj xʔəunul. 12. həəbaxʔibisab adame-xʔəunul, — kwibikəə, — uqul adame, — bičəilākəwid juqul xʔəunul. 13. xʔəunul jilxwij čikəxəulsaw mallarasaitin. 14. — ulkəad hadəčəitəija, kaškinu, luxmaxat xʔəunul, — uqul minnat bāqibisaw patišahlidil.

15. widešəib čula ūčəib, xʔəunul jilxwin haʔaqij, bəl bičib jut takabəxul uʔiblisaw xʔəunullij, — səurməwle ufbənkabəčille aqhəčəij, mičə juxubzij diqle, — uqul.

16. — bikle jatiləkəwa, — uqul dis tēhabəčibisaw jutlital xʔəunulla qʔəblitabzib. 17. kēčibisaj jibčibzij diqle xʔəunul. 18. patišah həəsij uxub, wəw uqij kižibisaw: — xʔəunul kaxʔwətəin, nā dudil uja kaxʔwila, — uqul. 19. — dudil kaxʔwille, mičəjəqijja wixud, — uqul səurməwle ufbənkabəčibisaw.

20. xəarç jicəul, aqhēcəul saj x'əunul, miçē juxubzij diqlə, — daqē jusəidqal, — jukul.

21. patišah ūkuqun, — ulkəad səurməw bisakəwa, — uqul mallarasəitəinnicə ha'ibisaw.

22. — hakal wəxle bisijda, — uqul xəwalle bahalij bisibisaw iddil səurməw patišahlj. 23. saqəib səurməwja sawja saʔibisaw patišah qil. 24. duçəilij jilxunnisaw sinna x'əunul, — səurməwle ufbənka'ib miçē jāqila, — uqul.

25. amma kwətəiqa uf-uqulij, x'əunul miçē juxublāsaj.

izdag izabakarowa, 18 л.

1. Мулла-Насреддин, отдав все свое имущество, купил одну золотую монету и лошадь. 2. Привязав под хвост золотую монету, вывел он лошадь продавать на базар. 3. За большую цену купил эту лошадь царь, увидев под хвостом золотую монету. 4. Повел и завел лошадь в конюшню, поставив воду, привязав в морде мешок с ячменем и сказав: — К утру золотые монеты родит. 5. Утром пошел царь в конюшню со словами: „Сделала ли (родила ли) лошадь золотые монеты?“ 6. Надавил двери, но двери не открылись. 7. Пошел на крышу, сделал отверстие и заглянул в конюшню. 8. Посмотрел — лошадь мертва.

9. Побегал к Мулле и сказал: „Верни деньги, отданные за лошадь!“. 10. — Отдай! — сказал Мулла-Насреддин жене. 11. — Не отдам! — сказала жена. 12. Поссорились муж с женой: „Отдай!“ — говорил муж. „Не отдам!“ — говорила жена. 13. Мулла-Насреддин начал резать жену. 14. — Пожалуйста, на зарежь жену, если даже ничего не отдашь, — попросил царь.

15. Сговорившись между собой, чтобы сказали: „Зарезал жену“, оказывается, наполнив кровью кишку, повесил жену, предупредив: „Если дуну в свирель, встань, подобно ожившей“.

16. — Никак не оставлю, — сказал и провел ножом по кишке, находящейся на шее жены. 17. Упала жена, подобно умершей. 18. Царь, испугавшись, начал кричать: — Ты убил жену, теперь я и тебя убью.

19. — Если я убил, то и оживить могу, — сказал Мулла-Насреддин и дунул в свирель. 20. Вскочив, встала жена, как ожившая, говоря: — Долго же я спала.

21. Царь, удивившись, сказал Мулла-Насреддину: — Пожалуйста, продай свирель.

22. — Хорошо, продам, — сказал и за большую плату продал он свирель царю. 23. Понесся свирель, пошел царь домой.

24. Ночью зарезал свою жену, заявив: „Дунув в свирель, оживлю“. 25. Но сколько ни дул, жена не ожила.

* * *

1. tiwle użibisaw sa mallarasəitəin. 2. illa tille dużiblisad qəūzze. 3. cəx bəqibisaw sa qəwāz ildil, patišahlj pişkiş bəqila uqul, 4. bəqəib qəwāzja widəguhija, kəuş uxub, sa tūj wijbəkun-nisaw malladil qəwāzla. 5. patišahlisəu widəyimūtil, — silij sa tūj wibakəwəzibnu, — uqul x'əaj waʔibisaw patišahlidil mallarasəitəin. 6. — nisəila qəūzzalla sa-sa tūj widžud dīxwaj, — uqubisaw mallarasəitəin. 7. patišah ūk uqun, — hare waş, — uqubisaw, — daxkəwij dūq'illan. 8. — waş, waş, — buqul bidagūlsab kəwjal.

9. gane bużiblinu, bidəyimūtil sa-sa tūjja hachətəusib katəicəul dāçəibisab iltəaddij qəūzze. 10. xəp bəqib həasəa patišahlidil, səurbəqib bən ix'ubisaw qəūzzaddij. 11. həasəa bənəçəib, qəūzze kəwe tūjližid dimdulsad.

12. — nəkix'təiku qəūzze kəwe tūmalla dīxuble, — uqubisaw patišah. 13. — hare itəijja həasəa bənix'waqaba, aʔw tūj wid agul uja wimdilaldinu, — uqubisaw mallarasəitəin. 14. pəçwəşəib wiq'iblisaw patišah, — ulkəad, məkubli uqajwə mallarasəitəin, — nqul. 15. nəlziw masqarçə użibisaw mallarasəitəin.

əabdullah mirqiew, 16 лет.

1. Был один Мулла-Насреддин. 2. У него были гуси. 3. Жирным сделал он одного гуся, говоря, что подарит царю. 4. Когда шел, неся гуся, проголодался Мулла и съел у гуся одну ногу. 5. Когда пришел к царю, царь спросил Мулла-Насреддина: — Почему без одной ноги (гуся)? 6. — У наших гусей бывает по одной ноге, — сказал Мулла-Насреддин. 7. Царь, удивившись, сказал: — Ну-ка, пойдём, посмотрим! 8. — Пойдём, пойдём, — сказали они и пошли оба.

9. Так как была зима, то когда пришли, то нашли гусей, стоящих, поджав по одной ноге. 10. Схватив, кинул царь палку в гусей. 11. Палка попала, и гуси убежали на двух ногах. 12. — Вот же гуси на двух ногах, — сказал царь. 13. — Ну-ка давай и в тебя кину палкой, на четырех ногах очутившись, и ты побежишь, — сказал Мулла-Насреддин. 14. Промолчал царь, говоря: „Неужели правду говорит Мулла-Насреддин?“ 15. Такой шутник был Мулла-Насреддин.

Sa mallasəitəinnidil muqe bax[˘]unsaw bax[˘]wil allahlicəila-
baçib, sabayıbsab muqe. wā ukulsaw allahlicəe, bišišəij waš ukul.
allah kaq[˘]unnāsaw. sindilal išəib taman bāqıbsaw. dikw bāqıbsaw.
açe sinij dāqıbsaw mallasəitəinnidil, x[˘]əaj çihəa allahlıj datul
saw. — xitəe qujje dammij dnžillasad, xitəe çihəa itəij dužilalsad—
ukubisaw.

dikw bēçəul taman buxummūtil qəuqəu çalipannicəila çibutij
kabžıbsab, xəwaləzıb q[˘]əbq[˘]ə māka bāqıbsab. açe duqəul dužıbsad
šinnidil.—sinij diçəibžud çihəalij rāzıj akəwāl, açija sinij duqəul
saw, hara jıhtəija duqəa sikal itəij—ukul, timilže harıb, kətal-
cəila ɣwar dinijkataəqıbsad mullasəitəinnidil.

musa abakorow, 45 л.
аул səulewkent.

Рассказ о Мулла-Насреддине

Один Мулла-Насреддин посеял ячмень в товариществе с
богом. Вырос и созрел ячмень, Звал Мулла-Насреддин бога,
говоря: — Иди вместе жать урожай! Бог не пришел. Сам, 'Мулла-
Насреддин' собрал урожай. Смолотил. Зерно себе поделил, солому
оставил богу. — Вот, верх мне пусть будет, а эту нижнюю солому
тебе, — сказал.

Когда заканчивалась молотба, начался дождь с громом и
молнией, пошел большой ливень. Вода стала уносить зерно.—Не-
довольный доставшейся ему соломой — и зерно себе уносит, на,
это тоже возьми, все тебе! — говоря, разозлившись, Мулла-Нас-
реддин лопатой выгреб 'зерно в поток'.

Говор аула Аштты

dila xabar

lägu waçe dila ɣajligu. atəa dila miskinziw wıxwe. aba, wab
gal qilipeatib, çikwar jāq[˘]ün. miçəil bısu, qu bısu diqalij, əslıj
çula xəwala bayāže, masja kwijhabəxəwıpeısb.

jānij qajida tuplisle dāq[˘]ıda nusəa x[˘]u juldaš, dıqij, əs tala-
pəāqij. dāq[˘]ün kanıurre kəinišknija dēndikəada. bahtabahtal qal
bikəaj nisəij, hidā kəarawatija dikəaj nisəij, būšmija dikəaj,
būšlıže çikateıhəantija dikəaj çubzipəa, jurıantija dikəaj, kūsmija

dikəaj, kəuznija dikəaj. saq[˘]ün inžiner nusəaja çıjbulhəaqaj,
nisəij biquzib waçija baxaqaj. x[˘]uçal sentimetri tawle, wūçum-
çalla cəuqle žuzaj habitij, tilipunna turbūme dēnkadišəij, dıku
çūyalla turbaja bēnkabišəij. hibā dıqad nusəa waçil.

wıçnux[˘]wā baj taman duxādil, əs bilçəin nisəij, bāqıbzib
waçilla kwasıb azipəillaj. nəlitəe dıqul wəpəac dugad nusəa tup-
lislid. tuplislıj hidā šəa kaq[˘]ıd nusəa. sa juldaš hikəniw uže, nu-
səad wiwwatad, wiškadəkad nusəateil. iç wıqu çıwal ikəniw. du
waçe bāqıb wijsaq[˘]ıd. hibā kəalxnzicəiw wıqulda saıybžıla. wab
dāš qəijinna baj dāqad. nisəila kəalxuz dawlaçıpeuxıpeı.

bəgwala sabuqunne duuā gwanal sab, qəūgujle asab, çıjkata-
ayıpəe, bəgwala çıb. are bayıpəe. wıjhicəij. dil xabar ha'ad.

qurban həażiew, 50 л.
аул ašti.

Мой рассказ

Послушай мой рассказ! Отец мой был бедным. Мать, оставив
дома троих детей, вышла замуж. Продавая то сенокосный учас-
ток, то поле за хлеб и деньги, пока не выросли, окончилось
и имущество.

Отсюда, в направлении вверх, поехали мы пять товарищей,
в Тбилиси на заработки. Пошли в контору и отдали свои книжки
(паспорта). Постепенно дали нам комнату, потом дали нам и
кровати, и постели, и белое постельное белье, и одеяла, дали
кирки и заступы. Пришел инженер, и показал место, показал
нам (научил нас) и делаемую работу: 50 см. шириною, 90 см.
глубиною выкопать канаву для телефонного кабеля и освети-
тельного кабеля (досл.: чтобы положить телефонные трубы и
трубы для зажигаемых фонарей). Потом мы работали.

Когда проходило 15 дней, давали нам деньги, сколько полу-
чалось за сделанную работу. Так, работая, три месяца оставались
мы в Тбилиси. Из Тбилиси потом мы приехали домой. Один
товарищ там остался, мы оставили его, с собою мы не взяли.
Он еще находится там, работая. Я, поработав, вернулся. После
возвращения, работаю в колхозе. Выработал 300 трудодней.
Наш колхоз богатый.

Солнце взошло, погода хорошая, не пасмурная, солнечная.
Наступил полдень. Вставай! Я рассказ рассказал.

Аштинский говор

1. *du šəatəir wəq'ūnheli, dam biç tabaq'ib.* 2. *ūx uxib biçlitaj, x'ūbagu wijwigad.* 3. *biç bidažibmā, waçəci wāq'īd.* 4. *waçəciid ūsul kadičəad sa ūkālīj hašud.* 5. *gal ūkālciil saq'ūn, baqib ūkāja sateagada.* 6. *darxəižila qil satəayada (|| satəayad).* 7. *x'əunulli darxəilla həadur daqipeidi.* 8. *dukja dukun, niķilla ūtəixja baqib nuseaja səəwat wiçližid kwijkadisəid (|| kwijkadisəida).* 9. *dučəi mužə takabici dučəi du biçli usib.* 10. *ūx uxib čiwahundi.* 11. *hibā šəala dikūži useij uxāxad.* 12. *hilabil baj dam tabaq'ibzib biç wajurq'adil kax'upeidi.*

Кубачинский говор (тот же текст)

1. *du šəatəe wāq'ūmmūtil, dam biç tabaq'ē.* 2. *ūx hūčəib biçlital, šūmaggu wijwigad.* 3. *biç bidagummāle, ducəana wāq'īd.* 4. *dicəanad ūsul kateičəad sa ūkālīj hašud.* 5. *gal ūkālciila saq'ūn, baqib ūkāja sateəižidā.* 6. *darx'əē qil satəayadā.* 7. *x'əunulle darx'əilla həadur daqibide.* 8. *dukja dukun, niķalla ūddixja baqib nuseaja səahəat wiçle kwijkateisəidā.* 9. *dučəilij mužijtasabicij, dučəe du biçle usib.* 10. *ūx hūčəib čisalhuunide.* 11. *hibā šəala dikāže useij uxāxad.* 12. *həyibil bē dam tabaq'ibzib biç wajriq'ādil kax'ubide.*

Русский перевод

1. Когда я пошел гулять, мне встретился волк. 2. Испугавшись волка, я спрятался под скалу. 3. Как только ушел волк, пошел я в лес. 4. В лесу нарезал дрова на одну арбу. 5. Сын приехал с арбой; нагрузив арбу, поехали. 6. Вечером прибыли домой. 7. Жена приготовила уже еду. 8. И поесть поев и немного отдохнув, мы часов в десять легли спать. 9. Ночью приснился сон, что меня укусил волк. 10. Испугавшись, проснулся. 11. Потом до рассвета не смог уснуть. 12. На следующий день мне встретившийся волк был убит охотником (убил охотник).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора (на русск. и груз. яз.)	V—VIII
---	--------

I. ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Общие сведения о кубачинцах	1
§ 2. Обзор исторической литературы о кубачинцах и их языке	3
§§ 3—10. Обзор лингвистической литературы	14

II. ФОНЕТИКА

а) Система гласных

§ 11. Гласные звуки	37
§ 12. Долгие гласные	37
§ 13. Исходный гласный имен существительных. Гласный е в основе слова	39
§ 14. Безударный и подударный е в заимствованных словах	39
§ 15. Дифтонги	40

б) Система согласных

§ 16. Характеристика системы согласных. Геминаты в кубачинском и их соответствия в других даргинских диалектах	40
§ 17. Возможность образования геминат	43
§ 18. Звонкие аффрикаты <i>ʒ</i> и <i>ʒ</i> и их соответствия в кубачинском	44
§ 19. Абрунтив (')	45
§ 20. Абрунтив р	45
§§ 21—22. Классификация согласных по месту и способу образования	46
§ 23. Фарингализованные звуки	47
§§ 24—25. Лабиализованные звуки	50

Фонетические процессы

§ 26. Ассимиляция	52
§ 27. Диссимиляция	54
§ 28. Палатализация заднеязычных перед гласными переднего ряда	54
§ 29. Ослабление и утрата звука г	55

§ 30. Утрата слога li (→ ni)	57
§ 31. Фонетические изменения в глаголах при присоединении направительных превербов	57
§ 32. Перестановка согласных	58
§ 33. Стечение согласных	58
§ 34. Изменение исходных спирантов z, ž в суффиксах прилагательных	59
§ 35. Оглушение исходного d	59
§ 36. Звуковые соответствия	59
§ 37. Ударение	63

III. МОРФОЛОГИЯ

Грамматические классы

§ 38. Категория грамматических классов в кубачинском сравнительно с категорией грам. классов в других даргинских диалектах и родственных языках. Таблицы классовых показателей	66
§ 39. Особенности системы грам. классов в мегебском говоре	70
§ 40. Следы IV грам. класса. Окаменелые классные показатели	71
§ 41. Грам. классы в субстантивах. Случаи сохранения в именах существительных изменяющихся классных показателей	74
§ 42. Грам. классы в прилагательных и причастиях	75
§ 43. Грам. классы в глаголах	76
§ 44. Следы грам. классов в числительных	77
§ 45. Экспоненты грам. классов в кубачинском	78

а) ИМЯ

Имя существительное

§ 46. Число	80
§ 47. Склонение имен существительных в кубачинском	93
§ 48. Склонение имен существительных в даргинских диалектах	98
§ 49. Функции падежей	106
§§ 50—52. О совместном, орудийном и предметном падежах в даргинском языке	109
§ 53. Формы, образующиеся от направительного падежа посредством суффикса -mat	113
§ 54. О „падежах“ равняющем, уподобляющем, тождественном и уступающем	114
§ 55. Местные падежи	114
§ 56. Формы направления, образуемые посредством суффикса -bā	123
§ 57. Словообразование имен существительных. Композиты	124

Имя прилагательное

§ 58. Образование имен прилагательных. Склонение их	131
§ 59. Имя прилагательное, образованное от локативного падежа	132

Имя числительное

§ 60. Количественные числительные. Образование сложных числительных. Склонение числительных. Собирательные, порядковые, распределительные, кратные, дробные числительные	134
--	-----

Местоимение

§ 61. Личные местоимения. Склонение их	139
§ 62. Указательные местоимения	143
§ 63. Возвратные местоимения	144
§ 64. Вопросительные местоимения	145
§ 65. Об относительных местоимениях	147
§ 66. Отрицательные местоимения	148

б) ГЛАГОЛ

§ 67. Общая характеристика даргинского глагола. Субъектное спряжение. Объектно-субъектное спряжение	150
§ 68. Особенности согласования глагола	154
§ 69. Зачатки морфологической дифференциации кубачинского глагола в отношении залога	155
§ 70. Строй глагола	157
§ 71. Аспект (вид) глагола	158
§ 72 ¹ . Сложно-составные глаголы	170
§ 72 ² . Превербы. Направительные превербы	175
§ 73. Пространственные превербы	179
§ 74. Инфинитив	183
§ 75. Отглагольное имя действия (масдар)	184
§ 76. Спряжение глагола. Типы спряжений	185
§ 77. Временные формы глагола. Спряжение вспомогательного глагола. Личные окончания и личные местоимения	186
§ 78. Образование временных форм глагола и их спряжение (настоящее конкретное время, настоящее общее, прошедшее несовершенное определенное, прошедшее совершенное, прошедшее несовершенное, прошедшее результативное, преждепрошедшее, будущее время, неопределенное будущее, неопределенное прошедшее). Схема образования аналитических форм глагола	189
§ 79. Формы, выражающие обычность совершаемого действия	200
§ 80. Наклонение. Повелительное наклонение	201

§ 81. Желательное наклонение	204
§ 82. Условное наклонение	205
§ 83. Органические формы условного наклонения	207
§ 84. Сослагательное наклонение	211
§ 85. Модальные формы	212
§ 86. Формы, выражающие возможность	212
§ 87. Формы, выражающие долженствование	212
§ 88. Формы, выражающие вероятность совершения действия	213
§ 89. Каузатив	213
§ 90. Деепричастие	217
§ 91. Причастие	220
§ 92. Отрицательные формы	224
§ 93. Отрицательные формы глаголов с превербами	230
§ 94. Запретительные формы	233
§ 95. Вопросительные формы	236
§ 96. Отрицательно-вопросительные формы	238
§ 97. Обстоятельственные обороты	238
§ 98. Временные обстоятельственные обороты	239
§ 99. Уступительные формы	243

в) НАРЕЧИЕ, СОЮЗ, ЧАСТИЦА, МЕЖДОМЕТИЕ

§ 100. Общая характеристика наречия. Наречия образа действия	244
§ 101. Наречия-последологи	245
§ 102. Наречия времени; наречия меры и степени; наречия причины и цели	249
§ 103. Местоименные наречия	250
§ 104. Союзы и тенденция развития подчинительной связи в кубачинском	251
§ 105. Частицы	254
§ 106. Междометия	259

IV. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

§ 107. Синтаксическая связь имени с именами; синтаксическая связь глагола с именами; порядок слов	261
§ 108. Передача сложноподчиненных предложений	263

V. ПАРАДИГМЫ

Парадигмы склонения

Парадигмы склонения имен существительных	265
Схема падежных окончаний	268

Парадигмы спряжения глагола

Субъектное спряжение непереходного глагола	270
Таблица показателей субъекта в непереходном глаголе	273
Объектно-субъектное спряжение переходного глагола	274
Таблица показателей объекта и субъекта в переходном глаголе	283

VI. ТЕКСТЫ

а) На собственно кубачинском говоре

Пословицы и поговорки	285
Беседа между двумя мастерами	288
Детские песни	291
Колыбельные песни	293
Песня, распеваемая на качелях	295
Лирические песни	296
Рассказы	303
Анекдоты	322
Рассказы о старине	323
Рассказы о Мулла-Насреддине	326

б) На сулевкентском и аштинском говорах

Текст на сулевкентском говоре	334
Текст на аштинском говоре	334
Текст на аштинском и кубачинском говорах	336

МОНОГРАФИИ И СБОРНИКИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ПО ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИМ ЯЗЫКАМ¹

(В хронологической последовательности)

А. МОНОГРАФИИ

1. ულენტი ბ. გურული კილო (გამოკვლევა, ტექსტები, ლექსიკონი), 1936, 279 გვ.

Жгенти С. Гурийский говор грузинского языка (Исследование, тексты, словарь), 1936, 279 стр.

2. ჩიქობავა აბ. ჭანურის გრამატიკული ანალიზი (ტექსტებითურთ). 1936, XIX+249+152 გვ. (რეზიუმე რუს. და ფრანგ. ენებზე).

Чикобава А. С. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта (с текстами). 1936, XIX+249+152 стр. (Резюме на русск. и франц. языках).

3. ფონეტიკური ლიტერატურის ანტირეზიუმული ბიბლიოგრაფია. I. ქართველური ენები. პროფ. გ. ახვლედიანის რედაქციით, 1937, 80 გვ. (ტექსტი პარალ. ქართ. და რუს. ენებზე).

Аннотированная библиография фонетической литературы. I. Каргвельские языки. Под редакцией проф. Г. С. Ахвледiani. 1937, 80 стр. (Текст парал. на груз. и русск. языках).

4. ხუბუა მ. მეგრული ტექსტები. 1937, XXIV+362 გვ.

Хубуа М. Мегрельские тексты. 1937, XXIV+362 стр.

5. ჯავახიშვილი ივ. ქართული და კავკასიური ენების თავდაპირველი ბუნება და ნათესაობა. 1937, XIX+754 გვ.

Джавахишвили И. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. 1937, XIX+754 стр.

¹ Институт языкознания был организован в 1941 году, после основания Академии наук Грузинской ССР, в результате разделения Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра (ИЯИМК, организован в 1936 году) на два института — Институт истории и Институт языка. До 1950 года Институт именовался „Институтом языка им. акад. Н. Я. Марра“, а после 1950 года носит название „Институт языкознания“.

6. **ქართველურ ენათა ლექსიკა**. I. გ. შარაშიძე, გურული ლექსიკონი. — ბ. ვ. წერეთელი, ხემოიზღვრული ლექსიკონი. — მ. ალავიძე, ლეჩხუმური ლექსიკონი. პროფ. ვუკ. ბერიძის რედაქციით, 1938, X+165 გვ.

Лексика картвельских языков. I. Г. Шарашидзе, Словарь гурийского наречия. — Б. В. Церетели, Словарь верхнеимерского наречия. — М. Алавиძე, Словарь лечхумского наречия. Под редакцией проф. В. М. Беридзе. 1938, X+165 стр.

7. **ჩიქობავა არბ**. ჰანურ-მეგრულ-ქართული შედარებითი ლექსიკონი. 1938, XIX+509 გვ. (რეზიუმე რუს. და ფრანგ. ენებზე).

Чикобава А. С. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. 1938, XIX+509 стр. (Резюме на русск. и франц. языках).

8. **ულენტი ს.** ჰანური ტექსტები (არქაბული კოლოკაი). 1938, XXVIII+219 გვ.

Жгенти С. М. Чанские (лазские) тексты (архавский говор). 1938, XXVIII+219 стр.

9. **ხვანური პროზული ტექსტები**. I. ბალსხემოური კილო. ტექსტები შეკრიბეს ა. შანიძემ და ვ. თოფურიაშ. 1939, XXII+490 გვ. (მასალები ქართველურ ენათა შესწავლისათვის. I).

Сванские прозаические тексты: I. Верхнебалъское наречие. Тексты собрали А. Шанидзе и В. Топуриа. 1939, XXII+490 стр. (Материалы для изучения картвельских языков. I).

10. **ხვანური პოეზია**. I. სიმღერები შეკრიბეს და ქართულად თარგმნეს ა. შანიძემ, ვ. თოფურიაშ და ვ. გუჯეჯიანიშა. 1939, XVII+434 გვ. (მასალები ქართველურ ენათა შესწავლისათვის. II).

Сванская поэзия. I. Песни собрали и перевели на грузинский язык А. Шанидзе, В. Топуриа и М. Гуджеджиани. 1939, XVII+434 стр. (Материалы для изучения картвельских языков. II).

11. **ყოფშიძე ი.** ჰანური ტექსტები (არბ. ჩიქობავას შესავალი წერილით: „პროფ. ი. ყიფშიძე და ჰანურის მეცნიერული შესწავლა“). 1939, XLII+94 გვ. (გარდაცვალების შემდგომი გამოცემა).

Кипшидзе И. Чанские (лазские) тексты (С вводной статьей А. С. Чикобава: „Проф. И. Кипшидзе и научное изучение чанского диалекта“). 1939, XLII+94 стр. (Посмертное издание).

12. **ფონეტიკური ლიტერატურის ანოტირებული ბიბლიოგრაფია**. II. კავკასიური ენები. პროფ. გ. ახვლედიანის რედაქციით. 1940, 141 გვ. (ტექსტი პარალ. ქართ. და რუს. ენებზე).

Аннотированная библиография фонетической литературы. II. Кавказские языки. Под редакцией проф. Г. С. Ахвеледиани. 1940, 241 стр. (Текст парал. на груз. и русск. языках).

13. **ჩიქობავა არბ**. სახელის ფუძის უძველესი აგებულება ქართველურ ენებში. 1942, XXXVI+344 გვ. (რეზიუმე რუს. და ინგლ. ენებზე).

Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. 1942, XXXVI+344 стр. (Резюме на русск. и англ. языках).

14. **მენტეშაშვილი სტ.** ქიზიყური ლექსიკონი. 1943, VIII+304 გვ. (ქართველურ ენათა ლექსიკა. II).

Ментешавили С. Б. Словарь кизикского диалекта. 1943, VIII+304 стр. (Лексика картвельских языков. II).

15. **ლომათიძე ქ.** აფხაზური ენის ტაფანური დიალექტი (ტექსტებითურთ). 1944, XX+236+146 გვ. ლითოგრ. გამოცემა (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Ломтатидзе К. В. Тапантиский диалект абхазского языка (с текстами). 1944, XX+236+146 стр. Литограф. изд. (Резюме на русск. яз.).

16. **ჩიქობავა არბ**. ერგატიული კონსტრუქციის პრობლემა იბერიულ-კავკასიურ ენებში. I. ნომინატიური და ერგატიული კონსტრუქციის ისტორიული ურთიერთობა ძველი ქართული სალიტერატურო ენის მონაცემების მიხედვით. 1948, VIII+148 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского языка. 1948, VIII+148 стр. (Резюме на русск. яз.).

17. **ულენტი ს.** სვანური ენის ფონეტიკის ძირითადი საკითხები (ექსპერიმენტული გამოკვლევა). 1949, VII+224 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Жгенти С. М. Основные вопросы фонетики сванского языка (Экспериментальное исследование). 1949, VII+244 стр. (Резюме на русск. яз.).

18. **ლომათიძე ქ.** აშხარული დიალექტი და მისი ადგილი სხვა აფხაზურ-აბაზურ დიალექტთა შორის (ტექსტებითურთ). 1954, VII+350 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов (с текстами). 1954, VII+350 стр. (Резюме на русск. яз.).

19. **ჯავთარაძე ივ.** ზმნის ძირითადი კატეგორიების ისტორიისათვის ძველ ქართულში. 1954, XV+356 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Кавтарадзе И. И. К истории основных грамматических категорий глагола в древнегрузинском языке. 1954, XV+356 стр. (Резюме на русск. яз.).

20. **მამათა ხვაკლანი** (X და XI საუკუნეთა ხელნაწერების მიხედვით). გამოსცა ილ. აბულაძემ, ა. შანიძის რედაქციით. 1955, XXII+321 გვ. (ძველი ქართული ენის ძეგლები. 8).

Поучения отцов (По рукописям X и XI веков). Издал И. Абуладзе, под редакцией А. Шанидзе. 1955, XXII+321 стр. (Памятники древнегрузинского языка. 8).

21. **მარტიროსოვი არ., იმნაიშვილი გრ.** ქართული ენის კახური დიალექტი (გამოკვლევა და ტექსტები ლექსიკონითურთ). 1956, VIII+146+193 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Мартirosов А. Г., Имнаишвили Г. М. Кахетинский диалект грузинского языка (Исследование и тексты со словарем). 1955, VIII+147+193 стр. (Резюме на русск. яз.).

22. **Рогова Г. В.** К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адгских (черкесских) языках. 1956, X+154 стр.

23. **ხვანური პროზული ტექსტები**. II. ბალსქვემოური კილო. ტექსტები შეკრიბეს ა. დავითაშვილმა, ვ. თოფურიაშ და მ. ქალდანმა. 1957, XIV+362 გვ.

Сванские прозаические тексты. II. Нижнебалъское наречие. Тексты собрали А. Давитиани, М. Калдани, В. Топуриа. 1957. XIV+362 стр.

24. გამურელიძე თ. სიბილანტთა შესატყვისობანი და ქართველურ ენათა უძველესი სტრუქტურის ზოგი საკითხი. 1959, 88 გვ.

Гамкрелидзе Т. В. Сибилантные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. 1959, 88 стр.

25. თოფურია გ. ლეზგიური ხმის ძირითადი მორფოლოგიური კატეგორიები კიურიული და ახტის დიალექტების მონაცემთა მიხედვით. 1959, 136 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Топуриа Г. В. Основные морфологические категории лезгинского глагола (по данным кюринского и ахтынского диалектов). 1959, 136 стр. (Резюме на русск. яз.).

26. ჯანაშია ხ. წრონები, ტ. III. 1959, VI+370 გვ. [გამოკვლევები იბერიულ-კავკასიურ ენათა შესახებ].

Джанашиа С. Н. Труды, т. III, 1959, VI+370 стр. [Работы по иберийско-кавказским языкам].

27. აბესაძე ნ. გრამატიკის საკითხები XIX საუკუნის ქართულ პერიოდულ გამოცემებში. 1960, 106 გვ.

Абесадзе Н. Н. Вопросы [грузинской] грамматики в грузинских периодических изданиях XIX века. 1960, 106 стр.

28. ძიძიშვილი მ. ფონეტიკური პროცესები ძველ ქართულში. 1960, 163 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Дзидзишвили М. П. Фонетические процессы в древнегрузинском языке. 1960, 163 стр. (Резюме на русск. яз.).

29. ჭინჭარაული ალ. ხეცსურული თავისებურებანი (ტექსტებითა და ინდექსით). 1960, XII+486 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Чинчараули А. Л. Особенности хевсурского диалекта грузинского языка (с текстами и индексом). 1960, XII+486 стр. (Резюме на русск. яз.).

30. თაყაიშვილი ა. ქართული ფრაზეოლოგიის საკითხები. 1961, 154 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Такайшвили А. А. Вопросы грузинской фразеологии. 1961, 154 стр. (Резюме на русск. яз.).

31. კელენჯერიძე მ. რუსულ-ქართული ხელნაწერი ლექსიკონები XVIII—XIX საუკუნეებისა. 1961, 91 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Келенджеридзе М. А. Русско-грузинские рукописные словари XVIII—XIX веков. 1961, 91 стр. (Резюме на русск. яз.).

32. ჩიქობავა არნ. ერატიული კონსტრუქციის პრობლემა იბერიულ-კავკასიურ ენებში. II. ერატიული კონსტრუქციის რაობის თეორიები. 1961, VIII+170 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. II. Теории сущности эргативной конструкции. 1961, VII+170 стр. (Резюме на русск. яз.).

33. როჯავა გ. ქართველურ ენათა ისტორიული ფონეტიკის საკითხები. I. ხმოვანთა ისტორიის ზოგი საკითხი ქართველურ ენებში. 1962, 149 გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Рогавა Г. В. Вопросы исторической фонетики картвельских языков. I. Некоторые вопросы истории гласных в картвельских языках. 1962, 149 стр. (Резюме на русск. яз.).

34. ტ. ვულავა, ბოთლიხური ენა (გრამატიკული ანალიზი, ტექსტები, ლექსიკონი). 1963, 264+X გვ. (რეზიუმე რუს. ენაზე).

Гулава Т. Е. Ботлихский язык (Грамматический анализ, тексты, словарь), 1963, 264+X стр. (Резюме на русск. яз.).

35. იმნაიშვილი დ. ს. დიდოისკი ენა სიყვარულითა და გინუხისკი ენა ხვარშიისკი ენაჲთა, 1963, 321 სტრ.

В. ჰართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი (8-ტომიანი). პროფ. არნ. ჩიქობავას სამართო რედაქციით

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА (8-ТОМНИК). ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. А. С. ЧИКОБАВА

ტ. I (ა—ბ), 1950 (ტომის რედაქტორი — პროფ. არნ. ჩიქობავა).

Т. I (a—b), 1950 (Редактор тома — проф. А. Чикобава).

ტ. II (გ), 1951 (ტომის რედაქტორი — პროფ. გ. წერეთელი).

Т. II (г), 1951 (Редактор тома — проф. Г. Церетели).

ტ. III (დ—ე), 1953 (ტომის რედაქტორი — პროფ. ვ. თოფურია).

Т. III (d—e), 1953 (Редактор тома — проф. В. Топуриа).

ტ. IV (ვ, ზ, თ, ი, კ, ლ), 1955 (ტომის რედაქტორები — პროფ. არნ. ჩიქობავა, უფრ. მეცნ. თანამშრ. მიხ. ჭაბაშვილი).

Т. IV (v, z, t, i, k, l), 1955 (Редакторы тома — проф. А. Чикобава, старш. научн. сотруд, М. Чабашвили).

ტ. V (მ—ნ), 1958 (ტომის რედაქტორები — დოც. სიმ. ვაჩნაძე, უფრ. მეცნ. თანამშრ. ოტ. კახაძე).

Т. V (m—n), 1958 (Редакторы тома — доц. С. Вацнадзе, старш. научн. сотруд, О. Кахадзе).

ტ. VI (ო, პ, ჟ, რ, ს, ტ, უ), 1960 (ტომის რედაქტორები — პროფ. თ. შარაძე-ნიძე, ფილოლოგ. მეცნ. კანდ. მ. მესხიშვილი).

Т. VI (o, p, ž, r, s, t, u), 1960 (Редакторы тома — проф. Т. Шарадзе-нидзе, канд. филолог. наук М. Месхишвили).

ტ. VII (ფ, ქ, ღ, ყ, შ), 1962 (ტომის რედაქტორები — პროფ. ქ. ლომთათიძე, დოც. სტ. მენფეშაშვილი, უფრ. მეცნ. თანამშრ. პ. გაჩეჩილაძე).

Т. VII (p, k, γ, q, š), 1962 (Редакторы тома — проф. К. Ломтатидзе, доц. С. Ментешашвили, старш. научн. сотруд, П. Гачечиладзе).

С. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

აკად. ნ. მარის სახ. ენის, ისტორიისა და მატერიალური კულტურის ინსტიტუტის მოამბე (= ენიკის-ს მოამბე) ¹:

Известия Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра (Известия ИЯИМК) ¹:

¹ Сюда вошли только те тома, в которых имеется языковедческий материал. В томах VII (1940), VIII (1940), IX (1940), XI (1941) и XIII (1943) работ по языкознанию нет.

- ტ. I (1937), XI+316 გვ.
 ტ. II: ნაკვ. 1 (1937), VI+178 გვ.;
 ნაკვ. 2 (1938), გვ. 179+271;
 ნაკვ. 3 (1937), გვ. 272+400.
 ტ. III (1938), XII+386 გვ. (მიძღვნი-
 ლია „ვეფხისტყაოსნის“ 750
 წლისთავისადმი).
 ტ. IV: ნაკვ. 1 (1938), VI+72 გვ.; ნაკვ.
 2 (1938), გვ. 73+186; ნაკვ. 3
 (1939), გვ. 187+387.
 ტ. V+VI (1940), X+750 გვ. (აკად.
 ივ. ჯავახიშვილის სამეცნიერო
 მოღვაწეობის 40 წლისთავზე).
 ტ. X (1941), XI+426 გვ. (გძღვნიება სა-
 ქართველოში საბჭოთა ხელისუფ-
 ლების დამყარების 20 წლისთავს).
 ტ. XII (1942), XV+301 გვ.
 ტ. XIV (1944), V+398 გვ.

2. იბერიულ-კავკასიური ენათმეცნიერება (=იკე)
 Иберийско-кавказское языковедение (=ИКЯ)

- ტ. I (1946), VIII+404 გვ.
 ტ. II (1948), X+275 გვ.
 ტ. III (1952), IX+536 გვ.
 ტ. IV (1953), VII+382 გვ.
 ტ. V (1953), VII+528 გვ.
 ტ. VI (1954), VII+502 გვ.
 ტ. VII (1955), VII+485 გვ.
 ტ. VIII (1956), VII+531 გვ.
 ტ. IX—X (1958), VII+495 გვ.
 ტ. XI (1959), VII+389 გვ.
 ტ. XII (1960), 447 გვ. (გძღვნიება სა-
 ქართველოს სსრ მეცნიერებათა
 აკადემიის აკადემიკოსს ა. ს. ჩი-
 ქობავას დაბადების 60 წლისა და
 სამეცნიერო და პედაგოგიური
 მოღვაწეობის 35 წლისთავზე).
 ტ. XIII (1962), VII+378 გვ.

3. ქართველურ ენათა სტრუქტურის საკითხები
 Вопросы структуры картвельских языков

- ტ. I (1959), VI+311 გვ.
 ტ. II (1961), 286 გვ. (გძღვნიება საქარ-
 თველოში საბჭოთა ხელისუფლე-
 ბის დამყარების 40 წლისთავს).
 ტ. I (1937), XI+316 სტრ.
 ტ. II: вып. 1 (1937), VI+178 სტრ.;
 Вып. 2 (1938), სტრ. 179+271;
 Вып. 3 (1937), სტრ. 272+400.
 ტ. III (1938), XII+386 სტრ. (Посвя-
 щается 750-летию „Вепхистყაო-
 сანი“).
 ტ. IV: Вып. 1 (1938), VI+72 სტრ.;
 Вып. 2 (1938), სტრ. 73+186;
 Вып. 3 (1939), სტრ. 187+387.
 ტ. V—VI (1940), X+705 სტრ. (Ака-
 демику И. Джавахишвили в
 40-летию научной деятель-
 ности).
 ტ. X (1941), XI+426 სტრ. (Посвя-
 щается 20-летию установления
 Советской власти в Грузии).
 ტ. XII (1942), XV+301 სტრ.
 ტ. XIV (1944), V+398.

- ტ. I (1946), VIII+404 სტრ.
 ტ. II (1948), X+275 სტრ.
 ტ. III (1952), IX+536 სტრ.
 ტ. IV (1953), VII+382 სტრ.
 ტ. V (1953), VII+528 სტრ.
 ტ. VI (1954), VII+502 სტრ.
 ტ. VII (1955), VII+485 სტრ.
 ტ. VIII (1956), VII+531 სტრ.
 ტ. IX—X (1958), VII+495 სტრ.
 ტ. XI (1959), VII+389 სტრ.
 ტ. XII (1960), 447 სტრ. (Посвящается
 академику Академии наук
 Грузинской ССР А. С. Чико-
 бава к 60-летию со дня рож-
 дения и 35-летию научной и
 педагогической деятельности).
 ტ. XIII (1962), VII+378 სტრ.

1. ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი, ტ. VIII (ბ—პ).
 Толковый словарь грузинского языка, т. VIII (б—п).
 2. ქართველურ ენათა სტრუქტურის საკითხები, ტ. III.
 Вопросы структуры картвельских языков, т. III.
 3. იბერიულ-კავკასიური ენათმეცნიერება, ტ. XIV.
 Иберийско-кавказское языковедение, т. XIV.
 4. ანტ. კიზირია, მარტივი წინადადების სახეები და შედგენილობა ძველ ქარ-
 თულში.

А. И. Кизириа, Виды и состав простого предложения в древнегру-
 зинском языке.

5. არ. მარტიროსოვი, ნაცვალსახელი ქართველურ ენებში.

А. Г. Мартиросов, Местоимение в картвельских языках.

6. ილ. ცერცვაძე, ანდიური ენა (გრამატიკული ანალიზი ტექსტებით).

И. И. Церивадзе, Андийский язык (Грамматический анализ с тек-
 стами).

7. Т. Е. Гудава, Консонантизм андийских языков.

8. Э. А. Ломтадзе, Гинухский язык.

БИБЛИОТЕКА
 ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
 ИН-ТА ЯЗЫКОВЕДИЯ АН СССР

Напечатано по постановлению
Ред.-Изд. Совета АН Грузинской ССР

Редактор А. С. Чикобава

Редактор издательства Г. А. Гогнава
Техредактор Г. А. Гогнава
Корректор С. И. Паркосадзе
Художник Г. А. Надирадзе

Сдано в произв. 11.4.1963. Подписано к печати 5.9.1963
Формат бумаги 60×92¹/₂. Формат набора 6×10. Бумажн. л. 11,12.
Печатных л. 22,24. Автор. л. 18,84. Уч. издат. л. 19,62.

Заказ № 511

УЭ 03747

Тираж 1000.

Цена 1 руб. 28 коп.

თბილისის უნივერსიტეტის სტამბა, თბილისი, ი. ჯავახიშვილის პროსპექტი, 1
Типография Тбилисского университета, Тбилиси, проспект И. Чавчавадзе, 1.